

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«Харьковский политехнический институт»

Научно-техническая библиотека

***Сергей Константинович
Шелковый***

(К 65-летию со дня рождения)

Биобиблиографический указатель

Харьков НТУ «ХПИ»
2012

УДК 016:929
ББК 91.28
Ш 44

Национальный технический университет
«Харьковский политехнический институт»
Научно-техническая библиотека

*Составители: Л. П. Семененко, В. И. Кулиш
Научная редакция Л. П. Семененко*

Ш 44 Сергей Константинович Шелковый : к 65-летию со дня рождения : биобиблиогр. указатель / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко, В. И. Кулиш ; науч. ред. Л. П. Семененко. — Харьков : НТУ «ХПИ», 2012. — 424 с.: илл.
ISBN 978-966-372-468-3.

В биобиблиографический указатель включены библиографические записи научных, учебно-методических и литературных публикаций Сергея Константиновича Шелкового — доцента НТУ «ХПИ», члена Национального союза писателей Украины, автора более 20 книг поэзии и прозы, лауреата литературных премий им. Б. Слущкого, Н. Ушакова, Ю. Долгорукого, статьи учёных и литераторов ряда стран о его творчестве и другие материалы о его научной и литературной деятельности.

До біобібліографічного покажчика увійшли бібліографічні записи наукових, навчально-методичних та літературних публікацій Сергія Костянтиновича Шелкового — доцента НТУ «ХПИ», члена Національної спілки письменників України, автора понад 20 книжок поезії та прози, лауреата літературних премій ім. Б. Слущкого, М. Ушакова, Ю. Долгорукого, статті вчених та літераторів низки країн про його творчість та інші матеріали про його наукову та літературну діяльність.

**УДК 016:929
ББК 91.28**

ISBN 978-966-372-468-3

© Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт», 2012

© Л. П. Семененко, В. И. Кулиш 2012

ГАРМОНИЯ ДУШИ И РАЗУМА

(От составителей)

Уважаемый читатель! Перед Вами книга о выдающемся человеке, истинном ученом, талантливом педагоге, прекраснейшем поэте и литераторе Сергее Константиновиче Шелковом. Магией слова он вовлекает своего читателя в мощный поток впечатлений, переживаний и размышлений.

Прочитав его стихи, статьи коллег, собратьев по перу, друзей о юбиляре, вы окунетесь в красоту полифонии богатого мира поэзии. Литература может не только создавать новый мир, превращать обычные вещи в чрезвычайные, но и заставляет нас осознавать действительность. Литературные произведения восстанавливают целостность мировосприятия, дают возможность почувствовать и пережить причастность к мирозданию, ощутить связь мира с социумом. Чем больше люди читают, тем больше в их языке образуется ассоциативных цепочек, метафор и символов.

Художественная литература апеллирует к памяти органов чувств человека, к его интуиции. Она не только формирует вкус к слову, развивает речевую культуру, а еще является мощным фактором эстетического воспитания и самосовершенствования читателя, его мостиком к познанию мира. Приветствуя или осуждая действия героев литературных произведений, каждый из нас учиться принимать решения, формирует свою систему ценностей. Много замечательных горизонтов открывается в жизни человека, когда он становится способным использовать свои знания и опыт. Мыслители и литераторы о таких людях говорили, что они мудрые. Многие ученые черпают знания и мудрость в научных изданиях библиотек, и что немаловажно, они находят время, чтобы приобщиться к лучшим образцам художественной литературы, а некоторым из них

удается подняться на вершины поэтического мастерства. Именно с таким мастером поэтического слова мы и хотим познакомить нашего Читателя.

Издание состоит из разделов хронологии деятельности ученого и писателя, отзывов и воспоминаний друзей, коллег, библиографического указателя опубликованных научных и литературных трудов, материалов о научной и творческой деятельности С. К. Шелкового.

Лучше представить научные взгляды и проблематику научных разработок юбиляра поможет раздел «Научные и учебно-методические публикации», в который включено 45 описаний, среди которых: статьи, тезисы докладов на всесоюзных, региональных и вузовских конференциях, учебно-методические издания.

В раздел «Литературные публикации» (всего 251 запись) вошли библиографические записи, как сборников, так и отдельно опубликованных стихотворений, критических литературных статей, отзывов о творчестве широкого круга поэтов, переводы поэтических произведений других авторов, выполненные С. К. Шелковым, а также произведения С. К. Шелкового в переводах других авторов. Материалы этих двух разделов размещены в хронологическом порядке, а внутри года — по алфавиту в соответствии с правилами библиографического описания.

Отдельным разделом выделены 63 стихотворения С. К. Шелкового, положенные на музыку композиторами А. Коньковым, А. Бородиной, И. Троицкой, И. Шустовым и В. Копычко. Стихотворения сгруппированы по алфавиту фамилий композиторов.

Материалы раздела «Публикации о научной и литературной деятельности С. К. Шелкового» (245 записей), а это: литературно-критические статьи, отзывы собратьев по перу, ученых, филологов и философов и тех, чью душу затронуло творчество Сергея Шелкового; стихи, посвященные ему; упоминания и ссылки на его научные исследования размещены в строго хронологической последовательности выхода публикаций в свет. Это позволит читателю лучше представить себе этапы научного становления и развития поэтического таланта С. К. Шелкового.

Отдельными разделами даны тексты 34 статей о С. Шелковом, выдержки из статей, очерков и писем «В несколько строк», письма литераторов и ученых к С. К. Шелковому и фото из его личного архива. Читатель обратит внимание на именной указатель и географию публикаций юбиляра. Указатель мест изданий научных и литературных публикаций С. К. Шелкового и публикаций о нем включает названия 49 городов из 16 стран мира, расположенных по алфавиту стран, а внутри страны — по алфавиту городов.

Все библиографические описания выполнены в соответствии с: ДСТУ ГОСТ 7.1:2006 Система стандартів з інформації, бібліотечної та видавничої справи. Бібліографічний запис. Бібліографічний опис. Загальні вимоги та правила складання; ДСТУ 4861:2007 Інформація та документація Видання вихідні відомості; ДСТУ 3582–97 Інформація та документація. Скорочення слів в українській мові в бібліографічному описі. Загальні вимоги та правила; ГОСТ 7.12–93 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила; ГОСТ 7.76–96 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Комплектование фонда документов. Библиографирование. Каталогизация. Термины и определения; ГОСТ 7.9–95 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Реферат и аннотация. Общие требования. (ИСО 214–76) Межгосударственный стандарт.

Составители допускают существование каких-либо отдельных упоминаний и даже статей о научной деятельности и творчестве Сергея Шелкового, которые на момент составления библиографического указателя не были обнаружены и просмотрены, поэтому и не вошли в указатель. Многие упоминания о творчестве С. К. Шелкового в зарубежных изданиях остались за рамками этого указателя из-за сложности сверки описания с оригиналом публикации. Мы надеемся, что внимательный читатель, обнаружив такой пропуск, поможет нам восполнить недостающие записи.

Уважаемые читатели, воспользуйтесь как основным рядом указателя авторских работ, так и вспомогательными указателями. Зайдите в научно-техническую библиотеку НТУ «ХПИ», в другие научные и публичные библиотеки, прочитайте книги, статьи и стихи Сергея Шелкового! Вы ощутите яркие эмоции, получите возможность расширить горизонты Вашего познания, получите вдохновение к собственному творчеству.

Надеюсь, что на этот раз снова состоялась встреча автора, читателя и библиотекаря.

***Лариса Семененко,**
директор Научно-технической библиотеки
Национального технического университета
«Харьковский политехнический институт»*

НАУЧНЫЕ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ С. К. ШЕЛКОВОГО:

1975

1. Исследование колебаний пространственных пластинчато-стержневых конструкций методом конечных элементов / С. И. Богомолов, А. М. Журавлёва, Б. С. Лукин, С. К. Шелковый // Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции по применению ЭВМ в механике твердого деформируемого тела. — Ташкент, 1975. — С. 88.

1976

2. Конечноэлементное моделирование колебаний корпуса ЦНД стационарной турбины / С. И. Богомолов, А. М. Журавлёва, С. К. Шелковый // Математическое моделирование процессов и конструкций турбомашин : тез. докл. респ. конф. — Харьков, 1976. — С. 71–72.

3. Расчет колебаний коробчатых конструкций с помощью метода конечных элементов / А. М. Журавлёва, С. К. Шелковый // Динамика и прочность машин : респ. межвед. темат. науч.-техн. сб. — Харьков : Вища школа, 1976. — Вып. 24. — С. 19–27.

1977

4. Суперэлементный подход к динамическому расчету пространственных пластинчатых систем на ЭВМ среднего класса / С. К. Шелковый // Проектирование и оптимизация элементов и систем летательных аппаратов с использованием ЭВМ : тез. докл. межвузовского совещания молодых ученых. — Харьков, 1977. — С. 38.

1978

5. Конечноэлементная модель и алгоритм расчета колебаний корпуса цилиндра низкого давления паровой турбины / А. М. Журавлёва, С. К. Шелковый // Динамика и прочность машин : респ. межвед. темат. науч.-техн. сб. — Харьков : Вища школа, 1978. — Вып. 28. — С. 73–81.

6. Численное исследование вибраций корпуса паровой турбины / С. И. Богомолов, А. М. Журавлёва, С. К. Шелковый // Тезисы докладов Всесоюзного совещания по вибрационной технике. — Тбилиси, 1978. — С. 121.

1979

7. Алгоритмы расчета и анализ колебаний сложных пластинчато-стержневых систем / С. И. Богомолов, А. М. Журавлёва, С. К. Шелковый и др. // Современные методы и алгоритмы расчета и проектирования

строительных конструкций с использованием ЭВМ : тез. докл. всесоюз. конф. — Таллин, 1979. — С. 135–136.

8. Анализ динамических характеристик корпуса цилиндра низкого давления на основе пространственных пластинчатых моделей / С. И. Богомолов, А. М. Журавлёва, С. К. Шелковий // Тезисы докладов всесоюзного совещания по проблемам прочности двигателей. — Москва ; Ленинград, 1979. — С. 15.

9. Исследование колебаний корпусных конструкций на основе метода конечных элементов / С. К. Шелковий // Динамика и прочность машин : респ. межвед. темат. науч.-техн. сб. — Харьков : Вища школа, 1979. — Вып. 31. — С. 29–38.

10. О спектрах частот многократно симметричных пространственных пластинчатых систем / С. И. Богомолов, А. М. Журавлёва, С. К. Шелковий // Динамика и прочность машин : респ. межвед. темат. науч.-техн. сб. — Харьков : Вища школа, 1979. — Вып. 29. — С. 57–66.

11. Решение задач анализа синтеза динамических характеристик корпуса низкого давления турбины / С. К. Шелковий // Методы и модели в системах автоматизированного проектирования энергетических турбоустановок : тез. докл. респ. конф. — Харьков, 1979. — С. 4–6.

1980

12. Исследование колебаний корпусов энергетических машин на основе пространственных пластинчатых конечноэлементных моделей : автореф. дис.... канд. техн. наук: 01.02.06. — динамика, прочность машин, приборов и аппаратуры / С. К. Шелковий. — Харьков, 1980. — 27 с.

1981

13. Минимизация уровня вибраций корпуса паровой турбины при оптимальном выборе некоторых конструктивных параметров / С. К. Шелковий // Тезисы докладов всесоюзной конференции по вибрационной технике. — Кутаиси ; Тбилиси, 1981. — С. 114.

1982

14. Расчёт свободных и вынужденных колебаний корпуса низкого давления турбины при варьировании толщины и размеров в плане стен, перегородок и полок / С. И. Богомолов, С. К. Шелковий // Математические модели процессов и конструкций энергетических турбомашин в системах их автоматического проектирования : тез. докл. респ. науч.-техн. конф. Ч. II. — Харьков, 1982. — С. 46–47.

15. Статический и динамический анализ пластинчато-стержневой конструкции корпуса цилиндра низкого давления паровой турбины / А. М. Журавлёва, Л. С. Кожухарь, С. К. Шелковий // Математические модели процессов и конструкций энергетических турбомашин в сис-

темах их автоматического проектирования : тез. докл. респ. науч.-техн. конф. — Харьков, 1982. — Ч. II. — С. 48–49.

16. Теоретическое определение динамических податливостей статорных элементов турбоагрегата / С. К. Шелковый // Повышение надежности энергетических сооружений при динамических воздействиях : сб. материалов конф. и совещаний по гидротехнике. — Л., 1982. — С. 5.

1983

17. Комплекс алгоритмов и программ для исследования колебаний, прочности и устойчивости энергетических установок / А. М. Журавлева, В. Б. Литвинов, Е. П. Петров, С. К. Шелковый // Численная реализация физико-механических задач прочности : тез. докл. всесоюз. конф. — Горький, 1983. — С. 69–70.

18. О собственных колебаниях многократно симметричных пластинчатых систем с произвольным порядком симметрии / С. К. Шелковый // Динамика и прочность машин : респ. межвед. темат. науч.-техн. сб. — Харьков : Вища школа, 1983. — Вып. 38. — С. 54–60.

19. Повышение вибрационной надежности корпуса турбины на основе решения задач анализа и синтеза вынужденных колебаний / С. И. Богомолов, А. М. Журавлева, С. К. Шелковый // Пути повышения надежности ресурса систем машин : тез. докл. Уральской зональной конф. 23–25 марта / УНЦ АН СССР. — Свердловск, 1983. — С. 31–32.

1984

20. Исследование вибраций пластинчато-стержневого корпуса НД паровой турбины на основе МКЭ / А. М. Журавлёва, Л. С. Кожухарь, А. С. Степченко, С. К. Шелковый // Тезисы докладов всесоюзной конференции по вибрационной технике. — Телави ; Тбилиси, 1984. — С. 167.

21. Ползучесть и устойчивость пологих армированных конических оболочек / В. В. Бортовой, В. Д. Коломак, С. К. Шелковый // Прочность, жесткость и технологичность изделий из композиционных материалов : материалы II всесоюз. науч.-техн. конф. — Ереван ; Цахкадзор, 1984. — С. 15.

22. Применение суперэлементарного подхода метода конечных элементов к расчетам динамики станин металлорежущих станков / А. М. Журавлева, В. Б. Литвинов, С. К. Шелковый // Тезисы докладов Всесоюзной научно-технической конференции «Динамика станков». — Куйбышев, 1984. — С. 70–71.

1985

23. Исследование влияния условий подкрепления корпуса низкого давления на динамические податливости опор ротора / А. М. Журавлева, Л. С. Кожухарь, А. С. Степченко, С. К. Шелковый // Тезисы докладов IV республиканской конференции «Математическое моделирование процессов и конструкций энергетических и транспортных установок

в системе их автоматизированного проектирования». — Готвальд ; Харьков, 1985. — С. 43.

24. Конечные элементы полубезмоментной теории оболочек для тонкостенных замкнутых непризматических конструкций / И. Альтенбах, В. Киссинг, С. К. Шелковый // Динамика и прочность машин : респ. межвед. темат. науч.-техн. сб. — Харьков : Вища школа, 1985. — Вып. 42. — С. 24–28.

1986

25. Исследование динамических характеристик пластинчатостержневого корпуса низкого давления паровой турбины / А. М. Журавлева, Л. С. Кожухарь, А. С. Степченко, С. К. Шелковый // Известия ВНИИГ им. Веденева. — Л., 1986. — Вып. 197. — С. 53–56.

1987

26. Исследование динамических характеристик различных моделей корпусов низкого давления турбин методом суперэлементов / А. М. Журавлева, Л. С. Кожухарь, А. С. Степченко, С. К. Шелковый // Динамика и прочность машин : респ. межвед. темат. науч.-техн. сб. — Харьков : Вища школа, 1987. — Вып. 46. — С. 10–13.

27. О точности пластинчатых конечных элементов при определении частотных характеристик и параметров / А. С. Степченко, С. К. Шелковый // Динамика и прочность машин : респ. межвед. темат. науч.-техн. сб. — Харьков : Вища школа, 1987. — Вып. 45. — С. 71–75.

28. Численная реализация суперэлементных подходов МКЭ для анализа динамики пространственных авиационных конструкций / А. С. Степченко, С. К. Шелковый, А. В. Ярьско // Тезисы докладов II всесоюзной конференции «Численная реализация физико-механических задач прочности». — Горький, 1987. — С. 174–175.

29. Численный анализ динамической прочности при вибрации корпусов турбомашин / С. К. Шелковый // Тезисы всесоюзной конференции по вибрационной технике. — Кобулету ; Тбилиси, 1987. — С. 51.

1988

30. Исследование НДС крыла летательного аппарата при варьировании конструктивными элементами / А. С. Степченко, С. К. Шелковый // Современные проблемы механики и управления в машиностроении : тез. докл. семинара. — Иркутск, 1988. — С. 8–9.

1989

31. Динамический конечноэлементный анализ пространственных пластинчато-сержневых конструкций авиастроения / А. С. Степченко, С. К. Шелковый, А. В. Ярьско // Динамика и прочность машин : респ. межвед. темат. науч.-техн. сб. — Харьков, 1989. — Вып. 50. — С. 60–65.

1993

32. Программная реализация суперэлементного алгоритма для анализа статики и динамики буровой установки / С. Шелковий // Программы международной научно-технической конференции «Компьютер : наука, техника, здоровье». — Харьков, 1993. — С. 12.

1994

33. Dynamische Analyse raumlicher Platten- und Stabkonstruktionen mit verschiedenen FEM-Kondensationsvarianten / S. K. Schelkovy // Die Werke der Wissenschaftlichen Jahrestagung. — Braunschweig, 1994. — P. 276.

34. Исследование влияния гироскопического момента диска на критические скорости вращения ротора : метод. указания для студентов машиностроительных специальностей / Е. Г. Голоскоков, Д. К. Овчарова, С. К. Шелковий. — Харьков, 1994. — 14 с.

35. Компьютерный анализ статики и динамики пространственных машиностроительных конструкций на основе метода суперэлементов / С. К. Шелковий // Тезисы докладов международного семинара «Высокие технологии в машиностроении моделирование, оптимизация, диагностика». — Харьков ; Алушта, 1994. — С. 235.

1995

36. Dynamische und Stochastische Analyse raumlicher Platten, Schalen und Stabkonstruktionen mit verschiedenen FEM Kondensationsvarianten / V. D. Kolomak, S. K. Schelkovy // Тезисы докладов международной конференции по прикладной математике и механике «ICIAM-95». — Гамбург, 1995. — С. 430.

37. Критические скорости вращения ротора на упругих опорах : метод. указания для студентов машиностроительных специальностей / Е. Г. Голоскоков, Д. К. Овчарова, С. К. Шелковий. — Харьков, 1995. — 14 с.

1996

38. Dynamic analysis of diesel locomotives and vans for stationary and non-stationary regimes / В. Н. Грищенко, С. К. Шелковий // Тезисы докладов международной конференции по прикладной математике ЕСМІ-96. — Копенгаген, 1996. — С. 27.

39. Критические скорости вращения вала двойкой жесткости : метод. указания для студентов машиностроительных специальностей / Е. Г. Голоскоков, Д. К. Овчарова, С. К. Шелковий. — Харьков, 1996. — 12 с.

1997

40. Поперечные колебания стержней : метод. указания для студентов машиностроительных специальностей / Е. Г. Голоскоков, Д. К. Овчарова, С. К. Шелковий. — Харьков, 1997. — 10 с.

2000

41. Вероятностный анализ устойчивости гибких слоистых оболочек с учетом ползучести / В. Д. Коломак, С. Ю. Погорелов, С. Ю. Шергин, С. К. Шелковий // Актуальные проблемы механики оболочек : тез. докл. междунар. конф. — Казань, 2000. — С. 57.

2008

42. Програмування скінченно-елементного аналізу динаміки статорних конструкцій турбобудування / С. Шелковий // Матеріали XVI міжнародної науково-практичної конференції «Інформаційні технології : наука, техніка, технологія, освіта, здоров'я». — Х., 2008. — С. 84.

2012

43. Лабораторный практикум по информатике для студентов специальности «Компьютерная механика» : метод. указания / С. Шелковий. — Харьков : НТУ «ХПИ», 2012. — 32 с.

44. Методичні вказівки до виконання контрольного завдання «Побудова розрахункової та математичної моделей механізмів зі скінченим числом ступенів свободи» з курсу теорії коливань для студентів спеціальності «Комп'ютерна механіка» : метод. вказівки / В. М. Грищенко, С. К. Шелковий. — Х. : НТУ «ХПИ», 2012. — 22 с.

45. Численные исследования эффективности различных конденсационных алгоритмов при реализации конечно-элементной процедуры частотного анализа / С. К. Шелковий // Материалы XX международной научно-практической конференции «Информационные технологии: наука, техника, технология, образование, здоровье (MICKROCAD-2012)» / Нац. техн. ун-т «ХПИ». — Харьков, 2012. — С. 84.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ С. К. ШЕЛКОВОГО:

1973

46. Красные песни : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1973. — 23 дек.
47. Чили : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1973. — 17 окт.

1981

48. Над Доном-рекой : стихи / Сергей Шелковый // Соц. Харківщина. — 1981. — 1 листоп.

1982

49. «Земли родной неповторимы звуки...» : стихи / Сергей Шелковый // Соц. Харківщина. — 1982. — 10 січ.

1984

50. «Ветер юный, вольный, ходкий...» : стихи / Сергей Шелковый // Сельская молодежь. — 1984. — № 12. — С. 19.
51. «Выстроить жизнь...» : стихи / Сергей Шелковый // Вітрила. — 1984. — С. 10–11.
52. «Дедово было — стало отцово...» : стихи / Сергей Шелковый // Комс. знамя. — 1984. — 1 авг.
53. «Є хліба смак, є слово...» : вірші : пер. з рос. / Сергій Шелковий // Соц. Харківщина. — 1984. — 5 лют.
54. Навейное «Кобзарем» : стихи / Сергей Шелковый // Студенческий меридиан. — 1984. — № 11. — С. 30.
55. Находчивый карасик : сказка / В. Моруга ; пер. с укр. С. Шелкового // Барвинок. — 1984. — № 11. — С. 6–8.
56. «Склонившись, мальчик рисовал...» : стихи / В. Моруга ; пер. с укр. С. Шелкового // Комс. знамя. — 1984. — 31 янв.
57. Степова весна : вірші : пер. з рос. / Сергій Шелковий // Прапор. — 1984. — № 7. — С. 5.

1985

58. «В Австралии далекой...» : стихи / Сергей Шелковый // Барвинок. — 1985. — № 7. — С. 16–17.
59. «В Австралії щороку...» : вірші : пер. з рос. / Сергій Шелковий // Барвінок. — 1985. — № 7. — С. 16–17.
60. Внук фронтовика : рассказ / Г. Литневский ; пер. с укр. С. Шелкового // Барвинок. — 1985. — № 4. — С. 8–9.

61. Внук фронтовика : рассказ / Г. Литневский ; пер. с укр. С. Шелкового // Пионерская правда. — 1985. — № 39. — 14 мая.
62. Всадник-май : стихи / Сергей Шелковый // Книга молодых поэтов : сборник. — М., 1985. — С. 33–70.
63. «Всю жизнь свою...» : стихи / Сергей Шелковый // Дружба. — 1985. — № 6. — С. 118–120.
64. «Всю жизнь свою...» : стихи [пер. на болгар.] / Сергей Шелковый // Дружба. — [София], 1985. — № 6. — С. 118–120.
65. Золотое сечение : стихи / Сергей Шелковый // Радуга. — 1985. — № 8. — С. 56–57.
66. И вечен хлеб... : стихи / Сергей Шелковый // Веч. Харьков. — 1985. — 14 февр.
67. Горе совенка : стихи / П. Мовчан, А. Дзятко ; пер. с укр. С. Шелкового // Барвинок. — 1985. — № 10. — С. 12–13.
68. «Над сумерками властвовал минор...» : стихи / В. Моруга ; пер. с укр. С. Шелкового // Комс. знамя. — 1985. — 3 сент.
69. Сентябрьская шутка : стихи / А. Пархоменко, Е. Пасичная ; пер. с укр. С. Шелкового // Барвинок. — 1985. — № 9. — С. 12–13.
70. Солдатська дочка : вірші : пер. з рос. / Сергій Шелковий // Прапор. — 1985. — № 8. — С. 5–6.
71. [Стихотворения] / Сергей Шелковый // Комс. знамя. — 1985. — 19 апр.
72. Три взмаха крыл : книга в альманахе : стихи / Сергей Шелковый // Истоки : альманах. — М., 1985. — С. 257–265.

1986

73. Осеннее воскресенье : стихи / Р. Третьяков ; пер. с укр. С. Шелкового // Красное знамя. — 1986. — 7 сент.
74. «От песни сердце не устало...» : стихи / Р. Третьяков ; пер. с укр. С. Шелкового // Радуга. — 1986. — № 4. — С. 23.
75. «Полземли — половецкая степь...» : стихи / Сергей Шелковый // Ленін. зміна. — 1985. — 10 жовт.
76. Сестра : стихи / Сергей Шелковый // Ленін. зміна. — 1986. — 30 серп.

1987

77. Боянова гора : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1987. — 11 июня.
78. Верю в их будущее / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1987. — 21 мая.
79. Второе дыхание : стихи / П. Осадчук ; пер. с укр. С. Шелкового. — М., 1987. — С. 71–73.
80. «Крепость стоит на зелёном холме...» : стихи / Сергей Шелковый // Соц. Харківщина. — 1986. — 31 жовт.

81. Могила Григория Сковороды : стихи / Сергей Шелковый // Молодая гвардия — 86 : поэт. сб. — М., 1987. — С. 31–36.

82. «Мой пятилетний, загорелый...» : стихи / Сергей Шелковый // Студ. меридиан. — 1987. — № 11. — С. 29.

83. Наш лучший и вернейший собеседник : [150-летие гибели А. С. Пушкина] / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1987. — 5 февр.

84. «От удела Бориса и Глеба...» : стихи / Сергей Шелковый // Трезвость и культура. — 1987. — № 9. — С. 18.

85. «Последний свист былинку наклонил...» : стихи / В. Моруга ; пер. с укр. С. К. Шелкового // Комс. знамя. — 1987. — 2 июня.

86. «Ребенок мой, чумазый и родной...» : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. зміна. — 1987. — 31 трав.

87. «Те ясени, что мой отец срубил...» : стихи / П. Осадчук ; пер. с укр. С. Шелкового // Радуга. — 1987. — № 12. — С. 6.

88. У озера : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1987. — 24 сент.

89. Харьковская крепость : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1987. — 22 янв.

1988

90. Арсению Тарковскому : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1988. — 22 сент.

91. Воспоминание : стихи / С. Шелковый // Ленин. кадры. — 1988. — 4 февр.

92. Космонавт Галактион : стихи / Сергей Шелковый // Барвинок. — 1988. — № 4. — С. 11.

93. Космонавт Галактион : вірші ; пер. з рос. / Сергій Шелковий // Барвінок. — 1988. — № 4. — С. 11.

94. «Нет правды насущнее хлеба...» : стихи / Сергей Шелковый // Комс. знамя. — 1988. — 20 нояб.

95. [Стихи] / Сергей Шелковый // Ленин. зміна. — 1988. — 22 лип.

96. «То были дни, когда плащи «болонья»...» : стихи / Сергей Шелковый // Радуга. — 1988. — № 8. — С. 93.

1989

97. Владимиру Высоцкому : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1989. — 19 янв.

98. «Где-то в полночи страшно пропело...» : стихи / Сергей Шелковый // Молодая поэзия — 89 : стихи, статьи, тексты. — М., 1989. — С. 238–240.

99. Добро : стихи / А. Перерва ; пер. с укр. С. Шелкового // Красное знамя. — 1989. — 18 янв.

100. Имя вещее : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1989. — 2 марта.

101. «Как вырваться за грань...» : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1989. — 25 мая.
102. Поэту : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1989. — 30 нояб.
103. Творческое лицо инженерии определяет экономику : [о вузовской науке] / Сергей Шелковый // Веч. Харьков. — 1989. — 1 мая.
104. Три времени судьбы : стихи / Сергей Шелковый. — Харьков : Прапор, 1989. — 72 с.

1990

105. День удач : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1990. — 21 июня.
106. Майское брожение : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1990. — 26 апр.
107. «На улице Пушкинской...» : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1990. — 11 окт.
108. Открытое пространство : [о Борисе Чичибабине] / Сергей Шелковый // Огонек. — 1990. — № 47. — С. 16–17.
109. Пенаты : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1990. — 22 марта.
110. «Полземли — половецкая степь...» : стихи / Сергей Шелковый // Дружба. — 1990. — № 5. — С. 73.
111. «Полземли — половецкая степь...» : стихи : [пер. на болг.] / Сергей Шелковый // Дружба. — [София], 1990. — № 5. — С. 73.
112. Шиповник, сто сердец дарящий : стихи / Сергей Шелковый. — К. : Молодь, 1990. — 104 с.

1991

113. Воспоминание о радуге : [о немецком писателе Г. Шраме] / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1991. — 14 нояб.
114. 21 июля 1991 года : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1991. — 31 окт.
115. Колокольная весть / Сергей Шелковый // Веч. Харьков. — 1991. — 5 июля. — Рец. на кн.: Чичибабин Б. Колокол / Б. Чичибабин. — М., 1989. — 272 с.
116. «Лазурью, сепией, сиеной...» : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1991. — 20 июня.
117. Мастерская зимой : стихи / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1991. — 26 дек.
118. Мудрость разнообразия, или Послесловие к беседам с писателем из Нюрнберга : писатель и время / Сергей Шелковый // Веч. Харьков. — 1991, 22 окт. (№ 111) — С. 3, фото.
119. Писатель из города Альбрехта Дюрера : [о Г. Шраме] / Сергей Шелковый // Слобода. — 1991. — 19 окт.

120. Путь к магдебургскому полушарию : [о международном научном сотрудничестве ХПИ] / Сергей Шелковый // Ленин. кадры. — 1991. — 26 дек.

121. «Услышанное не вернётся в хаос...» : [о В. И. Дале] / Сергей Шелковый // Слобода. — 1991. — 4 дек.

122. Чувство рождения : стихи / Сергей Шелковый // Молодогвардеец. — 1991. — 25 июля.

123. «Я обращаюсь с требованием веры...» : [о М. Цветаевой] / Сергей Шелковый // Веч. Харьков. — 1991. — 3 сент.

1992

124. «Есть хлеба запах...» : стихи / Сергей Шелковый // Ясная Поляна. — [Тула], 1992. — № 3. — С. 220–224.

125. «За маем вослед золотится июль...» : стихи / Сергей Шелковый // Політехік. — 1992. — 22 трав.

126. «Май взбеленялся и веял страстями...» : стихи / Сергей Шелковый // Політехік. — 1992. — 4 трав.

127. Нюрнберг–Харків, райдуга / Г. Шрам ; пер. з рос. С. Шелкового // Літ. Україна. — 1992. — 13 лют.

128. Перед Рождеством : стихи / Сергей Шелковый // Веч. Харьков. — 1992. — 7 янв.

129. П'ять днів Нюрнберга в Харкові / Сергій Шелковий // Літ. Україна. — 1992. — 13 лют.

1993

130. «А на Лысой горе, на Голгофе...» : стихи / С. Шелковый // Політехік. — 1993. — 3 січ.

131. Врата : стихи / Сергей Шелковый. — Харьков : Оригинал, 1993. — 134 с.

132. «Земний, вселенський, справжній...» : [до 70-річчя Б. Чичибабіна] / Сергій Шелковий // Літ. Україна. — 1993. — 11 січ.

133. «Земной, вселенский, настоящий...» / Сергей Шелковый // Панограма. — 1993. — № 3.

134. «Земной, вселенский, настоящий...» / Сергей Шелковый // Політехік. — 1993. — 25 січ.

135. «И вновь сугробы, пахнет хвоей...» : стихи / С. Шелковый // Політехік. — 1993. — 11 січ.

136. «Лимонный мяч над охрой, муравой...» / Сергей Шелковый // Оуптр. — 1993. — Июль. — С. 23–25.

137. «Рой свечек, теплый чад...» : стихи / Сергей Шелковый // Слобід. край. — 1993. — 7 верес.

138. Три Саконии в канун Рождества : [о междунар. науч. сотрудничестве] / С. Шелковый // Політехік. — 1993. — 20 груд.

139. «Я делал то, что мог...» : стихи / С. Шелковый // Політехік. — 1993. — 27 верес.

1994

140. Во плоти : стихи / Сергей Шелковый. — Харьков : Майдан-Ра-нет, 1994. — 143 с.
141. [Стихотворения] / Сергей Шелковый // Алтарь : поэт. альма-нах. — М., 1994. — С. 135–137.
142. [Стихотворения] / Сергей Шелковый // Слобід. край. — 1994. — 24 лют.
143. Три Саксонии в канун Рождества / Сергей Шелковый // Веч. Харьков. — 1994. — 7 янв.
144. «Я помню то, что не хочу забыть...» : [о стройотряде в Венгрии] / Сергей Шелковый // Політехнік. — 1994. — 25 квіт.

1995

145. «И Моцарт чуял зов...» : стихи / Сергей Шелковый // Русские поэ-ты Украины : тексты, биограф. справки / сост. М. М. Красиков. — Киев, 1995. — Ч. 1. — С. 28–30.
146. «Меж рам — пучков калиновых гирлянда...» : стихи / Сергей Шелковый // Політехнік. — 1995. — № 20.
147. «Нас не предал лишь свет безымянный...» : [о Б. Чичибабине] / С. Шелковый // Веч. Харьков. — 1995. — 12 янв.
148. «Нас не предал лишь свет безымянный...» : [о Б. Чичибабине] / С. Шелковый // Політехнік. — 1995. — № 1.
149. Ночь перед Рождеством : стихи / С. Шелковый // Політехнік. — 1995. — 4 січ.
150. Памяти Бориса Чичибабина / С. Шелковый // Політехнік. — 1995. — № 19.
151. «Только ветра вдохнув, продолжаешь и жить, и молиться...» : стихи / С. Шелковый // Політехнік. — 1995. — № 7.

1996

152. «Из пражской глины...» : стихи / Сергей Шелковый // Радуга. — 1996. — № 7–8. — С. 150.
153. «Между Арсением и Анной...» : стихи / Сергей Шелковый // Анна всяя Руси / И. Я. Лосиевский. — Харьков, 1996. — С. 355.

1997

154. Голоса времени : [о Б. Чичибабине и Б. Окуджаве] / С. Шелко-вый // Політехнік. — 1997. — 29 серп.
155. Кров долину : пер. з рос. / Сергей Шелковый // Панорама. — 1997. — № 25.
156. Листы пятикнижья : стихи / Сергей Шелковый. — Харьков : Майдан, 1997. — 292 с.
157. Отроцтво : пер. з рос. / Сергій Шелковий // Слобода. — 1997. — 10 черв.

158. [Стихотворения] / Сергей Шелковый // Лицейський вісник : поетич. альманах. — Х., 1997. — С. 79.

1998

159. «Гортанной глине предназначен обжиг...» : стихи / С. Шелковый // Політехнік. — 1998. — № 2.

160. «Для жизни духа нет плохих времен...» : стихи / Сергей Шелковый // Антология современной русской поэзии Украины. — Харьков, 1998. — Т. 1. — С. 217–220.

1999

161. «В Тавриді осінь...» : пер. з рос. / Сергій Шелковий // Слобідська країна: поезії, переклади / В. Кириченко. — Х., 1999. — С. 131–132.

162. Вечера : седьмая книга стихов / Сергей Шелковый. — Харьков : Крок, 1999. — 212 с.

163. Желания : стихи / С. Шелковый // Політехнік. — 1999. — № 18.

164. «И что ни год — опять друзей моих все меньше...» : стихи / Сергей Шелковый // Радуга. — 1999. — № 11–12. — С. 120–122.

165. Сень Родословного Древа : послеслов. / Сергей Шелковый // Весна-Живана / А. Ковалевский. — Харьков, 1999. — С. 150–153.

2000

166. Вечера : пер. з рос. / Сергій Шелковий // Березіль. — 2000. — № 9–10. — С. 106–111.

167. Жуки-олени : стихи / Сергей Шелковый // Дикое поле : стихи русских поэтов Украины конца XX века. — Харьков, 2000. — С. 311–330.

168. «За себя не боюсь...» : стихи / Сергей Шелковый // Индекс. — Нацрат-Илит [Израиль], 2000. — 15 сент.

169. «И вот, раздвинув старые аллеи...» : стихи / Сергей Шелковый // Харьковский политехнический: выпускники — гордость и слава. — Харьков, 2000. — С. 86.

170. На Ай-Петри : стихи / Сергей Шелковый // Прекрасны вы, берега Тавриды: Крым в русской поэзии. — М., 2000. — С. 590–591.

171. На юбилей alma mater: стихи / С. Шелковый // Політехнік. — 2000. — 6 груд.

172. [Стихи] / Сергей Шелковый // Антология русского лиризма. — М., 2000. — Т. 3.

2001

173. «Деревянные перила, деревянные террасы...» : стихи / Сергей Шелковый // Соты. — Киев, 2001. — №. 4. — С. 51–52.

174. «Доживем до весны...» : стихи / Сергей Шелковый // Хрестоматія з літератури рідного краю. — Х., 2001. — С. 292–293.

175. «Кафа, оливы, ракушечник, полдень...» : стихи / Сергей Шелковый // Сакральный календарь друидов. — М., 2001. — С. 35, 71.

176. «Между пламенем желтым и белым морозом...» : стихи / С. Шелковый // Політехнік. — 2001. — 17 січ.

177. На кордоне : стихи / Сергей Шелковый. — Харьков : Крок, 2001. — 176 с.

2002

178. Воздушные коридоры : стихи / Сергей Шелковый. — Харьков : Майдан, 2002. — 132 с.

179. «И вот, раздвинув старые аллеи...» : стихи / С. Шелковый // Політехнік. — 2002. — 24 січ.

180. Мандри : поезії, есеї / Сергій Шелковий. — Харьков : Майдан, 2002. — 158 с.

181. Наследство : стихи / С. Шелковый // Політехнік. — 2002. — 30 верес.

182. «Поземкой, хлорофиллом хвои...» : стихи / С. Шелковый // Політехнік. — 2002. — 25 груд.

183. Распахнутое пространство : штрихи к портрету Бориса Чичибабина / Сергей Шелковый // Раннее и позднее / Б. Чичибабин. — Х., 2002. — С. 360–370.

184. «Снова осень приходите повинной...» : стихи / Сергей Шелковый // Слобід. край. — 2002. — 1 жовт.

2003

185. «В мае гремело, и пахли нарциссы...» : стихи / Сергей Шелковый // ХХ век, запомни нас такими... — Киев, 2003. — С. 396–397.

186. «Доживем до весны...» : стихи / Сергей Шелковый // Самая интересная газета. — Филадельфия [США], 2003. — 26 февр.

187. «Еще любил я первое июля...» : стихи / Сергей Шелковый // Слобожанщина. — 2003. — № 25. — С. 226–230.

188. «Пионы на столе, бумаги, чашка чая...» : стихи / Сергей Шелковый // Лауреата літературних премій Харківського міськвиконкому 1995–2002 : колектив. зб. — Х., 2003. — С. 192–222.

189. Стихи : поэзия, проза / Сергей Шелковый. — Харьков : Майдан, 2003. — 252 с.

2004

190. «А если доплывал ты до июня...» : стихи / Сергей Шелковый // «Между печалью и ничем...» : сб. стихотворений участников междунар. фестиваля поэзии им. Б. Чичибабина. — Харьков, 2004. — С. 99–107.

191. Гобелен : стихи / Сергей Шелковый // Слобід. край. — 2004. — 14 лют.

192. Дважды островитянин : [о писателе О. Борушко] / Сергей Шелковый // Слобід. край. — 2004. — 19 черв.

193. Заява харківських письменників / С. К. Шелковий, І. М. Перепеляк, В. С. Бойко та ін. // Слобід. край. — 2004. — 27 листоп.

194. Заявление русскоязычных писателей Украины / Э. Басария, А. Бинкевич, И. Гордон и др. // Літ. Україна. — 2004. — 16 груд. — Авт. также: В. Демченко, В. Замесов, Л. Ильина, А. Крым, А. Курков, Т. Парфимчук, И. Прокопенко, А. Ратнер, В. Родионов, С. Шелковий.

195. «Исполнен светлыни осенней...» / Р. Третьяков ; пер. с укр. С. Шелкового // За далеким туманным закатом / Р. Третьяков. — Харьков, 2004. — С. 74–75.

196. Мне жаль тебя... / Д.-А.-Ф. де Сад ; пер. с фр. С. Шелкового // Письма вечного узника / Маркиз де Сад. — М., 2004. — С. 182, 188, 453–455, 526–529, 531.

197. Наша вимога / С. К. Шелковий, І. М. Перепеляк, В. С. Бойко та ін. // Літ. Україна. — 2004. — 2 груд. — Авт. також: О. С. Тараненко, Р. О. Катаева, А. П. Стожук.

198. О харьковской литературной диаспоре / С. Шелковий // Слобід. край. — 2004. — 19 черв.

199. Петербург и Харьков в биографии Владимира Нарбута / Сергей Шелковий // Слобід. край. — 2004. — Ч. 1. — 17 лип.

200. Петербург и Харьков в биографии Владимира Нарбута / Сергей Шелковий // Слобід. край. — 2004. — Ч. 2. — 24 лип.

201. Петербург и Харьков в биографии Владимира Нарбута / Сергей Шелковий // Слобід. край. — 2004. — Ч. 3. — 31 лип.

202. «По верной окольной дороге...» : стихи / Сергей Шелковий // Истина и жизнь. — 2004. — № 9.

203. «Сизифов зимний день...» : стихи / Сергей Шелковий // Ветка былой Эллады : греческие мотивы в современной русской поэзии. — Харьков, 2004. — С. 170–180.

204. «Тесные джинсы расшиты узорчатым золотом...» : стихи / Сергей Шелковий // Предлог : лит.-худож. альманах. — М., 2004. — С. 53–59.

2005

205. «А мне простят ли сказанное все?...» : стихи / Сергей Шелковий // Немига литературная. — 2005. — № 1. — С. 120–121.

206. «Блаженны чистые сердцем...» : [предисловие] / С. К. Шелковий // Зеленый дождь : стихи / О. Бондаренко. — Харьков, 2005. — С. 3–8.

207. «Было время, ты пел и играл на гитаре...» : стихи / Сергей Шелковий // Мы помним ваши голоса : коллектив. сб. — Киев, 2005. — С. 230–232.

208. «Июль, на высоченных свечках мяты...» : стихи / Сергей Шелковий // Радуга. — № 8. — С. 78–81.

209. «Лишь с летящего почерка...» : стихи / Сергей Шелковий // Політехнік. — 2005. — 17 трав.

210. Певчий : стихи, проза / Сергей Шелковий. — Харьков : Майдан, 2005. — 236 с.

211. Харьковская крепость : стихи / Сергей Шелковий // Харків, місто моє : літ. рідного краю. — Х., 2005. — С. 70–71.

212. «Я многих знал, помеченных стихами...» / Сергей Шелковый // Инфиз : очерки истории творчества / О. Морачковский. — Харьков, 2005. — С. 355–356.

2006

213. «В Москве хохол, а в неньке–Украине...» : стихи / Сергей Шелковый // Роман-журнал XXI век. — 2006. — № 1. — С. 99.

214. «Доживем до весны...» : [о 10-летию международного фонда Б. Чичибабина] / Сергей Шелковый // «А когда настанет завтра, прозвонит ли мое слово...» / сост. : А. С. Карась-Чичибабина, В. М. Булгакова. — Харьков, 2006. — С. 67.

215. «И если до июня доживал ты...» : стихи / С. Шелковый // «А когда настанет завтра, прозвонит ли мое слово...» / сост. : Л. С. Карась-Чичибабина, В. М. Булгакова. — Харьков, 2006. — С. 98.

216. «Клевер, белый и розовый...» : стихи / Сергей Шелковый // Селяночка. — 2006. — № 43.

217. «Кого люблю? Да Осю, да Арсюшу...» : стихи / Сергей Шелковый // Встречи : поэт. альманах. — Филадельфия [США], 2006. — № 30. — С. 200–202.

218. «Лети в туманный Альбион, дабы на месте убедиться...» : стихи / Сергей Шелковый // Я — Russian : [сб. стихотворений финалистов фестиваля русской поэзии в Лондоне]. — Лондон, 2006. — С. 141–151.

219. «Не спасли тебя, милая, слов заклинанья...» : стихи / Сергей Шелковый // Новая книга России. — 2006. — №11. — С. 56–57.

220. Окликая Троицу : вступ. статья / Сергей Шелковый // Тайна не одной любви / Т. Варен. — Филадельфия, 2006. — С. 5–12.

221. Первородный сад : стихи / Сергей Шелковый // Настоящее время. — [Рига], 2006. — № 9. — С. 84–88.

222. После дождей : стихи / Сергей Шелковый // Селяночка. — 2006. — 28 июля.

223. Приближение к рапсодии : вступ. статья / С. К. Шелковый // Над облаками : стихи / А. Белоус. — Харьков, 2006. — С. 3–6.

224. «Речь идет о бессмертии света...» : стихи / Сергей Шелковый // Истина и жизнь. — 2006. — № 2. — С. 50–51.

225. «Святой Андрей на Киевских холмах...» : стихи / Сергей Шелковый // Побережье : поэт. альманах. — Филадельфия [США], 2006. — № 14. — С. 145–150.

226. Север : стихи / Сергей Шелковый // Селяночка. — 2006. — № 38.

227. «Сухой ноябрь. Желтеет облепиха...» : стихи / Сергей Шелковый // Селяночка. — 2006. — № 41.

228. «С этим небом твоя и моя совпадает душа...» : вступ. статья / С. Шелковый // Упование : стихи / Т. Селиванчик. — Харьков, 2006. — С. 3–6.

229. «Там, где Камознс одноглазый...» : стихи / Сергей Шелковый // За-рубежные записки. — Дортмунд [ФРГ], 2006. — № 3, кн. 7. — С. 95–102.

230. [Три стихотворения] / Сергей Шелковый // Побережье : поэт. альманах. — Филадельфия [США], 2006.

231. «Чтоб расколоть тугую сферу...» : стихи / Сергей Шелковый // Ламинарные течения в соосных конических каналах / Л. Ульев. — Харьков, 2006. — Т. 1. — С. 265.

2007

232. [10 стихотворений] / Сергей Шелковый // Харків'яни : поема про місто в цитатах поетичних творів / укл. : В. П. Копичко, Ю. Г. Копичко. — Х., 2007. — С. 35–47, 38, 40–41, 120, 167–168, 212–213, 221, 340, 360, 374–375, 413.

233. Двое : поэзия / Сергей Шелковый // Радуга. — 2007. — № 5–6. — С. 122–131.

234. Июнь-июль : избр. стихотворения : 1982–2007 / Сергей Шелковый. — Харьков : Майдан, 2007. — 240 с.

235. «Казенный дом насквозь холодный...» : стихотворения / Сергей Шелковый // Дом, от судеб поседевший : роман / В. Комм. — Харьков : Факт, 2007. — С. 61.

236. Лига «Вдохновение» / Сергей Шелковый // Альманах современной поэзии и прозы. — М., 2007. — Вып. 1. — С. 327–333.

237. Об авторе / Сергей Шелковый // Дом, от судеб поседевший : роман / В. Комм. — Харьков : Факт, 2007. — С. 246.

238. «Один Господь единый...» : стихи / Сергей Шелковый // АРІА. — о-в Кипр, 2007. — 17 нояб. (№ 1). — С. 7.

239. «Раньше иль позже оставлю я их...» : стихотворение / Сергей Шелковый // Дом, от судеб поседевший / В. Комм. — Харьков : Факт, 2007. — С. 91.

240. Харьков в контексте истории и современности русской литературы / С. К. Шелковый // Переяславская рада и гармонизация украинороссийских отношений на современном этапе : сб. науч. тр. по матер. междунар. науч.-практ. конф., 18–19 дек. 2006 г. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; ред.: А. Г. Романовский, В. Н. Ганичев. — Харьков, 2007. — С. 114–123.

241. [6 стихотворений] / Сергей Шелковый // Планета поэтов–3 : сб. стихов. — Рига, 2007. — С. 402–408).

242. Эон : новые стихи / Сергей Шелковый. — Харьков : Сага, 2007. — 156 с.

2008

243. «Вечные сны под городской вишней...» / Сергей Шелковый // Радуга. — 2008. — № 9. — Рец. на кн.: Краси́ков, М. Божья вишня / М. Краси́ков. — С. 137–139.

244. [9 стихотворений] / Сергей Шелковый // Песни Южной Руси : опыт антологии. — Донецк, 2008. — С. 446–451.

245. О стихах Б. Кокотова / С. Шелковый // Контрапункты : стихи / В. Зубарева, Б. Кокотов, Б. Кушнер. — Baltimor [USA], 2008. — С. 9.
246. «Опасны вертикали власти...» / Сергей Шелковый // Благбаз : альманах харківських сатириків і гумористів. — Х., 2008. — № 8. — С. 107–109.
247. При дороге : стихи / Сергей Шелковый // Політехнік. — 2008. — 28 берез. (№ 7).
248. «Рыжий кот и пара воробышек...» : стихи / Сергей Шелковый // Союз писателей. — 2008. — № 10. — С. 229–231.
249. Серебряных платанов переплески : предисловие / Сергей Шелковый // Миг триумфа : стихи / В. Макаров. — Харьков, 2008. — С. 5–14.
250. Старая конура : поэзия / Сергей Шелковый // Радуга. — 2008. — № 10. — С. 22–26.
251. [Стихи] / Сергей Шелковый // Alter ego : сб. стихов. — Лондон, 2008. — С. 284–287.
252. [Стихи] / Сергей Шелковый // Логорифма [Электронный ресурс] : поэт. фестиваль в Ярославле. — Ярославль, 2008. — CD-диск.
253. [Стихи] / Сергей Шелковый // Суббота : сб. стихотворений. — Новосибирск, 2008. — С. 71–73).
254. [Стихи] / Сергей Шелковый // Это наша с тобой биография : очерки истории студ. строит. движения Харьковщины. — Харьков, 2008. — С. 110.
255. [Стихотворения] / Сергей Шелковый // Болдинская Осень в Одессе : сборник. — Одесса, 2008. — С. 155–160.
256. [3 стихотворений] / Сергей Шелковый // Харьковский мост : альманах : стихи и проза. — Харьков, 2008. — С. 237–238).
257. [4 стихотворения] / Сергей Шелковый // Украина. Русская поэзия. XX век : антология. — Киев : Юг, 2008. — С. 230–231.

2009

258. «В Москве хохол, а в неньке Украине...» : стихотворение / Сергей Шелковый // Слово/Word. — [США], 2009. — № 64.
259. «В чистом колере Духа и Сына...» .[О художнике А. Шеховцове] / Сергей Шелковый // Каталог живопису / О. Шеховцов. — Х., 2009. — С. 19–21.
260. Гутен морген : стихи / Сергей Шелковый // Дружба народов. — 2009. — № 5. — С. 64.
261. Небесная механика : книга стихотворений / Сергей Шелковый. — Киев : Радуга, 2009. — 158 с.
262. [Стихи] / Сергей Шелковый // Благовест : русский голос Харькова. Альманах. — Харьков, 2009. — С. 41–42, 45–46, 76–78, 96, 114–116.
263. [Стихи] / Сергей Шелковый // Земляки : новая антология поэзии : 170 поэтов из 24 стран. — М., 2009. — С. 995–1002, 1078.
264. [Стихотворения] / Сергей Шелковый // «Светочь» : альманах поэзии. — Рига, 2009. — Т. 1.

265. Эмигрантская лира : сб. стихов / Сергей Шелковий. — Брюссель : М., 2009. — С. 67–73.

2010

266. «И формула, будто бы бабочки белое слово...» : вступит. статья / С. Шелковий // И времени стремительный полет... : сб. стихотворений к 125-летию НТУ ХПИ. — Харьков, 2010. — С. 4–6.

267. Инет : стихи / Сергей Шелковий // Селяночка. — 2010, 12 берез. (№ 11).

268. «Как тянет в отчие края...» / С. Шелковий // Станіслав Миколайович Пазиніч : бібліогр. покажчик. — Х. : НТУ «ХПИ», 2010. — С. 48–51.

О профессоре НТУ «ХПИ» С. Н. Пазыниче.

269. «Кровь, молоко» : проза жизни / С. Шелковий. — Харьков, 2010. — С. 260.

270. «Между небом и тобой...» : [предисловие] / С. Шелковий // На стороне любви : стихи / Г. Семенченко. — Киев, 2010. — С. 6–12).

271. «Мне у дома до боли калиново...» : [предисловие] / С. Шелковий // Наитие : стихи / Л. Сашина. — Киев, 2010. — С. 3–8.

272. Новогодняя ночь / С. Шелковий // Селяночка. — 2010. — 8 січ. (№ 2).

273. «Один Господь единый — за дитя...» / С. Шелковий // Селяночка. — 2010. — 26 лют. (№ 9).

274. Пушкинская. Политех. Инфиз : стихи / С. Шелковий // Політехнік. — 2010. — 15 квіт. (№ 10–11).

275. «Рыжий кот и пара воробышек...» : стихотворение / С. Шелковий // Селяночка. — 2010. — 28 трав. (№ 22).

276. [Семь стихотворений] / С. Шелковий // Новый берег. — [Дания], 2010. — № 30.

277. «Словно эллин на Александрийский маяк...» : [предисловие] / С. Шелковий // Лестница с неба : книга стихотворений / А. Мельник. — Харьков, 2010. — С. 103–110.

278. [Стихи] / С. Шелковий // И времени стремительный полет... : сб. стихотворений к 125-летию НТУ ХПИ. — Харьков, 2010. — С. 17–27.

279. [Стихотворения] : [предисловие] / С. Шелковий // Пушкинское кольцо 2010 : альманах. — Черкассы, 2010.

280. [Стихотворения] / С. Шелковий // Радуга. — 2010. — № 11–12. — С. 93–99.

281. «Это просто хандра осенняя...» : стихотворение / С. Шелковий // Селяночка. — 2010. — 3 груд. (№ 49).

2011

282. Виноградник / С. Шелковий // Лит. газ. + Курьер культуры. — Севастополь, 2011. — № 22. — С. 4.

283. День просветлел : стихотворения / С. Шелковый // Лит. газ. + Курьер культуры. — Севастополь, 2011. — № 23. — С. 1.

284. «Между пламенем желтым и белым морозом...» / С. Шелковый // Про нас : газета рус. поэзии. — 2011. — 22 марта. (№ 1 (9)).

285. На улице Пушкинской... : проза, эссеистика / С. К. Шелковый : худож. Б. Е. Захаров. — Харьков : Права людини, 2011. — 334 с.

286. [О книге Т. Варен] // На пути к Venus de Milo : роман / Т. Варен. — Филадельфия [США], 2011. — С. 149–152.

287. Парусник : стихотворения / С. К. Шелковый. — Киев : Радуга, 2011. — 224 с.

288. Поезії / С. Шелковий // А українською так : антологія російської поезії України. — Кн. 2. — К., 2011. — С. 172–176.

Переклади поезії С. Шелкового з рос. В. Богуславської.

289. [Стихотворения] / С. Шелковый // Отражение. — 2011. — № 5. — С. 27.

290. [Стихотворения] / С. Шелковый // Пушкинская осень в Одессе 2011 : сб. стихотворений. — Одесса, 2011. — С. 129–142.

2012

291. Дух Малаги, велением Аллаха... / С. Шелковый // Эмигрантская лира — 2012 : сб. стихотворений. — Львж, 2012. — С. 45–49.

292. «Еще любил я первое июля...» : стихотворения / С. Шелковый // Лит. Крым. — 2012. — № 7–8. — С. 3.

293. «И отделять в пути добро от зла...» : [Предисловие] / С. Шелковый // Ода Адама : стихотворения / А. Медяник. — Киев, 2012. — С. 3–8.

294. Иронические стихи / С. Шелковый // Благбаз : альманах харківських сатириків і гумористів. — Х., 2012. — № 5. — С. 69–74.

295. «Тогда хотелось побыстрее...» : стихотворения / С. Шелковый // Добродетель. — Белгород, 2012. — № 1. — С. 44–45.

296. [6 стихотв.] / С. Шелковый // Лит. газ. + Курьер культуры. — Севастополь, 2012. — № 5. — С. 7.

СТАТЬИ, ПИСЬМА, ИНТЕРВЬЮ О ТВОРЧЕСТВЕ С. К. ШЕЛКОВОГО

Зоя КАПУСТИНА,
журналист, редактор
(г. Харьков)

«ПОЭЗИЯ — ЭТО ВСЯ ЖИЗНЬ...»

В Харьковском Политехническом институте на кафедре динамики и прочности машин работает доцент С. К. Шелковый. Его имя известно и многим любителям поэзии. Сергей Константинович — автор стихов, которые публиковались во всесоюзных, республиканских изданиях. Так недавно вышла в свет его книга стихов «Три взмаха крыл» в московском альманахе «Истоки», а в издательстве «Молодая гвардия» — сборник стихотворений «Всадник-май». Его своеобразное видение мира находит отражение в поэзии.

Сегодня мы публикуем беседу с поэтом, учёным и преподавателем высшей школы Сергеем Шелковым.

Вопрос: Сергей Константинович, как возникает у человека технической профессии стремление поэтически отобразить мир? Ваш путь к поэзии? Основные темы творчества?

Ответ: Как вообще возникает такое стремление? Думаю, мало кто о себе это знает. В себе эту тягу к слову, наполненному необычной силой, помню с возраста вполне безотчетного. Первые опыты относятся к 11 годам. Техническая моя профессия, которую люблю и которой горжусь, появилась уже после того, как на выпускном экзамене по русскому в школе, исписав 12-листовую тетрадь, едва вместил в ней свою отроческую поэму. Это было нечто рифмованное, долгими философскими рассуждениями напоминавшее «О природе вещей» Лукреция... Но интуитивно я всё же стремился к более земной, основательной почве под своими ногами и (скажем так) под ногами-тумбами письменного стола. Я поступил на инфиз, инженерно-физический факультет, выбрал себе ту работу и тех товарищей, к которым неизменно испытываю уважение и уже почти родственные чувства.

А та тяга к литературе, которая всегда была не увлечением, но страстью, со мной осталась, и думаю, уйти мне от неё не суждено. Выигрышных тем я не ищущу. Мир, по-моему, интересен и в большом, и в малом, и в реальности, и в фантазии. Нужно только всегда помнить, что существеннее всего в написанном — осмысление, прочувствование. В конечном счете, — нравственная позиция автора, по словам Л. Толстого.

Вопрос: Что бы Вы смогли сказать о проблеме «физиков» и «лириков» сегодня в сравнении с 60-ми годами?

Ответ: Признаюсь, что незатейливая рифма «физики-лирики» давно уже вызывает у меня протест, особенно когда, речь идёт о противопоставлении этих двух понятий. Уверен, что инженерной, научной работе необходимо образное мышление, думаю, что художественному творчеству только в помощь осознание мощной и своеобразной эстетики математических теорий. Человек, которому есть что сказать, — скажет, будь это Фёдор Тютчев, прослуживший всю свою жизнь на скромном околодипломатическом посту, или Андрей Вознесенский с его архитектурным, «полутехническим», образованием. Намного серьезнее заданный вопрос звучит, когда речь идёт о соотношении технологической и нравственной составляющих в мышлении, в душе современного мира. Это соотношение, действительно, заметно и стремительно меняется в последние годы.

Годы 60-е были временем упоения новыми перспективами технологий, и по страницам научной фантастики мчались говорящие, мыслящие роботы, которые, казалось, вот-вот вырвутся из романов и упорядочат наш быт, а то и озарят само наше бытие. Нынешние годы, ещё более ускорив технологическую поступь, стали годами отрезвления. Технологии требуют нравственности — нравственность активная, незамедлительная. Жизнь нуждается в «прорабах духа», в бережном, а не высокомерном отношении к «экологии культуры», в подвижническом труде таких людей, каким сегодня является, например, академик Д. С. Лихачев.

Мы все нуждаемся в пристальном взгляде на самих себя, на долгий поучительный путь отечественной и мировой истории, Разительная несостоятельность «голой» технологии ясна сегодня, как никогда. Горы изошренного оружия, загубленные воды и почвы, пагубные вирусы, вырвавшиеся из военных лабораторий... Горьким примерам нет предела. Здесь уже не до «физиков-лириков». Речь идёт о том, чтобы каждый нашёл в себе силы стать новым Человеком, под стать новой Технологии. И самым сложным

является то, что идти к этим изменениям должны одновременно едва ли не все пять миллиардов живущих ныне на Земле. И время наше в этом смысле — решающее, переломное.

Вопрос: Что бы Вы сказали о гуманитаризации образования, знаний (включая технические) в век НТР, о роли литературы, поэзии, в частности, в совершенствовании человека?

Ответ: Наше образование, знания, наш образ мышления и действия требуют не столько гуманитаризации, сколько гуманизации. Второй термин для меня — на уровне свершения, первый — лишь на уровне благих пожеланий. А их всегда предостаточно.

С огромным энтузиазмом и надеждой отношусь к изменениям, происходящим в нашей стране за последний год. Дело социальной справедливости, правдивости, развития нашей демократии, включение на полную мощность духовных ресурсов нашего общества — неотложны.

Социальная атмосфера становится здоровой, деятельной. Сегодняшняя литература смотрит правде в глаза: «Плаха» Ч. Айтматова, «Печальный детектив» В. Астафьева, «Пожар» В. Распутина — это открытая, мужественная речь. И эта речь — уже Дело. Я хотел бы, чтобы эти книги прочли все, и все над ними задумались. Что же касается поэтического слова, то истинная поэзия не будет пустым звуком и перед лицом самых суровых реалий нашего времени.

Роберту Пенну Уоррену, одному из старейшин мировой литературы, принадлежат примечательные слова: «Славные стишки?.. Черта с два! Поэзия — это вся жизнь...». В этой строке, безусловно, есть преувеличение: вся жизнь, несомненно, больше. Но поэзия, слово страстного поиска правды — это истинное зерно человеческого духа. Зерно, из которого многое может произрасти. Я в это склонен верить.

1986 г.

*Алексей КОВАЛЕВСКИЙ,
поэт, критик, редактор,
лауреат литературных премий
(г. Харьков)*

«НИЧТО НЕ ВОЗВРАТИМО В ХАОС...»

«Врата» Сергея Шелкового — удивительно цельный и гармоничный сборник стихов. Лад в нём и тишина. Та глубинная, сокровенная тишина, которая приближает человека к Истине, словно снимает с него панцирь плоти и отпускает его сущность, его внутреннее «светимое» в мир обетованный, находящийся где-то уже за гранью покаяния, в области прощения и такого счастья, что, оглядываясь не прожитую жизнь, видишь, как она обретает очертанья высокого смысла, и при этом от полноты ли душевной, от особой ли степени прозрения — ты готов дерзновенно утверждать вслед за поэтом, что каждая жизнь уже спасена, — хотя бы потому, что дана была Рукой Спасающего:

*Ничто, ничто не возвратимо в хаос.
Мы избранны и явлены на свет.*

Поэтому и входить во Врата, которые открывает эта книга, надобно, отрешась от суеты повседневья, выбравшись из «атмосферного», а то и «подземного» слоя бытия, в который подчас попадаешь, даже и не отдавая себе в том отчёта, — из этого слоя в слой Примирения и Любви, откуда предметный, вещный мир, тот, который «и проклят, и высок», видится уже совсем иным — искуплённым, переплавленным в огне неведущем и не утратившим ничего из того прекрасного, что тебе отчасти и открывалось, но больше всё же было закрыто до поры:

*Как страстна и тепла земная глина
Под пальцами, под алым языком!
Сгорает купина, горчит калина...
Но ласточка вдоль струй аквамарины
Спасётся
И зернистый склеит дом.*

Может, такова разгадка того, почему «земной» мир С. Шелкового, столь осязаемый, столь круто замешанный на желтке и глине, столь огнекровый и яроликий, представляется... безгреховным, полным той страсти бесстрастной, того плодоношенья и роскошества, которые были присущи ему изначально и которые задуманы снова — в том веке, что будет впереди. Это в нём — «солью земною спасётся земля...»

А пока — жизнь-испытание, «кривая и гугнивая правда» истории, которая бьёт наотмашь, раздирает нераздираемое в душе, смущает несмутимый покой. И кто-то из слабых, наверное мог бы уже и упасть, но видит: есть рядом люди, чьё стояние в вере радостно и неколебимо, причём — не нарочито, а естественно радостно и неколебимо, чья вера — в самой своей основе, в самой природе своей — лишена сомнений и метаний, будто и не знает жизни «по стихиям мира сего».

Да, это не имидж, а лицо. Лицо внутреннее, «светимое», которое убедительно прочитывается в каждой чётточке-строчке — живой, полной напряжённого смысла и спокойной радости, достоинства. «Кто слышит зов, тот чисто говорит».

И когда натыкаешься, даже на что-то неожиданно расхожее в сборнике, вроде — «смысл жизни заключён лишь в ней одной», то, прочитав книгу до конца, ощущаешь, что и по этой строчке бегут все токи нерасхожего мировидения поэта, что и а этой сентенции переплавлен далеко не банальный, не мещанский опыт, а опыт того духовного движения к Истине, которое словно и преодолело самоё жизнь, и снова вернулось в неё, не отвергая, а утверждая её. И ты тоже учишься понимать всю Промыслительную ценность каждой слезы и кровинки, каждой песчинки в этой призванной к спасению пустыне, где так много жаждущих и страждущих.

К ним и обращена «вот эта книжка небольшая...», в которой только поверхностному взору не откроется необыкновенно глубокой и ясной философии, поскольку она, эта философия, вся — в ткани стиха, в его одухотворенной живописи.

Увидеть мир не из века нынешнего, а из века грядущего — разве не искомая и не спасительная, разве не самая позитивная философия! Увидеть — из света, а не из тьмы, из части «десной», а не сознательно прилепившейся ко злу. И повторить, как произнёс когда-то апостол Матфей: «Так, нет воли Отце вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих».

Нет этой воли, как бы говорят стихи С. Шелкового, и о гибели природы — любого стебля и листка, камня и горсти глины; нет

этой воли и о гибели творений искусства и всего-всего, что ищет соединения с Богом, смотрит порой вот так в восхищении и на прошлое, и на будущее — как на уже очищенное и перерождённое, хоть и находящееся ещё здесь — словно в пределах той доски, на которой пишется икона — окно в жизнь подлинную, а не иллюзорную, словно в рамках того холста, на который наносится пейзаж:

*Осенний Крым. Явление благодати.
Шуршит инжирной роищицы листва.
И близко непорочное зачатъе,
И рядом изначальные слова —*

слова из Ветхого завета, который тоже не отменён, а лишь преобразован Победившим смерть...

«Ничто, ничто не возвратимо в хаос»!

Книг такого уровня, таких тем и решений — было и остаётся очень немного в литературе. А тем более — в осознанном, концентрированном выражении. Художественное слово у нас — поскольку слишком светское, если не сказать: атеистическое? — увы, даже когда говорит о вере, полно пугающего, косного безверия. Философского дилетантизма. Несмотря на всю кажущуюся учёность иных творцов.

Но это — знак времени, воля Того, кто посылает Зов, отклик тех, кто Зов слышит, — и поэзия, искусство устремляются дальше, дополняя и доосмысливая то, что было сказано раньше, что, может, лишь намечалось ранее и предвосхищалось и что должен сказать идущий вослед за учителями, путём традиции и обновления:

*Под каждой из ветвей
мы снова вместе дома,
Зернистый Осип мой,
Арсений мой, Борис...*

Это — там, где всё уже реализовалось, нашло Себя. Не могло не найти. Ибо:

Светимое — то, что не смеет не сбыться...

Это — здесь, в душе, в стихах живущего рядом с нами поэта. Хочется, чтобы читатель услышал его голос. Сразу, а не потом. Хочется, чтобы многие возревновали о подобной силе веры уже сегодня — в данную быстротекущую минуту...

1993 г.

*Алексей КОВАЛЕВСКИЙ,
поэт, критик, редактор,
лауреат литературных премий
(г. Харьков)*

«И НАД СОДОМОМ — БЕЗДНА НЕБА...»

Свой очередной сборник поэт Сергей Шелковый назвал «Во плоти». Почему?

*Ты прав, что прежде губ уже родится лепет
Какой-то новый век задуман впереди.
Мы не посмеем знать, кто наши ноздри лепит,
Пока не подан знак извне и во плоти...*

Поэтическое зрение С. Шелкового устроено так, что он, словно живописец, видит прежде всего вещьность, предметность мира, то, что предстает перед нами «во плоти». И воспеваает эту плоть влюблённо, страстно, истово, живописует сочно, с фламандской роскошью красок.

Однако время идёт, и читатель, следящий за эволюцией поэта, наверняка заметил, что С. Шелковый, оставаясь точным, ярким, изобретательным в живописном отображении мира, всё больше приближается к тем сферам, где преобладает невещественное. И в нём — музыка. И в ней — тишина.

«В пределе откровенья — тишина» — говорит поэт. Эта тишина непереложима на язык, может, самого глубокого, самого сосредоточенного молчания, на язык любой медитации. Так же, как музыка, о которой идёт здесь речь, — вовсе «не медный лай кимвала», и её невозможно выразить с помощью музыкальных нот...

Увы, мало мы об этом думаем. Как заметил другой поэт, наша поэзия давно уже впала в «одичание метафоризма». Погоня за образом, за сравнением, самодовлеющее значение красок, неистребимая «злоба дня», сводящаяся к вариациям надоевших тем и идей, — вот незамысловатое содержание множества стихотворений.

С. Шелковый всегда понимал опасность подобного крена. Потому и не был собирателем метафор, певцом цвета, ловцом конъюнктуры. Он с самого начала был обречен не «развлекать

и услаждать» — так, пусть и грубовато, можно обозначить одно из существующих эстетических направлений, — а искать и давать ответы.

По инерции «традиции» и он, правда, может вздохнуть в начале раздумья: «Как страшен нерешаемый вопрос...» или «Не знаю ничего, а то, что знал, забыл...». Но одна фраза или даже отдельное стихотворение — это лишь фрагмент в цели познания. Достаточно завершённую, целостную картину может дать лишь книга, а лучше — всё творчество поэта. Поэта, который посредством «словесных знаков» воссоздает во плоти мир, природу, человека.

Именно в этом вещественном бытии есть — а точнее сказать: тоже есть — ответы. Иначе трудно представить себе предназначение творения!

Тот, кто обладает глубинным, острым зрением, чутким слухом, отзывчивой душой, участвует своим искусством в сотворчестве с Абсолютом. Идя за ним, постигая причины и следствия, его вдохновение и законы, осмысливая жизнь, он находит, всё-таки находит, ответы.

В книге «Во плоти» вы не почувствуете внутренней ущербности автора, что так часто можно заметить в других стихотворцах. Недостаток культуры — как личностной, так и исторической, то есть пронесенной и умноженной народом в течение веков, зависимость от чужого и чуждого, отчаянные взрывы гнева и всеразрушающей мести — себе и миру! — этот комплекс неполноценности им трудно чем-либо скрыть.

Как трудно скрыть, например, то, что наша общая «зависимая ментальность» не в состоянии организовать жизнь по-людски, по-Божески и, если не зовёт пока на выручку новоявленных варягов, то это вовсе не значит, что те не готовы придти к нам сами, без спросу... И тогда уж точно на «прародине» славянской безалаберности, вражды, завистливости и «гугнивой правды» воцарится вождеденный порядок.

*Если можешь, очнись у черты небывалого моря. —
Снова Бог твой утоплен тобой в почерневшем Днепре.
Покаяния нет. Хруст и рыканье волчьего жора.
И хрипит вороньё на кресте о батыйском костре...*

Культура, которая питает и движет стихи С. Шелкового, полна достоинства и самодостаточности. Она далека от кондового патриотизма, называющего тех кто подлинно обогащает её и избав-

ляет от примитивизма и безвкусицы, лишь русскоязычными, а не русскими писателями.

И здесь, пожалуй, можно говорить о корнях, ищущих не северных неласковых суглинков, а своего, тёплого и щедрого, чернозёма. Можно говорить о почве Харькова, о той ауре города, которая складывалась всегда достаточно независимо и самостоятельно. И вот высветлила во мгле сегодняшнего дня одно из наиболее ярких своих родовых лиц — лицо поэта Сергея Шелкового.

Ему не нужны котурны, меценатство тех, кто столь бездарно делает и «зажигает звёзды», свечение которых зачастую тусклее и дешевле разменной монеты... С. Шелковый идёт своей «дорогою свободной», делает то, к чему призван, и, зная цену своему творчеству — своему бескорыстному духовному спонсорству! — ни перед кем не ломает шапку. Даже — по устанавливаемому сейчас свежим ритуалам — перед теми, кто спонсирует издание его книги. На последней странице сборника лишь беспристрастно общается, кто помог осуществить издание.

Вообще же проблема «благоденствие или долг?» понимается поэтом много шире: ему нужны не «меценаты», одной рукой вгоняющие культуру в одичание, а другой отсчитывающие нам библейские сребреники за молчание и послушание, ему нужно гораздо большее:

*Но я ли не молил небес о брате?
И, чем же Ты ответил мне, Господь...*

И всё же, всё же:

*Священнодействие возможно
Смирennemудрию вослед...*

Не в возмущении, не в половодье гнева достигнешь полней духовной самореализации. Не в сведении счетов... С течением времени поймашь себя на спокойной, отстоявшейся мысли: «Я жил и мало верить стал упрёкам...». То есть жизнь — богаче и полнее, чем могло показаться в какой-то момент, когда действительно захлёстывала «злоба дня», а вечная суть бытия, нетленная его красота исчезали.

*Но оказалось, что для взлёта
Нужней не пыльные уста,*

*А всевлюблённости работа
И самоедства правота.*

Нравственное самоусовершенствование немислимо без этой «работы всевлюблённости», без сомнений, без постоянной творческой неудовлетворённости.

Не потому ли С. Шелковый пишет о себе: «Вряд ли воитель, лишь искры хранитель...»?

Что ж, воителей много. Много непримиримости, категоричности, яростно самоутверждающегося невежества.

«Не мир принес вам, но меч»? Однако и затем ведь меч принёс, чтобы хранить искру, а не рубить сплеча, налево и направо, прорубаясь куда-то вперёд — и вперёд ли? — даже не представляя себе при этом, как далеко, в какие сакральные глубины и выси, катится эхо от ударов и вскриков тех, по кому эти удары пришлись.

*Прости, что я опять ошибся дверью —
Ищу Твой Храм, а в капища вхожу.*

Это из стихотворения о пастыре «с неправедным лицом». «Я чую в нём несчастье, порчу, лжу» — признаётся поэт. И старается выразить то, что, быть может, ещё только носится в воздухе, не отлитое в руководящие формулировки, не переведенное в плоскость действия.

О многом здесь думается. К примеру, о пресловутом «генетическом рабстве» православия, которое — и почва за семьдесят лет атеизма достаточно подготовлена! — можно бы, как кому-то кажется, заменить чем-то «попрогрессивнее», «подемократичнее», тем, например, что богатых будет определять как перстом Божиим отмеченных, а бедных — как справедливо страдающих за грехи свои тяжкие...

Мысль поэта движется от частного к общему — вот она заставляет задуматься уже и о соборной нашей «затаённой вине пред Отцом»: надо что-то делать, а нет решимости идти «путём тесным» и помнить притчу о верблюде да об игольном ушке. Или хотя бы рефренный мотив многих народных дум о продающих душу «ради лакомства несчастного».

Обращаясь к «огромной славянской стране, распластанной шкурою медведя», поэт не может сдержаться:

*Беспутная! На путь благослови
И в эти дни, когда дыханья нету.*

Однако, одолевая минутное отчаяние, без пафоса, но твёрдо и уверенно, тут же произносит:

*За эту глину, супесь, чернозём
Держусь полвека думою и сердцем.
Тобою крещены мы. И умрём,
Оплакав твой печальный окоем,
Лишь молча усмехнувшись иноверцам...*

Не здесь ли для одних краеугольный камень, а для других — камень преткновения? Не здесь ли надо тем и другим наконец понять, что отнюдь не одними кровавыми прорывами в будущее может вершиться история? И вместе с тем, не здесь ли наиболее остро пронзает боль от того, что повсеместно ещё не научились отдавать предпочтение как раз бескровному деланию, духовному животворению.

*Идущие землей — не властелины,
Заложники ухабов и канав...*

Но, если выбрал тропу сотворчества с Абсолютом и торишь её в меру сил и отпущенного тебе таланта, ты не можешь быть пессимистом. Не можешь просто по определению. А коль пессимист — поищи червоточину и в себе, попытайся выяснить, почему именно чёрные инвольтации преобладают в твоей душе над светлыми.

Главное — не зарыть талант в землю, а талант, Богом данный, для всех один — творить добро, служить красоте и истине. Не зарыть ни самому, ни с помощью легиона воителей, победно шествующих, как видим, совсем другим путём.

Что делать... Как судьба каждого есть прежде всего вектор его индивидуальных желаний, так и судьба Земли есть равнодействующая пороков и добродетелей человечества. Одним махом здесь ничего не изменить, и даже Христос не противился внешне ни общему ходу вещей, ни адским инстинктам конкретного Иуды: хочешь кассой «заведовать» апостольской — да исполнится твоё заветное, хочешь предать меня на распятие — да сбудется и это...

Два тысячелетия минуло, а всё нет места христианскому миропорядку, за который ратовали столь многие, и среди них близкий нам по времени отец Сергей Булгаков — он был не из тех, которые называли и будут называть, согласно указаниям «синедриона», чёрное белым, несправедное — благим.

«Останься твёрд, спокоен и угрюм» — сказано у Пушкина. С. Шелковый таков и есть, но в стихах своих он целостно светел, не угрюм. Этот свет сродни высоким образцам: Пастернаку и Рубцову, Мандельштаму и Чичибабину.

Слепые останутся рабами своих неодолимых жажд, пока не прозреют... Видящему же ведомо, что

*Для жизни духа нет плохих времен,
Как нету для нее времен хороших.*

Однако он помнит и другое:

*Одна крупница соли за душой —
Верней в итоге, чем подачка хлеба.
Настанет день для правды: Мир большой!
И даже над Содомом — бездна неба.*

Поэт верит в это бездонье и безбрежье неба, тайны которого неисповедимы, их «ни числом, ни схимой» не измерить. И всё ещё под этим небом возможно, возможны и правильные ответы, и тот «новый век впереди», нелживый, как теперь, не этот, что упрямо ведёт цивилизацию к краху, — безразлично, несправедно ли она нищенствует, или несправедно же благоденствует в какой-то своей части.

Сергей Шелковый творит мир добра и любви, творит его «во плоти», но таким одухотворенным, что тот кажется уже преображённым, то есть тем, каким должен будет стать где-то впереди. И тут творчество поэта совсем уходит из сферы метафоризма и дышит силой многозначного, ёмкого символа, даёт ответы.

Вот они, возможности искусства, возможности нашей надежды и веры!

Думаю, многие, — и не обязательно поэты, — прочитав книги Сергея Шелкового, вынуждены будут честно признаться: «Ты победил, ревнитель творения, хоть, как и я, родился в Содоме...»

1995 г.

Игорь ЛОСИЕВСКИЙ,
профессор филологии,
поэт, лауреат литературной премии
(г. Харьков)

**«ДНЯ НЕ ПРОЙДЁТ,
ЧТОБЫ ТЫСЯЧИ ЛЕТ НЕ ПРОШЛО...»**

Что значит «Избранное» для поэта? Пора собирания словесно-го мёда — по живым цветам-листам пяти книг. Оказавшись под одной обложкой, многие стихотворения из разных сборников словно засветились навстречу друг другу, обозначились вехи Пути. Пора подведения предварительных итогов? Может быть, и так, но присмотритесь: в «Листах пятикнижья» Сергея Шелкового — завязь новой книги, уже возникающей в образах и звуках:

*Снова проснусь я, как будто проросшее семя.
Воздух огромен. От сини до сини светло.
Странно устроено живородящее время —
Дня не пройдёт, чтобы тысячи лет не прошло...*

Сергей Шелковый — мастер. От сборника к сборнику гармоническая природа его «странного занятия» становится все более очевидной. Уже в первой книге «Всадник-май» (1985) выявлен первородно «летний», воздушный и светоносный, характер его словесной пластики. Но тот первый сборник, интуитивно-точно названный своим именем, помечен «чувством рожденья», помечен часом начала и «взмаха крыл», временем, когда «ставит легкий июнь ногу в стремя», когда «липы город овевают улыбкой непорочных уст...» Время же последних книг поэта «Врата» (1993) и «Во плоти» (1994) — это уже пора плодоношения, когда естественное сгущение образности и философии являет в слове лирико-философскую зрелость и завершённость. Стихи этих книг — словно спелые яблоки на ладони. Они наполнены живыми, незабываемыми образами и сочными красками.

*Когда всё звонче яблок мясо,
Всё ближе летних дней исход,*

*В лазури яблочного Спаса
Заметен бликов хоровод.*

*Подобно звукам Амадея
Они в гармонии слиты.
Великодушна их идея
Одушевленья пустоты.*

Герой стихотворений Шелкового живет с «остродетским» желанием чуда — и оно оказывается совсем рядом, осуществлённое во плоти. Это — и «простодушная щедрая плоть» ветвей, лёгкий шелест деревьев, плещущих как «живое зелёное знамя», и «коммунальный уют» мурашей, и «цветок летучий» — махаон. И всё это «вещественно и необманно». Запечатлевая божественную вещность бытия, поэт вправе сказать: «Платон — бесценен! Но дороже — дорога, амфора, зерно!» Пёстрая, трепетная плоть мира, отражённая в слове, быть может, призвана искупить чью-то никчемную, загубленную жизнь, нашу «гибель-гульбу»...

Хотя поэт признается, что не любит «в пейзаже человека», сами его пейзажи очеловечены — в том идеальном смысле, когда говорят об искре Божьей в человеческой душе. Поэтому-то и уповает герой — «искры хранитель» — на великодушные природы, очищенной от «жадного дыханья сумасброда», от «суетных стенаний и молвы». А человек всё-таки появляется «в пейзаже». Пусть он не трижды, как Пётр от Иисуса, а многожды отрекался от самого себя, но всё-таки нашёл в себе силы снова поверить в неизбежность жизни.

*Но вот уже шрамы вражней земли
Июнь затянул молодую травю,
И над уцелевшей моей головою
Терновника ветки опять зацвели.*

В июне — на юг, на юг летит душа героя, спешит он сам «По зову рода, по магниту крови — Чумацким Шляхом, муравой шелковой...». Движение образов во многих стихах Сергея Шелкового подчинено закону крымского притяжения. Вот он, «заговорённый полуостров» поэта, символ животворного пересечения и переплетения, — вопреки всей жестокости исторического пути, — языков, религий, народов. Вот она, земля обетованная его души: читая «Киммерию», почти физически ощущаешь, как сопряжены

в лёгкой материи строки огромные культурные пласты, опять-таки, лежащие «в пейзаже», словно проступая сквозь пейзажные зарисовки. Энергетический источник этих стихов, насыщенных многообразными аллюзиями, наверное, в способности «сверхинтенсивного переживания культуры» (по выражению Лидии Гинзбург), когда все её явления и эпохи словно становятся мгновеньями собственной жизни героя. Когда «дня не пройдёт, чтобы тысячи лет не прошло...»

*Здесь волны шепчут имя Пифагора,
Шушат: «Анаксимандр, аквамарин...»
Здесь нету слов для жалоб и укора,
И круг пространства-времени един.*

*И этот круг, живая эта сфера,
Верней — взаимопроницанье сфер,
Искрят то алой альфою Гомера,
То опереньем вёсельных галер.*

На таврийскую землю Сергея Шелкового, чуть опережая отсветы евангельские, ложатся античные блики, здесь витает «певучая тень Александра»...

Как справедливо заметил Мандельштам, «поэт не боится повторений и легко пьянеет классическим вином». Так Пушкин, словно что-то припоминая о себе, просил катулловского мальчика наполнить чашу «Пьяной горечью Фалерна»... Ахматова, хорошо зная обо всём этом по себе, высказывала предположение, что «поэзия сама — одна великолепная цитата». Поэт и сам, наверное, не знает, как, почему это происходит, но наступает миг «священной жертвы», когда не нужно искать слова — они сами его находят, преодолевая культурно-временные пласты и, вместе с тем, неся в себе — в сверхжатоной материи стиха — память о каждом. И «всемирная отзывчивость», присущая поэзии Сергея Шелкового, отнюдь не идейная установка, она воплощается уже на уровне «внутреннего образа, звучащего слепка формы» (Мандельштам). Не потому ли и в пластической игре образов «Листов пятикнижья», в особенностях поэтической техники таится нечто существенно большее, чем владение «пешими рифмами»?

*Не я виновник рифм.
Откуда эта детскость*

*Пришла бы мне на ум и на сердце легла,
Когда б в любом зрачке не колдовала меткость,
Когда б из полной тьмы планета не всплыла?..*

В стихах Шелкового сдвинуто, слито вечное, незыблемое, «геральдическое» и мгновенное, казалось бы, обречённое на скорую гибель; одно просвечивает в другом, потому и назван махаон не только «цветком летучим», но и «лёгким геральдическим зверьком»...

А как преобразила дворовая гитарная песня слушателя — всегда сердитого, мрачного «хмельного дядь Мишу», уведя его далеко-далеко от его «безногой тоски».

*Не гремит он давно деревянной тележкой,
А лицо его, ослобелое, злое,
В ту минуту светилось почти безмятежно,
И осталось такое, доньне такое...*

Такие мгновенья, сохранённые в слове, утверждают право поэзии быть. Вопреки ветхозаветному «Всё суета сует...» и марк-аврелиевскому «Скоро ты забудешь обо всём, и всё, в свой черёд, забудет о тебе». Поэт не может с этим согласиться:

*Услышанное не вернётся в хаос,
Увиденное явлено на свет.*

Может быть, именно это упрямое нежелание согласиться с исчезновением даже малой части мировой гармонии и является одним из главных импульсов для поэтического высказывания. «Бог сохраняет всё»... Наверное, немало сохраняет Он устами поэта, его незабывающей душой.

Есть у Сергея Шелкового целые вереницы «невзрослых стихотворений», словно отправленных в детство, освещённых «чуть хмурой добротой» деда и небесной добротой бабушки, «друга милого». Поэт неустанно возвращается к своему началу, туда, где «стены и заросли родины давней, полные гулких, зовущих имён» («Рожденье», из книги «Три времени судьбы», 1989). Там, в тех краях — никогда не изменяющий источник человечности, прозрачного воздуха его стихотворений. И там же — вечноживые образы тех, кого «нет шестнадцать лет и десять», но память о ком «не засыпать глиной и песком»:

*О, как по имени кликнуть мне хочется
Тень, что качнула вишневую рожицу,
Плач затаив...*

Глядя на мир не благостно-затуманенно, но пристально и мужественно, поэт не может не брать в себя родную и чужую боль, не превращать её в свою. Даже тогда, когда, пробираясь через траву, «идёт на плач» ночной птицы, «сквозь птичью смертную беду людское что-то различая». Тем более дар сочувствия и сопереживания, — качество истинно поэтическое, — не может оставить его безучастным и к прошлой, и к нынешней боли Отечества:

*Наша правда крива и гугнива —
На плечах её рваный наряд,
У нее половицкая грива
И шляхетский неласковый взгляд.*

Но если нельзя забыть и «днём о ночном Иоанне», о «Святополке с волчьим взором, с ухмылкой лиса», если сказано горько о часе нынешнем «В этот век срамоты, в эти дни оловянного зора нам осталось так мало живых исцеляющих слов», то это оттого, что вера в общее исцеление поэту самому внутренне необходима. Ведь лирического героя поэзии Сергея Шелкового невозможно оторвать от его корней, от той земли «на стыке печенег, Руси, кипчаков», которая сегодня зовется Слободским краем. Не оторвать его от тех плавно-холмистых пространств южной Руси, которые Шелковый в своей эссеистской прозе о Булгакове и Гоголе благоговейно именует Первороссией. Недаром еще в дебютной книге «Всадник-май» он произносит с истинно сыновним чувством:

*Спасибо, жизнь, за три восьмых
Моей великоросской крови
И пять восьмых моих любовей
Из белых мазанок босых.*

Сильное, глубоко укоренённое дерево с радостью трепещет ветвями на ветру. Так и двуединая, взращённая Россией и Украиной, душа поэта распахнута навстречу всем ветрам: «Мой ангел — метель. А в июле — он ливень-хранитель. Недвижность мне равно среди стужи и зноя страшна». Тяга к воссозданию объёмности,

подвижности стиха, страсть к смысловой многомерности, к окликаниям, слоениям в музыке и живописи строки отличает характер поэзии Шелкового. Его слово почти всегда обладает потенциалом нового движения, распаивания образа. Так огромные пространства Азии могут начинаться прямо здесь, на Блабазе, «у россыпи прилавка» («Благовещенский базар в Харькове»).

В стихах Шелкового нередко ощутима интонация исповеди и молитвы. Иначе и быть не может, ведь неподдельная, неразделяемая с жизнью поэзия — наверное, более всего есть «разговор с Богом». О ком же из живущих не замолвит слово поэт в этом перешёптывании с Небом? Но: «О нас с тобою я давно не плачу. Жалею малых ласковых детей». — Главная его молитва — о будущем, о идущих следом, о выживании надежды как таковой:

*За себя не трашусь, но за них — угловатое племя,
За оставшихся здесь, среди смуты, глазастьх детей —
Не клянц тебе, век, но прошу тебе, вздорное время:
Дрогни волчьей губою и юную кровь пожалей.*

А между тем, существует не только «внешняя» опасность: сражение за человеческие души чаще всего происходит внутри нас. Именно об этой схватке, о страшной опасности человеческого безбожия болела душа провидца Федора Достоевского. Всегда ли мы становимся победителями — судите сами, но дорогого стоит горькое восклицание-предупреждение поэта:

*Как плавно входит бес в божественных детей
Сквозь рыхлые слова досужих разговоров!*

Совсем иные слова, слова «по ту сторону тишины» составили книгу «Листы пятикнижья» Сергея Шелкового. Воистину поэту удалось «на слове хлеба замесить», есть у него золотой запас настоящих, замечательных стихотворений, среди которых — «О Хронос и Харон...», «Я солнце страстью ящериц люблю...», «В мае гремело...», «Бледно-лиловые астры...», «Донец, шафранный август...», «Виноделие», «Ловля», «Волошинский холм», «Между Арсением и Анной...», «Летний дом», «Мало жёлтого, больше кармина...», «Небесный алыт...», «Шмель на малине...», стихи, обращённые к Борису Чичибабину. В них и во многих других строках, вошедших в первое «Избранное» Сергея Шелкового, запечатлены мудрость пройденного пути и зрелость таланта.

Стихи эти покорили сердца многих читателей и были сочувственно встречены старшими мастерами — Борисом Чичибабиным, Юнной Мориц, Евгением Рейном. Остается пожелать поэту не избыть «озноб жизнелюбья», чтобы каждый раз, как впервые, окликали и непокоили его дух «светопад, первоцвет, снеговей...». Чтобы душа его всегда жила в ожидании знака «извне и во плоти». В ожидании чуда.

1997 г.

*Ростислав РЫБАЛЬЧЕНКО,
писатель, этнограф, педагог
(г. Харьков)*

ПОЛУДЕННЫЙ ПОЭТ

Есть два вида наслаждений: своим и чужим творчеством, в данном случае — поэзией харьковчанина Сергея Шелкового. Говорить о поэзии и вообще об искусстве всегда отраднo — это не разговор о суетном и будничном, а всегда раздумье о духовном и высоком. Это словно уход в другой мир, гриновский город Зурбаган — ирреальный и прекрасный.

Поэзия — вечная тайна, даже Борис Чичибабин, по его признанию, не брался определить, что такое поэзия. Это особый жанр, где все иначе: мало слов, но много воздуха, звуков, намёков, образов, порой призрачных, пленительных, а порой, имеющих силу философского прозрения и космического обобщения. Тут особенно ощущимо настроение, и стихи становятся живыми «камешками на ладони». Давно заметил, что стихотворные сборники, которые наиболее часто берёшь в руки и не раз перечитываешь, — словно классическая музыка, никогда не раскрывают до конца своей тайны. Пушкин, и вообще классики, — тому пример, да только ли они?

Сергей Шелковый уже не новичок в поэзии, он издал несколько книг и на сей раз выпустил в свет стихотворный сборник «Листы пятикнижья». Он включил в него стихи из пяти своих предыдущих книг, и значит, это — избранное, лучшее из написанного поэтом. Так оно и есть — в «Листах пятикнижья» действительно много хороших стихов. Не буду вдаваться в их анализ, это уже сделал филолог и поэт Игорь Лосиевский в обстоятельном послесловии «Дня не пройдёт, чтобы тысячи лет не прошло...».

В новой книге Сергея Шелкового нет и близко того «псевдо» (гражданственности, энтузиазма, неустанной борьбы), что ещё совсем недавно считалось главным достоинством литератора, не говоря уже об отсутствии в сборнике «паровозов», панегириков власти, которые традиционно открывали ранее двери издательств.

Поэзия С. Шелкового — глубоко субъективна, индивидуальна, в ней всё — о личном, пережитом, увиденном, услышанном, о живых и близких поэту впечатлениях. Но кому это стало бы

интересно, если бы не было озарено светом поэзии, личности мастера?! Думаю, что в яркой личностной освещённости стихотворений и состоит главная ценность сборника.

Автор наделён счастливой способностью видеть, он замечает и слышит всё буйство красок и звуков, окружающих нас. Но как редко видим и слышим их мы сами, угнетённые своей повседневностью! Всё запечатлеть, возвращая потом в чудесном преображении читателям, — свойство поэтов-художников. И вслед за ними мы и сами видим — как будто бы заново, как будто в первый раз. Видим и осознаём с удивлением и благодарностью.

*Кто не спешит, тот слушать не устал.
И он ещё поймёт слова иные...*

Образы, созданные поэтом, словно полотна художника Сергея Васильковского — запоминающиеся и яркие, они сотканы дивными сочетаниями, казалось бы, обычных слов: импрессионистское — «Вишни спелые, белая скатерть», тючевско-бунинское — «Бледно-лиловые астры в сумраке стылого сада», декадентское — «Запах флоксов, дурман увяданья», натюр-морт, вернее, натюр-вита: «Охалка белых астр в стеклянной вазе». И ворох книг потёртых на столе», «в голубом молоке полнолуныя», «золотистая плазма былин», «груз фамильной чашки» — тут целые россыпи впечатляющих и незабываемых метафор.

Словно старых знакомых встречаешь в стихах Сергея Шелкового Харьковскую крепость, Благовещенский рынок, Шарукань, Холодную и Лысую Гору, улицы Пушкинскую и Рымарскую.

География поэзии С. Шелкового беспредельна: Слобожанщина и далёкие Генуя, Гамбург, Рейн, Прага... В его стихах оживают и образы героических фигур из прошлого Украины и дорогие сердцу современники — словно стремится поэт объять весь мир! А как жива здесь любимая им природа: деревья, цветы и травы, озёра и реки, лес и птицы!

Он по праву может сказать словами И. Бунина: «Радость жизни во всём я ловлю: в звёздном небе, в цветах, в ароматах...» Не случайно так много у автора «Листов пятикнижья» сильных и гармонических стихотворений о Крыме, Тавриде, о древней земле Киммерии. Поэзия Шелкового проникнута неподдельной любовью к родному краю, она — как ковыльные степи Слобожанщины, солнечные, светлые и радостные.

Это воистину — полуденный поэт!

*Я солнце страстью ящериц люблю,
Я чую просветленье беспричинно,
Когда июльский зной мне дышит в спину —
шершаво, словно в парус кораблю...*

Или ещё:

*И сагайдак мне дарит Сагайдачный,
И в грудь вонзает твёрдые глаза.
И вот, скольжу дугой меридиана,
Лечу в огромном сне, всё ускоряясь,
По зову рода, по магниту крови —
Чумацким Шляхом, муравой шелковой
Спешу на юг с тоской неодолимой...*

Но входят в его поэзию и мотивы суровой действительности:

*В этот век срамоты,
в эти дни оловянного взора
Нам осталось так мало живых,
исцеляющих слов,
Что мне жаль умереть
посреди оскуденья и мора,
Разуверившись в правде,
что слово — в основе основ.*

Поэзия С. Шелкового — повод вспомнить старый спор о «физиках и лириках». Он — доцент Политехнического института, словом, «физик» по профессии. Но я убеждён, что его талант лирика — это Божий дар, помогающий ему жить, работать и так самозабвенно любить весь мир.

Сергею Шелковому присуще то самое вдохновение, которое, как говорил Пушкин, нужно и в геометрии, и в поэзии. Это прекрасное качество наверняка присутствует и в его лекциях, и в научных исследованиях, во всей его жизни. И это чрезвычайно важно именно сейчас, когда рационализм становится болезнью века и всё больше разъедает связь людей с миром, космосом, духовностью, без чего не может быть Человека!

1997 г.

Станислав МИНАКОВ,
поэт, журналист,
лауреат литературных премий
(г. Харьков)

«ЛИШЬ ТО, ЧТО ЗА ДУШОЙ...»

Трудность моего положения, как пишущего «о», заключается в том, что я с удивлением замечаю свое возрастающее творческое родство с Сергеем Шелковым. Но, возможно, в этом же — моё преимущество. Не исключено, что процесс этот обоюден, и потому мне довелось быть редактором двух последних книг С. Шелкового — «Вечеря» и «На кордоне» (Харьков: Крок, 1999 и 2001 гг.).

В чём же истоки общности? В родственности поэтических, духовных привязанностей? В черпании из одних истоков? В совпадении направлений взглядывания, векторов? Воспользовавшись употреблённым математическим термином, сразу хочу подчеркнуть, что мне импонирует рациональная составляющая творчества С. Шелкового, которая, не упраздняя его иррациональной и чувственной сторон, дополняет, организует его мышление, его тексты. Опять-таки, быть может, всё дело в том, что я и сам — технарь по образованию, а рыбак рыбака, как известно... В любом случае, здесь мы имеем дело с собранной и устремлённой личностью.

Если судить о творчестве писателя, причём, представлять его читателю, то лучшим побудительным мотивом всё-таки следует считать приязнь (если не произносить «близость»). Не убоимся нынешнего циничного времени, везде и всюду снижающего пафос или, скорее, вздымающего свой, антипафос — прокламацию «низа». Пойдём своей дорогой, — благо, она обозначена.

Многое из того, что произнесу о Шелковом, я мог бы отнести и к творчеству своих друзей — по цеху и в жизни — читаемых и почитаемых мной поэтов-харьковцев — Ирины Евсы, Андрея Дмитриева, Виктории Добрыниной. Скорее всего, это и есть родство времени и места, родство «по рождению».

Если говорить о поэтической школе Сергея Шелкового, то очевидно, что поэт приходил в мастерскую в большей мере

к двоим: Осипу Мандельштаму и Борису Чичибабину. От первого он потрясённо усвоил способность соединять в речи несоединимое, вживаться, вгрызаться в плоть слова и созидать сложную образность, осуществлять «крутой словесный замес», а от второго — с которым Шелкового связывала и земная дружба — принял высокую нравственную, сострадательную, христианскую ноту, с аввакумовым, страстно указующим перстом. Эти два начала, как сказал бы литературовед, «имплицированы» в стихах нашего автора. Безусловно, лишь внутренняя, генетическая заданность в нём этих начал и могла вызвать живительные резонансы с двумя названными творческими образцами. Примечательно, что именно об этих двух поэтах (и только о них) Шелковый написал эссе, опубликованные в книге «Вечеря». В этих текстах он не перестаёт быть поэтом, даже поверяя гармонию алгеброй; эссе имеют особую упругость слова, никак не литературоведческую. Так пишут поэты о поэтах: изнутри предмета, изнутри словесной ткани, причастно и ярко.

Мне как-то доводилось, в связи с Арсением Тарковским, написать: «достойно есть бытие в каноне, сжатие себя в пружину традиции...» В случае с поэзией Шелкового могу эту формулу повторить многократно. Ибо здесь, несомненно, присутствует и мужество отказа от вольных и псевдовольных форм. Поэт не позволяет себе «снизиться» до верлибра, подчеркнуто пользуется только «железными размерами» — в противовес расхлябанности стилистической, сиречь душевной и духовной — охватившей сейчас многих — на манер «просвещенной Европы и свободной Америки», где «носят нынче» только «вольное».

Постижение ремесла давно закончилось, и полновесные строфы ложатся из-под руки мастера — словно тёсанные резные блоки в стену храма. Быть может, безмянно. Но да утешат и утишат нас древние китайцы: «Когда мастерство рисовальщиков достигает совершенства — их рисунки неотличимы друг от друга». Думаю, всё же, что читатель, знающий и любящий стихи С. Шелкового, всегда различает сквозь строгость и чёткость поэтического рисунка авторское «лица не общее выражень».

Шелковый пишет много и неустанно. Его книги выходят часто — то через год, то через два, получают премии. Такие объёмы могут показаться пугающими, однако, у каждого — своё дыхание. И удивительно, что, при таких количествах, большинство текстов Шелкового — либо безупречны, либо близки к этому. Быть может, избыточностью он подсознательно хочет засеять мир, как бы

компенсируя малость нынешних поэтических тиражей? Может, ему помогает писать скорость перемещения в пространстве?

Сергей Шелковский немало ездит, многие тексты его стихи «всадника», мчащегося по равнинам и горам — на просторах Украины, России, «Дикого Поля», Восточной и Западной Европы, и Крыма, наконец, конечно же, чудо-Крыма, этого великого подарка, «праздника, который всегда с тобой», без которого русский поэт немислим.

Устойчивые образы у Шелковского — «ветер» и «лоб, чело».

*Всё ветра ишу, и просты мои ловчие снасти.
О, братец мой, ветер!
Возьми эту дудку, възиграй!*

Или: Ответь, осенний ветер, брат-зоил!

Стоически (и не эпикурейски ли вместе с тем?) рассекаемы его челом пространства-времени:

*Я по-детски лечу неприкаянность сменой пространства,
Ведь и в Риме колонном, и на перегонах Руси
Только путь и спасёт от скуденья. Отвадит от пьянства
Млеко на небеси.*

В другом стихотворении:

*Оттого и вратали в перо неумелые пальцы,
Оттого прорезался во лбу неулыбчивый глаз,
Что мы все, как один, на минуту по свету скитальцы,
А ещё через миг будет некому вспомнить о нас.*

А вот — прямое столкновение:

*С чёрным ветром Азраила
Не один ли на один
Белый выгиб лобной силы,
Ледяной аквамарин?*

Здесь уже появляется главное противостояние, включённый в которое, поэт всегда остаётся верен своему нравственному выбору.

Движение поэтических образов у Шелкового — и поступательно, и циклично. Круг его тем очерчен и выверен. Он пишет о том, к чему подключён кровеносной системой. При этом никогда не впадает в псевдопафос, в надрыв, даже когда говорит о «большом» — Украине, России (объединительно — Руси), вглядываясь из далей Амстердама, Валенсии, Дрездена или из окна своего дома, или с Кчук-Енишара, на вершине которого, над Коктебелем, похоронен М. Волошин. Всегда выдержана доверительная, естественная интонация. «...Лишь здесь для меня возделаны райские кущи!» — обращается автор к «родному по взору младенцу», к своему «льноволосому наследнику».

Поэт — ироничен, порой — саркастичен, в живой переключке подхватывает знакомую интонацию, справедливо полагая вслед за Мольером — «беру своё, где б я его ни брал»:

*Всё трудней приезжать мне к когда-то желанному морю.
Одиноко вдвоём, одиноко на людной гулянке.
Длится время во мне и снаружи. Подобному горю
Не помогут дельфин говорящий и Ельцин на танке.*

А какой замечательный выдох в этих строках из «Писем с крымского балкона»:

*И для взора просторного, и для широкого вдоха —
Хорошо! Яко Кормчий сказал — хорошо, а не плохо!*

Хорошо ведь! И то, что видит (Божье), и то, что произносит (человечье). И совсем не вызывает протеста целомудренное, братское возвышение тона:

*Ивану Гуттенбергу, герру,
Спою на Пасху «аллилуйю»,
За человеческую веру,
Как в церкви, руку поцелую.*

Кстати, о вере. Не воцерковленный человек, Сергей Шелковый, тем не менее, — религиозный поэт. Есть у него и стихи о Будде, есть мощный ветхозаветный отсыл, видимо, тоже идущий от Мандельштама (разумеется, не только от него), свое, славянско-розовское переваривание темы плоти, семени. Одно стихотворение, пронизанное земным эросом, так и называется «Ветхозаветное»,

в финале его лирический герой (а я бы назвал его библейским) восклицает: «Но, небо! Плоть мою не мимо, не на бездушный камень сей!»

Эта ветвь в стихах Шелкового ощутима и устойчива, по-земному принимаема и близка читателю., однако есть у автора и нечто **окончательное**, следующее *затем*. Я бы назвал эту ветку — нозаветной.

*И в том, что мой алтарь — опять вне храма,
Гордыни нету, Господи, о нет!
Под строгим небом я молюсь упрямо,
Где явней голос Твой и неподкупней свет.*

Мне очень близко в Шелковом то, что он «настоящий»! Что всё в нем (кто ведает, какой работы духа это стоит?) — основательно, верно, как и должно быть. Так несуетно-неуступчиво, утекая от гордыни, должен жить и восходить человек: в любовь к женщине, детям-внукам, родителям, прародителям, земле, стеблям, мурам, свету.

Не только людей, но и букашек, растения, поэт называет по именам. По-доброму, целомудренно. При этом — зряч, плотски-телесен, он вбирает-впитывает мир и гортанью, и зрачками, и кожей, и, конечно же, слухом. Потому что впереди всего для поэта — звук, ритм, интонация.

*Платину плавит понтийское лето,
Цезий в изложницы Цезарей льёт.
Царственна в полдень зенита монета —
Аверс ликует, звенит оборот.*

*А базилевс сухотравья, кузничик,
Чалый скаун, цымбаларь да скрипаль,
Снова седлает бессмертника венчик
И озорует, соломенный враль.*

А уж если речь зашла о свете, то я бы сказал уместное — о «свете Евангельском». «Мне скучно, бес...» — написал в минуту слабости наш Председатель. Нет, мне не скучно под сенью сводов, возведённых поэтом Сергеем Шелковым. Мне здесь тепло и светло, к чему всегда и стремишься. Мне здесь всегда родственно, даже если речь у него заходит о наболевшем, иногда мучительном.

И если говорить о выборе, то я остаюсь здесь, с этим. Где автор в образе Иверской Божией Матери видит «скорбно-земные глаза» великого Андрея Платонова.

*Тихо. Лишь вечный ребёнок —
Краткого гения бронь...
Слой откровенья так тонок!
Бродят, — поодаль иконок, —
Рыжий, с репьями, телёнок,
Серый, в антоновках, конь.*

Я не уверен, что мне нравится название последней книги Шелкового — «На кордоне». Но речь в ней идет именно о порубежье, пограничье — пространств, культур, тысячелетий. Прочитую литературоведа Игоря Лосиевского, которому С. Шелковый посвятил одно из лучших своих стихотворений, «Между Арсением и Анной...

«...Рубежная земля — южнорусская, украинская степь, «Дикое Поле». Рубежное время — канула еще одна эпоха...» Поэт остается «в плену у этого пространства-времени, всегда ускользавшего от властителей — «собирателей множеств», всегда оказывавшегося рубежом. Удивителен этот плен: близость рубежа обостряет творческое чувство; с него, рубежа, лучше видно. Поэт — всегда граничное явление, он живёт, сотворяя стиховое пространство на стыках эпох и объективно данных пространств, и потому геоисторическое порубежье, такое, как Левобережная Украина, уже самой судьбой своей предназначено для поэта — стать домом на семи ветрах».

И — держись, коли тебя уносит «зима проклятущая», когда «самое время загнуться»:

*Напиши мне, тверёзый товарищ, на пьяную льдину,
Унесённую чёрной неблагоннадёжной водою.
Из дюралевой фляги глотнуть за тебя не премину,
Загрызну ледовитой, ломающей зубы, рудю.*

А кордон, к тому же, предстает и возрастным рубежом, временем переосмысления, «собрания камней», более пристального взглядывания в гамму бытия, в цвета мира — в «золотой мой, лиловый и синий...», временем спокойной не просьбы даже, а сообщения ближним-дальним: «Я бы хотел к изголовью польнь...»

Любит, верит и выживает. Вопреки всему.

*В тетради на столе — вечерних слов немного.
А новый день в окне — воздушный и большой.
Уже случилось так. Так будет, слава Богу:
Не надо ничего. Лишь то, что за душой...*

В сущности, нужно совсем немного. Слава Богу, что это —
есть!

1999 г.

Игорь ЛОСИЕВСКИЙ,
профессор филологии, поэт,
лауреат литературной премии
(г. Харьков)

СВЕТ «ВЕЧЕРИ»

Свою седьмую книгу Сергей Шелковский назвал «Вечеря», она столько что вышла в харьковском издательстве «Крок», через два года после большого тома «Избранного» — книги предварительных итогов. Остановись, современник, торопящийся неизвестно куда: поэт приглашает тебя к особенной — духовной трапезе. Может быть, ты кажешься самому себе сверхсовременным, с сотовым и при компьютере, с выходом в Интернет. Но вот беда: «выход» этот далеко не всегда спасает от одиночества, душа черствеет и, как шагреневая кожа, убывает. А стихи лечат душу даже в наше сумеречное время. Когда, признаётся Сергей Шелковский:

*Без чары вечеря. Вино не греет вены,
И рук не греет ласковый обман.
Когда бы и настали перемены —
Их все уже оплакал Иоанн.*

Мир, возникающий на страницах «Вечери», до боли узнаваем, и поэт не жалеет обличительных эпитетов: «Собачья година, косматое время», «холоден века край». Но не гневом единым жив поэт. Разве стала бы вечной Книга книг, если бы всё в ней было полынь и желчь, как в Плаче Иеремии? Сергей Шелковский раз и навсегда — ещё в раннем детстве — был очарован миром, многоцветным и многозвучным чудом, ощутив свою причастность к явной и тайной жизни Природы, а со временем научился скреплять это чувство словом, впрочем, не усердствуя в учёбе, «почти не замечая ученья своего», как и должно поэту. Стихи всегда стихийны, и не может С. Шелковский безмолвствовать, когда, например, весенняя «ранняя капуста кудри взбила на лотке» и

*Гул цветочного базара,
Вёдер райские бока*

*И кавказского корсара
Клёкот — танец языка.*

В его стихах сошлись все четыре времени года: простёрлось «горбатое зимнее поле», и летает «бражник, пьяный от петуний». И снова лежит на земле «горящих клёнов барахло...» Но больше всего в книге золотисто-зелёного света, небесной сини, июльского жара — это любимая пора поэта. Автор «Вечери» зорек и по-доброму бережлив, а жизнь, о которой он уже многое знает, не перестаёт удивлять, то открываясь ему, то таясь:

*И всё верней я слышу тишину,
откуда мы явились не напрасно.
Едва ль зерно из житницы мне ясно,
Но я тому, что скрыто, присягну.*

С. Шелковый припадает к тайнам жизни, в стихах возникают отблески самого сокровенного. Многие из нас чувствовали нечто подобное, но как суметь это выразить? «Вечеря» запечатлела явление в слове чудесное умение поэта быть духовно-образным даром, необходимым многим. Как родниковая вода и хлеб насущный. Это — праздничный дар, развившееся до предела чувство полноты жизни. Потенциальных «вкусителей» поэзии гораздо больше, чем тех, кто открывает поэтические сборники, потому что, говоря словами Пастернака, она во всём пытается дойти «до самой сути». И это — кредо человека творящего. Перестав творить, сохранился бы он сам как человек, избранник и наперстник мудрой Природы?

*Когда б не музыка, не травный ветер тихий,
Кода б не трепет сизонёрых крыл,
Я б с бабой злой, с судьбою-поварихой
И миски клейкой каши не сварил.*

Сергей Шелковый помогает усталому человеку конца второго тысячелетия (кто в шутку, а кто всерьёз говорит: конца нашей эры) остаться человеком, сохраниться. Сгущаются сумерки. Вечеря. Поэт собрал нас, веря в солнце завтрашнего дня.

Новые стихи С. Шелкового — после «избранного» — стихи поворота обновления творческой манеры, рождённые отвагой первопроходца, желанием изменить уже освоенные творческие

маршруты, хотя и не отрываясь от них, начать всё с самого начала, с «Завязи» — таково название первого раздела новой книги. И словно впервые, рождаются, неповторимо соединяясь, сверхпрочные, легчайшие слова.

*Эти о пространстве вирши
Множат лёгкость сквозняка.
Крестится, их сотворивши,
Грешная моя рука.*

Слова, обожжённые огнём души, удерживают драгоценную жизнь любимого человека — в стихах, посвящённых бабушке Марфе Романовне Шелковой: «Растаял век, не дав светлей признанья,/ Чем данное тогда твоим лицом». Вопреки тому, что утекает время, отпущенное судьбой, и уже отступила во тьму половина мира, бывшая явью в мальчишеском «прежде», в «июле легконогом».

Строка Шелкового, порой тяжелеющая, как медовая капля, снова и снова становится лёгкой, озорной, словно заговорённой детством — «неведеньем златым», отрочеством, юностью...

*У первой разлуки пронзительный вкус
Вина, чуть горчащего ядом.
«Пока...» — на полвека усну и проснусь. —
И мы, те же юные, — рядом.*

И ещё:

*Сентябрьский город летом обуюн.
Зной щедро-золотист, как Илиада.
И я, от долгой молодости пьян,
Спать не смогу без новой капли яда.*

Неутолима жажда жизни, непреодолимо влечение к «бессильным и властительным словам» и ритмам, и это уже со-творчество с самим Творцом. Поэт близок к материализации словесно-образного мира, когда сдвигает, соединяет его с миром предметным, обращаясь к «щеглам-стансам» и «чижам-ямбам», признаваясь, что снова хочется ему «хорея, снега, хруста, свежины»...

С. Шелковый дорожит и реальными пространствами. Современная Украина, Слобожанщина и Крым — здесь пребывает его муза. В новой книге возникают также образы Чехии и Германии,

«Фламандские прогулки», но есть и путешествия по историческому времени-пространству — в Петербург Достоевского, в Майнц Гуттенберга, в библейские времена («Юдифь»). Поэт всматривается в семейную родовую историю: «Яковлевы, Кулешовы — / Позабытая братва... Снег — Зазимки, Дым — Гаркуши... Еле веющие души / Преддыхание меня». «Переplesки пространства и времени / Неизбывное в смертных глазах»... Путешествия поэта во времени и пространстве неизменно возвращают его на «малую родину», в любимый город, становящийся судьбой:

*На Рымарскую улицу вернёмся —
к листве лимонной чёрного двора,
в далёком дне средь осени проснёмся
и снова будем молоды с утра.*

*И удивимся вновь живучей сини
над копотью дворовых чердаков.
В кривом окне на хрупкой мандолине
играет мальчик жилками висков.*

*И вновь мы будем теми, кем не стали,
и снова нам сулит звезду достать
плебейский город — из травы и стали,
босяцкая и ангельская стать...*

Опасное это искусство — быть поэтом, вызывать на себя, сопереживая словом, человеческие боли и радости, покидать «вольнo-зелёный простор», погружаться даже в квартирные дразги и верить, что самые, казалось бы, безысходные тупики в отношениях между людьми могут быть преодолены: «Себялюбий мышиная ссора / тишине да не тронет уста». Для поэта человеческое в человеке начинается с вечного, с зароненной в его душу искры Божьей. И тем более печалит его непонимание между близкими, «неловко-родными» людьми: «Не позднее и не раннее, / но вечное стонет в них...»

Автор «Вечери» мог бы повторить вслед за Маяковским: «Я знаю силу слова...» Букварь, взрастивший Сергея Шелкового, — всемирный. Здесь нашлось место и шумерской клинописи, и древнеегипетским иероглифам, альфе и омеге греческих пергаментов и пахнущему свежей типографской краской шрифту гуттенберговской Библии («Буквы»):

*О слишком много в ней заключено —
В коровке Божьей, в буквице священной!
Дымится слова красное вино —
Целит молитвой и горчит изменой.*

Поэзия сродни молитве, но, повторим вслед за Шелковым, — опасное это искусство — быть поэтом, когда

*Дано неукротимое уменье
На глине замесить стихотворенье,
Зачать слова уже не от ребра —
От кровеотворяющего ритма...
И лишь тогда рождается молитва,
Когда на жизнь и смерть идёт игра...*

У С. Шелкового нет ни тени самодовольства, скорее наоборот — с неподдельной тревогой звучит в его строках чувство творческой неудовлетворённости, острое желание доподлинно расслышать то, что ему предназначено слышать («Имеющий уши да услышит»), и передать дальше.

*Меньше иллюзий и больше тревог —
это всего лишь обычная старость.
Песня не сладилась, слов не осталось.
Стало быть, не захотел и не смог.*

*Холоден и неприветлив итог —
мир немоты оказался сильнее.
Только что делать, что делать мне с нею —
с нежностью меж умирающих строк?*

Разве финальная строчка этого стихотворения позволит усомниться в том, что поэт Сергей Шелковый продолжается? «Вечеря» — живое свидетельство тому, что его поэтическая судьба, говоря его же словами, это — «взаправду путь». Это подтверждают и стихи С. Шелкового 60-х гг., здесь впервые напечатанные.

*Не спрятаться в соломе, не сойти
Со звёздно-каменистого пути,
Пока клубок горячего дыханья
Лохматую дворянгой жив в груди...*

Последний раздел «Вечери» — прозаический, но это — проза поэта, насыщенная образами, метафорами, ритмами. Художнические штудии, в которых — попытка предельного приближения к двум великим поэтическим личностям XX века — к Мандельштаму и Чичибабину. Предпринятое Сергеем Шелковым исследование, одновременно, — признание в любви, возникающей из постоянно обогащающегося чувства родства. С О. Мандельштамом, обладавшим, по меткому замечанию С. Шелкового, «сверхчувственным инстинктом звуколюбия», с Б. Чичибабиным, ещё одним гениальным звуколюбом, «Духоборцем».

И вот о чём ещё подумалось в связи с «Вечерей». На пороге двадцать первого века быть словом и при этом сохранить свою творческую индивидуальность — какая трудная задача! Как-никак, более двух с половиной тысяч лет вновь ступающие на «звёздно-каменистый путь» рискуют повторить своих предшественников, начиная с Гомера. Трудно писать стихи харьковчанину, живущему в самом конце века, п о с л е Чичибабина, а точнее, уже п р и нём, — потому что великие поэты не умирают. Наш автор отважился на это, обретя в Чичибабине учителя, старшего друга, брата в стихе, признавшего и его таковым. А мои заметки на полях «Вечери» (кстати говоря, превосходно оформленной харьковской художницей Евгенией Моргулян) — только наброски к портрету самобытного русского, слобожанского поэта Сергея Шелкового.

1999 г.

Николай АРТАМОНОВ,
писатель, литературный критик
(г. Харьков)

«НЕОТВРАТИМОСТЬ ОТКЛИКА НА ЗОВ...»

Поэт Сергей Шелковый уже давно наработал критическую массу текстов. И книга избранных стихотворений «Листы пятикнижья» даёт его читателям удивительную возможность осознать, насколько целостным, духовным и мудрым может быть творчество нашего современника. Так что присуждение С. Шелковому в конце 2000-го года Муниципальной литературной премии имени Б. Слуцкого за «Листы пятикнижья» — свершилось постфактум. Поскольку первый его поэтический сборник «Всадник-май» увидел свет в Москве ещё в 1985-ом году.

*Острый ветер времён,
Меткий ветер судеб
Тих и вкрадчив, как сумерки мая...
И всё крепче вино,
Всё душистей твой хлеб,
Всё безжалостнее пониманье.*
(«Всадник-май»)

Эта жажда глубже понять и яснее выразить всю немислимую сложность горнего и дольного миров, стремление постигнуть сумрачный драматизм и высочайшие достижения прошлых эпох, попытки уловить их отблеск на событиях часа сегодняшнего, заметны уже в первой книге С. Шелкового.

Лирика его всегда крепко замешана на ясной мысли, а чувство и образ соседствуют в строфе с точным наблюдением. Поэта искренне волнует великое молчание простых вещей (Р. М. Рильке) и тот ореол непостижимости, которым мудрецы издревле окружают человека: «Что ты лепечешь, тишайшая речка? Это о ней, о душе человеческой...» И он пишет о той безграничной душе, которая вмещает и лицемерную отповедь Каина (Разве сторож я брату моему?), и вечное безумие вавилонского греха (На всей земле был один язык и одно наречие), и волшебный дар счастливец Моцарта, что «чуял зов за рамкою клавира».

У поэзии С. Шелкового, надо признать, есть точный адресат. Это читатель — друг и однодумец, настроенный на его «волну» и тихими вечерами в золотистом цвете настольной лампы неспешно «смакующий» его поэтические строки, иногда переусложнённые, но всегда терпкие и желанные, как первый майский мёд. В сборниках С. Шелкового почти не встретить произведений нарочито эффектных, предназначенных для декламации подобно чичибабинской «Оде русской водке» или его же «Плачу по утраченной родине». Творчество С. Шелкового напоминает скорее не сверкающий на поверхности реки поток, а глубинное течение чистых упругих струй, которые порой опускаются в ещё более потаённые глубины смысла и языка. Камертоном же, вектором и постоянной силовой линией в его стихах является интонация. И воспринимается она, словно тревожный «гул» времени. Звук, который вдруг оказывается подземным рокотом — предвестником потрясений и неизбежных перемен:

*Огромная славянская страна,
Распластанная шкурою медведя!
Широк твой лоб, косматы времена
И мутно-золота полушка меди.
С твоим похмельным привкусом в крови
И мне бродить остаток дней по свету.
Беспутная! На путь благослови
И в эти дни, когда дыханья нету...*

«Во плоти»

И это сакральное, над- и сверхчеловеческое начало достаточно часто присутствует в произведениях поэта. Лёгкими штрихами он может набросать выразительную зарисовку, осветить строку запоминающейся деталью... И внезапно отворить ворота в бесконечность. Мгновенно возникает обратная перспектива, меняются масштабы видения, сила художественного воздействия, а формальная логика может поменять свой знак на обратный. Связь с глубинным, корневым, исконным, как и в приведенном отрывке, ощущается читателем постоянно. Пишет ли С. Шелковый о своём «трущобном» детстве, размышляет ли о нравственно-исторической судьбе Киева, делится ли с нами своими солнцелюбивыми летними впечатлениями, в его стихах совершенно естественно возникает напряжённый диалог культур, переключка известных и полузабытых имён и, конечно же, обращение к древним памя-

тям (Б. Шергин), без которых современность — лишь смена непонятных и странных эпизодов. Исторические пласты в его стихах то мирно соседствуют, то накладываются друг на друга, словно в археологическом раскопе, то смешиваются в самых невероятных вариантах... И ключевое слово здесь одно — Крым!

*В час полуденного бденья
кипарисовые тени
тронут складку меж бровей,
и повеет в ноздри волей,
острой влагой йода, соли,
хлорофиллами ветвей,*

*гераклическим железом,
виноградным пьяным прессом,
нежным телом южных лоз. —
То дрожит в настое Крыма
дымка Греции и Рима,
зной персидских абрикос.*

Даже не касаясь сейчас серебряного века русской поэзии и в его контексте мистических прозрений Максимилиана Волошина, отмечу лишь наиважнейшее, а именно то, что крымский вектор в нашей культуре — явление настолько же закономерное, насколько и невероятно сложное. В соответствии с сакральной географией полуостров расположен на так называемом Александрийском меридиане, по которому духовные импульсы из Древнего Египта и Палестины передавались Киевской Руси, а позже — и Московской. В Крыму проповедовали слово Христово апостолы Андрей Первозванный и Симон Зилот. А потом, почти через тысячелетие, Херсонес-Севастополь сыграл важную роль в обретении святым братом Кириллом славянской азбуки. Здесь, наконец, по византийскому православному обряду был крещён святой равноапостольный князь Владимир. Так что поэт мог с полным основанием сказать:

*Крым мой — обрызганный кармой живой,
Рухнувший в море с небес астероид. —
Здесь пуповина планетная ноет,
Узел магнитный, сосок мировой.*

«Вечеря»

И вот XX век вновь припадает к опалённым солнцем крымским скалам, словно надеется прочитатъ в выбитых на них древних знаках свою судьбу. Поэтому в крымских стихах С. Шелкового прочно переплетается несколько тем. Ему очень важно показать, как древние культурные импульсы достигали нас, становясь частью нашего сознания, сутью цивилизации. Его вдохновляют великие жизненные силы, неуывадаемая свежесть и огромная мощъ этого духовного наследия:

*В предолимпийское столетье
Мир свежевымыто хорои.
И Пифагорово наследье
Плывёт в Коперников чертёж.
И тянутся ему навстречу
Сегодняшние облака,
Где облик перистый помечен
Жемчужной прядью у виска.
«Во плоти»*

Сергей Шелковый принадлежит к тому счастливому роду-племени поэтов, которым удалось высказать свои актуальные мысли об искусстве. Его «Дрезденские эссе» («Вечеря», Седьмая книга стихов) написаны ярким, живым языком, насыщены пытливающей мыслью. Здесь в двух человеческих судьбах преломился свет, идущий от вечного источника. Осип Мандельштам и Борис Чичибабин... Два столпника нашей культуры. Их мысль, их крик, их дерзкие, неподвластные временам стихи — один из редких в современном искусстве примеров универсального и общечеловеческого. Эта идея хорошо разработана в очерке о Мандельштаме. Поэзия его, пишет С. Шелковый, по сути соткана из трёх мощно-оригинальных традиций. Она включает духовное наследие христианства-православия, зрелого эллинизма и еврейства-иудаизма. «Русский язык — язык эллинистический» — это сказано о русской речи, которая была для Мандельштама высшей ценностью.

Борис Чичибабин не только прекрасно понимал, каким богатейшим наследием обладает восточное славянство, но и довольно успешно обращался к этому щедрому источнику. В своём шедевре 1977 года он ясно указывает ориентиры культурной области, в границах которой значимые исторические события на протяжении тысячелетий имели подобно эху многократный отклик. Фантастический полёт лошадок Бориса и Глеба («Ночью

черниговской с гор араратских...») происходит по сути дела над средиземноморской субэкуменой (Г. Померанц), а точнее над её восточной частью. Что же касается самого исторического сюжета, то допускаю, что именно с лёгкой руки мэтра он «обосновался» в сборниках многих харьковских поэтов. У С. Шелкового он вполне узнаваем в стихотворении «И за Каином вслед Святополк...».

К нам вечность льнёт. И нам же дано счастье увидеть её глазами мудрого философа Гераклита, услышать её дыхание в волнующих размерах пушкинской поэзии, уловить во всём, что, преодолевая свинцовую тяжесть быта и повседневности, стремится к бытию и бессмертию. Именно этой устремлённостью объясняется особая культурологичность поэзии Сергея Шелкового, её изначальная приверженность ценностям, очеловечивающим мир и обожествляющим человека:

*Без чары вечера.
Но музыку всё слышу,
И это искупает ложный путь.
Осенний тёмный дождь стучит о крышу:
«Мы встретимся ещё когда-нибудь...»
«Вечеря»*

Стихотворение «Вечеря», давшее название книге поэта, — образец оригинальной медитации, отсылающей читателя к главным темам евангельской Тайной вечери, темам последней встречи, тайного предательства, непредсказуемости человеческой судьбы, присутствия в мире высшей Божественной мудрости. Здесь многое обобщено, и за несколькими неслучайно названными деталями, сквозит всё та же очеловеченная бесконечность. Пластичная форма не стесняет поэтической интонации, мысль пульсирует и постепенно сгущается, выявляя архетипы человеческого поведения и вечные психологические ситуации. Так на новом витке освоения жизненного материала творчество Сергея Шелкового всё больше, на мой взгляд, тяготеет к символу, абстракции, художественному синтезу. В начале был миф. И свет костров, догорающих на Олимпе, усиленный семисвечником Тайной вечери, отразился и в озябшем стекле, к которому «прилип бронзоволикий вязовый листок» поэта, хранителя времени.

*Алексей КОВАЛЕВСКИЙ,
поэт, критик, редактор,
лауреат литературных премий
(г. Харьков)*

«ТВОЙ НЕСДАВШИЙСЯ ВОИН»
(О книге С. Шелкового «На кордоне»)

Давно люблю и очень высоко ценю поэзию Сергея Шелкового. В его стихах есть та духовная цельность, которая ведет свою родословную от Баратынского и Тютчева, Сковороды и Шевченко, Бориса Чичибабина и Лины Костенко. Не знаю, удалось ли понять меня достаточно внятно на последнем писательском съезде распространителям анкеты, в которой бы вопрос: «Кого из современных поэтов вы наиболее цените?»

На вопрос этот я ответил, может быть, неожиданно для кого-то из коллег-писателей, назвав всего два имени в ныне здравствующей поэтической Украине: Лина Костенко и Сергей Шелковый.

Причём, в поэте С. Шелковом, думается мне, гораздо меньше, чем в Лине, духа «отрицания и сомнения», а интонация даже самых нелегких и тревожных его строк — это, по преимуществу, интонация преодоления и созидания. В его поэзии ощутим голос души мужественной и несдающей, не теряющей при любых внешних затемнениях опоры на собственное световое ценностное ядро.

«Данник вещности», С. Шелковый — певец и живописатель жизнестроительства, идет ли речь в его стихах о послевоенном Харькове с «искорёженным ломом арматуры» или о «строе патриаршьем седых тополей» над обмелевшей Луганью, или о ласточке, иссиня-черной молнией черкающей небо над жёлтой рекой Ян-Цзы, но помнящей о своем теплом, лепном гнезде на далёкой родине...

О чём бы ни писал С. Шелковый, какие бы трагические пласты жизни он ни поднимал в стихе, лад его мирочувствования и миропонимания — духовно сияющ, внутренне непобедим, исполнен не декларации, но исконной генетики оптимизма. Даже если, повторяю, он пишет о вещах почти безысходных, которые его пронзительно зряче и бескомпромиссное сердце не может не видеть в реалиях сегодняшней жизни:

*Все, кто мог, умно сделали ноги.
В Хайфе — море и жизнь неплоха.
Зазеркальны Европы дороги,
Но твержу на щербатом пороге:
«Суций грех мне — бежать от греха».*

Действительно, это поэт острого ощущения такого уже полузабытого, кажется, ныне понятия, как родина — отеческая земля, та единственная и бесценная данность, которую назначено нам передать в наследство детям и внукам... По силе сыновней любви к родине для меня поэт С. Шелковый сравним разве что с прозаиком И. Масловым, тоже, кстати, харьковчанином и тоже не в полной мере ещё оценённым читателями, критикой, литературоведами. Какой-то, мол, отголосок российской деревенской прозы, а та уже почти канула в Лету... Но этому «отголоску» вровень, может, только В. Распутин, а дальше духовсветная, небосыновья жажда правды-истины идёт на спад и теряется в убывающих современных писательских величинах...

Поневоле начинаешь думать о том, что недостаток известности у подлинно совестливых поэтов и прозаиков сейчас является следствием именно этой совестливости. Это «устаревшее» качество явно не востребовано теми, в чьих руках находятся ныне почти все информационные мощности. Теми, кто к совестливости относится настороженно, зато охотно поощряет пустопорожнюю «голливудскую» развлекуху и чернуху, обездушенное пьяно-наркотическое изживание корневых бытийных основ.

Тенденция проталкивания бесщётных дешёвых шоу и других незамысловатых форм поп-обслуживания, попытка раз и навсегда покончить с праведно-пророческим предназначением писательского слова — тоже чёрная мета наших дней...

«Поэт в России больше, чем поэт...» — писал когда-то Е. Евтушенко, однако, помня о его изумляющей способности «соответствовать» самым разнообразным духовно-культурным и общественным перестройкам, вполне логично предположить, что и ему теперь литература видится всего лишь на «подобающем ей» месте, о котором так много и охотно говорят на благословенном Западе.

Книга С. Шелкового с твёрдым названием «На кордоне», вышедшая в прошлом году, вскоре вслед за сборником «Вечеря», удостоенным в том же году всеукраинской премии им. Н. Ушакова, свидетельствует и о зорко-скорбном видении поэтом сегодня

няшных тревожных коллизий, и о его способности противостоять анти- и псевдочеловечности, противостоять с мужеством и достоинством. В книге — точные и неподдельные слова о жизни поэта, его лирического героя, жизни совестливой, нравственно стойкой, несдающейся личности.

И личность эта волей истории поставлена именно на самом кордоне, на порубежье истинных и ложных ценностей, которые схлестнулись ныне в апокалиптическом преддверии, пред-ожидании «глобализованного» будущего в целом мире, но в России и Украине, кажется, схлестнулись с особой остротой, поскольку душа человеческая сидит в них ещё крепко и не хочет никуда уходить, как ни понукают, ни гонят, ни пытаются её истемнить или уничтожить.

*Остаюсь. Среди стервятников важных,
На юру и на горьковском дне,
Помолюсь о младенцах домашних,
Об электроцентралях и пашнях
И о том, что не сдохло во мне...
Претерплю, — Исаак или овен, —
твой тринадцатый лживый рассказ.
Вертоград! Ты бездетностью болен...
Что, коль я — твой несдавшийся воин?
Твой неспившийся праведник аз?*

День ото дня всё теснее выбранные поэтом врата. Нелегко праведнику произносить сегодня свои нелукавые огненные глаголы в мире, который настойчиво подталкивают к последнему, но, конечно же, не окончательному, — и герой С. Шелкового в это непоколебимо верит, — кордону. Подталкивают к воцарению начал, отрицающих дух, небесную и земную гармонию, начал, отвергающих жизнестроительство по замыслу Творца, который, по слову Ф. Ницше, умер.

Тех самых губительных начал, при которых общество всё дальше, по слову уже С. Шелкового, повергается в состояние «меж злом и полным злом». Это состояние поэт определяет как исторически закономерный, но всё же не фатальный, а искупающий момент воздаяния. И даже в самой нижней точке этого социального провала, этой потенциальной ямы эпохи жутковато знакомых перемен, видится поэту сине-небесная, жизневозрождающая перспектива. Если и не озвучено это видение в прямой речи, — чаще всего осознанно, из-за неприятия лобовой декларации, — то во

всей ауре стиха оно присутствует всякий раз неизменно. Нет, Бог не умер, но Он

*...как минимум, устал.
Устал не менее, чем люди.
Ведь фарисеи правят бал,
Мусолит ростовщик кристалл,
И нет раскаянья в Иуде.*

Противостояние канонам фарисейства у поэта С. Шелкового — глубоко и переносится даже в сферу исходных составляющих поэтики. Отсюда кольчужно звенящая фоника, мерно-уверенная ритмика, кованно-булатная строфика. Здесь всё напряжено, всё снаряжено к сраженью и, где необходимо, в сражение вступает без промедлений — и не затем, чтобы покрасоваться перед публикой на поэтических турнирах, поиграть в слово, окликнув его ассоциативные пространства, и на том исчерпать свою художественную сверхзадачу... Нет, автор книги «На кордоне» подобным облегчённым экзерсисам, которых сейчас в поэзии пруд пруди, противостоит принципиально и осознанно.

Сергей Шелковый не позволяет себе ни мировоззренческой, ни стихослагательной аморфности, он выходит на поединок не для развлечения жаждущих зрелищ, но по причине намного более серьёзной — сродни той которая заставляла Пересвета и Ослябю, отложив монашеские смиренно-деяния, идти в доспехах воина туда, где решалось: быть или не быть их отечеству.

«На кордоне» — мощная и выразительная книга о борении души нашего современника, о неучтожимости нашего духа. Это мужественная книга о вере в наш путь и судьбу, которая противостоит цинизму и бездуховности, Мамонне и Молоху — до тех пор, пока жив хотя бы один «несдавшийся воин».

Мною затронут здесь лишь один из ракурсов восприятия и понимания «идеологии текстов» Сергея Шелкового, но как раз на нём я счел необходимым остановиться, ибо он, этот ракурс, и является сегодня, на мой взгляд, наиболее духовно и общественно актуальным.

Николай АРТАМОНОВ,
писатель, литературный критик
(г. Харьков)

«И ОТЧИЗНЫ СЛАДКИЙ ДЫМ...»

За сборник стихотворений «Листы пятикнижья» харьковского поэту Сергею Шелковому была присуждена муниципальная литературная премия имени Бориса Слуцкого, а следующая его книга стихов «Вечеря» удостоилась одной из самых престижных творческих наград Союза Писателей Украины — премии имени Николая Ушакова. В эти дни, накануне 55-летнего юбилея поэта, вышел в свет его новый сборник стихотворений «Воздушные коридоры» (издательство «Майдан», Харьков, 2002 г.).

«Воздушные коридоры», эта, уже девятая, книга Сергея Шелкового — продолжение диалога поэта со своей неоднозначной эпохой. Мы находим на её страницах произведения глубоко личностные и искренние. В то же время даже интимная лирика имеет здесь философский контекст, исторические пассажи довершает изысканная культурология. Многие произведения сборника С. Шелкового отличает мощная экспрессия, яркий накал чувств и мыслей — верный признак подлинного и живого искусства.

Нередко автор возвращается к подзабытому языку вечных символов, что даёт ему дополнительную возможность проникать в скрытую сущность явлений и в совершенно, казалось бы, несходном выявлять изначальную общность. В стихотворении «Видна ль Тебе моя борьба?..» автор описывает свои земные заботы по уходу за цветником с той мудрой простотой и личностной зрелостью, которые можно встретить, к примеру, в произведениях Роберта Фроста. И эта, в поте лица совершаемая, работа представляется здесь убедительным символом служения Высшему началу, служением Творцу всего живого и прекрасного в природе. Совершенно естественно завершается стихотворение своеобразной интерпретацией вечной евангельской истины:

*Так дай размять мне чернозём
Без мысли приторной о том,*

*Что я — светлей, он — чуть темней,
Но мы уже — одних кровей...*

Не сомневаюсь, что название этой книги неминуемо отошлёт знатоков поэзии к образам и темам Бориса Пастернака, затронутым когда-то в начале 20-х годов прошлого века. В самом духе и настрое «Воздушных коридоров» Сергея Шелкового угадывается мучительная страсть и ярость творческой личности, устремившейся в своём движении «поверх барьеров». И в этом параллелизме звучит некое, так и не сумевшее затихнуть, культурологическое эхо, свидетельство глубинного сходства переломных эпох, их насыщенности человеческой болью и борением.

В новой своей книге Сергей Шелковый видит главное воочию и воистину от первого лица трактует мир как роковое игрище непримиримых сил: добра и зла. Во многих его произведениях они сталкиваются в различных ипостасях, создавая немислимо плотную конденсацию жизненных ситуаций и явлений, заставляя звучать в нашем сердце струну, которая была лишь натянута, но нема и беззвучна:

*Я лечу — почти неслышим
клёкот горла моего,
да и я — полвека с лишним
сам не чую никого,
кроме Пушкина с Дантесом,
Мандельштама с Усачом,
да народа, с мелким бесом
спорящего — что по чём...*

Но показательно, что, если в начальной строфе процитированного стихотворения «Воздушные коридоры», давшего название всей книге, символообразующий троп «дыма Отечества» окаймлён двумя строками с отнюдь не «сладкими» определениями:

*Во все дыры, во все щели
лезет холод, а за ним —
пустота от Торричелли
и Отчизны сладкий дым —
с горьким привкусом, вестимо,
и с налогом на восход
дня,*

то в финале произведения, в завершающей строке возникает, тем не менее, «бледная весна», веет почти невесомая, но всё же итожащая нелёгкие размышления, надежда:

*Тянет стынью. В те же щели
лезут те же времена.
Печь дрожит, храпит Емеля,
а с открытки Боттичелли
лак-фиолем, еле-еле,
веет бледная весна...*

Дорогого стоит это, видимо, врождённое по всем ощущениям, качество человека и поэта — жизнелюбие и жизнестойкость, бытие личности — вопреки гнетущему напору «всё тех же времён», проникающему сквозь множество «всё тех же щелей» неприветливого нынешнего социума.

Но так же очень дорого для нас сегодня и умение поэта вживлять свои стихи в широкий контекст мировой классической литературы («Там, где Камоэнс одноглазый...», «Сочельник», «Горячий кофе с жирной пенкой...»). Ибо именно этим проверяются произведения на художественную зрелость, выверенность каждой мысли. Широта культурного окоёма без труда взламывает препоны провинциальных комплексов, которые упорно навязываются нам известными обстоятельствами места и времени:

*Гораций, братец! В этой части света
нет под луной надёжного предмета...*

В примечательном стихотворении «Зажигание света» поэт смело применяет высокий, торжественный стиль, свойственный эпохе европейского классицизма, для описания самого что ни есть бытового процесса замены перегоревшей лампочки. Чего стоят эти почти братские обращения к древнеримскому поэту Горацию и полные самоиронии сетования классику и коллеге на житьё-бытьё сегодняшнего поэта, задёрганного безвременьем! Узнаваемость согретой тёплым юмором ситуации такова, что хочется вместе с автором, пусть даже и сквозь слёзы, посмеяться над множеством наших бед и треволений.

Поэзия Сергея Шелкового многолика и многозвучна и для читательского слуха часто неожиданна. В его устах слово избавляется от своей затёртости в обыденном употреблении, всё больше

приближаясь к корневым и фольклорным формам. В каждом его стихотворении — отвага художественного поиска. Каждая его новая книга — результат нравственных и духовных исканий, разрешённых в яростном противостоянии добра и зла, в нелёгком синтезе сомнений и веры. Его искусство никогда не довольствуется уже названным, а движимо отчаянным порывом слова и духа в будущее, к тем невысказанно трудно достижимым «Воздушным коридорам», с высоты которых ему всё многомернее и объёмнее открываются целые миры живых человеческих чувств и мыслей.

2002 г.

Елена СЕДУНОВА,
журналист, редактор
(г. Харьков)

«ПО ОСЕНИ — ПЕШКОМ...»

(интервью с С. Шелковым для еженедельника «Событие»)

Знаток точных наук и поэт, реалист и романтик, приверженец классической ясности стиха и метафорист, он построил свой «воздушный дом», войти в который может каждый не чуждый поэзии.

Совсем недавно вышел в свет его одиннадцатый поэтический сборник — «Стихии». Об этой книге и не только о ней — наше интервью с поэтом, прозаиком, педагогом Сергеем Шелковым.

— Сергей, мне памятливы Ваши строки об осени, которая «приходит с повинной / С поволокой в неверных глазах». Навевает «запах флоксов, дурман увяданья, / Бело-розовый дым октября». Что для Вас осень, или «мозаика осени», как называется одно из Ваших стихотворений?

— Осень — последний всплеск гармонии, предсмертный, но и обращенный к вечности период.

*Вкус прощенья и привкус прощанья,
Полудрема коры и зверья...*

осенью с необычайной остротой воспринимаются флюиды природы, словно подталкивающие к осознанию единства человеческого существа с мировой безъязыкой душой. Ловлю себя на том, что «человеческое, слишком человеческое» навевает на меня с течением лет уже и зима, а не только весна и лето. Хотя я не слишком люблю мокро-промозглую зиму, но в ней есть намек на очищение трудами, некое стратотерпие. В отношении же «лета красного», комаров и мух с Пушкиным расхожусь: они меня не беспокоят.

— О какой же поре чаще «случаются» стихи?

— Они зарождаются в любое время года. Облекаются же в завершенную форму гораздо чаще трудолюбивой зимой.

— С Вашей повседневной занятостью нечасто, наверное, вы даёте возможность прогуляться по осеннему парку?

— Нечасто. Тем дороже мне те минуты, когда с женой и любимым внуком удаётся побродить среди осенних деревьев лесопарка — «по осени — пешком». Или же пройти, например, по одной из «самых харьковских» улиц — по Рымарской.

*На Рымарскую улицу вернемся
К листе лимонной черного двора.
В далёком дне средь осени проснемся
И снова будем молоды с утра...*

— Вы перешагнули пятидесятилетний рубеж, но, судя по Вашим стихам, не утратили юношеских идеалов. Что явилось залогом Вашей «долгой молодости», и где Ваш «повивальный град»?

— Я родился во Львове, а летние дни детства проводил в Луганске. Всё, что связано с ранним детством, помню очень ярко: свои первые шаги, радостное приятие внешнего мира, наполненного шорохами и запахами всего зелёного и ветвистого, что произрастает из земли. Помню молодой дедов сад, который тогда казался мне бескрайним. Из ощущения природной гармонии «во плоти» уже тогда возникало стремление к ритмизованной речи, к бормотанию то ли ямбов, то ли хореев, то ли анапестов. Мне кажется, что не сравнимое ни с чем по остроте «чувство рождения» не покинуло меня окончательно и до сих пор.

— После окончания инженерно-физического факультета Харьковского политеха вы защитили кандидатскую диссертацию по прикладной математике и механике и вот уже тридцать лет являетесь доцентом кафедры динамики и прочности машин Национального технического университета «ХПИ». Почему вы не выбрали профессию литератора?

— В 65-м году, когда я окончил школу, литературоведение, филология, журналистика были сугубо ангажированными профессиями. Не хотелось мне — работать на заказ. Не хотелось какой-либо зависимости в дорогой для меня сфере общения с речью. Я долго писал «в стол», ничего не публикуя, ревностно относился к своим первым поэтическим опытам, избегая «предъявлять их миру». Лишь на выпускном школьном экзамене по русской литературе заполнил всю двенадцатистраничную тетрадь космогонической поэмой без всякой, впрочем, уверенности в том, что меня поймут.

Мой параллельный литературной жизни *modus vivendi* — математический, физический, преподавательский — отнюдь не является чем-то чрезвычайным, из ряда вон выходящим. С точными науками дружил, к примеру, Андрей Белый, окончивший на заре минувшего века естественное отделение математического факультета в Московском университете. Не были только лишь профессиональными литераторами и медики Чехов, Вересаев, Булгаков, Дойл, Сомерсет Моэм.

— *Пробовали ли Вы свои силы в других видах искусства?*

— Последние лет десять увлекаюсь художественной фотографией, бывает, беру в руки кисть, что, впрочем, несколько лет назад делал намного чаще... Своими снимками оформил пять последних поэтических книг. Благо в саксонском Дрездене, когда читал лекции по литературе в институте славистики при местном университете, купил свою первую «мыльницу» — простенькую кодаковскую фотокамеру.

— *Какому же виду творчества Вы всё-таки отдаёте предпочтение?*

— Конечно, литературе. Я пишу всегда, даже, когда не держу перо в руке, и отношусь к этому делу своей жизни с любовью, порою — со счастливой любовью.

— *Недавний гость Харькова славист из Франции Жорж Нива, выступая в Чичибабин-центре, изложил небесспорную теорию взаимодополнения двух уровней в развитии современной культуры: «горизонтального», предполагающего знание каких бы то ни было художественных открытий в любой точке земного шара, и «вертикального», объясняющего появление новых художественных произведений в русле классических традиций. Актуальна ли, на Ваш взгляд, эта теория?*

— Думаю, что для Запада она более актуальна, чем для России и Украины. Наша отечественная культура богата устремленностью именно к корневым, родовым, фольклорно-глубинным духовным ценностям. Я был на встрече с Жоржем Нива в прошлом году, и мне не слишком понравилась его теория. Уже само определение горизонтальных культур ассоциируется у меня с травяным покровом плоского футбольного поля. Почему нужно предрекать отмирание корней? Почему не может быть культуры с полноценными и горизонтальной, и вертикальной координатами? Ведь всякие, даже самые удачные, гибриды и прививки жизнеспособны лишь при надёжной корневой системе. Полагаю, что наша отечественная литература всегда была сильна именно метафизической

традицией поиска и обретения Божьего замысла в человеке, творческим исследованием духовности и духоворства. Именно этим для меня ценна, например, русская лирика серебряного века: Анненский, Ахматова и Цветаева, Мандельштам и Пастернак...

— *Вы были достаточно близко знакомы с Борисом Чичибабиным...*

— Я нередко бывал у Бориса Алексеевича дома, проводя с ним незабываемые часы в беседах о литературе. Знаменем в своей творческой судьбе считаю его рекомендацию в Союз писателей СССР. Щедрость и сердечность чичибабинских слов в адрес моих первых книг для меня незабываемы.

И сегодня, перечитывая его стихи, я вновь проясняю для себя те ощущения и мысли, которые возникали при живом общении с ним. Его творчество — это поэзия без лукавства, поэзия высокого духа.

В сборник «Стихии» я включил очерк о Чичибабине — человеке, поэте, духоворце. Главное для меня в нём — его светоносная творческая натура, его страстный поиск духа Божия и в стихах, и в человеке.

— *А какие чувства вызывает сегодня у Вас самый первый Ваш сборник «Всадник-май»?*

— До сих пор отношусь к этим стихам с просветлённым чувством и любовью, невзирая на то, что со временем моя стилистика претерпела существенные изменения. Те давние стихи дороги мне хотя и далеко уже не юношескими, но вполне незамутнёнными надеждами на лучшее, на «непостижимое совершенство» мира.

Вообще, мне кажется, что мои первые пять книг, вышедшие до середины 90-х годов, исполнены более светлой и жизнелюбивой интонации. В последовавших за ними шести сборниках не могла не возникнуть реакция на тревожное состояние нашего социума последних лет. Вместе с тем в этих стихах, как и в моей душе, есть и упование на «первородную» исчезающую гармонию жизни, немислимую без поиска позитива в нелёгкой исторической ситуации:

*Сторона моя русая — правда моя погорелая!
Что и взять с тебя — водки пузырь да костей полведра?
Не за это люблю тебя.
Вот что от сердца я сделаю:
Снова вспомню своих — Иоанна, Николу, Петра...*

— Ваши поэтические сборники «Листы пятикнижья» и «Вечеря» были отмечены литературными премиями имени Б. Слуцкого и Н. Ушакова. Надеетесь ли Вы на успех недавно вышедшей Вашей книги «Стихии»? Что нового найдут для себя в нём ценители литературы?

— Поэзия и проза поделили страницы этой книги почти поровну. Стихи «Стихий» написаны главным образом за последние два года. В прозаическую часть книги вошли две работы о Борисе Чичибабине и Осипе Мандельштаме. А что до надежд на успех... Что ж, вспомню завершающие строчки одного из своих стихотворений:

*А жадных страстей оголтелость,
Поддельное славы вино?
Не то чтоб совсем расхотелось,
Но стало почти все равно...*

Два века тому назад на эту же тему высказался Александр Сергеевич: «Веленью Божьему, о Муза, будь послушна. / Обиды не страшась, не требуя венца, / Хвалу и клевету приемли равнодушно...» К этим словам и сегодня нечего добавить тому, кто посвятил себя странному делу «окликания звёзд». Разве что можно добавить четвёртую, последнюю строчку чеканной пушкинской строфы...

2003 г.

Игорь ЛОСИЕВСКИЙ,
*поэт, лауреат литературной премии,
профессор, доктор филологии
(г. Харьков)*

СРЕДИ СТИХИЙ

Древние греки выделяли четыре элемента, из которых об-
разован наш мир: огонь, воздух, воду и землю. Таковы
главные природные стихии — созидания и разрушения, когда
оборачиваются они пожарами, ураганами, наводнениями, вул-
каническими извержениями, землетрясениями. Да и люди, со-
стоящие из тех же элементов, бывают разные: и творцы, и раз-
рушители.

Среди первых, конечно, и те, для которых не менее важен и пя-
тый элемент, созидающий как бы параллельный мир, их стихия —
поэзия. Есть даже народное выражение «стиховой человек» — че-
ловек особенный, «причудливый, своенравный, на кого находит
стих» (В. Даль). Когда же это происходит снова и снова, возникает
книга стихов — стихийно, но совсем не случайно.

У Сергея Шелкового сложилось уже одиннадцать таких неслучайных книг, а последнюю он так и назвал: «Стихии» (Харьков: Майдан, 2003). И в первом же — одноименном, и в известном смысле программном, стихотворении названы все упомянутые выше мирообразующие элементы, заявлена ведущая тема нового сборника: современный человек «в лоне стихий» — далеко не праведник, грешник, но не утративший пути к покаянию. Это тот самый, природный, «стиховой» человек, признающийся:

*В год одуванчика, в месяц ольхи
стали сбивать мне дыханье стихи...*

Среди его учителей — и Хорхе Луис Борхес, притчи коего он перечитывает, и обыкновенный (необыкновенный!) шмель, который «летает не по закону — по наитию и во хмелю». Примечательно, что следом за стихами о Борхесе («К патриарху») в книге помещены полемические на первый взгляд — строки:

*Ведь можно жить лишь звуком, а не притчей,
И снова ждать рассветный лепет птичий:
«Июль-июнь, июль-июнь, июль».*

Казалось бы, такое простое желание... Но поэт уточняет, что речь идёт о «существенно простом». И уже задумывается о неизбежном времени ухода, веря, что ему простится «грех жизнелюбия» и зачтётся, в первую очередь, даже не преданность пятой стихии, а, например, такое благое житейское дело, как спасение гибнущего зверья. Лучшая ему награда — всё тот же «лепет птичий», после всего:

*И щебечет, полон сил,
мой посмертный bestiарий...*

Слова эти глубоко символичны и произнесены «с последней прямой» (наверное, одно из самых любимых выражений его любимого поэта).

Стихия воздуха (второй элемент), «воздушная страна», «воздушный и большой» новый день — измерение творческой свободы, которую, собственно говоря, измерить нечем. Но можно её ограничить и совсем недавно ой как ограничивали! Не говоря уже о самоограничении — не только вынужденном, но и произвольном. Книга поэта — дневник разных состояний творящей души, дневник, запечатлевающий и «дни без героя», приступы неверия, когда «Пространство — глухо, время — малодушно», недоверия к сегодняшнему и будущему, где «за казённую дверь начислят на воздух налоги». Спору нет, новый мир так быстро, ловко и хищно образовался (заметим, из тех же самых элементов...), что не может не вызвать порой чувство гнева, чувство безысходности.

С. Шелковый не избежал минут сомнения, грозящих тупиками духа, разочарованием во всём, но преобладает в сборнике совсем другая стихия, когда о сияющей равнодушной природе наш поэт говорит в моцартианской тональности, вослед русскому классику и автору «Фауста» (помните величальную песню «четырёх стихиям всем» во второй его части?) И тогда в стихах С. Шелкового вспыхивает огонь — первый элемент:

*...явлен на свет я, и пламя не зря
лоб обожгло мне печатью царя.*

Гордыня? Вовсе нет. Дорогого стоит признание: «Вдоволь сказано слабых слов...» («Из биографии»), замечательна и молитва из стихотворения «Семнадцать томов» — о 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка», дедовском подарке:

*Не позволь же мне, Господи, в мелочность впасть —
зарычать, зарыдать, замолчать на весь мир...*

Но есть и другое молчанье, аскеза, о чём тоже находим строки в «Стихиях»:

*И проба речи, и исход в молчанье —
Неотвратимость отклика на Зов».*

Наконец, не забудем о четвёртом и пятом элементах. Стихийный лирический герой Сергея Шелкового ближе к гармонии, когда стоит «на вечной почве необманной», когда гладит рукой и взглядом «мыслящий булыжник» — обломок античного мира (навсегда уснувшего? затаившегося?). И увиденный им древнеримский акведук, который некогда поил свежей водой десятки тысяч людей, становится символом внутренней архитектуры человеческого духа:

*Воздушные проемы акведука,
торжественная подлинность аркад... —*

Духа, крепнущего под ударами судьбы, объединяющего народы в человечество, пронзающего времена и устремляющегося ввысь. И если новейшего Улисса «пространство исцарапает сучками» («Странствия»), то ведь и сам он, как признается автор «Стихий», — «не шёлк».

Сергей Шелковый — поэт русско-украинского зарубежья, можно сказать, поэт двоякодышащий: он пишет по-русски, но не может обойтись при этом без украинских слов, родной мелодики, помня и о казачьих своих корнях, и о более древних:

*Я — из прежних, из тех, что в стени этой варварской жили
И в жемчужницу речи кремень-наконечник вложили...
(«Янгол огня»).*

И о российских просторах знает он не понаслышке, пуская в свои стихи хорошо знакомое и прочувствованное:

*Овраги, балки, буераки,
чабрец на кесаревой ране,
в сиренях звонницы, бараки,
путьцы, вороны, собаки
с глазами иноков — все знаки
Господней бугроватой длани...*
(«Воронеж»).

Последний раздел книги составила проза поэта, ещё одна его стихия, родственная стихам. Открывается он мемуарным очерком «Литера на багровом щите», возникшим благодаря его стремлению «поспешить, дабы не опоздать» — рассказать о жизнелюбимых, мужественных, благородных людях, с которыми С. Шелкового связывали не только родственные узы, но и укрепившееся с годами взаимное чувство духовного родства. Рассказать, прежде всего, о лучших из дедовского поколения — о Марфе и Петре. Стихи давно обогнали прозу, образы этих горячо любимых поэтом людей возникают во многих его стихотворениях, начиная с первой строки первого сборника 1985 года «Всадник-май». Заметим: и в «Стихиях» есть стихи из «фамильной саги», из которых наиболее удачный, на наш взгляд, — «Анна темная».

Обращение С. Шелкового к прозе позволило ему сохранить множество дорогих деталей. Семейная летопись восстанавливает ушедшую жизнь в её непрерывности: вот он, век Марфы и Петра, страшный и трагический прекрасный XX век. Читатель увидит, что у Сергея Шелкового были хорошие учителя — не о школьных и не о поэтических учителях идёт в данном случае речь.

О учителях же литературных говорится дальше — в эссе об Осипе Мандельштаме, Арсении Тарковском, Борисе Чичибабине. Завершает книгу очерк о недавно ушедшем из жизни немецком ученом-слависте Вольфганге Казаке — авторе знаменитого «Лексикона русской литературы XX века», — с которым поэт находился в переписке.

2004 г.

Виктор РУБАНОВИЧ,
поэт, редактор,
(г. Лейпциг, Германия)

ПИСЬМА К СЕРГЕЮ ШЕЛКОВОМУ

24 марта 2005 г.

Дорогой Серёжа!
Я действительно писал тебе неоднократно по электронному адресу, указанному в харьковском писательском справочнике и был несколько удивлён их безответностью. Теперь всё прояснилось.

Живу я ныне в Лейпциге. До этого мы (я приехал со своей бывшей женой и нашей внучкой) прошли все эмигрантские испытания: нары в двух переполненных общежитиях, недобрые реплики чиновников, ведающих пособием, полную неконтактность из-за незнания языка. И только через год после приезда обзавелись квартирами (я живу отдельно), снятыми в жилагентстве и оплачиваемыми социальной службой, кроме света, горячей воды и телефона. Получаю скромное, по здешним меркам, пособие. Конечно, это несравнимо с тем, что я получал как пенсионер дома, но впятеро меньше минимальной немецкой пенсии. На еду хватает вполне, транспорт (дорогой) оплачивается из собственного кармана. Поэтому приходится на всём экономить.

В немецкое общество не «интегрируюсь», живу, как в маленьком параллельном мире, который пересекается с большим, внешним, только в случае острой необходимости. А она, увы, возникает часто. Язык не изучаю по двум причинам: пепел Клааса продолжает стучать в моё сердце, и, второе, для постижения разговорной речи необходимо постоянное общение с немцами, что исключено в силу первой причины. Наша внучка Светочка, не обременённая моими комплексами, занимается в 8-м классе немецкой гимназии (потеряв 2 года) и говорит по-немецки совершенно свободно. И даже всё понимает. Срок обучения — 12 лет (последние 2 класса — абитура). Мечтаю, чтобы она поступила в Лейпцигский университет, где в своё время обучались Лейбниц, Гёте, Шиллер и другие достойные люди и которому почти 600 лет. Но ситуация непредсказуема.

Страна находится в серьёзном экономическом кризисе, реформы не идут, немцы выходят на демонстрации протеста. В результате в местные земельные парламенты (в частности, в наш) вошли представители неонацистских партий, отнюдь не запрещённых.

Утешение нахожу в работе за компьютером, который притащил с собой из Харькова. Пишу много. За это время мой «нессианский» фонд вырос до 310 пародий, представляя ныне большую «энциклопедию» наиболее ярких русских и зарубежных имен XVIII–XX веков, включая античников. Но теперь возникла проблема с изданием новой, существенно возросшей в объёме книги. Московские издательства перезагружены триллерами и прочей кровавой продукцией и на интеллектуальные вещи не реагируют. Харьковчане смотрят в лапу, а она пуста. Нашёлся, правда, мой старый знакомец, который начал заниматься книгоизданием, даже попросил меня прислать ему всё новое (на тот момент) с шаржами. Но вскоре «знык» и залёг на дно. В его порядочности я несколько не сомневаюсь, но, тем не менее, надежда рухнула. А вместе с ней и мой план приезда в Харьков в ближайшее время. Но если что-то прояснится, я побываю в Харькове ближайшим летом.

За это время я вышел в «Вопросах литературы» (№ 5, 2004), где меня намерены время от времени публиковать. Сейчас у них в производстве находится мой «Онегин в Харькове», который был опубликован в «Слободском крае» от 29 января с. г.

Несколько неожиданно вышла моя статья о А. Чижевском («Солнцепоклонник») в «Секретных материалах» (№ 16, 2004), перепечатанная из тараповских «Университетов» (2000). К сожалению, не связавшись предварительно со мной, мой неожиданный соавтор А. Клёва (харьковчанин, корреспондент этой газеты) искал в ней не только место моего нынешнего жительства и имя, но и ряд фактов, связанных с самим Чижевским. Я созвонился с Клёвой и поставил его перед необходимостью внести необходимые коррективы, что он и пообещал сделать в книге «Досье «Секретных материалов», которую сейчас готовит редакция. Заказал он мне ещё несколько статей, которые были написаны мною в рекордно короткие сроки, но пока они валяются где-то у него.

Столь же неожиданно появилась моя публикация в чикагской газете «Реклама», распространяемой по всей Америке немалым тиражом, об известном контрразведчике А. Гуревиче, родившемся в Харькове. Узнал о публикации я от своего друга, живущего в Чикаго. Эта статья была передана в редакцию кем-то из Харькова, а до того была напечатана в журнале «Истоки» (Вестник На-

родного университета еврейской культуры в Восточной Украине (№ 8, 2001). После этого у нас с редакцией установилась дружеская переписка, в которой было выражено желание сотрудничать со мной и впредь. И действительно — в «Рекламе» были мне посвящены 15 полных полос с пародиями и фрагментами моей неопубликованной книги «Помнить!..»

Появились и первые публикации в Германии, хотя круг русских изданий здесь крайне ограничен. В западногерманском журнале «Партнер», в № 1 за этот год, были напечатаны 9 (старых) пародий. В газете со странноватым названием «Районка» вышла моя уничтожающая реплика по поводу публикации книги, пытающейся обелить генерала-предателя Власова. Но в принципе здесь публиковаться негде. Русские газеты и журналы облеплены графоманами, и пробиваться сквозь эту толпу мне не хочется. Есть, правда, и высокопрофессиональные издания, но и там давно сформировался свой авторский круг. Так что надеюсь только на Москву.

Оценку написанного мною здесь дал довольно выразительно критик и литературовед Вл. Новиков. Эти материалы цепляю сейчас к письму.

Очень рад установлению связи. Очень интересуюсь всем, что происходит в Харькове, скучаю по оставшимся там друзьям. Ранее писем я получал довольно много, теперь чаще всего пишут В. Воргуль, Р. Катаева, И. Лосиевский, А. Житницкий, В. Галий (из США) — и всё, пожалуй. Даже фолиевцы, клявшиеся в любви до гроба, приумолкли. Видимо, с глаз долой...

Что слышно у тебя?

Передавай сердечный привет нашим общим друзьям и знакомым.

Крепко обнимаю,
В. Рубанович.

14 апреля 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Сегодня я завершил чтение твоих сборников. Впечатление сильное: блестящий стих, оригинальные мировидение и образность, созвучность многих тем с моими мыслями о том же. Очень интересна и проза. Твоя семейная хроника, конечно же, перерастает рамки интереса к ней одной семье. Это судьбы достойно проживших свои жизни людей, которые теперь ужаснулись бы увиденному.

Всё это мне очень близко. Дай Бог, чтобы и в будущем ты написал и, что не менее важно, издал такие отменные сборники.

К слову, с Борисом Чичибабиным и Алексеем Пугачёвым меня связывала многолетняя дружба. Мы познакомились в 1964 году в гостеприимном доме наших друзей Бориса и Аллы Ладензонов. С некоторых пор их квартира превратилась в своеобразный клуб, где по вечерам можно было встретиться с оригинальными умами, утонченными остроусловами, талантливыми бардами, литераторами, актерами и просто с интереснейшими людьми. Хозяин дома, Борис Яковлевич Ладензон, эрудит и остроумец, легко ориентировался в этом разношерстном обществе, двумя-тремя фразами ненавязчиво направляя порой чрезмерно оживлённые беседы в интересное для всех русло.

Его жена, Аллочка, умело и своевременно обеспечивала гастрономическую часть программы, успевая между делом быть в курсе всех обсуждаемых тем. Нужно сказать, что и пришедшие в этот дом впервые, и его завсегдатаи чувствовали себя здесь раскованно и уютно, в разговорах порой забывая о времени.

Именно здесь, за столом, быстро примирявшим всех спорщиков, я впервые и увидел Чичибабина (тогда он был женат на Моте, и она неизменно сопровождала его повсюду) и Пугачёва, хотя слышать о них доводилось и раньше. К тому времени в харьковском издательстве уже вышел первый сборник стихов Бориса Алексеевича «Мороз и солнце», его стихотворные подборки публиковались в «Новом мире», «Знамени», «Юности» и других столичных журналах. Что же касается Алексея, актера и певца, то его судьба сложилась достаточно трагично. Он так и остался известным лишь узкому дружескому кругу.

Чичибабин и Пугачёв были давними большими друзьями, что отнюдь не исключало то и дело возникающих ожесточённых споров, приводящих иногда к длительным размолвкам и даже ссорам.

Чичибабин всегда говорил о Пугачёве как о ярком, щедро одарённом человеке, который когда-то открыл для него авторскую песню. Алексей пел песни не только на слова Чичибабина, у него в репертуаре были прекрасные песенные композиции и на слова других «запрещённых» поэтов, в частности, Даниэля, с коим он дружил.

Надолго врезались в память его концерты в Харьковской филармонии, где он пел песни на слова Лорки и Гильена. Однажды Алексей решил попытать счастья в Москве. Пробыл он там недолго, но успел блестяще выступить в программе «В жизни раз бывает восемнадцать лет» с известными ныне артистами эстрады —

Е. Петросяном и другими. В 1975 году друзья сумели уговорить его записать свои песни на магнитофон, но, к сожалению, большинство из них стало известно лишь в последние годы.

Алексей был прекрасным художником. Он одинаково свободно мастерски владел техникой живописи и графики. Побывав как-то у него дома, я был поражён обилием профессионально выполненных рисунков и гравюр на темы тогда еще «самиздатовских» произведений Булгакова и Солженицына. Для их экспозиции в небольшой квартирке Пугачёвых на улице Байрона была выделена отдельная комната, полностью свободная от мебели. На полу лежал ковёр, на котором располагались гости, а стены и даже потолок были густо увешаны поразившими меня гравюрами. На подоконнике стояло необходимое для работы оборудование. Алексей рассказывал мне, что его дед был профессиональным гравёром и своему искусству гравирования обучил его ещё в юношеские годы. Приятно удивило меня и то обстоятельство, что жена Алексея Лидия Константиновна поступилась дефицитной для них квартирной площадью ради увлечения мужа. Думаю, что не каждая жена смогла бы поступить подобным образом.

В дружбе Чичибабина и Пугачёва Алексей отнюдь не играл второстепенной роли. Это был человек высокой культуры, с богатым и своеобразным внутренним миром. Его отец в свое время преподавал в Институте красной профессуры. Мать владела тремя языками, обучила сына игре на гитаре.

Когда Алексей Пугачёв закончил музыкальное училище по классу вокала, ему настоятельно советовали поступать в консерваторию. Но его влекла актёрская судьба, и он поступил в театральный институт. Ему повезло с учителями, среди которых было немало «березольцев». Особенно сдружился он с С. Хоткевичем. Да и на сцене рядом с ним играли тогда Л. Сердюк, Л. Быков, Л. Тарабарин. Однако в чёрные дни Пугачёву не нашлось места ни в одном из харьковских театров. Горько становится на душе при мысли о том, что его незаурядный талант так и не раскрылся в полной мере, ограниченный жёсткими административно-идеологическими рамками. В этих условиях особенно тяжело было таким, как Б. Чичибабин и А. Пугачёв, которые не пошли на компромисс со своей совестью...

В 1988 году во Дворце культуры железнодорожников состоялся творческий вечер Бориса Алексеевича Чичибабина. Это было его первое публичное выступление после двадцатилетнего перерыва. Вечер состоялся, несмотря на попытки харьковских чиновников

от культуры помешать этому. По его окончании ведущий объявил, что через несколько дней в этом же зале состоится ещё один вечер, посвящённый другу поэта Алексею Пугачёву. Большинству присутствовавших это имя было незнакомо. Афиши об этом так и не появились, да и состоялся вечер в другом, значительно меньшем помещении. Городская администрация, напуганная появившимся в прессе письмом Н. Андреевой, решила на всякий случай это «мероприятие» отменить. Но вечер Пугачева, ставший, к сожалению, вечером его памяти, всё же состоялся благодаря усилиям друзей Алексея. В те апрельские дни, когда ему исполнилось бы 60 лет, Пугачёва уже не было в живых. Судьба отпустила ему недолгий век, но всех, кто присутствовал на вечере, не покидало ощущение того, что Алексей сейчас где-то далеко, в очередной поездке — на Камчатке, в Караганде или Грузии — поёт свои песни старым друзьям и скоро возвратится домой...

Я бережно храню фотографию, подаренную мне Алексеем, когда он увидел мои графические работы, выполненные пером и тушью. Он попросил тогда, если у меня появится свободное время, сделать его портрет в этой технике. Время появилось, и я выполнил его просьбу. Но увидеть Алексея этот рисунок уже не пришлось...

А 15 декабря 1994 года мы простились и с Борисом Алексеевичем Чичибабиным.

Последние годы мы виделись с Борисом Алексеевичем довольно редко, в последнее время — чаще всего на его поэтических вечерах, на встречах в творческом объединении «Круг» и гораздо реже — в его небольшой квартирке на улице Танкопия. Я хорошо понимал, что значит для поэта, живущего замкнуто и уединённо, суета, неизбежно связанная с приёмом даже самого необременительного гостя. И не считал себя вправе отнимать у него ни минуты времени, отпущенного ему для работы. Намного чаще и с не меньшей радостью встречал я его новые стихи. Он сразу и высоко оценил мои пародии. На подаренном мне «Колоколе» Борис Алексеевич написал: «...от благодарного читателя его превосходных пародий, с любовью. Борис Чичибабин», на второй книге, «Мои шестидесятые»: «...с дружеской любовью и как взятку, которая, может быть, сохранит меня от его пародий. Борис Чичибабин».

Но, с благодарностью приняв эту «взятку», пародию на Бориса Чичибабина я всё же написал.

Борис Алексеевич в 1993 году дал мне рекомендацию для вступления в Союз писателей Украины, которую мне хотелось бы воспроизвести полностью:

«В 1990 году в харьковском издательстве «Прапор» вышла книжечка литературных пародий Виктора Рубановича «Весёлый Парнас». Книжечка эта, действительно весёлая и талантливая, на книжных прилавках не залежалась. Автор подарил её мне и хорошо поступил. Теперь, когда у меня паршиво на душе, а это становится устойчивым состоянием, за неимением шампанского и неохотой доставать с полок довольно громоздкий том Бомарше с Фигаро, в качестве лекарства перечитываю эту тоненькую и весёлую книжечку. Кажется, скоро мне не нужно будет это делать, потому что смешные и умные дружественно-пародийные стихи Рубановича обладают удивительной способностью сами собой запоминаться наизусть.

И до этой книжечки, и после неё Рубановича охотно печатали и печатают «Крокодил» и многие другие периодические издания Украины и России, а читатель ещё более охотно с нескрываемым и разделяемым мною удовольствием читает эти публикации.

В настоящее время Виктор Евгеньевич Рубанович работает директором издательства фирмы «Прогресс» и, конечно, мог бы издать не одну свою книгу, но он предпочитает издавать книги других писателей. Такая удивительная личность совершенно необходима Союзу писателей Украины.

С лёгким сердцем и благодарной радостью товарища по ремеслу рекомендую как можно скорее принять его в наш Союз.

Борис Чичибабин»...

И ещё один фрагмент его биографии, оставшийся, по понятным причинам, незамеченным его биографами.

С ныне покойной Лией Борисовной Аврутиной, моей двоюродной сестрой, Борис Алексеевич познакомился при весьма прозаических обстоятельствах. Бухгалтер Чичибабин был «привлечён» в 1953 году к подготовке сводного районного годового отчета, для чего в назначенное время явился в 7-й подъезд Госпрома, в райжилуправление Дзержинского исполкома к главному бухгалтеру. Влюбился он в Лию Борисовну сразу. И с тех пор использовал любой повод для встреч, говорил о своей любви, приносил подарки, для чего ему, постоянно испытывавшему материальные затруднения, приходилось порой расставаться с любимыми книгами из своей библиотеки. Однажды, случайно узнав, что Борис Алексеевич продал сочинения Бальзака, Лия выкупила эти книги и вернула их прежнему владельцу, запретив впредь тратить на неё.

В то время Чичибабин был женат на женщине, с которой он приехал из ссылки. Но неожиданно вспыхнувшая страсть к Лие,

которую он всегда называл более привычным ему именем Лия, нисколько не ослабевала. Более того, углублялась и ширилась с каждым днём. Борис Алексеевич ожидал её после работы, провожал домой, угощал любимым ею зефиром в шоколаде и охлаждённым шампанским из термоса, носил передачи (под фамилией Полушина) одному из её друзей, оказавшемуся в заключении. Он горячо настаивал на том, чтобы Лия оставила мужа и всегда была с ним. Становился посреди улицы перед нею на колени, засыпал стихами, исписав всю толстую тетрадь посвящениями ей. Борис Алексеевич был настолько поглощён Лией, что даже угрожал в случае, если она отвергнет его, перерезать себе вены на руках. И однажды пришёл к ней с перебинтованными руками, которые были изрезаны бритвенным лезвием.

Когда Лия сняла на лето дачу в Зелёном Гаю, Чичибабин просил время от времени разрешать ему видаться с нею, не спал ночами, тосковал, уверяя, что не сможет перенести три недели разлуки. Он приезжал в Зелёный Гай, тайком следя из-за кустов за тем, как Лия с детьми катается на пруду в лодке. На следующее лето, приехав к ней в Южный посёлок, он остался ночевать в пустом больничном изоляторе, чтобы утром увидеть её ещё раз.

Но Лия не относилась к этому увлечению Бориса Алексеевича слишком серьёзно и отнюдь не собиралась менять привычного образа жизни, тем более — оставлять семью. И со временем Чичибабин, убедившись в этом, сумел найти в себе силы для того, чтобы прекратить эти встречи раз и навсегда...

Серёженька! Ещё раз благодарю тебя за книги, я получил истинное удовольствие от чтения их.

Крепко тебя обнимаю, твой Виктор Рубанович

02 мая 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Внимательно прослушал диск «Янгол огня». Часто в глазах застывали слёзы, стихи твои безупречны. Что же касается их музыкального обрамления, то нужно признать, что Коньков не всегда удачен. Гитара его звучит превосходно, речитативы тоже хороши. Но там, где он зачем-то подключает свой не актерский, а «певческий» голос, с неровной вибрацией и откровенными срывами, неизбежно происходит ослабление эффекта. Но тут ничего не поделаешь: «маемо те, що маемо». В целом же песни хороши, стихи

выручают, но слушать их, видимо, в силу означенных причин, нужно не подряд.

Я очень тебе благодарен за всё присланное тобой и испытываю неловкость в связи с твоими тратами на пересылки.

Лейпциг понемногу остывает от горячих схваток тысяч нацистов с неменьшим числом их германских антиподов. Всю ночь накануне полицейские вертолеты бороздили небо, ведя наблюдение за всеми перемещениями наци. А утром стройные колонны тех и других сблизились, после чего началась потасовка, в которую вмешались немедленно оцепившие их полицейские подразделения — в касках и бронежилетах. Водометы не помогли, стычка оказалась кровавой для всех. Много арестованных и пострадавших. Видимо, в сегодняшних газетах будет об этом сообщено более подробно. Аналогичные акции, но не в таких масштабах, произошли в Берлине и других западных городах. Это малоприятное зрелище, но поражает другое — сила и действенность закона. Наци не запрещены официально, но находятся под постоянным контролем властей.

Обнимаю тебя.

Твой В. Рубанович.

25 июля 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Поздравляю тебя с выходом новой книги. Спасибо огромное, что не забыл обо мне. Буду ждать прилёта «Певчего» ко мне.

Мне казалось, что на твоё майское письмо я ответил. Если это не так — извини. Возможно, я замотался в связи с выходом из строя моей левой руки. Что-то случилось в области плеча: боль нестерпимая при подъёме руки и отведении её в сторону. Пришлось побывать у специалистов, но, по-моему, они разбираются в подобных делах не лучше меня. Принимал болеутоляющее, прошел шесть сеансов лечебной гимнастики — результат практически нулевой. Ни одеться, ни раздеться, ни искупаться толком. А ночью боли заставляют по нескольку раз за ночь просыпаться.

С трудом выбил направление на повторную гимнастику, это здесь не очень просто. Возможно, договорюсь на месте о мануальном вмешательстве.

Ещё раз прочел твоё майское письмо. Должен тебе сказать, что я с пониманием, без малейших признаков экстремизма, отношусь

к обеим противостоящим сторонам бурлящего украинского общества. А кроме того, мой «Онегин» написан был до «оранжевых» событий. Речь в нем идёт о кучмовской Украине. И в какой-то мере он несёт в себе черты автобиографичности. Именно так поступили со мной в Спилке, когда мои материалы были представлены на предмет приёма. Отдельные подробности их рассмотрения и реплики в мой адрес мне стали известны от людей, присутствовавших при этом. Поэтому моя нелюбовь к этим чиновникам логична и естественна.

Но всё это мелочи по сравнению с тем, что в Германии принят новый закон об иммиграции, и моя дочь, приезд которой из Питера ожидался в этом году, может не попасть к нам вообще. Единственная надежда на то, что мы — мать и отец — старики, а её дочь (наша внучка) пока несовершеннолетняя. Впрочем, хвалёной сентиментальности немцев не хватит, чтобы войти в наше положение. А это — трагедия, которой мы предвидеть не могли, когда задумывали объединиться.

Такие вот дела. Обнимаю тебя (правой рукой).

Твой В. Рубанович.

5 августа 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Очень рад был узнать, что твой с Коньковым вечер, во-первых, состоялся, а во-вторых, прошёл столь успешно. Конечно, это чертовски приятно, когда в наши, далеко не переполненные до краев радостями будни можно почувствовать себя с полным правом именинником. Даже можно простить хулиганство с забрасыванием «цветами-розами». И кворум тоже о многом говорит — значит, знают, ценят и скучают по настоящей русской поэзии. А вот гостей твоих, перечисленных в письме, я знаю не всех. Но могло бы быть их и побольше, впрочем, может быть, не все знали об этом или отсутствовали в городе. Отрадно, что приходил Рысцов, не самый горячий поклонник всего русского, но, по каким-то причинам, в своё время он очень тепло относился и ко мне.

А кто проводил запись для радио? Не Владлена ли Викторовна Костенко? Если она, передавай ей при случае мой сердечный привет. Если Инга Долганова — тоже.

Мне приятно получать из Харькова такого рода бодрящие вести. Значит, ещё не всё потеряно: и книги выходят русские,

и жизнь постепенно входит в своё русло, правда, больно уж напоминающее накатанное ранее.

За всеми событиями в Харькове и в Украине слежу самым внимательнейшим образом, ибо душа моя осталась там, разъединившись с телом. А здесь можно обойтись и без неё.

Недавно меня отыскал мой старый добрый знакомец из Нижнего Новгорода, некто Эдуард Кузнецов. Он известен в узких литературных кругах тем, что фанатично предан Пародии, собирает её множество лет, исследует и делает вполне профессиональные аналитические обзоры, которые изредка публикуются в «Вопросах литературы». Недавно (в № 3, 2005) он, в частности, опубликовал достаточно содержательную статью об истории создания «Парнаса дыбом», снабдив её такими мало известными деталями, о которых я не знал. А в числе пародистов, следующих традиции «парнасцев», среди таких имён, как Д. Самойлов, Л. Лазарев, С. Рассадин, Б. Сарнов, А. Иванов, Г. Горин, назвал и моё имя.

Я поблагодарил его и в ответ получил письмо, в котором он выразил радостное оживление по поводу обретения моего лейпцигского адреса. В письме он сообщил мне, что знает о моих новых «грандиозных» пародийных циклах от проф. Вл. Новикова и очень бы хотел с ними познакомиться тоже. Я отправил ему электронной почтой свои труды, и мы «обменялись мнениями». Работаю сейчас в основном над своей публицистикой, вяло ищущу тему для пародий и жертв. Но боюсь, не найду. Словом — творческий кризис, грозящий затянуться на долгое время.

Ещё раз спасибо за то, что не забываешь. Желаю тебе почаще радовать меня добрыми вестями, счастья и благополучия тебе и твоим близким. Пиши по мере возможности.

Твой В. Рубанович.

10 августа 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Твой «Певчий» в моих руках. Спасибо тебе за прекрасную книгу и добрые слова, её предваряющие.

Буду читать с большим удовольствием — долго и внимательно.

Крепко обнимаю и желаю новых удач, воплощённых в книги.

Твой В. Рубанович.

Дорогой Серёжа!

Огромное спасибо тебе за поздравление, твои добрые пожелания пришлось очень кстати — я похварываю.

«Певчего» твоего читал долго и внимательно. О твоих самобытных стихах я тебе уже писал как-то — они великолепны, очень зрелы и проникновенны. Меня заинтересовала и твоя проза, в которой я обнаружил много общих с тобой точек соприкосновения:

1. Мы оба родились в годы Голодомора (я в 33-м, ты — в 47-м).
2. Мы долго жили с тобой в одном районе (я в коммуналке 20-го дома на ХТЗ, ты — в коммуналке на Станкострое).
3. Мой отец пришёл на ХТЗ в 1929 году, когда завод еще строился, остался на стройке, закончил параллельно с работой ПАРВАГДИЗ (проброобраз Политеха) и всю жизнь проработал на заводе, до самой пенсии, ни разу не изменив своему родному отделу главного конструктора.

Твой отец пришёл на Станкозавод через 20 лет тоже с новеньким инженерным дипломом Политеха.

4. И ты, и я учились в одной и той же 104-й школе с естественным разрывом во времени.

5. И ты, и я закончили Политех.

6. Долгие годы своей жизни я прожил на Артёма, 58, рядом с твоим домом на Чернышевской...

Кстати, как пишешь ты в воспоминаниях, твой, ещё детский тогда, слух несколько покорила первая строчка песни «Варяг» («Наверх **вы**, товарищи, все по местам...» — «Какие-такие наверхвы?»). Должен тебе сказать, что первая строка в оригинале звучала несколько иначе. Возможно, тебе будет интересно узнать историю этой песни.

27 января 1904 года на рейде корейского порта Чемульпо произошло легендарное сражение И одним из первых на это событие откликнулся немецкий поэт Рудольф Грейнци (1866–1942), который в связи с героической гибелью «Варяга» написал и 12 февраля 1904 года опубликовал на страницах мюнхенского журнала «Юность» стихотворение «Варяг». Вскоре переводы этого произведения появились почти одновременно в двух российских журналах.

Один из вариантов перевода стихотворения под названием «Памяти «Варяга» увидел свет в четвёртом, апрельском номере «Нового журнала иностранной литературы, искусства и науки», издававшегося в Петербурге. Автором этого перевода была ли-

тератор и поэтесса Евгения Михайловна Студенская. Её перевод был напечатан вместе с оригиналом на одной странице журнала: слева — русский текст, справа — немецкий.

*Наверх, о товарищи, все по местам!
Последний парад наступает!
Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!*

.....,

*Не скажут ни камень, ни крест, где легли
Во славу мы русского флага,
Лишь волны морские прославят одни
Геройскую гибель «Варяга»!*

Через некоторое время этот текст стал широко известной песней «Наверх, о товарищи, все по местам!». В различных нотных изданиях авторами музыки указывают А. Б. Виленску, И. Н. Яковлева, И. М. Корносевича, А. С. Турищева. Однако имя Студенской, к сожалению, не вошло ни в один из сборников русских биографий, ни в один энциклопедический отечественный словарь. Как правило, упоминая автора слов, в песенных сборниках ограничивались указанием: «Биографические данные о Е. М. Студенской не установлены». Работа, проведенная в библиотеке Академии наук, позволила в значительной мере восполнить этот пробел, после чего Г. Таракановским были опубликованы в «Неве» достаточно подробные сведения о Е. Студенской.

Родилась она в декабре 1874 года в Петербурге в семье доктора медицины, почетного лейб-медика двора Его Императорского Величества М. М. Шершевского. Евгения получила прекрасное домашнее образование, что позволило ей успешно закончить историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С января 1897 года Студенская на протяжении восьми лет публиковала в «Новом журнале иностранной литературы, искусства и науки» свои стихотворные переводы с английского, немецкого, французского, итальянского, испанского, шведского и датского языков. Одновременно печатаются её работы в историко-литературном журнале «Исторический вестник».

С 1901 года она печатается под фамилией своего мужа Студенского, за которого вышла замуж в конце 1897 года. Молодожёны, совмещая свадебное путешествие с делами, побывали в Париже и Риме. Но печальные обстоятельства привели к тому, что

в 1904 году перевод стихотворения «Досада» итальянского поэта Э. Виччи оказался последним её произведением. После смерти мужа от чахотки Студенская, имевшая к тому времени двоих детей, через некоторое время вышла замуж за профессора Санкт-Петербургского университета Ф. А. Брауна. Но чахотка, которой она заразилась от первого мужа, прогрессировала достаточно быстро. Несмотря на все принимаемые меры и шестимесячное лечение в санаториях Южной Саксонии, в мае 1906 года на тридцать втором году жизни Студенская скончалась.

В историю русской культуры Е. М. Шершевская-Студенская-Браун вошла только словами одной песни «Наверх, о товарищи, все по местам!». Но эта, ставшая широко известной, поистине всенародная песня, воспевающая мужество и стойкость русского народа, нашла живой отклик в сердцах многих людей и особенно часто звучала в годы Великой Отечественной войны.

Такова история этой истинно русской песни, имеющей немецкие корни.

Ещё раз от всей души благодарю тебя за тёплые слова.
Крепко обнимаю, *В. Рубанович*.

3 сентября 2005 г.

Дорогой Серёженька!

Спасибо за письмо и за высланную книгу — у меня её, конечно, нет.

Что касается письма О. Ермолаевой с оценкой диска «Янгол огня», то думаю, что она вряд ли слыхала настоящее исполнение авторской, бардовской песни. Мне же как «человеку с гитарой» и даже с музыкальным образованием приходилось не только с успехом петь её самому, но и не раз слышать в исполнении Окуджавы, Городницкого, Клячкина, с которыми был в своё время знаком. Поэтому в части исполнения Конькова её энтузиазма разделить не могу.

Соглашусь с нею лишь в оценке твоих стихов. Ты — действительно Мастер.

А почему она не может дать в «Знамени» твоей добротной подборки? Или это уже недавно было?

Тебя крепко обнимаю, дай Бог тебе побольше великолепных книг и соответствующих рецензий.

Твой В. Рубанович.

14 сентября 2005 г.

Дорогой Серёженька!

Книгу «На кордоне» и трогательное приложение получил, за что благодарю безмерно. Стихи сразу же стал бегло читать, потом, разумеется, начну всё сначала. Заключительные слова С. Минакова тоже просмотрел. Хорошо, когда поэт пишет о поэте хорошо.

Спасибо огромное и за то, что не забываешь, и за тёплое, душевное посвящение.

Обнимаю тебя, твой *В. Рубанович*.

13 октября 2005 г.

Дорогой Серёжа!

Это просто здорово, что ты вырвался в Германию. Если будет возможность, загляни в Лейпциг, если нет, но обратный твой путь проляжет через него, обязательно дай мне знать: день, число и время (всё это ты без труда узнаешь у себя в справочном бюро применительно к твоему поезду), и я обязательно подъеду на вокзал, чтобы увидеться.

На всякий случай напоминаю тебе мои адрес и телефон.

У меня практически всё без изменений, немного похварываю, продолжаю много работать (впустую), мало где бываю. Буду очень рад тебя увидеть.

Обнимаю, твой *В. Рубанович*.

16 октября 2005 г.

Всё в порядке, Серёжа, встретимся обязательно. Как я понимаю, поезда утренние? Значит — до субботы.

Обнимаю, *В. Р.*

12 ноября 2005 г.

Дорогой Серёженька!

Сегодня получил твою бандероль со сборником «Зелёный дождь» Ольги Бондаренко. Спасибо безмерное. Книгу начну читать вечером. Ты, конечно, молодец, что увековечил память ушедшего талантливого человека.

А фотки ничего. Я, правда, несколько старовато выгляжу, но на зеркало неча пенять!

Привет сердечный твоим.

Крепко обнимаю.

Твой В. Р.

23 декабря 2005 г.

Дорогой Серёженька!

Сердечно благодарю тебя за поздравление, твоё письмо сумело опередить моё, намеченное на более поздние дни. Но потом я понял, что у тебя позднее, видимо, не будет доступа к компьютеру, и тороплюсь ответить тем же.

От всей души поздравляю тебя и твою семью с наступающими Новым годом и январским, православным, Рождеством. Дай Бог, чтобы они принесли всем нам покрепче здоровья, побольше счастья, покоя и уверенности в собственных силах.

Я очень рад твоим частым и тёплым контактам с читательской аудиторией, всё-таки они побуждают к новой работе и укрепляют уверенность в своей нужности. Всего этого я здесь не получаю и работаю без подпитки, на внутренних ресурсах, которые не безграничны.

Пародий новых не пишу из-за их ещё долгой не востребоваемости в скудеющем культурном мире, тем более, что издать уже содеянное никакой надежды не осталось. Даже с публикацией в прессе здесь большие проблемы. Даниил Чкония после того, как восторгнулся моими пародиями, куда-то исчез, на пару моих последних писем не ответил вообще. Иными словами, интереса не проявил. Другие печатные издания штампуют банальщину, и не пахнущую литературой.

Очень увлёкся составлением Харьковской энциклопедии. Использую изрядное количество прихваченных с собой справочных материалов: литературные справочники, книги Лейбфрейда об истории города, мемуары, монографии и, конечно, Интернет. Получается любопытная книга, объёмистая и наполненная многими не известными дотоле (по крайней мере, мне) именами и событиями. Здесь всё: история, культура, искусство, наука, военные темы, отдельные персоналии и т. п. Работа эта позволяет мне на некоторое время не впасть в устойчивую депрессию. Что будет, когда источники исчерпаются, думать не хочется.

Вчера неожиданно получил очередной любопытный сборник стихов некоего харьковского биолога Е. Кутикова. Может быть, ты слышал его имя. Это его 4-й сборник. Когда-то он пришёл ко мне в «Фолио» со стопкой исписанной бумаги и просьбой посмотреть его стихи. Писать он их стал после того, как пережил клиническую смерть. Я сочинил вступительное слово, и сборник вышел, по-моему, у Стаса в издательстве. Стихи необычайно усложнённые, но пронизанные нетривиальными мыслями и глубоко интеллектуальные. Теперь стихотворчество — его жизнь. Просит откликнуться на новый сборник рецензией, но что я могу отсюда сделать?

О Депардье, который был тиснут с подачи Стаса, я узнал от него же. Он же обещал мне прислать и публикацию, но куда-то задевал отложенный для меня экземпляр. Так я его и не имею. Если у тебя будет возможность прислать эту страничку, буду очень рад. Я всегда старался собрать публикации свои и обо мне. Но теперь это стало делать труднее, правда, и публикаций ныне — кот наплакал. В интернетовском «Журнальном зале» обнаружил, что Б. Сарнов сделал мне новогодний подарок, опубликовав в 6-ом номере «Вопросов литературы» моих «козликов». Что именно напечатано, выяснить не удалось. Но у меня был телефон редакции, я позвонил и попросил выслать мне хотя бы один экземпляр этого журнала. Пообещали, буду ждать.

Ещё раз желаю тебе и твоим родным здоровья, счастья и благополучия. Не забывай меня и ты.

Крепко обнимаю. Твой *В. Рубанович*.

11 января 2006 г.

Дорогой Серёженька!

Всегда рад твоим творческим удачам, и сейчас ты меня порадовал Рождественскими новостями. Даст Бог, и второй будет диск, и третий!

А. Коньков — человек способный, и моя критика в его адрес, если помнишь, относилась к манере исполнения отдельных песен, а не к композиции. Влияй на него, пусть совершенствуется, а заодно — и песни выиграют.

Наши Новогодние праздники, как и вся здешняя жизнь, мало отличались от будней. Я просиживаю дни (и часть ночи) над «Харьковской энциклопедией», очень увлечён, раскрываются такие

тайники связей великих мира сего с Харьковом, что голова идёт кругом. Объём неуклонно растёт, а конца пока не видно. И это радует, поскольку с окончанием этой работы — хоть в петлю.

Публикаций нигде никаких, прислали мне из Канады три номера журнала «Бонус», где были давненько опубликованы мои старенькие вещи. И всё. Русская Германия не приемлет литературы, волоочась на поводу у ничего не читающей публики, разве что — анекдоты: чем пошлей, тем смешней.

Боюсь, что споры и распри между Украиной и Россией зашли слишком далеко, и без кардинальных смен правительств и тенденций выхода из тупика не найдется в обозримом будущем. Одни ведут себя по-петушиному, другие — по-господски. А у холопов не столько трещат чубы, сколько пустеют кошельки.

К праздникам получил около 40 поздравлений и звонков, что немного согрело душу. А так — пустота и безысходность. Работа отвлекает от дурных мыслей, но стал очень барахлить компьютер, что внушает тревогу — боюсь, чтобы не пропало его наполнение. Это был бы крах.

Из более радостных новостей, если это подтвердится делом, можно назвать некоторое послабление при приеме эмигрантов, я имею в виду дочь. Дай Бог, чтобы она поскорей приехала. Сколько может внука не видеть своей матери (а отца она не видела вообще)! Так и живём — маленькими надеждами на лучшее. А годы мчатся неостановимо, унося с собой силы и те же надежды. Не хочется на пессимистической ноте заканчивать письмо. Поэтому сообщаю тебе три анекдота, услышанные по «Голосу», которые, правда, вызывают у меня не столько улыбку, сколько сожаление:

1. Русский экстремальный туризм: пройтись среди бела дня по Крецатику в майке с надписью «Газпром»

2. Кодирую от газовой зависимости. Обращаться в Кремль. Спросить Вову.

3. Этот Новый год Украина встретила с шампанским без газа.

Сообщи мне, пожалуйста, о своих новых (после «Певчего») книгах — это нужно мне для пополнения статьи о тебе в «Энциклопедии» свежими данными.

Крепко обнимаю тебя. Пиши.

Твой *В. Рубанович*.

16 февраля 2006 г.

Дорогой Серёжа!

Извини за затянувшуюся паузу. Я хворал практически всё это время: весьма кровавая почечная колика, прыжки давления, боли в сердце. Сейчас немного полегче, а может быть, я просто начал привыкать к этому состоянию.

Как всегда, радуюсь твоим успехам. Это, надеюсь, даст мне приятную возможность пополнить статью о тебе в моей энциклопедии ещё одним названием. А лучше бы — не одним. А кто ведёт твои радиовыступления? Не Владлена ли? Если это так, передай ей от меня мой низкий поклон.

Жизнь моя, к сожалению, настолько не богата событиями, что и писать-то не о чем. Продолжаю работать над энциклопедией: открываю (по крайней мере, для себя) все новые и новые имена. Поражаюсь всякий раз уникальности Харькова — во всех отношениях — и радуюсь этому, и горжусь, поскольку не перестаю любить и скучать по исхоженным за семь десятков лет местам. Хочу эту работу оставить после себя харьковчанам даже неизданной, думаю, что она в чьих-нибудь руках получит своё творческое продолжение и материальное воплощение — в книгу.

Что касается морозов, то даже у нас они были продолжительное время не менее 15 градусов минуса. В то время как обычно температура здесь не опускается до 0 — максимум минус 1 градуса. Но переносил я холода без особой радости, поскольку паршиво себя чувствовал. А немцев мороз не испугал — ходили легко одетыми и без головных уборов. Видимо, о себе напомнил мой возраст, с этим следует свыкнуться.

Писем из Харькова давно не получал. Правда, и сам не ответил ещё на некоторые — от И. Лосиевского, В. Воргуля, А. Житницкого, Риммы Катаевой, Т. Селиванчик. На этих днях засяду за почту. Если кого-нибудь увидишь из них, передай, пожалуйста, мои извинения.

Тебя крепко обнимаю, твоим — мой сердечный привет.

Пиши. Твой *В. Рубанович*.

04 апреля 2006 г.

Дорогой Серёжа!

Извини за долгое молчание. К сожалению, это было связано с моим продолжающимся нездоровьем. Время от времени кровавлю

свой след, но попасть к специалисту-урологу на приём ранее июня не удастся. Здесь свои порядки: острое состояние — «скорая помощь» (около 50 евро) и невозможность объясниться на человеческом языке. В остальных случаях — визиты с переводчицей в заранее оговоренные сроки. Это не слишком удобно, как-никак — молодая дама. Но вариантов нет.

Специалистов здесь не так много, и все они работают с перегрузкой. К тому же в Германии сейчас проходят забастовки врачей всех специальностей, и многие кабинеты просто закрыты на замок. Новый закон не позволяет врачам получать более установленной страховыми кассами суммы, и часть времени они работают бесплатно. А кому это хочется? Если бы я располагал другой, не нищенской страховкой, врачи носили бы меня на руках, как коренных жителей. Но, увы. Социальные службы оплачивают крохи, и по каждому поводу нужно проходить унижительные переговоры с чиновниками. Делать нечего — приходится ждать. В паузах продолжаю для души заниматься «Харьковской Энциклопедией», для которой уже подготовил 1300 статей. Работа обалденная — жаль, что не будет реализована в книжную продукцию. Там весь мир Харькова — от времени создания до наших дней. Выручает Интернет и справочники, прихваченные с собой при отъезде. О некоторых общеизвестных именах, которые, как выяснилось, были связаны так или иначе с Харьковом, узнал только здесь. Думаю, что материал может оказаться сенсационным для многих. Пока что я его рассматриваю как стимул к жизни, а потом — посмотрим. В любом случае по завершении (если успею) передам его в Харьков на хранение. Мне прислали неплохую книгу Карнацевича «100 знаменитых харьковчан».

Поздравляю тебя с новыми публикациями. Если пришлешь мне намечаемую к публикации в США статью, буду очень рад и прочту с интересом. Я ведь живу только воспоминаниями.

Мои живут в прежнем режиме, Аделина падает с ног и воюет со Светкой, которая, меняясь сообразно возрасту, бурно отстаивает свои права. Занимается хорошо, но для поступления (через три года) нужны баллы ещё выше. А преподавание ведётся на примитивном уровне, без разъяснения трудного материала, хотя гимназия — одна из лучших в городе. Но таков здесь принцип преподавания, да и специалистов с высшим образованием в этой сравнительно небольшой стране и сегодня не могут трудоустроить. Отсюда — забастовки. Обе переживают моё болезненное состояние.

Погоды никак не установятся, для здешних мест долго держалась низкая температура и лежал снег. Сейчас пасмурно, не очень тепло и не хочется вылезать на улицу.

О харьковских новостях знаю из газеты «Время», которую читаю в кратком изложении в Интернете. Вспомнил Ильфа-Петрова с их Малкиным, Галкиным, Чалкиным и Залкиным. В Харькове, к моему удивлению, Добкин сменил Шумилкина, но в перемены для людей к лучшему не верю. Все ныне действуют в собственных интересах. Что же касается, Киева — ситуация непростая. Тимошенко, рвущаяся к абсолютной власти, опасна для президента, Янукович в этом отношении для него предпочтительнее, ибо, по его заявлению, не претендует на пост премьера. К тому же этот альянс в какой-то мере примирит западное и восточное крылья Украины. Но тоже много непонятого в таком отступлении восточников. Словом, главные события впереди. И на душе тревожно.

Крепко обнимаю тебя, самый сердечный привет твоим.

В. Рубанович.

6 мая 2006 г.

Дорогой Серёженька!

Письмо твоё только что прочел. Рад, что тебе удалось побывать в Чехии. Это страна, которой я в 60-е гг. бредил. Тщательно изучил её историю, в особенности, русско-чешских отношений. Говорил по-чешки так, что приезжавшие в Харьков чехи ни за что не хотели поверить тому, что я никогда не жил в их стране, а тем более — не бывал. У меня сложились в те годы прочные дружеские связи со многими чехами и словаками. Был я знаком с братом О. Яроша Владимиром, крепко дружил с руководителем Театра Спейбла и Гурвинека, который всегда сообщал мне о своём предполагаемом визите в Харьков и приглашал на все спектакли.

Любопытства ради и в надежде получить возможность побывать в Чехии участвовал во многих сложных викторинах, откликаясь на их вопросы диссертационными ответами. Но, будучи «невъездным», получал лишь вторые места и восторженные отклики организаторов. Есть у меня и письмо Чрезвычайного и Полномочного посла ЧССР Гавелки, который преждевременно, как Путин Януковича, поздравил меня с несомненной победой. И был очень сконфужен тем, что я оказался среди и др. Лично от него я получил прекрасный кожаный портфель, который долго носил не без гордости.

Такие, брат, дела. А сейчас царапаюсь на стены от боли, ибо следующий визит к врачу назначен только в понедельник. Всю неделю хожу с катетером, а это чрезвычайно больно, не говоря уж о прочем.

Обнимаю тебя. Дай, пожалуйста, понять Игорю Лосиевскому, что моё молчание объясняется трудно переносимыми муками и невозможностью сосредоточиться. Хорошо ещё, что самое страшное, в конце концов, было снято с подозрения.

Твой *В. Рубанович*.

5 декабря 2006 г.

Дорогой Серёжа!

Рад был получить от тебя весточку. Между последним письмом к тебе и сегодняшним днем произошло много невесёлых событий. Первая операция ничего не решила, и меня оперировали вторично. На сей раз я вышел из клиники инвалидом, нуждающимся в посторонней помощи. Меня кормит моя бывшая жена, ухаживает за мной, как мать, очень переживает. То же происходит и с внучкой. А дочь вся изрыдалась, не имея возможности приехать к нам из Питера.

Всё это, по заверению хирурга, должно несколько продлить мои годы. В общей сложности я пробыл в клинике с мая по октябрь — с небольшим перерывом, и в дом меня внесли на носилках. А это мучительно и физически, и душевно.

Дома я, несмотря на категорические запреты врачей долго пребывать в сидячем положении и строгий домашний контроль, снова много работаю над «Харьковской энциклопедией». Число статей уже превысило 1700. И хотя у меня нет никаких шансов увидеть её напечатанной, хочу завершить эту грандиозную работу и оставить её в дар городу, любимому и незабываемому. А потому — спешу.

Я очень виноват перед Игорем Лосиевским, но никак не могу заставить себя засесть за письмо: дрожит рука, и почерк стал малоразборчивым. Возможно, соберусь с силами и позвоню ему.

О моём нынешнем состоянии постарайся никому не рассказывать. Хочу, чтобы помнили меня таким, каким видели при отъезде.

Крепко тебя обнимаю, привет всем, кто меня ещё не забыл.

Твой *В. Рубанович*.

23 декабря 2006 г.

Дорогой Серёженька!

От всей души поздравляю Тебя и Твою семью с наступающими Новым годом и Рождеством Христовым!

Дай Бог, чтобы Год Свиньи принёс всем Вам побольше доброго здоровья, счастья, радости, всяческого благополучия и при этом поменьше, увы, окружающего нас свинства.

Шлю Тебе сердечный привет и самые добрые пожелания от моих домашних.

Крепко обнимаю, твой *В. Рубанович*.

*Леонид КОЛГАНОВ,
поэт, прозаик
(г. Кирьят-Гат, Израиль)*

СЛОВО О СЕРГЕЕ ШЕЛКОВОМ

Читаю и перечитываю стихи своего любимейшего поэта Сергея Шелкового и думаю: да, велик и славен град Харьков, породивший сперва могучего Репина, сверкнувший в биографии великолепного Врубеля и давший затем таких прекрасных поэтов, как Борис Чичибабин, Юрий Влодов и Сергей Шелковый. Да ведь и первый роман Эдуарда Лимонова, тоже, кстати, возвращенного Харьковом, «Это я, Эдичка» был близок к гениальности. Как и первая тоненькая книжица его стихов «Русское».

Итак, читая и перечитывая стихи Сергея Шелкового, в пластике которых прежде всего поражает густота поэтического мазка, а также их светопись и цветопись, я тут же вспоминаю слова Михаила Врубеля о своей картине «Портрет Саввы Мамонтова»: «Портрет Мамонтова действует как экспрессия — посадка, сила лепки и вкусность аксессуаров прямо очаровали меня».

Вот именно вкусность аксессуаров роднит и новые, и старые, — знакомые мне уже более двадцатилетия, — стихи Сергея Шелкового с полотнами Врубеля. Не удержусь, чтобы не процитировать несколько предложений искусствоведа Николая Тарабукина о той же картине Врубеля «Портрет Саввы Мамонтова»: «Помимо композиционного и ритмического строя этот портрет представляет изысканную колористическую гамму, в которой густо-коричневые, чёрные и тёмно-красные цвета сплелись в тяжёлое звучание каких-то мощных инструментов исключительно низкого регистра. И только несколько бликов белого, жёлтой охры и изумрудно-го пронзают тёмные тона цветовой гаммы».

Простите, дорогие читатели, за некоторую эклектику, но эта цитата Тарабукина о Врубеле как нельзя лучше вводит в светопись и цветопись поэзии Сергея Шелкового. В тяжёлое звучание его мощной лиры. Ведь главное в его поэзии — живая вещественность поэтической ткани, всё та же самая «вкусность аксессуаров». И тому, кто не уловит этой самой цветовой и световой гаммы,

а так же не почувствует Божественную тяжесть его лиры, тому — и сам Шелковый будет не нужен.

Ибо его стихи густы, как краски на желтке, и крепки, как древние крепостные стены из белого камня, поставленные на твороге и яйце. Утверждаю это не только как литератор-профессионал, автор семи книг стихов и прозы, но и как человек, отдавший определенную часть жизни, еще в мои московские времена, реставрационной работе. Как мастеровой, знающий суть и цену тех сакральных веществ, которыми крепится искусство и зодчего, и живописца. И которыми, в конечном счете, крепится дело поэта.

И словно бы не к своему другу-музыканту, пришедшему на день рождения с охачкой подсолнухов, а к самому Врубелю, архангелу Михаилу, к Винценту, неистовому ангелу Прованса, обращает Сергей Шелковый свои слова:

*А ты мне дал подсолнухи предместья —
от храбрых, от полуденных щедрот.
Цветы-язык, языческие вести
о том, что солнцу вслед круговорот*

*свершает мир, распахнутый столь ярко,
что впору — о, Винцент! — слететь с ума...
Спасибо за угаданность подарка,
за радугу предметного письма...*

Вот эта радуга предметного письма, живая и пульсирующая материя зримо и властно присутствует в поэзии Сергея. Его стихи — это не приторный «Сахар Медович», а густой быллинный мёд Матери городов русских — ещё той самой Первой, Киевской, Руси. Именно о таком «Мёде Поэзии» было написано в скандинавском эпосе «Младшая Эдда». А ведь викинги оставили свой след и на челе, и на сердце Киевской Руси! Да ещё какой! Густо и навсегда перемешалась в потомках их упорная бойцовая кровь с кровью русичей.

Подлинная поэзия, а именно таковой она является у Сергея Шелкового, поэзия, ниспосланная свыше, на астрально-мистическо-энергетическом уровне, явственно преобразует стих в конкретное земное вещество: в камень, дерево, золото, мёд, воск, дёготь, глину.

И стихи как бы становятся — и в прямом и в переносном смысле — воском, мёдом, золотом, дёгтем и глиной. А если не становятся, тогда это просто серая публицистика. Что-то вроде размокшей в луже

серой и сирой газетёнки-однодневки. В своё время Гоголь, читая стихи Тараса Шевченко, сетовал на то, что в них слишком много дёгтя, а хотелось бы поболее мёда. Но именно эта шевченковская горчащая нота и сильна своей подлинностью! И древесный дёготь — сама густота Матери Земли, а не размокшая аморфная «серятина».

А стихи Сергея Шелкового — это одновременно и золото, и воск, и мёд, и дёготь. Любимые поэты Сергея — поздний О. Мандельштам, Арс. Тарковский, Н. Клюев и Б. Чичибабин. И ответ любви к этим собратьям по духу исходит от многих строк Шелкового. Да, именно ответ... Большой поэт Сергей Шелковый никому не подражает, но свечение любви к близким по крови предшественникам присутствует в его самоценном слове. Так же, как, — по словам Юрия Олеси, — ответ любви к Льву Толстому исходит от многих рассказов Эрнеста Хемингуэя.

И всё таки, подсудно, — на мой взгляд, — поэтическая интонация Сергея больше всего резонирует со словом, опять же, его земляка, Владимира Нарбута и с образным замесом, с первородной прасодией «Слова о полку». Разумеется — в подлиннике.

И я был просто ошеломлён, когда, размышляя о творчестве Сергея, получил от него письмо, где были его суждения о своей поэзии, буквально совпадающие с моей оценкой ее: «Дорогой Лёня, хорошо, что ты вспомнил о Владимире Нарбуте. Интерес к нему у меня несомненно возник, но только в последние 2–3 года. До этого я его стихов практически не читал.

Таким образом, определённая близость наших поэтических пластик, тобою учуянная, объясняется, конечно, не его влиянием, но тем вполне реально существующим совпадением стратегических наблюдений и выводов создателей поэтических систем, которое попросту неизбежно.

Творец слова, относящийся к слову с полной серьёзностью, с «последней прямой» и ответственностью не может не прийти к стратегии о предельно возможном, смысловом и образном, сгущении слова. Иного и не дано на пути движения вглубь трудных смыслов Бытия. Поэтому речь идёт, конечно, лишь о параллельности двух турбулентных личностных потоков — в его, Владимира Нарбута, и моей реализации. Лишь о дружественной параллельности, которую щедро-бесконечное пространство духовного макрокосма дарит иногда входящему в него пришельцу-неофиту. Вернее, дарует, если нечто во взоре пришлеца покажется-почуется ему достаточно своим.

Определённая близость моей и нарбутовской интонировки, окраса — вполне могут к тому же находить опору в близости

генетической: Украина, Перворусь, смешение Юга и Севера — с преобладанием полудня; смешение славянства, норманнства и тюркства — с преобладанием Бог весть чего...

И вот еще что обязательно хочу добавить к вопросу о масле-холсте и других изобразительных техниках. Да, кисть и мерцающе-живая масляная субстанция, да, златоткань и иная тяжкая нить гобелена, да, мрамор в любовно-страстном соитии с резцом! Многократно — да! Но очень, очень многое готов я отдать за то, что должно быть за всем этим, должно высвечиваться над всеми гармониями материи. За высшую простоту и ясность Божьего начала в человеке, за синь-высочень духовной родины, за взлет вдохновения.

Но вдохновение не приходит из ничего, а требует и зачатия, и рождения.

И именно для этого — все напряжение художника, все тугое ворочанье мускулатуры его мысли и образа, его колеров и ритмов. Для того — и Парфенон, весь строй его мощных и совершенных колонн, весь гексаметр архитектуры. Для того и весь храм, одним словом, — для света и воздуха, льющихся сквозь колонны, для неба и духа, влетающих сквозь прогулы мрамора прямо в живое сердце. Для откровения и вдохновения. И Парфенон, и Стоунхендж выстроены именно с этой первородной сверхидеей...» (конец цитаты).

Великий американский писатель Томас Вулф эпиграфом к своему роману «Оглянись на дом свой, ангел» взял строки из своего же белого стихотворения «Камень, лист, ненайденная дверь. О камне, о листе, о двери.»

Так вот, не побоюсь повторения — я бы в качестве эпиграфа ко всему поэтическому творчеству Сергея Шелкового, взял бы дорогие слова: золото, мёд, воск, дёготь. Так как все его стихи написаны не карандашом или шариковой ручкой, а только этими четырьмя составляющими.

И все они одновременно, сразу же вслед написанию стиха-заговора, превращаются в некую сгустившуюся сумрачную брагу, в которой, словно в янтаре, просвечивает вся Киевская Перворусь, с её полями и степями, с кочевыми наплывами Востока, с лёгкими налётом католицизма и униатства, и мягким, изысканно-вкрадчивым шёпотом Речи Посполитой.

Посему, приближаясь к концу очерка, спешу процитировать некоторые, лежащие на памяти, характерные строчки Сергея Шелкового, где его поэтический дар всегда остается самим собой.

Вот из раннего Шелкового, с предчувствием пути, с раздумьем о пути:

*Идущие землёй не властелины,
Заложники ухабов и канав,
Слова их мёд, но их дела полыньны,
И жжёт им губы горечь сорных трав...
И мы с тобой всю жизнь учились счёту,
Но нам не хватит пальцев на руке,
Чтоб оценить бесплодную заботу,
Наследство, что всегда дается моту,
Прощальный сон о детском молоке...*

Или чуть позже во времени:

*Я бы просил на помин принести
Ветку полынную, пряно-седую!
Снова вдохну — и почти не тоскую,
Словно не жизнь проиграл я вчистую,
Словно заснул на минуту в пути...*

Или из Шелкового позднего, но совершенно неспособного оставить редуты молодости:

*Слабый прячет от солнца глаза за стеклом кругло-чёрным.
Ну, а я заедаю свой день баклажаном перчёным!
Запиваю вином — то «Медвежьей кровью», то «Бычьей» —
и блюду солнцелюбие свое, словно мести обычай...*

*Ты попробуй, сожри меня, местное время, без соли
и попробуй, поймай меня на нестихающей боли!
Я ведь солнцем омыл и сердечную мышцу, и жабры
и поставил шалаш над расщелиной абракадабры...*

И самое последнее. Всему творчеству С. Шелкового присущ тот дар, который Виктор Ерофеев в статье о Сергее Довлатове назвал Даром органического беззлобия. То же самое можно сказать и о Сергее Шелковом. Какая-либо злость или внутренняя агрессия полностью отсутствуют в его стихах. Они — добрые и сильные. При этом я не имею ничего против здоровой поэтической злости. Поэт может быть злым, и даже яростным, в защите и отстаивании

своей Правды, но только — не злобным. И Сергей добр изначально. Разумеется, он — добрый, но не добренький. И здесь тоже, я думаю, сказывается влияние мягкого украинского климата и такого же пейзажа, в отличие от чёрно-метельно-сквозного пейзажа среднерусского. Недаром старший товарищ Сергея Шелкового прекрасный поэт Борис Чичибабин в своем стихотворении о Гоголе писал:

*И зачем он на вечные веки ушел
За жестокой звездой окаянной дорогой
Из весёлых и тихих черешневых сёл,
С Украины далёкой!*

Но Сергей Шелковый, слава Богу, никуда не уходил ни со своей родной Украины, ни — из такой же родной для него — России. Просто многие русские мотивы и темы звучат у него мягче, нежнее и добрей.

Находясь в эмиграции, большой поэт Иван Елагин, высмеивая «совковый» институт прописки, писал, что ему плевать на все международно-полицейские границы. Вот его строчки, цитирую по памяти:

*Прописан я в русском пейзаже,
Прописан я в русской судьбе...*

Так и Сергей Шелковый уже навечно прописан — и в русско-украинском пейзаже, и в русско-украинской судьбе, несмотря на все прошлые, нынешние и будущие таможенные, барьеры и искусственные преграды.

2007 г.

Имануил ГЛЕЙЗЕР,
поэт, эссеист,
(г. Сан-Франциско, США)

«БУДЬ И ПИШИ!»
(письма к Сергею Шелковому)

26 сентября 2006 г.

Серёж!
Рад твоему головокружительному успеху!
Дорогому душе моей Харькову — поклон и привет!

Твой Им.

3 октября 2006 г.

510 — это телефонный код города, не имеющий отношения к почтовому индексу.

Кстати, пришли свои телефоны тоже.
И вот ещё что: вчера отмечали Судный день.
Дублирую в твой адрес из ответа О. Горшкову:

Серёжа Шелковый, спасибище!

*Мы поздно начали с тобою диалог,
Но ходу не дадим саднящей нас обиде.
Я в Судный день скажу тебе, что Бог
Поэзии — не фраер, а провидец.*

Будь!

3 октября 2006 г.

Серёж, лови в ответ на твой электронный адрес «seshel»:

*Музу твою
Вспомню в раю
Рифменных виршей и белых.
Судя по «мылу»,
Имануилу
Кажется — ты на Сейшелах!*

5 октября 2006 г.

*Я нахожу в тебе, Сергей Шелковый,
То, что искать напрасно в мудреце.
И вишь и вглубь ты выдыхаешь слово
С печатью первородства на лице.*

Твоё посвящение Чичибабину — до слёз!

Твой Имыч.

10 октября 2006 г.

Вот — вернулся перечитать и посмаковать, Серёжа...
Рискуя расщепить целостность стиха, не удержусь от цитирования улётного(!) образа:

*Мальчишества стрекозий самолет
уткнулся лбом в траву аэродрома... — !!!*

А концовка?!!!

*А всё ж кохання — в тамбуре, в саду —
на свой напев, на свой живой обычай
я с мёртвых языков переведу,
со слов невнятных в путаном году,
с очей-черешен поселковой Биче.*

Как тут Кедрина не вспомнить:

*Эти гордые лбы винчианских мадонн
Я встречал не однажды у русских крестьянок...*

Знаешь, Серёж, мой небольшой опыт общения с тобой лучше всего прочитывается в стихах Мандельштама:

*Словно гуляка с волшебною тростью,
Батюшков нежный со мною живёт.
Он тополями шагает в замостье,
Нюхает розу и Дафну поёт.
Ни на минуту не веря в разлуку,
Кажется, я поклонился ему:
В светлой перчатке холодную руку
Я с лихорадочной завистью жму.
Он усмехнулся. Я молвил: спасибо.
И не нашёл от смущения слов:
Ни у кого — этих звуков изгибы...
И никогда — этот говор валов...
Наше мученье и наше богатство,
Косноязычный, с собой он принёс
Шум стихотворства и колокол братства
И гармонический проливень слёз.
И отвечал мне оплакавший Тасса:
Я к величаниям ещё не привык;
Только стихов виноградное мясо
Мне освежило случайно язык...*

Твой Им.

19 октября 2006 г.

*Молодеет дух! И взгляд, и память —
Вот же чудо — кто во что горазд!
Это я шелковыми путями
Открываю мир — в который раз!*

Серёж, спасибо за поэзию!

26 октября 2006 г.

Нндаа... Попробовал не поверить на слово, ткнулся в гугли-яндекс и был сурово наказан — по нулям... Даже тревожно стало —

сколько ж надо этим поисковикам времени, чтоб дать ссылку о появлении на свет замечательных стихов?

Серёж, без всякой видимой внешне причины по прочтении этого осеннего цикла на память пришло два имени предтеч: Пастернак и Тарковский.

Борис Леонидыч шепнул мне: «но жизнь, как тишина осенняя подробна», а потом — оттуда же: «всесильный бог деталей»!..

А Арсений Александрович Тарковский вспомнился этой увязкой природы со Словом, этим чувством сквозного духовного родства... Прости, что тебе, автору блистательного эссе о Тарковском, смею приводить цитату:

*Я учился траве, раскрывая тетрадь,
И трава начинала, как флейта, звучать.
Я ловил соответствие звука и цвета,
И когда запевала свой гимн стрекоза,
Меж зелёных ладов проходя, как комета,
Я-то знал, что любая росинка — слеза.
Знал, что в каждой фасетке огромного ока,
В каждой радуге яркострекочущих крыл
Обитает горящее слово пророка,
И Адамову тайну я чудом открыл.*

Знаешь, Серёжа, некоторые коллеги упрекают меня в чрезмерном цитировании, а я убеждён, что каким бы самобытным ни было наше творчество, генетический подход не только не вредит, но наоборот — высвечивает ценность наших усилий и художественных поисков.

Не говоря уже о том, что учителей забывать — грех.

Будь и пиши!
Твой Им.

2 ноября 2006 г.

Серёжа! Вот выдался свободный вечер и я внимательно прочёл все отклики на этот, условно говоря, диптих, где помимо конкретных отзывов встречаются и общие — о тебе, Поэте... И с одним из них не могу не поспорить. «Вот читал-перечитывал Ваши стихи, Сергей, — и эти, и предыдущие, и всё силился понять, чем же

они меня так забирают... Образностью, интонацией? Да, конечно. Настроим, мыслью, теплотой? Тоже. Может, ещё чем-то, поэзией? Ну это и так ясно. Думал, думал, читал, перечитывал, прислушивался к себе — и кажется, понял: Звуком. Неповторимым, гипнотическим сочетанием и чередованием звуков».

Стоп! Я уже медленно перелистнул почти 500 страниц двух твоих книг и ни разу не поймал себя на том, что вольно или невольно ты педалируешь ЗВУК... Ни в привычном понятии «звукопись», ни в хлебниковско-цветаевском пристрастии к «корневому звуку», которое, кстати, замечательно наследуется такими сильными рифмянками как Рита Бальмина и Юля Вольг.

Я принципиально отказываюсь признавать, что такое вообще возможно: Неповторимое, гипнотическое сочетание и чередование звуков. Ибо идя этим путём, мы стоим перед некоей бессмысленной игрой, где поэту не нужны уже ни мысли, ни чувства, а только определённое чередование звуков и всё! Гипноз! Фокус-покус! Настройся и лови кайф!

Ты, конечно, помнишь стихотворение Заболоцкого «Читая стихи»:

*Любопытно, забавно и тонко:
Стих, почти непохожий на стих.
Бормотанье сверчка и ребёнка
В совершенстве писатель постиг.*

*И в бессмыслице скомканной речи
Изоцрэнность известная есть.
Но возможно ль мечты человечьи
В жертву этим забавам принести?*

*И возможно ли русское слово
Превратить в щебетанье щегла,
Чтобы смысла живая основа
Сквозь него прозвучать не могла?*

*Нет! Поэзия ставит преграды
Нашим выдумкам, ибо она
Не для тех, кто, играя в шарады,
Надевает колпак колдуна.*

*Тот, кто жизнью живёт настоящей,
Кто к поэзии с детства привык,
Вечно верует в животворящий,
Полный разума русский язык.*

И помнишь, наверное, что стихо это было направлено против мандельштамовского «Щегла» в приснопамятном 1948-м, когда начались послевоенные сталинские «удары»... А ты, кстати, был тогда ещё/уже этим бормочущим ребёнком... Заболоцкий в этом иронично-декларативном стихотворении делает вид, что забыл великого Лермонтова:

*Есть речи — значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волнения
Внимать невозможно...*

Так вот, Серёжа, ни на мишень напуганному лагерем Заболоцкому, ни на прототип гениальному стиху Лермонтова, ты, по-моему, не подходишь. Как не подходят на эти роли твои великие учителя — Пастернак, Мандельштам, Тарковский, Чичибабин...

Звук у Тарковского? Сразу вспоминается:

Иванова ива

*Иван до войны проходил у ручья,
Где выросла ива неведомо чья.*

*Не знали, зачем на ручей налегла,
А это Иванова ива была...*

Звук бесподобный! А секрет — ясен: ИВАноВА ИВА!
А у тебя в «Тамбове» другой тип звукописи — корневой:
ДЕРЖАВинский и нежно-неДЕРЖАВный.

Помню, очень давно, ещё студентом, я беседовал с одним серьёзным молдавским поэтом-переводчиком. Он тогда издал книгу стихов Поля Валери в своём переводе.

И говорил мне, что родство французского с румынским (молдавским) очень помогает ему, а вот боготворимую им Цветаеву переводить хотел и не смог.

«Ну как перевести, — сетовал он, — эти корневые завязки, это «всё стол ему, всё — престол», если в романских языках стол с престолом не завязаны единым корнем?»

ПРЕСТОЛ

Итальянский — trono

Испанский — trono

Французский — trône

Английский — throne

Немецкий — Thron

Русский — ТРОН

Но — ПЕРВОПРЕСТОЛЬНАЯ!

Так вот, Серёжа, даже пробившись сквозь плотный слой общесайтовой комплиментарной глазури и сделав максимальную скидку на непрофессионализм, я отказываюсь считать ЗВУК сезамом к твоему поэтическому космосу-ларцу. По моим скромным понятиям главенствует у тебя не звук, а Слово.

Сейчас покажу на примерах:

Магдебургская песня. —

Песня, а звукового рельефа не видно!

Налицо — примат Слова, но не звука:

дважды повторенный «молоток», плюс обыгрывание «калашный-калашников», плюс потрясающей поэтической точности эпитеты:

ЯСНЫЙ воздух

ТРУДОЛЮБИВЫЙ/ЧЕСТНЫЙ молоток

СМЕРТОЛЮБИВЫЙ народ (Ахматова: «Любит, любит кроушку русская земля»)

СТАРАТЕЛЬНОЕ скерцо.

«А ситный и бревенчатый Тамбов...» —

Дочитав его, я снова воскликнул пастернаковское:

«Всесильный бог деталей!» Поскольку в этом сюжетно-декриптивном опусе всё так выпукло детализировано, что впору назвать его замечательной прозой, когда бы не эти сугубо поэтические сокровища:

— семь стихов сердечной рифмы плавной

— ночь на ледяной игле

- ночи ножевое жало
- Какой-то вечный погребальный звон
- ступеней винт с почившим в бозе лифтом
- трезвейший зимний воздух
- плоть церковных теремов, беременная верой неумелой.

И при чём тут тот ЗВУК? Тут что ни строка, то снайперское попадание в ЦЕЛЬ ПОЭЗИИ, коей Цветаева считала сердце.
Вернусь ещё, *твой Им.*

18 ноября 2006 г.

Серёжа, вот перечитал снова и рад, что могу, не торопясь, подумать и высказаться... Если вынести за скобки географию с историей, то можно заметить, что всем твоим зарубежным стихам присуще одно замечательное качество, я бы сказал «бродское» качество: не туристский взгляд, не праздное созерцательство иноземца, а внутренняя готовность к встрече, вхожесть в культуру, в духовность, радость и печаль встречи с уже ранее освоенным душой, а не глазами... Отсюда и замечательный заголовок «Авиньонские винопития», и «братец Винцент мой», и «Было бы странно к старинной любви не склониться»...

И я ощущаю это твоё родство ещё острее оттого, что по телику у меня идёт сейчас передача «Рождённые в СССР», где ведущий Глазунов толкует с Кобзоном о том, как всё было замечательно в СССР и как надо беречь советские ценности, а во вставке показали результаты зрительского рейтинга песен, где «И Ленин такой молодой» заняла 6-е место... Представляешь? Это наши лучшие «невыездные» годы призывают любить и жаловать... О, Боже...

Будь и пиши, родная душа, — всегда жду тебя на сайте и радуюсь тому, сколько любви и тепла ты здесь собираешь!

Твой Им.

30 ноября 2006 г.

Серёжа, откликаться эссеистски всё труднее! Не хочется повторяться, сам понимаешь...

В этих, как сказал твой великолепный тёзка С. Касьянов, «масляных» опусах цветомазок замешан ещё и на звукописи! Если начинать с фонетики, то:

в первом — изумительная звукопалитра «Л- Ль- Ле -Ли»
и «Р- Ро-Ры- Ри-Рн»

во втором — пир шипящих: Ж, Ш, Ч, плюс Х

в третьем — добавляется выразительно звучащее «Н».

На следующем уровне, морфемном, что-ли, поражают свежесть, точность и вкус, особенно в эпитетах:

первобытное изобилие, стеклянный зной, внегалактические существа, малиновые дни, певучий лицедей, лепестковый, алый с белым, жест, языческие вести, — прости за перечисление! — на всех этих эпитетах — печать нездешности в контрасте с очевидной реальностью происходящего. Отсюда эта приподнятость над рутинной, летучесть, т. е. иными словами — ОДУХОТВОРЁННОСТЬ.

И плюс — фантазия, и образное мышление, и ненарочитость ритмического рисунка...

ОбнИМАyou!

9 декабря 2006 г.

Серёжа, начну с критики заголовка: зачем интригуешь «Кварталом Сан-Паули» и «Мостом Риальто»? Назвал бы просто: «Гамбург», «Венеция», и под именем такого автора — вполне достаточно. Так мне кажется.

Я бы сформулировал силу впечатления от этих твоих стихов так: их эпицентр приходится на пересечение дескриптива и хроники авторского самосознания, т. е. мы не только видим мир твоими глазами художника, но и вовлекаемся в испытываемые тобой чувства, в твою эмоциональную сферу.

Всему этому великолепию, к тому же, деликатно соответствует «хорошо темперированный клавир» звукописи, корневых аллитераций... И знаешь, Серёжа, несмотря на самодостаточность поэзии, мне легко представить твои «скитания» в виде фотоальбома на отличной бумаге, где с безупречным вкусом соседствовали бы на странице букворяд и звукоряд с видеорядом...

Обнимаю и до скорого! *Твой Им.*

13 декабря 2006 г.

Ну вот и выкроил времечко! Так, с чего начнём?

Я бы всё же назвал эти твои «Отрывки дискуссии» — «Монолог». Ты же знаешь прекрасно, что внутренний спор гамлетовского типа — монолог. Согласен?

Теперь о главном: потрясающе написанная интроспективная рефлексия зрелого поэта. Почему потрясающе? Потому что — ковёр высококоручной работы, где лучшие черты авторского стиля не растворились, а засверкали. Кажется, ещё не говорил, но не впервые ловлю себя на мысли, что в основе твоего поэтического «мазка» обнаруживаю редкое искусство поэтического парафраза: ты не записываешь мысли, как таковые, а как бы сначала переводишь их на свой язык, добываясь ценнейшего качества, именуемого «лица необщим выраженьем». Пример? Сколько угодно!

«Бастард васильковых беззаконий» — !!!

«нож — оберег мой бессловесный». И т. д. и т. п. — Прости, надо бы не т. п., а т. б. — не подобное, а бесподобное.

Теперь пару слов о концептуальной стороне стиха.

Чувство меры, чувство долга — КЛАССИКА! Но у тебя их векторы — явно художнического толка! Вот почему сравнение с маяковским «на горло собственной песне» тут не правомерно.

А в финале — мандельштамовский парафраз: «сохрани мою речь» — «Возьми же, скептик-век, мои слова — кому ещё я их оставить вправе?»

Насчёт века не уверен, но мы, поклонники твоего таланта, судя по откликам, с редкостным счастьем берём твои стихи в себя, Серёжа!

Будь и пиши! *Твой Им.*

18 декабря 2006 г.

1. «Сон о Иерусалиме» —

Друг мой, опять претензия к названию. Не сон это, хоть стреляй меня, ну не сон... Великолепное обращение, глубина откровения, густая насыщенность духовностью, но почему бы не упростить заголовок до «Иерусалима»?

Я провёл там один день в марте этого года, мучим другими вопросами, спускаясь к Стене Плача, но твой Иерусалим — зрим, узнаваем, вечен. Спасибо.

2. «Странствия» —

Вот у меня со вчера окошко открыто — копирую:

Мари Жозеф Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) — один из виднейших представителей теологической философии XX столетия. Идеализм Тейяра де Шардена — это идеализм, ключевые слова в коем — «Вселенная, пронизанная Богом». Философия здесь становится почти поэтичной в своем романтическом радикализме. Пересказывать основные постулаты этой концепции невозможно, да и незачем, лучше попросту прочитать и осмыслить произведения Тейяра самостоятельно.

А стихи — блеск! Не удержусь:

*Пойдешь ли дальше в вечных башмаках
иль двинешься по морю звёзд толчками,
пространство исцарапает сучками,
но вдох и выдох переселят страх... —*

Таким башмакам сносу не будет!

3. «Над Тибром» —

Чего скрывать — понравилось больше всех!

И духом, и ритмикой, и образной тканью, и этими твоими коронными парафразами:

пилигрим, копыеносец и бражник,
виноградарь весомых словес!

Попытаюсь сформулировать ещё одну замечательную особенность твоего искусства, Серёжа: ты мастерски вплетаешь лирическую нить в интеллектуальную, философски-культурологическую вязь своих опусов. Не трудно представить во что бы превратились твои стихи, не будь в них этой живой нитки — в брюсовскую сухомятку. Это вовсе не значит, что от твоего читателя не ожидается определённого уровня подготовленности, нет, но это именно то, что отличает живое от мумии, жизнь от музея...

Спасибо, Серёжа!

24 декабря 2006 г.

Серёжа! Опять с волнением предвкушения открываю твою страницу: знаю, что встречу душу живую в огранке мастера. Как бы это почестнее сказать? Есть авторы удачных стихов, а есть явления в Поэзии. Вот и вся разница.

На меня ты действуешь на почти магически — заряжаешь творческой энергией, освежаешь взгляд на мир, вселяешь веру в нетленность искусства поэзии.

И как чудно на утре своего дня рождения открыть твою новую страницу и нырнуть поглубже в твой открытый космос!

И заговорить твоими словами:

*Из взаимной тишины
объявлюсь, не обвиняя,
в окликании не зная
ни обиды, ни вины.*

И тут же рядом прочесть:

*Между пламенем жёлтым и белым морозом
возникает бубенчатый зов Рождества.
Между кратким ответом и вечным вопросом
быть не может и нет никакого родства...*

Не столько пафос Рождества, сам понимаешь, сколько живая поэтическая стихия, приторачивает душу к этим твоим стихам, узнаваемо твоим! От Живаго к Иосифу, от обоих к тебе, — над библейским видна звезда твоей собственной души с её чаяниями и неизменной горечью:

*Век мой отдан без спросу Иуде,
но, пока не занёс меня снег,
лепечу о прощении-чуде
в непрощаемый Господом век...*

Спасибо за стихи! Будь и пиши!

Мне остаётся ещё признаться по поводу твоего «Виноделия», что выбранную тобой «изабеллу» люблю больше гамбургского муската и «дамских пальчиков» — виноградов моего молдавского детства.

Выпьем, друже! И снова нальём!

25 января 2007 г.

Северная Америка ревнует тебя к Южной, Серёжа!

Твой «Кондор» — !!!

Куда мне, холерику, до такого сангвиника....

Завидую по-белому!

3 февраля 2007 г.

Ну, вот прочёл твои строки о Клюеве, Мандельштаме, о четырёхстопном ямбе.

И не могу не отозваться. —

*Не оскудела наша речь ещё!
Отрада сердцу и глазам!
«Какой матёрый человечеще!» —
Я про тебя себе сказал.*

!!! — *твой Имыч.*

25 февраля 2007 г.

*Давным давно я Южный Крым
Забросил ради Коктебеля,
Но устоять не может Им
Перед твоим гурзуфским хмелем! —*

Это вослед твоим Гурзуфу, Херсонесу, Роман-Кошу.
Браво, Серёжа!
Полный поэтический восторг!

22 марта 2007 г.

Серёжа!

Чуть потерял тебя из виду, виртуально разминулся в часовых поясах, но ...обрёл заново в сегодняшних «Уроках пения», в стихах к Мотричу, в «Двое»!

Впечатление — как у картин старых мастеров: грунтовка, мазок, ничего случайного, лишнего... Зримо, глубоко, основательно...

Обнимаю и жду!

Твой Им.

26 марта 2007 г.

Серёжа, поймал себя на ощущении, что за твоей строкой хожу, как за плугом, и у края межи вытираю пот со лба...

Спасибо и низкий поклон! Твой Имыч.

29 июня 2007 г.

Серёжа!

Читать — перечитывать!

СТИХИ — ТВОИ! До самой крохотной родинки!

Будь!

7 сентября 2007 г.

Лови, Серёжа, ещё... улыбку:

Влюблён в Восточный Крым,

Ценю Явление Друга:

Ведь с ним откроет Им

Ещё и прелесть юга!

14 сентября 2007 г.

А вот и я, Серёж!

Знаешь, в связи с твоими крымскими стихами, меня не отпускает потусторонняя идея: показать их Волошину!

Эти стихи — не просто драгоценные ковры ручной работы, но — гобелены запечатлённой Истории... Ни одной «белой» нитки — фальшивой нотки!

Знаешь, с тех пор, как меня не встретить в тех краях, на сожжённой гэбистами даче инвалида Юры Киселёва, царствие ему небесное, всё встало с ног на голову: я когда-то рассылал диссидентские письма в поддержку обездоленных крымских татар, а теперь с ужасом узнаю от друзей про то, что они творят в Крыму...

Крепко обнимаю!

Не чаю повидаться! Твой Им.

*Лидия СТАРОДУБЦЕВА,
профессор,
доктор философских наук
(г. Харьков)*

УЗЛЫ УЗОРА

«**Ч**то было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Еккл. 1.9). Не мудрому ли Екклесиасту грустно вторит Поэт: «Две тыщи лет сквозь пальцы утекло — песком атласным, перлами ракушки, размолотыми в нежный кокаин...»?¹ Не знаем, и никогда не узнаем, что такое время. Оно плетет свои тончайшие паутины, заверчивается в воронки, свивается в коконы вокруг немыслимого. Слоится и рвется. Возносит и роняет в забвение. Впадает в аритмию. Двигается синкопами и обращает течение вспять. А иногда вдруг приоткрывает свои вечностные поперечники, в которых странно совпадают «теперь-потом», сейчас-и-прежде: «пять тысяч мгновений назад»²... Наверное, не каждому суждено это понять, но лишь тому, в ком «вызрело время»³ и кто способен сказать: «прошлое впереди»⁴...

«Эон» — тринадцатая книга стихов-стихий Сергея Шелкового. Ее корневая тема — «Правитель-Время», хитросплетения Хроноса. Само слово «Эон», поэтичное, томящее, проникнутое дыханием эллинской философии и гностических учений, завораживает, заколдовывает вселенскими ритмами. Эон — мировой тысячелетний счет времен... Эон — выход за пределы близорукого видения. Эон — страстный порыв к вневременному. Эон — то, что мерцает как отблеск вечности во времени, прозревая «за дальней памятью тончайшие слои»⁵...

«Новые стихи» — гласит подзаголовок. «Новая поэтика»? Пожалуй. Её можно было бы назвать «поэтикой густого письма». Тринадцатая по счёту книга — многотрудная, многослойная, укорененная в лете лет над Летой и, должно быть, именно поэтому

¹ Гурзуфское седло, 2006.

² Лавка в Сиене, 2006.

³ Вызрело время, проснулось глазастое лето, 2006.

⁴ Подсуетится бес, душу ножом хлестнет, 2007.

⁵ За дальней памятью тончайшие слои, 2007.

обреченная в наш суетный век на непонимание. Книга, ищущая нового читателя. Какого? Того, кто открыт к неспешному созерцанию. Того, кто знает толк в археологических раскопках слова и радуется находкам глубоко упрятанных смыслов. Того, кому близок язык иносказаний и намеков. Того, кто не избегает самого себя, не заслоняется от боли раздумий о сути неизбежного, о круговоротах истории, об абсурдности нашего безбожного времени и о бесприютных скитаниях души.

«Жизнь движется: то два часа — полёт, то век — ползком, сдирая в кровь колени»⁶ ...

В 1985-м опубликован первый сборник стихов Сергея Шелкового.

В 1989-м его назвали подлинным поэтом (устами ни много, ни мало — Бориса Чичибабина...).

В 1997-м о нем заговорили как о Мастере, ибо талант его — зрел, ибо стихи его книг — словно спелые яблоки на ладони.

В 2002-м его окрестили одним из известных современных русских поэтов.

Что же сказать в 2007-м?

Не знаю. Может, я и заблуждаюсь... Но что скрывать? Я ведь принадлежу к тем читателям, кто давно очарован нежной изысканной тканью его рифм, глыбами его метафор, пьянящей игрой его созвучий. И так, была ни была — смею утверждать, что Сергей Шелковый — Поэт мирового Эона. Глубокий, классичный, отточенно рафинированный и тонкий.

«Узлы узора вяжет время»⁷ — говорит Поэт мирового Эона, размыкая его границы, расплетая его сплетения: от полузабытых истоков до эсхатологических пророчеств. Что ж, попробуем развязать несколько узлов этого узора.

Узел первый. «Посох пилигрима»

Что может быть более привычным для русской поэзии, чем нота странничества? От Н. Некрасова и В. Соловьева до И. Бродского: «Идут по земле пилигримы» — путники, странники, бродяги. И, пожалуй, первое, на что вы не можете не обратить внимание, открыв книгу «Эон» на любой из ее «страниц-страниц», это пронизывающий ее ритмы, сквозящий через ее строфы ветер-гимн

⁶ Жалест, жалит. Вновь не узнает, 2006.

⁷ Возвращение, 2005.

извечному блаженному скитальчеству. «Затем и снится посох пилигриму, что путь — верней, чем полис на песке»⁸... Отовсюду веет духом бродяжей свободы. Переходы, перекрестки, переезды, перевалы, разлучники-вокзалы, причалы, мосты, ездки и кареты, тамбуры электричек, корабельные трюмы и паруса, расписания рейсов, отлетов... «На ходу, на плаву я»⁹... «Опять вокзал, билет»¹⁰... «И снова — в стремя, в путь, в седло, в езду!»¹¹... «Скитальцу, слава Богу, еще достанет сил — в дорогу»¹²...

Куда же ведут нас дороги «Эона»? Конечно же, во всеохватность, полноту и бесконечное разнообразие времён, пространств, сознаний. Трудно представить, как в пределах этих ста с небольшим страничек удалось исповедать столько неисповедимых путей, мастерски совмещая густонаселенные Хроносы и Топосы. Мелькают образы ландшафтов и вереницы культур. И у вас, похоже, начинается легкое головокружение. Египтяне, шумеры, галилеяне, Урарту и Эллада, этруски и римляне, сгустки византийства и азийства, кельты, готы, россы, сарматы, тавры, скифы, сунниты и шииты... Архитектоника пейзажей легко разбрасывает камушки своих калейдоскопов, искусно выкладывает невообразимо пестрые мозаики: Стоунхендж, знойная Гиза, аттические воды, Эльба, Сардиния и скалистая Корсика... Попадаются и символические ландшафты: «в настоящее зноя растворенный» Китеж, затонувшая Атлантида, но реальных все же куда больше, да и прописаны они куда точнее, сочнее, ярче.

Согласитесь, неудобно как-то, тесно в узенькой щёлке-расщепе времени мира. Давит быт. Сковывают рамки обыденного. Ограничивает обусловленность. «Проспать бы налету лихое время!»¹³ — грезит Поэт. «Здесь бы заснув, да за тысячу с лишком проснуться всех единиц, кои меряют пространство и время»¹⁴. А это и значит — «очнуться» и... отправиться в странствие в поисках смыслов, рифм, ритмов. Распахнуть свой мир. Вглядеться в иное. Так начинаются поэтические скитания «Эона».

В каких же странах странствуют эти стихи? Здесь более всего, пожалуй, повезло пейзажам Италии: милая Тоскана, Пиза, зяб-

⁸ Перевал, 2006.

⁹ Стая новых стихов, 2006.

¹⁰ Опять вокзал, билет. И снова в среду, 2006.

¹¹ На переезде, 2005.

¹² Конец ноября, 2005.

¹³ О львином сердце, вырванном с корнями, 2006.

¹⁴ Стаю галки у грязного рынка пасутся, 2006.

кий туман Арно, Апеннины, Верона, Болонья, Сиена... Впрочем, отчего же только Италия? Вот Лондон, Вена, Зальцбург, Аустерлиц, Магдебург, Рейн и Майн, Хофф, «Баварская Тмутаракань» и «нетронутый тысячелетний город Кведлинбург»... Облюбован, исхожен вдоль и поперек, обласкан рифмой родной Крым. Его топонимика интригующе мерцает, переходя из страницы в страницу, из строки в строку: Киммерия, Крепость Каламита в Инкермане, Графская пристань, Херсонес, Балаклава, Севастополь, Тахта-Джами, улус-гарем Бахчисарай, Джанкой, Сиваш, страна пришельцев Дори... Гурзуф и Алупка...

С особой любовью страннический дух «Эона» воспевает Кавказ: самшитовый Сочи, бамбуковая Хоста, веерно-пальмовая Гагра... Ну, что, уже довольно? Нет! Неужели вас не чарует «чреватость луны над полночною гривой Афона»?.. А еще — Святой Андрей на Киевских холмах и братец Моцарт на высотах Праги... А еще — Валдай и Черная речка, Дон и красноперый плес Донца... Лев-Львов... Ну и, конечно же, «хриплый Харьков» во всех его зримых приметах: шинок на стыке Студенческой и Пушки, Журавлиный холм, Холодногорская тюрьма, Пушкинская, по которой шаркает старуха-проруха, кафе «Идеал» и «Болонья»... Там — в пространстве чьей-то беспокойной памяти — и доньше вольготно живет бражникам-поэтам...

Траектории времени запутанны, как средневековые улочки Праги, как рисунок старомосковских веерных кварталов и закоулков, что ведут все глубже в прошлое. Перекрестки истории духа. Перепутья культур. Бездорожья, тупики, лабиринты и поиски выхода. «Эм-цэ-квадрат бессмертного движенья»¹⁵... Как минимум, шесть тысячелетий насчитывает этот виток мирового Эона. Гулким эхом отзываются в нем тысячи мифологических и библейских, исторических и литературных, и прочих, и прочих, и прочих голосов, имен, образов и ликов. Они серебрятся россыпями строк, то смешиваясь, то расходясь рядами вселенского многоязычия:

- ... Единорог, грифон, химера, сфинкс...
- ... Хвост русалки и наяды грудь, леший, фавн, сатир...
- ... Феникс, Сизиф, смеющийся летний Эол...
- ... Адам, Иосиф, Моисей, Каин, Мафусаил, Авессалом...
- ... Евангелисты, Мария, Иуда, Лазарь, Пилат, Иоанн Златоуст...
- ... Мерлин и друиды...
- ... Ярило, Муромец, Добрыня и Попович...

¹⁵ Смеркается, и пуля-дурь в висок, 2006.

... Фома Аквинат, Савонарола, Гутенберг, Медичи, Бонапарт...
... Джотто, Рафаэль, Леонардо...
... Паганини, Бетховен, нездешний Амадей...
... Петрарка, Джон Донн, Пушкин, Мандельштам, Набоков, Арсений Тарковский...
... Омар Хайам, Хокусай, Рерих...

Что это — Вавилонская Башня мультикультуралистского гула истории? Эээээээоооооннн... Сквозят в анфиладах веков: Эол, Эллада, Эскулап, Эйре, Этрурия, Эстебан дон Эскрибано, Эльба, Эпиталама, Эндшпиль... Мелет свою муку мельник-Хронос. Ползет автомобиль... скрипит тарантас «на бездорожье века»¹⁶... «гремит железный поезд — мимо Бога»¹⁷. Два извечных прототипа поэта: «философ-скептик и рифмач-смутьян»¹⁸ стучат каблуками по мостовой. Оба — в пути. Оба — бродяги. Они скользят по гололеду истории, бредут по снегу надежды, идут скалистыми тропами разочарований, путешествуют «по полночи наискосок»¹⁹, перемещаются в ландшафтах реальных и вымышленных, странствуют в веках и тысячелетиях, скитаются в книгах, мыслях и сомнениях...

*Благо, жив подмастерье Эон, юноглазое время,
цел Эон, бесконечно готовый делиться на части! —
Меж вчерашним и завтрашним стык, вертикаль надо всеми,
кто не вплюснут в расхожее горизонтальное счастье...*

.....
*Некий случай склепал нас синхронно. И смутная дата —
вереница имен...
Убаюканы, в кокон зашиты,
все смеются, как летний Эол, как Эон,
как когда-то...²⁰*

Наверное, любые странствия и «опространствляют время», и «овременяют пространство», а уж тем более — поэтические. Последние углубляют нас в самую суть, в сердцевину событий, увлекают в поиски внутренних связей разрозненного и удивительных точек схождения несходного. И потому, как бы ни был пестр, цветаст и заманчив мир нескончаемых переходов Эона,

¹⁶ Собака лает, но ползет автомобиль, 2006.

¹⁷ Плато, 2005.

¹⁸ Пиза, 2006.

¹⁹ Пройти по первейшему снегу, 2006.

²⁰ Эон, 2006.

наш Поэт устремляется к его первоначалу, истоку, невидимому Центру. Куда бы ни держал путь наш странник, верным путеводителем ему служат Пятикнижие, Псалмы, Талмуд, Благая Весть Святого Евангелия, Четьи Минеи да «Сумма теологии»...

*И, значит, лишь одной молиться надо —
своей, разбитой вдребезги, дороге²¹.*

Бог поэта — Жизнь, Истина и Путь. Его мольба обращена к Тому, Кто и Сам Себя считал лишь странником и гостем всех наших земных странноприимных домов. И, может, потому дороги физические и метафизические в «Эоне» сплетаются так, что их не разнять, не распутать. «В юродивой, но высшей простоте — воздушный мост вздымает пилигрима»²² — Нет, это, конечно же, не только о юродивых и каликах перехожих. Это о поэте, о его «паломе-душе», которая скитается в поисках дома. «Рвется к облаку, хмелея, бесприданница-душа!»²³ Но Кто и что гонит ее в путь? Разве здесь-и-сейчас она не дома? Зачем же она томится и рвется в неведомое там-и-тогда?

На сонм этих вечных вопросов поэт отвечает мудро и просто, всего лишь одной строкой: «Затем и бродяжишь, чтоб высветить близкое дальним»²⁴. Недоступны миру рации эти парадоксы паломнического пути: чтобы понять свой дом, нужно его покинуть, чтобы узнать, чьей ты родины, нужно ее оставить. Ибо только изгнаннику ведома его настоящая отчизна. Да, да, все та же евангельская игра инверсий смысла: «Сберегший душу свою потеряет ее» (Мф. 10.39). В ритмике вечных уходов-и-возвращений, в духовных сценариях потери-и-обретения себя, в топике нежелания-уйти-и-невозможности-остаться свершаются кружные пути паломников мирового Эона.

Блаженна протяжная, лучшие по снегу, дорога...

.....
*Каким ни спешил бы путем — возвратишься к себе.
В конце виража — обретете осевшего дома²⁵.*

²¹ Июнь хлебать серебряною ложкой, 2006.

²² Серхио де Седа, 2007.

²³ Колоколец, дар Валдая, 2006.

²⁴ Меж брегом и бургом клубится единство дыханья, 2006.

²⁵ Ты — все еще отрок, войти не умеющий в фальшь, 2001, 2006.

В этот осевший дом, скрытый во мраке до-, пред-, бес-сознаний, блудный сын непременно вернется, не так ли? Там, среди риз, митр и тиар «душа — просветленно-печальна»... Там «мерцает во тьме аналой» и «в шелесте ивы рождаются веянья лада-на»... Там «плывет псалом» и «рассветный тропарь», там бушует «воскрешающая метель» и «век за веком присягает тень свечам алтарным»... Там поблескивают «оклада иконного блик... и Марии хранительный лик»... Там на губах осела «соль акафиста» и слышен телефонный «пасхальный звонок»... Там галилейские мистерии «даруют ту же весть, что жест Евангелиста»... Там оплакивает нас «мироточением темень-икона» и пространство душ «молебном теплым правит след»... Именно там, «в конце виража», наконец, обретя свой дом, рядом со Святым Евангелем поэт положит «стихов-грехов тетрадь»²⁶...

Так уж, видно, устроено это странное жизненное странствие: переход из градусов земных к Божьему Граду спасения, от скоротечного — к незыблемому, от преходящего — к вечно пребывающему. «Не имамы бо зде пребывающаго града, но грядущаго взыскуем» (Евр. 13.14)... Время «Эона» — не вектор, не стрела, нацеленная из прошлого в будущее. Это — нить из сейчас во всегда. Непростая она, эта нить. Она вьется и сматывается в клубки — узлы узоров неразрешимых, пока мы живы, противоречий. Живая-ножевая нить времен сворачивается в кольца, кружит вокруг поисков обители. И отмеряет этот бег времен давно известный круговой ритм: Преображение Господне, Успение, Покров, ожиданье Рождественских дней, Сочельника раскрытые двери, Святок малиновый уголь, Крещение, боль Страстной недели... «Жизнь и хвори минуют, а Пасха все долги вернет»²⁷... Все свивает свитки времен: оплеты трав, веретена-улитки, коконы-паутины, кругами очерченный купол неба, круги речи и крови, втягивая нас в нескончаемое коловращение жизни, спиралевидно ввинчивая нас в кольца-витки мировой истории.

*Испив фиал с философом до дна,
история опять пойдет по кругу,
по эллипсу, овалу, по рукам...
Но тем она контексту и любезней,
что проскользнуть способна по виткам...*²⁸

²⁶ На Страстной, 2006.

²⁷ На Красную Горку, 2006.

²⁸ Сунниты бьют шиитов по шеям, 2006.

Куда же влечет путника ветер скитаний между историей и метаисторией, земным и Небесным градами, если не в «единственное единство» точки схождения всех перспектив мирового Эона? От зримого — к незримому, от слышимого — к неслышимому, от постижимого — к непостижимому. «Видимое временно, а невидимое вечно» (2 Кор. 4.18). Кто развяжет этот узел? Кто развернет эти свитки времен? Кто поймет, как удаляясь, мы приближаемся и, уходя, возвращаемся? Может, тот, кто укоренен в Пути и чей «осевший дом» — нет, ни остановка, ни передышка, ни привал... но сама по себе блаженная протяжная Дорога — длиной, похоже, намного превосходящая отмеренный отрезок жизни, Дорога, уводящая далеко за горизонты клочков обжитых пространств...

Узел второй. «Цвет, вкус, запах, звук...»

Не знаю, заметите ли вы, что поэзия «Эона» фантастически живописна. Она блещет и переливается всеми цветами радуги, полнится мириадами оттенков. Не случайно ведь открывается книга словами «Зрачка государь». Зрачок, а также глазница, зрячий, око, глаз, бельмо, взгляд, зенки, зеницы — едва ли не ключевые слова для странника-поэта, внимательно вглядывающегося в соцветия мирового Эона. Это вглядывание требует усилий: отсюда и «оголенный нерв зеницы», и «мускул зрачка»... Это вглядывание обоюдно: путник рассматривает мир, мир — путника. Всюду «рыщет прошлого фосфорный взгляд»²⁹. Здесь и «сфинксовы очи», и «зенки лешего», и «зрачки Назаря», и «сострадающий глаз» розоватого солнца... И даже снежная крупа норовит «в зеницы стужею вонзиться»³⁰.

Многоокая вселенная разглядывает поэта, а его зрачок словно бы втягивает в себя бесконечность Эона. Каков же «цвет времени»? Что за палитра у радужных оболочек глаз Хроноса? Времена изменчивы, и их гаммы переливчаты: «Средь греческих руин алеет алыча»³¹, «валлийский голубой песчаник»³², «храм на зелено-золотой крови»³³, «смарагдовый дракон»³⁴, «флаг голубой

²⁹ От безудержной купли-продажи, 2005.

³⁰ Конец ноября, 2005.

³¹ А помнишь — в первый раз мы были в Херсонесе? 2006.

³² Левитация, 2005.

³³ И воробей купается в пыли, 2005.

³⁴ Колыбель, 2006.

и шафрановый крест»³⁵, «белый полис по волнам индиго плывет»³⁶, «пурпур династического герба»³⁷... Состязание живописи с поэзией завершается вничью: слово живописно, живопись словесна.

Попробуем же и мы взглянуть в сказочно-дивный тысячецветный колорит пейзажей «Эона» глазами его автора. Чернила заката-лимана, золотые чешуи карасей, пурпур-варвар сизых ягод и бугристых гроздей фиолет, сине-зеленые шатры, дожди колера маренго, склоны рыжих гор, цветы фиалковой крови, абрикосовый полдень, бирюзовый отблеск лета на черно-белой зимней схеме, лилово-мелкие цветки, в которых «затаен соблазна дух»... И еще — то ли кровью, то ли медью краснеющая кора сосняка на закате, розовый камень среди сини деревьев, багрянеющий кизил, классическая охра и освежающий салатный...

И все же в буйной живописи поэтики «Эона», должно быть, существует акцент. Сочная доминанта. Это золото и синь: их взаимное сияние, их тяга друг к другу из века в век. «Златосиние дороги» вечности, «желток» подсолнуха «на блюде сиенской лазури» и золотая «пшеница волос» «с отблеском синим на шлеме». Ультрамарин неба и охра солнца... Синь бесконечности и золотистость Фаворского света... Золото звезд на синих куполах... Вот он, ключ к метафизике цвета времени. Злато-синяя универсалия времен посреди живописного хаоса быстротечных витальных процессий, «лоскутного одеяла» эпох и культур, пестрой череды поколений...

*Кем бы и был я — без родины той,
что — ясноглаза и плавноязыка —
синь-ключевой запирает музыкой
хлебного ломтя припек золотой?*³⁸

Не знаю, оцените ли вы, что поэзия «Эона» непередаваемо вкусна. Нет, не только в том смысле, что она отмечена художественным вкусом. Но и в том смысле, что она удивительно сложна на вкус. Она словно бы искушает читателя стать невольным гурманом всех ее блюд, дегустатором всех ее вин. Она зовет буквально «распробовать», «раскусить» каждое слово, вдруг ощутив на его дне вкус молока и хлеба... Сладостно-горькое, терпкое, перче-

³⁵ Аналогия, 2007.

³⁶ Графская пристань, 2006.

³⁷ О львином сердце, вырванном с корнями, 2006.

³⁸ Аналогия, 2007.

но-острое — таково угощение «Эона», его подношение Хроносу, в котором не находится места ни пресному, ни кислому.

Не желаете ли на итальянский лад насладиться «младенчеством кьянти — багряных, лиловых, чернильных кровей откровеньем»³⁹? Или отведать, к примеру, щедрот приморского климата: «аджики острой, портвейна, баклажанной икры»⁴⁰? Не изволите ли «глотнуть... вишневого белого всплеска»⁴¹? В меню наших странствий-блужданий нам могут предложить «то каплю бальзама из Риги, то красный, султанский кизил»⁴². И красное вино отменно, и «хлеб хорош и херес крепко-сух»⁴³...

Впрочем, наверное, «вкус времени» рассчитан отнюдь не только на гедонистов: полны горечь с губ горячих смоем»⁴⁴... Время — и мед, и яд. Сладкое в обещаниях, горькое в несбывшемся. Кому-то оно сулит амброзию и нектар, а кому-то — цикуту. «Прими дорогие слова — сглотни и мышьяк, и дурман...»⁴⁵. И каждое мгновение жизни, и каждую жизнь приходится пить и вкушать по-своему: то ли осторожно пригубливать, то ли с наслаждением подолгу смаковать, то ли жадно заглатывать, то ли расхлебывать. То же — со столетиями... Судите сами, какова же на вкус наша эпоха в мировом Эоне, если один из ее наиболее метких, остро чувствующих Поэтов сказал о ней:

*«О, смутного столетия трава,
смешение циана и муската!»⁴⁶*

Не знаю, достаточно ли вы чутки, чтобы ощутить, что поэзия «Эона» удивительно ароматна. Она источает букет всевозможных запахов: мускусных, пряных, удушающе-едких, приторных. Она насыщена и изысканнейшими благоуханиями летнего травостоя, и отвратительным духом гнили каналов, описать которые в прозе под силу разве что Патрику Зюскинду.

«Запах времени» слишком неуловим. Знаете ли вы, как пахнет Эгейское море, Нил, Иордан? И какие зловония источали кладбища Константинополя? Не променять ли их на запах свежесып-

³⁹ Меж брегом и бургом клубится единство дыханья, 2006.

⁴⁰ Опять вокзал, билет. И снова в среду, 2006.

⁴¹ Не успел оглянуться, как пух полетел тополиный, 2006.

⁴² Сентябрь припасает варенье, 2005.

⁴³ Солнце ярче, вороны черней, 2006.

⁴⁴ Глаза укропной свежестью омоем, 2005.

⁴⁵ И я никому не звоню, 2006.

⁴⁶ Июнь хлебать серебряною ложкой, 2006.

ченных парижских круассанов? Впрочем, мы, кажется, немного отвлеклись.

Попробуем на миг вдохнуть ароматы времен так, как велит нам Поэт мирового Эона. Не исключено, что мы снова растеряемся в причудливых лабиринтах разных, слишком разных ощущений.

Да, в мире Хроноса нередко «пахнет дымом и вином»⁴⁷. Иногда — «свежемолотым кофе»⁴⁸. Блажен, кто, блукая в столетиях, вдыхает ароматы цветущей сливы. И, Боже мой, до чего же пленяет читателя, идущего вслед поэту-путнику, этот «свежий дух аниса»⁴⁹. Забредший в еще один из закоулков времени почует, как «пахнет осокой, костром и печеной картошкой»⁵⁰. И все же не будем лукавить. В «Эоне» немало и отталкивающих запахов: иногда здесь «пахнет резиною воздух»⁵¹ и «двукрылые соснового креста жжет скипидаром две ноздри заранье». А порою «ты овражный свой пейзаж опять вдыхаешь, как наркоз под ваткой»⁵². Увы, увy. Не отмахнуться от этих въедливых запахов-строк: «свой вдох лова в бензиновом угаре»⁵³ или «едкий выдох—нашатырь»⁵⁴. Но вот чудо. Вы свернули в иное течение времени. И вдруг тепло повеяло миррой и ладаном. «В шелесте ивы рождаются вежня ладана, выдох и вербные...»⁵⁵. Как же зыбко утверждает свое право на бытие храм души. Но ведь и он тоже — в распутьях Хроноса... И именно паломнице-душе выбирать ту родину, в которой разлит

*запах грусти, надежды, потери...*⁵⁶

Не знаю, обратите ли вы внимание на то, что поэзия «Эона» невероятно музыкальна, будто перед нами тонко настроенные звучащие платоновские сферы, вставленные одна в одну и друг в друге кружащиеся. Вы листаете книгу — и буквально слышите эту «музыку сфер»: «гармонию минутного лада посреде смуты, разлома-раскола»⁵⁷. Какова же она, «музыка времени», растянутого

⁴⁷ Где Каин-ветер слез сглотнуть не в силе, 2006.

⁴⁸ Хриплый Харьков, торгаш и картежник, 1992, 2006.

⁴⁹ Кого люблю? Да Осю, да Арсюшу, 2005.

⁵⁰ Данио-рерио, 2006.

⁵¹ Стаю галки у грязного рынка пасутся, 2006.

⁵² Жалее, жалит. Вновь не узнает, 2006.

⁵³ Июнь хлебать серебряною ложкой, 2006.

⁵⁴ Плато, 2005.

⁵⁵ Данио-рерио, 2006.

⁵⁶ Хриплый Харьков, торгаш и картежник, 1992, 2006.

⁵⁷ Памяти Николая Дмитриева, 2006.

на несколько тысячелетий? И чего в ней больше: перезвона серебряных колокольчиков, плача скрипок, органных барочных фиоритур, додекафонии, джаза?

Звук «Эона» сочится из бегущих строчек, сыплется горохом бемолей и бекаров, пронизывает стих певучестью вещей и отголосками бездомной ангельской ноты, льется в соль-миноре то полнозвучием клавира, унесенного встречным ветром, то мелодией старательного скерцо, растворенного в тевтонском воздухе, обрушивается на нас всей этой безумной симфонией: лягушечьих легато и кошачьих рулад, льющихся на нас под аккомпанемент Бетховена и Моцарта, контральто и бельканто. В музыке времен столько слилось и спелось. Здесь и колдовство фортепианных клавиш, и песнь Данио-рерио — до-ми-ре-соль... Здесь и скрипка Страдивари, и Гварнери альт, и гусли, и певчий зверь волюнки. Здесь бубны, лиры, трубы, виолы, смычки...

Нестройный хор мгновений. Концерт веков. Похоже, Поэт «Эона» на своих кружных стихотворных путях паломника внимает самой музыке сменяющих друг друга столетий. Да вот только чтоб «приблизиться к той ноте небывалой, что длит Элладу, Галилею, Русь»⁵⁸, чтоб расслышать ее, наверное, нужно иметь абсолютный слух на молчание и по-особому настроиться на высоту неслышимых созвучий. Эта музыка неба, души, протяжная песнь мирового Эона

*...тронет слух такой чистейшей нотой,
так до дна пронизывая тишь⁵⁹...*

Глаз, Небо, Ноздри, Ухо. Двери восприятия. Чувствилища души. Цвет, вкус, запах, звук. Все эти нити, протянутые между внутренним и внешним, переплетаясь, вместе прядут узор времени. Стягивают универсум в точку, вбирают мир в себя — в глубину, в сердце, в память. Связываются в узел. Гордиев узел вневременного.

Узел третий. «Уроки алгебры»

Время исчисляют. Вневременное — неисчислимо. Есть еще один узел «Эона», который не так-то просто распутать. Разве что, разрубить. Этот узел — Число. Точнее, число неисчислимого.

⁵⁸ Кого люблю? Да Осю, да Арсюшу, 2005.

⁵⁹ На Страстной, 2006.

Числа-мгновения. Числа-дни. Числа-годы. Числа-века и числа-тысячелетия витков истории. «С рассветом — нечет, к ночи — чет»⁶⁰. И это не просто метафоры. Через подсчеты конечного «времячет» открывает для себя бесконечность.

«Музыка сфер» и «Боги-числа»... Не из этих ли давних пифагорейско-платоновских традиций тянутся в европейскую культуру корни поэтики загадочных сакральных исчислений? Когда-то Велимир в мечте открыть законы времени и пространства без устали упорно испещрял десятки страниц рядами нескончаемых чисел. То ли немного подтрунивая над ним, то ли преклоняясь перед подвижническим трудом сопряжений алгебры и гармонии, наш Поэт мирового Эона включается в диалог и из XXI столетия бросает будетлянину: «Оба мы сильны считать до тыщи, оба за-растаем сорняком»⁶¹...

Однако какой счет ведет автор «Эона»? Нет, он не исчисляет дни рождений и смертей, не предсказывает даты войн и революций. Числа «Эона» — особые. Это своего рода моральные итоги жизни и формулы «приготовления к смерти». Калькуляции грехов и бессмысленной мышины возни, умножения мгновений поэтического взлета. Суммы невидимого. Дроби немислимого. «Все округляет сумму теологий»⁶²...

*Дебет жизни подбивают черти.
Но о ней упорно ходит слух,
что она — не злее доброй смерти*⁶³.

Перед нами нечто вроде метафизического дебета-кредита — подсчет того, что успел выстрадать и понять за свою короткую жизнь. Да, она неизмеримо коротка в сравнении с тысячелетней круговертью эонов, но все же она бесконечно длится в глубине того самого мгновения, в котором, прав был Кьеркегор, «время и вечность касаются друг друга». В этой алогичной логике, в этой странной математике неисчислимого, неподъемного груза памяти мгновений — «атомов вечности» — возможно делить на ноль, округлять сумму своей жизни и умножать реальность на вымысел. Сама судьба «быль на небыль хитро умножила, на нули поделила

⁶⁰ Пурпур-варвар, 2006.

⁶¹ Холодное лето, 2006.

⁶² Бронзино! — Жук великолепной масти, 2006.

⁶³ Солнце ярче, вороны черней, 2006.

лукаво»⁶⁴. Жизнь прошла, вычлась или сложилась, умножила вопросы, поделила скорби, вынесла себя за скобки. Что же в остатке?

«Бесстыдно арифметика проста»⁶⁵. Человек — неизвестное, икс или игрек. Этой переменной можно присвоить «зеро» или «чертово число», устремить к бесконечности, сделать ее кратной святому «коду семь», вычесть из мира живых и приплюсовать к сумме ушедших душ. «Ты приплюсован к сумме»⁶⁶. В арифметике существования важно не сколько ты прожил, а как. И потому каждой переменной в конечном счете оказывается присвоенным свое — и только одно-единственное значение. «Не игрек в поле пал от пули, не икс пропал от порчи в теле»⁶⁷. Не безликий некто, а «я». Ибо это алгебра не количеств, а качеств, не рядов чисел, а судеб, единицей измерения которых была и остается личность. И разве только ангелы когда-нибудь «вдруг сумеют обменять на качество чертово число того-сего»⁶⁸.

*Но алгебра, Альгамбра, чакры-числа*⁶⁹

Четки времени, бухгалтерские счета судеб, мириады перелистанных Эоном страниц книги мертвых и живых. Неизмерима эта комбинаторика чисел, уравнений, цифровых кодов вселенной. «И огромный мир ворчал, исчисляя варианты...»⁷⁰. Один жаждет славы, другой тянется к презренному металлу, третий, «ничейный книгочей»⁷¹, корпит над текстами священных книг или странствует по свету. Все умирают и все оказываются правыми. Но кто-то ведь должен все же составлять мартирологи-перечни, вести счет всем нашим потерям и обретениям, заблуждениям и прозрениям, уходам и возвратам? По каким правилам, по каким системам счислений? Для каждого они свои или есть универсальный, подлинный гамбургский счет? И кому под силу угадать константы, если все мы — всего лишь переменные, результаты умножений и делений мира, округленных сумм и остатков?

⁶⁴ Памяти В. Дмитренко, С. Долганова, Ю. Юхно, 2005.

⁶⁵ Жалеег, жалит. Вновь не узнает, 2006.

⁶⁶ Серхио де Седа, 2007.

⁶⁷ Один хотел, к примеру, славы, 2006.

⁶⁸ На Страстной, 2006.

⁶⁹ Сунниты бьют шиитов по шеям, 2006.

⁷⁰ Веранда, 2006.

⁷¹ Возвращение в Болонью, 2005.

Этими-то неразрешимыми вопросами и заморожен автор «Эона», бисерно инкрустирующий свои стихи вычислениями по абсурдным правилам поэтической логики. «Ноль, икс ли пишешь — все ништяк»⁷². «Клятвы на крови или обеты надобно на мелочь умножать — на зеро, на ноль»⁷³. «Целых — ноль, десятых — хер, в итоге...»⁷⁴. «Лети, лети — и «Йестедей» поможет, на день поделит и на «йес» помножит»⁷⁵. Разве за всей обманчивой легкостью этих ироничных подсчетов не ноет в ямке грудины подлинная, экзистенциальнейшая тревога? Суд памяти, Суд совести, Страшный суд. Магия чисел «Эона» — итог, который ставит человека перед Абсолютом. Ставит конечное — перед бесконечностью. Ставит уродливое и мелкое перед Тотумом и переводит на тот берег — то ли через Стикс, то ли через Лету... И подводит ту самую, последнюю черту, которая изогнется в извечный знак вопросов и сомнений: «Забудешь ли?»⁷⁶ «И кто нас вспомнит, в самом деле?»⁷⁷.

*Каким ни скользи гололедом — придеши до Суда,
туда, где тебя отдадут твоему лишь закону.*⁷⁸

Жизнь не только дана человеку, она с него спрашивается. И этот ответ — не число прожитых лет. Это мысль, это деяние. Это слово поэта, то самое, которое «давно к посмертной легкости готово» и осуществляет свое особое деленье без остатка. Да и что значат на Суде времени наши школярские тетради?

*Дели их тоже без остатка, Бога ради,
на семь сестер, на дуги воздуха в аркаде,
на Пятикнижие и на Благую весть...⁷⁹*

Так еще один узел поэтического узора «Эона» нитью памяти и забвения оказывается завязанным на высшей неисчислимости тайны времени. Перед ней немотствует слово, перед ней замира-

⁷² Лети во мрачный Альбион, 2006

⁷³ Холодное лето, 2006

⁷⁴ А. Филатову, 2006

⁷⁵ Лети во мрачный Альбион, 2006

⁷⁶ Жалеет, жалит. Вновь не узнает, 2006

⁷⁷ Один хотел, к примеру, славы, 2006

⁷⁸ Ты — все еще отрок, войти не умеющий в фальшь, 2001, 2006

⁷⁹ Без остатка, 2007

ет мир, перед ней утихают наши умы-калькуляторы, устремляясь к недостижимым пределам: ноль versus бесконечность. Безмерность. Неизмеримость мира мер.

Узел четвертый. «Шум времени»

Один из (по)разительных парадоксов «Эона» — его чудные оксюмороны, «соединение несоединимого» в каком-то воистину всеядном, ненасытном поиске «новых форм» и «новой поэтики». Как, скажите на милость, как в этой книге могут ужиться сленг «виртуальной фигни», «брехни» и... возвышенная ода, с ее «неводом рыбарей» и «чертогом полночным»?!

Да, с одной стороны, ничего не поделать: в стих межи миллениума неумолимо и хамовито врывается «Zeitgeist» — пресловутый «дух времени», с его «целлулоидом кино», «целлофановой мурой», блокбастерами и бестселлерами, Люком Бессоном, джипами, сайтами, фейсами, экшенами, e-mail, клавишами мыши и ниндзя-черепашками... Иной читатель-эстет вправе поморщиться от этакой режущей лексики «Эона»: «эта хрень-дребедень», «сукин кот», «хрен собачий», «тюряга», «ништjak», «в харю харк», «шиш и кукиш»... Ну зачем же, зачем, — скажет ценитель граненных классических рифм, — наш певец мирового Эона не брезгует всем этим угловатым и нагловатым, полукаторжанским жаргоном: «жлоб», «менты», «ханыга», «ксива», «хана»!..

Но, с другой стороны, «дар-миллениум дан для причастья, для полукасанья»⁸⁰. Сколь притягательным, сколь интригующим, сколь ласкающим ухо становится на фоне уличного сленга иной полюс странноватой «Эоновой» поэтики — старомодный, возвышенный штиль хрестоматийных архаизмов, словно покрытых патиной времени: «твердь», «капище», «отрок», «влюбленный пиит», «друзи», «длань», «чело»... Постойте! Что за одряхлевшие фонемы? Что за пустующие оболочки с исчезнувшим смыслом? — пожмет плечами иной читатель, буде он поклонником «сюр» или очередного радикального «изма», отмахнувшись от нездешних, запыленных писем. Ну зачем же, зачем из глубин океанов прапамяти поднимаются в антикварные лавки поэтического «сегодня» все эти амплификации: «земная юдоль», «судно утлое», «струнные персты», «рубаха, рассупоненная на вые», «высший

⁸⁰ Дневник, 2006.

смысл, что лился прямо в очи из золотых закатных облаков», «перехлесты заснеженных верст»?..

Язык улицы попеременно с языком храма... Беглые слова-однодневки — рядом с поседевшими ямбами и хорейми, словно бы растрескавшимися иконным кракелюром строфами, дивными рифмами дней минувших. Что фигура? Что фон? И не дерзнут ли они в который раз поменяться местами? Что зерна? Что плевелы? И кто их рассеет, на каких эстетических ситах? Что бытие? Что быт? И кто их рассечет, размежует? Суду каких верховных поэтических весов предстоит вершить это отчаянное взвешивание? Да и что перевесит в итоге: отчужденное свое versus освоенное чужое слово?

Почти вызывающе странны эти «сочетания несочетаемого». С одной стороны — приметы утраченного времени, пляшущего «мелким бесом в обезбоженной стране»⁸¹. С другой — отсветы небес предвечных, где «Пушкину Набоков рад прицельной цифрой усмехнуться с тех самых башенных часов, чей диск лишь отражает время»⁸²... Не знаю, заметите ли вы, но всякий раз, как только в «Эоне» появляется зримая, брутальная черта ушедшего века, тут же, спустя каких-то две-три строчки, промелькнет ее дальняя тень — то ли антипод, то ли ироничная параллель-насмешка, то ли возвышающая метафора. Желдорвокзал — и тут же «gaga avis», одеколон «Шипр» — и тут же античная тропа, колхоз — и тут же Хронос, пгт Рыжово — и тут же Беатриче и Лаура, алкаш и ЖЭК, районный совет — и тут же «сезам-терминал, некий первенства мира финал», различимый «сквозь дымку, отселе»... Так ткуются диалоги-переключки в загадочных тканях «Эона»: Благбаз — Армагеддон, Управдом — Господь Всевышний, Лысая гора — Голгофа, «хриплый Харьков, торгаш и картежник» — лодочник Харон.

«Ты слушаешь музыку неба, но слышать мешают шумы»⁸³... «Под знаком вечности» — *sub specie aeternitatis*, нераздельно, неслиянно, единосущно живут в «Эоне», взаимно отражаясь и перетекая друг в друга, нижайшее и высочайшее, «клейма-отпечатки» гнусноватой эпохи и звенящая в недостижимых небесах «Божья нота». «Меж часовой и пивной»⁸⁴ распято время. И нет ничего нелепее, чем рассуждать: Или-Или. Загородиться от пив-

⁸¹ Ровно сто живого весу, 2005.

⁸² Лети во мрачный Альбион, 2006.

⁸³ Пройти по первейшему снегу, 2006.

⁸⁴ Кликни клавишей мыши, 2006.

ной, замкнуться в часовне? Нет! Забросить часовню, обожеествив пивную? Опять же, нет! Они взаимно отзеркаливаются. Нуждаются друг в друге. Иначе задохнется мечущийся, стонущий, стелющийся и вечно раздираемый духом со-и-противо-поставлений вопль «Эона»! Он нуждается в обоих полюсах, он растянут между обоими безднами...

«Ибо время близко» (Отк. 1.3; 22.10). Тому, кто привык отсчитывать засечки Хроноса тысячелетиями, не избежать эсхатологических предчувствий. Не в «конце времен» наступает апокалипсис, он свершается в каждом из нас. «Вселенскую стеной встает расплата, возмездие, волна-Армагеддон»⁸⁵. Увы нам, увы. Ибо нам, человекам, суждено жить во временах, которые не выбирают, в их извечной двоякости: «в продажном веке к паперти прильнувши»⁸⁶. Так неужели все, что остается, — лишь сетовать на то, что наш «беспородный век» «первородную стыдливость свез на свалку», а «пергамент» променял на «вороватый чек»⁸⁷? Нет же, нет, — проникновенно шепчет Поэт мирового Эона. — Попробуем же отыскать те точки стояния в мире, попытаемся взойти на те отметки парения над временем, в которых крайности сходятся, а полюса совпадают. И там, оттуда, возможно, мы вправе будем сказать: «Как подлый край мой — светел и высок»⁸⁸! И там, оттуда, возможно, нам покажутся смешными и площадная брань, и фальшивые выпренные речи эпигонов. И там, оттуда, возможно, нам трудно будет не улыбнуться со вздохом:

*Какая лабуда! Какая хрень да редька —
высокие слова на низменных лугах.*⁸⁹

Cointidentia oppositorum — «соединение противоположностей»... Misterium tremendum — «Великая Тайна» поэтов и пророков... Может, в этом — нерв, корень, еще один неразрешимый вопрос, еще один гордиев узел «Эона»? Тот самый, мандельштамовский «шум времени», который вовсе не чинит препятствий «шепоту», уже родившемуся «прежде губ»? Тот самый ахматовский «сор», из которого «растут стихи, не ведая стыда»?..

⁸⁵ Где ступки византийства и азийства, 2006.

⁸⁶ Уста узды сполна красноречивы, 2006.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Лягушки закурлыкали легато, 2007.

⁸⁹ Четырехстопный ямб сколочен вроде гроба, 2006.

«Эон» — тончайший «холст соответствий», вдохновенный орнамент, сотканный из множества нитей. Узлы узора — пространства и перекрестки дорог, имена и лики, краски, запахи, вонзенный в нас «памяти искус» и зигзаги «юноглазого времени», росчерки многоточий смысла. И все в этих стихах удивительно спрессовано, эссенциально, сжато — когда-то древние именовали это «синэстезис», «суггестия»...

Возможно, каждый из узлов суждено было бы распутывать разным типам сознаний. «Философствующий» вычитает в «Эоне» особую феноменологию времени, в которой «глыбой суть над краем зла зависла»⁹⁰... «Богословствующему» уму будет ближе иное: «вливая синь вселенского дыхания в сквозной пролом, в отдушину груди»⁹¹, заглянет поэтичное прочтение вестей Евангелиста сквозь молитвенный шепот: «лепечу о прощении-чуде в непрощаемый Господом век»⁹².

Взгляд «художнический» откроет в этой книге изумительную палитру флорентийцев, венецианский колорит и сфумато Да Винчи. Слух и неслух «музыкальный» расслышит среди строк «контральто романа»⁹³ и «полноту граненого клавира»⁹⁴. Ум «природный» подивится точности описаний полетов ласточки, горлицы, неистребимого ястреба, щегла, воробья и дятла; вслушается в шум черемух и тополей, калин и ив, рябин и вязов; приглядится к тому, как растет одуванчик и репейник; порадуеться тому, сколь восхитительны «и мотыльковых эфемеров танец, и экивоки муравьиных поз»⁹⁵...

«Странствующее» сознание в который раз насладится образами узнаваемых ландшафтов. «Исчисляюще-математический» разум изумится алгебраическим метафорам жизни и смерти. Ум «книжника» затеряется в россыпях цитат и вереницах имен — реальных ли, вымышленных персонажей... Настроенный на «поэтический» лад позавидует шлифовке игривых рифм и бесконечным фонетическим перекличкам: «Соловьиной Соломеи соло», «порчу пророчит», «шум шумера», «культовый кельт»,

⁹⁰ Сунниты бьют шиитов по шеям, 2006.

⁹¹ Перевал, 2006.

⁹² Хриплый Харьков, торгаш и картежник, 1992, 2006.

⁹³ Сентябрь припасает варенье, 2005.

⁹⁴ Роман-Кош, 2005.

⁹⁵ Бронзино! — Жук великолепной масти, 2006.

«где в окно деревянную буквой — Гутен морген! — стучит Гутенберг», «шахматы шахидов», «подбрюшьем подброшенно охать», «меж брегом и бургом», «сервер и верлибр»... А, может, просто станет наслаждаться самой по себе песенной певучестью стиха, нахлынувшими волнами его неожиданных образов, повторяя за поэтом: «март-мурлыка», «апрельская боль», «амнистия мая», «июнь-поцелуй», «Атлантидой под воду ушедший июль», «август, пащенко ущерба»...

Каждый вправе ухватиться за свою нить, каждый вправе вплести ее в новый узор. Кто же поймет, что этот мир — Един? Кто же сведет ритмы времени великих цивилизаций в соборный концерт неповторимых культурных миров, управляемых единым взмахом дирижерской палочки тысячелетнего, тысячеликого, тысячеглазого Эона? Кто же пронизет Целое — «на схлесте страсти и ума»⁹⁶? Ignoramus, et simper ignorabimus — «Не знаем, и никогда не узнаем»...

*И кто искал бы дружества Эона,
кто звал бы флорентийство наугад,
когда б не первородной леммы лоно,
не зеркальце жука в махрах пиона,
не бесконечных отражений ряд?!⁹⁷*

Помню, Андрей Тарковский предупреждал зрителя: если не поймете «Зеркала» — не отчаивайтесь. Смотрите снова. И еще раз, и еще. И еще... Вглядывайтесь. Вслушивайтесь. Вдумывайтесь. Пока не мелькнет отблеск понимания. Так и с «Эоном». Его прозрачность — кажущаяся. Стих плотен и сгущен. Многосложен. Едва ли проницаем. И неподъемен, и невыносимо легок. И скрытен, и исповедально-распахнут. И полон мистериального шепота. Его нельзя прочесть — по горизонтали. Он вертикально прорывается сквозь сознания. Его тянет вновь и вновь перечитывать. И вглядываться, вслушиваться, вдумываться снова. И еще раз, и еще. И еще... Жилистый, мерцающий, извилистый, парящий, рыхлый, зыбкий, шершавый, колкий, трескучий, сочный, исполненный полынной горечи, музыкальный, пурпурно-лиловый, охристо-индиговый, пульсирующий, едва скользкий, пружинящий, легчайший, невыдуманно-нежный стих...

⁹⁶ На Страстной, 2006.

⁹⁷ Бронзино! — Жук великолепной масти, 2006.

Мне выпало погружаться в метафизические разломы тектоники рифм-и-ритмов «Эона» раз восемнадцать-двадцать, не меньше. И всякий раз восхищаться новым бликам и переливам их внутреннего свечения, становиться кропотливым криптографом аллюзий, изумляться новым извивам, изгибам, изломам стиха, его со-мыслей, со-цветий, со-воспоминаний... И никогда меня не покидало ощущение незавершённого, «бесконечного, ибо безначального», присно и во веки веков длящегося разговора. В глубинах этих строк — быть может, на их недостижимом дне, в inferнальных провалах, в зияниях междустрочий и междузвучий, в молчаливых паузах стихшей стихии стихов — все же остается нечто, что можно назвать «звуком-зовом» Тайны. Приглашение к новому Разговору. Обещание новой Встречи.

2007 г.

*Людмила ЕЛИСЕЕВА,
поэт, журналист, критик
(г. Харьков)*

ОТКЛИК НА КНИГУ СЕРГЕЯ ШЕЛКОВОГО «ВОЗДУШНЫЕ КОРИДОРЫ»

Бывает так: возьмешь книгу, и она мгновенно захватывает, не отпуская твоего внимания. Так случилось и со мной, во многих аспектах ощутившей единомыслие с Сергеем Шелковым, автором поэтической книги «Воздушные коридоры».

Книга эта с первых же страниц подталкивает читателя к увлеченной, вдумчивой работе над образом, словом, характером стихотворений. Ибо, выскользнув из-под пера талантливого художника, поэзия этих страниц приобретает харизму неповторимости, движется по лабиринтам, увлекающим в странствования, полётными маршрутами с их чёткими образными обозначениями, с узнаваемыми временными и пространственными параметрами многообразия и перипетий действительности.

Вчитаемся в главу «Складки местности», запечатлевшую их, эти складки нашего бытия, будто бы в фотопортрете задумавшегося труженика-работяги с испещрённым морщинами лицом, словно в глазах знакомого нам человека, присевшего

*...за дощатым столом
среди осенних стволов,
под кирпичной оранжевой кладкою
у садового дома,
что крепок еще на излом...*

Здесь, в этой первой главе, уже зримо присутствует образ «правды моей погорелой, стороны моей русой». И уже вплотную приближаешься к душе, трогательно и бережно выдыхающей сокровенные имена («Дорогим мертвецам наливаю я рюмку багряного»), к земному отражению этой души, ставшей близкой именно тем, что не чурается она общечеловеческого и находит в нём своё собственное, сокровенное понимание. И уже загнипнотизированно плывёшь именно этим поэтическим руслом, одновременно

как бы ощущая желание оградить, защитить автора и его детища-образы от подводных топляков.

При всей любознательности моей натуры, мне не приходилось встречать прежде эпитетов и сравнений, подобных этим: клён — «в ярко-паническом золоте», синицы, «свистящие бодрой дурью наружу» и т. д.

И вдруг «выпукло» осознаешь резкую грань между инь-янь, между поэзией женской и мужской — такими взаимопереплетёнными и, одновременно, такими разноликими. Автор не стесняется использовать на эмоциональном форсаже и не вполне нормативные определения («Северный ветер» и др). Насколько это оправдано — судить критикам, школам. Я — читатель, с которым можно спорить, не соглашаясь или приходя к единству. К тому же — вовсе не ханжа. И вот дальше — мы уже одного направления с автором, одного «осознанного» полёта в воздушном коридоре, определённом судьбой, — с его всеземной благодарной щедростью отдачи: всё возьми себе, ведь «я с собою вряд ли заберу». Скажете — не глубинно, не щемит под ложечкой?!

Возражать, что понятие «дома» у С. Шелкового близко к вашему, вы не станете. Точно так же, не станете подвергать сомнению тактичные и по-мужски тонкие и одновременно сдержанные отцовские чувства. «Позволь любить тебя, пока ты мал». Редки, если вообще существуют, подобные мужские стихотворения, выражающие человеческую нежность к своему чаду с истинно добрым, тёплым, бережным отношением. Так думаю об этом и я, и близкие мне люди. Но написал об этом Сергей Шелковый! И именно в такие моменты способно утверждаться родство душ поэта и читателя...

А вот и цель пребывания в доме, который прежде всего — символ Отечества («Не впишусь в извив дороги ужьей...») Что ж, не смогу отвергнуть человека, чувствующего «кромешный стыд» за век, которому не в масть «великодушье вкривь и вкось расхристанной души», ибо мы и в этом — единомышленники. Тем более, что вторая и не менее важная задача «пребывания в доме» — не сфальшивить:

*Стаю бы малых детей мне под правую руку!
И под неловкую левую — крохотных купу...
Я б узнавал их, не глядя, по обуви стуку,
я б им оставил в наследство, а также в науку
зёрен горчичных
и почвы гранитную ступу.*

Значит, в стихию человека С. Шелкового нельзя не влюбиться? Хотелось бы сохранить это позитивное ощущение до конца книги. Штрихом отмечу и умелое оформление издания авторскими фотоработами с покрученными, словно судьба человека, ветвями деревьев, чудом сумевшими вырасти и уцелеть на скалистом кряже.

В филигранях поэтики нашего автора — многообразие ритмики, от ямба до пятисложного дактиля, близкого к гекзаметру. Редкость! Согласитесь: когда человек — фатально поэт, тогда при чтении новой книги не о критике речь, но о познании его творчества, интеллекта, тезауруса, наконец, «облачённого в образ» и способствующего высоте бесспорного таланта, силе клера его вдохновенности! Эмоциональный окрас речи поэта — одно из важнейших слагаемых мастерства художника.

Мне сейчас пришла в голову мысль: когда пишешь о высоком — обращай к высокому! Совершенно не пытаюсь ставить знаков равенства, отражая только сущность творчества, я вспомнила, что в своё время Л. Н. Толстой, величайший прозаик мирового значения, недвусмысленно высказал своё отношение к поэзии: «Пришло бы место, где моя мысль потребовала бы больше жалости, силы, законченности, и вышли бы стихи» (М., 1955, с. 227).

Чего же ещё? Всё отмеченное в этой цитате присуще поэту Сергею Шелковому. Ну, а вкусы, пристрастия, привязанности — это истины, о которых не спорят. Порой, размежёвывающие истины. Явления жизни как «в», так и «вне» изменения и развития, метафизически, обращают на себя внимание пытливого ума поэта, ищущего даже в вакуумной пустоте какой-то поразившей оправданности или ...необъяснимости, пусть и чёрной. Ибо жизнь однозначно светлой не назовёшь. И дело не в упадочничестве. Ему в произведениях С. Шелкового места нет. А вот борьба за настоящий день, не «загаженный, как снег за сараем», — этого автору не занимать. Резкость сравнений, своеобразие метафор оправдываются не только при обращении к современности, но и при строгом авторском взгляде вспять для сопоставления личного прошлого с будущим, для «трудночитаемого разговора» времён.

Разве каждый литератор сможет изобразить так прочувствованно и убедительно эту воистину живую шагреню — собранную «из премногих», но всё же личную, кровную «дырявую шкуру», «голыми пальцами заштопанную в русскую стужу»? Чтобы крепче держалась. Чтобы уцелеть в этой шкуре, несмотря ни на какие

испытания. Уцелеть на полном серьёзе, без условностей литературного эстетствования.

В свое время еще В. В. Маяковский высмеивал поэтов и критиков-литературоведов, принимающих александрийский стих с «грезами-розами», «выкипячивающих из любовей и соловьев какое-то варево» и отвергающих технические термины, советовал писать не о революции, но только *революцией*, не о войне, а *войною*.

Что же стоит за поэтикой С. Шелкового в этом смысле? Метафорическая сложность и сжатость слога, мужественность, самобитность? Да. И это не рядовые черты его поэзии: «Лед с утра на зрачке», «фуфайка на вате», солёное словцо срединной и северной, гиперборейной Руси, «мерзлота сокровенного дома» в новоявленном «веке-Пилате при свите воругов». И при этом — неподдельная уверенность, что «к себе непременно придём» — и поодиночке, и в целом, невзирая на то, что «в четко сочтённые сроки рванёт на подъеме висок!» Но ...на подъеме же!

Главное для С. Шелкового — успеть высветить, отразить «сумасбродство», свойственное антигуманному социуму: «Что не забрали — оставь для последнего шмона!» Грубовато? На грани? («Лобзик, товарищ мой...»). Но ведь о реальной жизни! Ведь пока ещё не настиг этот «последний шмон-обыск», — мы продолжаемся, творим — пусть и не избегая варваризмов (такая жизнь!), остающихся на суд читателя и профессионалов-критиков, завоёванных поэтом С. Шелковым. Я же думаю, что даже приёмы «зауми» и аргю («Ветер скрипит морозный») — как пластические средства органичны и неслучайны в его стихах. Они — своеобразный художественный элемент в изображении действительности («Не сейчас», «Елы-палы», «Прощание со Стокгольмом»...).

Но этот, повторяю, выбор изобразительных средств — дело автора, поэтический и человеческий потенциал которого — значительно объёмнее частностей клавира... Поэт Сергей Шелковый, обладающий незаурядным талантом и обширными знаниями в области физико-математических наук, любимого им человека поднимает до своего уровня, выражая позиции человека М и р а.

Первый вариант этой статьи был размещён мной более года назад в Интернете на сайте Национального Союза Журналистов Украины под заголовком «Сергей Шелковый — выдающийся деятель литературы и науки международного масштаба». Уверена, что в этом определении нет никаких преувеличений. Два

десятка изданных поэтом книг, ряд международных литературных премий, публикации во многих зарубежных изданиях — отчётливое подтверждение заголовка моего интернетовского очерка.

Но, может быть, ещё важнее для меня то обстоятельство, что, перечитывая сегодня снова поэтические сборники Сергея Константиновича Шелкового, я ощущаю ещё и ещё раз, что это именно те книги, которые укрепляют в глубинах души читателя важнейший постулат: «В Начале было слово...»

2008 г.

Олег ГОРШКОВ,
*поэт, лауреат литературных премий,
сетевой редактор
(г. Ярославль)*

«ЧТОБ В СЛОВЕ ЭТО ВРЕМЯ ОТСТОЯЛОСЬ...»

Сборник стихов известного харьковского поэта Сергея Шелковского «Небесная механика», на мой взгляд, — настоящее событие в нынешней литературной, а точнее сказать, поэтической жизни. И не только потому, что выход каждой новой книги такого зрелого мастера поэтического слова является событием по определению. И даже не потому, что автор имеет немалую читательскую аудиторию, с нетерпением ждущую выхода этой книги.

Существенное значение для такой оценки имеет ещё и тот культурологический контекст, который неизбежно привносят реалии современного литературного процесса. Парадигма «художник и время», наверное, одна из самых ключевых в понимании сущности всякого рода творчества. Тем более, творчества, инструментом которого является слово. Выразить своё время, запечатлеть его дух — вот великое искушение, которое зачастую владеет человеком творческим, человеком пишущим, вот соблазн, так или иначе, направляющий его перо.

Но плоды этого искушения бывают самыми разными и непредсказуемыми. Стремление поспеть за временем, а то и опередить его, всегда побуждало поэтов к поиску новых форм эстетики. Процесс этот закономерен, сложен и противоречив. Однако в последнее десятилетие, к сожалению, в нём доминируют тенденции, которые не могут не настораживать. Так называемая «актуальная» поэзия и её всевозможные апологеты всё более рассматривает форму, лексическую концепцию, фасон «вербального платья» как некий фетиш, нечто самоценное и первостепенное в искусстве. От поэтической манифестомании и агрессивного самоутверждения всяческих постмодернистов, концептуалистов, метаметафористов и прочих искателей небывало новой искренности запросто может закружиться голова, как у читателей, так и у самих стихотворцев.

Сущностная, содержательная часть поэзии всё более отходит на второй план, если не низводится до малозначительного и не

всегда обязательного приложения к упомянутым изощренным играм в изящную словесность. Как будто возможно передать дух времени одним только сумасшествием формальных изысков. Вот и получается, что сегодняшняя «актуальная» поэзия отражает и выражает не столько суть стремительно ускользающего времени, сколько громохание его сует и пустот, шипение его пены.

Тем ценнее, что наряду с подобными проявлениями карнавальной литературщины всё же пишется, издаётся и обретает своего читателя иная литература, в которой время преломляется в человеке и одушевляется человеком. И основным предметом такой литературы остаются вопросы, которые от Ноя и доныне составляют суть человеческого взыскания и беспокойства — жизнь, смерть, Бог, любовь, счастье. И не отношением ли человека к перечисленным вечным вопросам, прежде всего, определяется дух времени?

Для меня «Небесная механика» является событием именно потому, что лирика Сергея Шелкового буквально пронизана драгоценным пониманием сущностной взаимосвязи между менталитетом времени и менталитетом человека. И сам поэт отчётливо осознаёт свою художническую миссию.

*Чтоб в слове это время отстоялось,
весь этот подло-неизбежный век,
я, обречённый прозе человек,
держусь упорно за родную малость —
за право окликанья стихов...*

В конце концов, именно человек — насельник, постоялец и кочевник, превращает пространство и время в ойкумену, в обитаемые, преобразуемые жизнью измерения.

Поэзия Сергея Шелкового — тоже ойкумена. Уникальная, завораживающая ойкумена. Вернее, обитаемая вселенная, вмещающая в себя множество времён и пространств. Читателям «Небесной механики» предстоит, на мой взгляд, захватывающее, но далеко не развлекательное путешествие по историческим эпохам, зачастую перекликающимся и «разговаривающим» друг с другом. И это вовсе не переключка блистательных теней из времен Пятикнижия и «глиняного века» Золотой Орды или первого и второго Рима, а то самое неизбежное, насущное взыскание внутренней гармонии с миром и самим собой, которое с помощью искусного пера замечательного поэта способно «оживить» любое время, сделать его мгновением, переживаемым здесь и сейчас.

Но настоящее путешествие по времени, предполагает и полноту пространства, выхваченного фокусом поэтического окуляра. Книга Сергея Шелкового — это ещё и богатое собрание картин, написанных с италийской и испанской, скандинавской и британской и, конечно, с излюбленной автором крымской природы. И это воистину роскошная, щедрая живопись. Натюрморт, пейзаж, портрет, жанровая сцена, эпическое полотно — всё в равной мере подвластно нашему художнику слова, всё проникнуто удивительной чуткостью автора, пристальным и пристрастным постижением самых малых подробностей бытия.

Отражённые в волшебном зеркале метафор и созвучий Эльсинор и Равенна, Валенсия и Андалузия, Феодосия и Гурзуф, Коктебель и Ярославль, начинают подрагивать, шевелиться, наполняться звуками, голосами, движением, пряным и терпким ароматом времени и места. На самом деле, умение создавать ощущение присутствия в литературном пространстве — дар исключительно редкий. Автор «Небесной механики» обладает им в полной мере.

*Но мирным утром клин травы исчерчен
улитками. Кефали косяком
обходят мол, чей абрис чуть увечен.
И бурым йодом свежий бриз наперчен,
и мальчик, тонкоплеч и безупречен,
спираль рисует ревностным мелком...*

Дышать не надышаться этим одушевлённым воздухом хронотопов, создаваемых Сергеем Шелковым. И тут, наверное, самое время отдельно сказать несколько слов об инструменте и, одновременно, о материале, с помощью которого и происходит сотворение этих аутентичных очарованных пространств — о языке, присущем нашему поэту. Читая книгу, невольно ловишь себя на мысли о том, что автор непременно должен испытывать наслаждение от своего камлания словом, своей демиурговой ворожбы, от ощущения послушности инструмента и податливости материала. Настолько органично сосуществуют в его стихах сущностное наполнение, троп и просодия. Настолько широка их образная палитра. И какое же там пиршество метафор! От метафор, похожих на текучий золотистый мед, наслаивающихся друг на друга, густеющих от строки к строке, до метафор стремительных, внезапных, обновляющих кровь:

*В виноградных корзинках несут
молодильное мясо искусства...*

Но вернёмся, пожалуй, к тому, с чего начали этот небольшой очерк о нашей книге — к вопросу о месте и значении человеческого аспекта в отображении времени. Может быть, самым определяющим и значимым моментом в преломлении темы времени является для автора «Небесной механики» художественное исследование сменяющих друг друга времён в самом человеке, постижение внутреннего, экзистенциального времени. «Время плакать, и время смеяться; время сетовать, и время плясать; время разбрасывать камни, и время собирать камни; время обнимать, и время уклоняться от объятий; время искать, и время терять...» — вот та экклезиастова поэтическая планка, которую задаёт себе автор.

И какими бы трудными ни были экзистенциальные поиски поэта, в какие бы разные эмоциональные оттенки ни окрашивалась интонация и настроение стихов, есть в мировосприятии автора нечто краеугольное, незабываемое, придающее читателю ощущение опоры в зыбком и превратном мерцании времён и сутей. Речь идёт о внутреннем этическом чувстве художника, порождающем некую личную иерархию ценностей — жизненных и творческих. Мне этот личностный этический выбор поэта и эти ценности, признаюсь, весьма близки. Близка и та апология исторической памяти, памяти рода и родства, всего, что охватывается ёмким пушкинским определением — «Любовь к родному пепелищу,/ Любовь к отеческим гробам», которая отзывается в стихах Сергея Шелкового собственной пронзительной нотой:

*Но озимь над блудилищем взойдёт —
и распашонку вновь мальцу пошили
всё те же руки матери святой.
Скажу: лишь этой кроткой красотой
мы Господу глаза и освежили...
Его сроднили с нами напрямик
Мария-дева, мать, и бабка Анна.
Преданье это — достоверней книг...*

Близка и понятна звучащая особенно мощно в стихотворении, давшем название всей книге, протестная интонация — неприятие поэтом торжествующей жестокости века, его продажности и тотального прагматизма, его разнузданной пошлости, этой

«актуальной» причёски цивилизации, прикрывающей холодную ослепительную плешь эгоизма, равнодушия и страха:

*Механика небес ещё ведёт
луч утра по колдобинам-пределам,
но высь и ось — под гибельным прицелом...*

И, конечно, главное в этой человеческой и поэтической иерархии ценностей — сама жизнь. Именно жизнелюбие, восприятие жизни, как бесценного, удивительного, божественного дара насыщает поэзию Сергея Шелкового непостижимым очарованным светом. В сущности, перед нами книга о принятии жизни и времени со всеми их несовершенствами, книга о любви, преодолевающей все неизбежные и трудные сомнения, весь человеческий непокой. И, что особенно ценно, перед нами книга, надиктованная богатым опытом чувств автора, происходящая из его чуткого и проникновенного созерцания жизни, из дара видеть, слышать, осязать жизнь во всей её полноте и подробностях и сопереживать ей, из дара воистину молитвенно «окликать стихи»:

*Оставь торгашу скарабеево знание,
неси немому своих дней не скорбя.
Господь лишь затем тебя мнёт Своей дланью,
что метит прицельной любовью тебя...*

В небольшой очерк, разумеется, не вместились многое из того, что хотелось сказать о «Небесной механике» Сергея Шелкового. Но оставим читателю право на собственные открытия, размышления и выводы. Несомненно одно — читателя этой книги ждёт встреча с замечательной, глубокой поэзией, которая доставляет радость и беспокоит, побуждает к диалогу и сопереживанию, заставляет задавать самому себе вопросы, на которые, далеко не всегда есть точные ответы. Слишком уж непостижимо устройство человека и мира человеческого, чтобы в них можно было когда-нибудь до конца разобраться. Ну, разве что с помощью небесной механики и поэтического слова — единственного летательного аппарата, позволяющего совершать такие вот путешествия во времени. Путешествия, обращающие и само время в поэзию.

*Я бы просил на помин принести
ветку полынную, пряно-седую.*

*Снова вдохну — и почти не тоскую.
Словно не жизнь проиграл я вчистую,
словно заснул на минуту в пути...*

Это поэзия, которую будут помнить. И как же замечательно-справедливо, что путь прекрасного поэта продолжается, что сама «молодильная сила искусства» оберегает свежесть его зрения и полноту сердцебиения. Остаётся лишь пожелать Сергею Шелковому долгого творческого пути на радость читателям, на благо русской поэзии.

2009 г.

Георгий МАЛКОВ,
поэт, искусствовед,
диакон РПЦ
(г. Москва)

ПИСЬМА К С. ШЕЛКОВОМУ

22 июля 2009 г.

Произведение: «Озёра и смоквы Заветных земель...» —

И вновь скажу, что Ваши стихи мне весьма симпатичны и близки по духу — в этом триптихе особенно, особенно первое. Но второе — наиболее здесь серьёзное «по смыслу» для меня и наиболее «вычеканенное» — напоминает, однако, о собственных же моих сладких «грешках»: ведь те, кто, как я (думаю, и Вы), выходили во многом «из-под шинели» Мандельштама, порой (незаметным даже для себя образом) нет-нет да и бывают настигаемы его прозрачной тенью — и тут она явно дышала в затылок Вашей Музе. Но будем (в том числе и так) благодарны нашим словесным предкам...

С искренней признательностью
за Ваше душевно искреннее же творчество — *Георгий.*

3 августа 2009 г.

Произведение «Услышанное не вернётся в хаос...» —

По мне — очень хорошо.

А Крым и мне дал немало — и я когда-то стоял над херсонесским обрывом — вдвоём... Золотисто-зелёная крымская дымка часто встаёт перед глазами. И всё в зелёных перьях море — каким оно предстаёт с какой-нибудь горки повыше...

Как-то в самом начале моего стихотворства появился и странный, в чём-то наивный и, верно, «не модный» на современный слух, но внутренне искренний стишок: не совсем напрямую

о Крыме, но как бы о его внутренней ситуации (причём — «внутреннего Крыма») — как она тогда мной воспринималась. Поделюсь им именно с Вами:

*...Пусть в долгом сне, и кровь в висках не знает —
В колючем инее, в безмолвье сонных льдин —
Путей иных в заснеженных сосудах;
Лишь быстрой ласточкой мелькнет вдруг день один
В просторе ветренном и золотистых грудах
Опавших дней и снова исчезает
В заветной глубине — как в озере пустом,
Чей влажный блеск дрожит недобрым дном...
Всевидящее око в светлой влаге
В пречистом отраженьи жертвы ждёт;
Звонит ручей в притихнувшем овраге,
И вот, знакомому давно покорен звону,
С зелёной дудочкой и веткою зелёной,
Седой пастух стада свои ведёт.
Их полдень тих, и только взмах руки,
Чьи всплески так блаженны и легки,
Прозрачных звуков тень перебирая,
Коснётся на мгновенье тени той,
Что в роще солнечной без усталы играя,
Шуршит в ветвях сожжённую листвою...*

1975

С самыми добрыми пожеланиями, *Георгий*.

Р. С. А ещё я когда-то жила в Крыму — в Севастополе, Феодосии, Судаке, Коктебеле, Ялте, Гурзуфе, Понизовке (на бывшей даче Веселовского). На последней наблюдал на закате замечательное явление — как на фоне заходящего круга солнца частенько ходила задумчиво крыска-циркачка — прямо по натянутой бельевой веревке!

9 августа 2009 г.

Произведение: «Ища тепла в родном гиперборее...» —

Как всегда у Вас — и «внизу», но «на высоте» с прорывом Туда...
Особенно крепко, кажется, получилось — для меня: второй
стих... и вторая строфа третьего.

Неизменно жду с душевной заинтересованностью Вашего оче-
редного...

С благопожеланиями,

Георгий.

11 августа 2009 г.

Я сегодня наткнулся на Вашу статью о харьковских поэтах,
с интересом прочитал её и о кое-чём даже вспомнил (правда, не
напрямую о поэзии, а просто о жизни).

Сразу же в посте этом и расплылся воспоминаниями. Вам
и посвящаю.

Да, решил просмотреть прежние публикации и обнаружил Ваш
очерк. Благодарю за то, что он написан с таким знанием дела
и любящей подробностью. Нет ли у Вас публикаций (или загото-
вок?) по Чичибабину — этого для меня «Сковороды» XX века?

...Часть моего детства прошла в Харькове. Я, бывало, жил у ро-
дителей матери — на Купянской, «в Лучу», у ХТЗ, между переул-
ками Гудаутским и Бетховена (!!!). Там, кстати, получил и первые
свои «религиозные» впечатления (каковыми я, естественно, осоз-
нал их лишь впоследствии).

Помню: день уже на закате, мне пятый год (дело происходило
в 45-ом), и бабушка взяла меня с собой навестить родственницу
где-то на Холодной горе. Помню: многое по дороге — ещё разби-
тое, сплошной обгоревший кирпич и крутой запах полыни над
ним. Пришли. Небольшая окраинная белёная хата — с привыч-
ными, обомлевшими от жары, мальвами под окошками. Дранный
плетень. После долгих женских разговоров у какого-то сарайчи-
ка-скрыни вводят меня в хату.

Вижу: в дымяще-золотистом от солнца коридорчике-сенях ви-
сят под низеньким потолком на какой-то палке — ведёрки с бол-
тающимися веревками. Что это? Всунули мне в руку веревку и го-
ворят: дерни. Я и дернул. Помню, как поразился тем, что услы-

шал... И начал — довольно-таки робко — но дергать и за другие веревочки... Так я впервые в жизни услышал — что такое колокола! Очень понравилось. Потом открыли дверь в большую темную комнату (от дневного жара ставни закрывали порой и днём), а там что-то курчавое сияет золотцем, и разноцветные огоньки до потолка. Это был храм! Курчавились виноградики и всякие там завитушки-фестончики на дешёвых окладах небольших икон и иконок. Их народ принёс из окрестных своих домов, повесил на фанерной перегородке до потолка, снабдил лампадками — вот они, волшебные огоньки в сиреневом полумраке — и получился храм! Потом уж я узнал, что родственница наша отдала тогда свой дом под церковь, приютившись сама в садовой глиняной скрыне. Потому что всё церковное в здешней округе было разрушено — сначала «своими» фашистами, а потом добавлено и немецкими...

Вышло дитя, поражённое всем услышанным и увиденным, и запомнилось ему: простое некрашеное крыльцо, с готовностью занозить тебе заевашуюся руку, внизу, под горой, краснющая от заката река, да кусты, да осока... И что-то — очень непонятное и странно влекущее где-то внутри (о душе я тогда ничего и не знал).

Потом, уже через много лет вспоминая об этом вечере, рассказал о нём как-то невзначай матери за обедом. Она только и сказала: да ты маленький был, вот тебе всё и казалось таким большим и значительным. Там-то и горы никакой не было, а так — холмик метра в три высотой, и никакой реки там нет, а так — ручеек метров в пять шириной. Для гусей только и годится. Правда, был там одно время храм в тёткиной хате...

Но я-то знаю: были — и гора, и река, и закат над рекой. Было, было всё это — как и было святое ещё тогда (так — лет до пяти) то детство.

...В Харькове жил и трудился мой давний приятель (умер в самом конце прошлого года) — прекрасный рисовальщик, гравёр по бересте и иконописец Борис Чурилов, нередко навещавший меня в Москве. Есть у меня даже подготовленный к печати текст бесед с ним «за жизнь и искусство», но всё как-то руки не доходят опубликовать.

И вот ещё несколько слов о себе: Родился в 1941 г. Изначальный москвич. Живал также в Сибири, в Харькове, в Абхазии, в деревенском Подмосковье. С 1959 г. крепко связан с Псковом и Псково-Печерским монастырем. Работал и путешествовал в значительной части СССР-ии (в искусствоведческих и археологиче-

ски-реставрационных экспедициях), а также в Сербии, Хорватии, Македонии, Косове, Голландии, Греции с Критом, на Кипре, в Израиле.

Учился в инженерном институте (МИСИ), окончил искусствоведческое отделение Истфака МГУ, работал в архитектурно-реставрационных мастерских, в ГТГ, в Центральном совете Общества охраны памятников, в МГУ. В последнем защитил в 1983 г. диссертацию по истории древнего новгородского монументального искусства и его связей с Балканами. Более четверти века проработал экспертом по иконописи в НИИ реставрации при Министерстве культуры. Одновременно сотрудничал в Издательском отделе Московской Патриархии.

Опубликовал порядка ста тридцати статей (историко-архитектурных, о фресках и иконах Древней Руси и Византии, по истории древнерусской литературы и эстетики, а также богословских; составил несколько церковных служб, включенных в богослужебные Минеи Русской Церкви). Также издал около десятка книг по истории Церкви и средневековой иконописи.

В 2006 г. опубликовал книгу «Контрреволюция духа. Святая Русь и возрождение России (церковно-политические очерки)».

Стихи писал всегда только эпизодически — когда не мог от них уклониться.

Публикации стихов: журналы «Путь Православия», «Альфа и Омега»; книги: Мера. М., 2003; В Страстную субботу. Стихи о России. М., 2006; Ангел Хранитель. М., 2006.

В 2003 г. принял сан диакона и служу в одном из московских храмов.

Благодарю Вас за весьма интересный Ваш очерк,
с глубоким уважением, *Георгий*

31 августа 2009 г.

Произведение: «Не клялся вслух, но клятвы не нарушу...» —

Ах, что за чудесно смиренномудрый был поэт Ч. Б.!
И как, верно, приятно ему теперь услышать такой братский привет...

2 сентября 2009 г.

Ваша статья «Неисправимый звуколюб» — заметки о метафоризме Осипа Мандельштама» — изумительное слово о Поэте. Адекватное его блаженному творчеству.

Спасибо, спасибо. Г. М.

30 сентября 2009 г.

Произведение: «Понеже каторжанская держава...» —

Прекрасно, прекрасно скорбно всё сказано!
Георгий.

5 сентября 2011 г.

Произведение: «Птиц-имён неизбывная стая...» —

Что ж, и эти стихи 88-го года, Сергей, хороши... Но как же всё-таки за эти двадцать с лишним лет возрос Ваш художественный дар!

И это — естественно и прекрасно.

Однако хочу заметить о другом. Вы, как, смею думать, и я, никогда не оставались поэтом, равнодушным к судьбе своей страны. А как многие из нас заиклены! — преимущественно только на СВОЁМ собственном художественном мире, на СВОИХ «откровениях», на СВОИХ душевных ранах, на СВОИХ транскрипциях мира и даже на СВОИХ, придуманных ими для СВОЕГО же творческого «комфорта», богах и псевдосвятынях...

И что показательно (замечал неоднократно): как только появляются на сайте стихи, обращённые к реальной трагедии нашей российской жизни, то чаще всего коммуникационный электронный «эфир» как бы замирает в некоем недоумении; не знают, верно, многие — что тут и сказать, да непривычно и говорить-то вроде об этом (ведь так удобно в своих лирических раковинках!)...

Да и сердца нередко далеки от таких «поэтических прокламаций».

Не могу утверждать, что жанр «гражданской лирики» мне самому так уж непременно приятен; к тому же он предельно

труден — для того, чтобы не зазвучать вдруг фальшиво: помните, сколько фальши встречается даже в замечательном Пастернаке, когда он начинает вдруг затрагивать «гражданские» темы?). Но в отдельные времена и сей жанр оказывается полезен и, что немаловажно, эту тематику порой не может отринуть и сам поэт (хотя «про сирень», и «про любовь», и «про душевные копошения» в самом себе бывает, чаще всего, писать интересней (да и пишется нередко лучше).

Через это в своё время прошёл и я...

По опусам множества поэтов — в том числе и Вашим стихам, и моим, и тысяч других «пишущих» — будут в дальнейшем судить и рядить (кто как захочет) о всевозможнейших, разнообразнейших «поэтических» вещах нашей эпохи.

Но уверен: о духе подлинной российской интеллигенции — в её отношении ко всем мерзостям окружавшей и окружающей жизни, ко всем горестям оной, к её героям и злодеям, о нашем неприятии коммуно-советизма (как «духовного» зверства!), о нашем противостоянии ему — и тайном, и открытом, — будут судить в значительной мере именно по таким стихам, как вот эти Ваши «1988 года», как отдельные мои (начиная с 1970-х гг.), как равно и стихи некоторого числа (увы, явно не слишком большого) других авторов — из области, как я её называю, «поэзии сопротивления».

Вообще же таких стихов тогда писалось весьма немного — из равнодушия, из-за непечатаемости, из-за духовной слепоты, из-за безблагодатности советизма, в котором — незаметным иногда для самих поэтов образом — они чаще всего и были воспитаны (ведь, замечу, даже и многие, казалось бы, диссиденты, внутри-то оставались вполне «совками» — по глубинной своей психологии) и, в основном, наконец, из-за самой прозаической трусости... Но не я брошу во всех них камень — им Бог здесь Судья...

И надеюсь, и верю, что когда-нибудь — в подлинно свободной, подлинной России еще будет издан сборник такой «поэзии сопротивления» — как том «поэтических» свидетельств, как страшный исторический документ той зверской вековой эпохи, в которой нам пришлось жить, чувствовать её всей шкурой и всей душой и, осмысляя, влагать «оскорблённые» наши чувства в свою «гражданскую», но и вполне лирическую при всём том поэзию.

Спасибо, Сергей. С благопожеланиями, *д. Георгий.*

7 сентября 2011 г.

Произведение: «И пагубным огнём, зрачком Ахматовой...» —

Эта — почти на уровне «формулы» — на уровне какой-то, условно говоря, «геральдической» четкости — образно-смысловая система очень перспективна для Вас (так мне представляется) и всегда — лучшее у Вас...

Всех благ, д. Г.

23 сентября 2011 г.

Произведение: «Пол-осени или полсердца вынуто...» —

Всё лучше и лучше...

Спасибо за удовольствие. *Диакон Георгий.*

Владимир ЕРШОВ,
поэт, эссеист
(г. Ростов-на-Дону)

«СЕМЬ ФУТОВ ПОД КИЛЬ...»
(письма к Сергею Шелковому)

7 августа 2008 г.

Произведение: «Ещё любил я первое июля...» —

Прекрасно, Сергей. Ваше стихотворение напомнило моё люботинское детство, брызги солнца сквозь цветные витражи на веранде прадедовского дома, старинный быт, пропахший вареньем, наливками и пряностями, заколдованный сад, где можно потеряться, все тайны и фантазии детства и назревающего отрочества.

О, подсолнечно-цибулёвая Украина, сколько сказок и легенд отпечталось на стенах твоих белёных хат!

Кстати, 1-го июля у меня день рождения. И раз уж коснулся биографии, то скажу ещё несколько слов о ней: родился, по закону больших чисел, в середине года, в середине ушедшего века и в середине ушедшей России.

С младенчества и до шестнадцати лет, пока не сбежал из дома, воспитывался под суровым командованием своего отца, ветерана Гангута и капитана второго ранга, поэтому в армию не взяли. Четыре раза подряд.

В школе успевал по истории, географии, литературе, геометрии, черчению, пению и труду. На уроках немецкого, натюрлих, прятал свой дневник в батарею центрального отопления.

Стишки начал писать по причине крайней наивности и влюбчивости, но сразу после этого в космос смог полететь Юрий Гагарин.

Куриль папиросы «Шахтёр», прикладываться к бутылочке «Аг-дама» и зарабатывать свои первые рубли в археологической экспедиции начал в тринадцать лет под городом Харьковом...

И чем только в жизни не занимался, лишь бы не работать. Поливал и подстригал газончики в Кировском скверу. Был гребцом на спортивных галерах. Воровал арбузы с полуторок на Газетном спуске. Как-то на Старом базаре выменял себе тельняшку, заделался матросом подводной лодки и грабил в Чёрном море корабли.

Бомж, летун и отщепенец. Трижды не получил высшее образование, дважды не вступил в КПСС. С советской властью периодически имел интимные отношения. Ввиду полного отсутствия чувства коллективизма не принят сразу во все творческие союзы страны. Вместе с тем: Любящий отец двух дочерей. Координатор под прикрытием проекта «Заозёрная школа поэзии». Сибарит, коллекционер, мечтатель, эстет, новатор. Любитель ремёсел, народного творчества, истории и природы. Бессменный архонт Танаиса.

Просветления Вам, Сергей,
Владимир Еришов.

11 августа 2008 г.

Произведение: «Деревянные перила, деревянные террасы...» —

Вот оно, старосветское детство. Спасибо, Сергей, за возможность вернуться и уже внимательнее рассмотреть все мелочи и цацки ушедшего времени, в котором деревянные ступени пропахли жареной картошкой. Вы — счастливый человек.

Вл. Еришов.

25 сентября 2008 г.

Произведение: «За дальней памятью...» —

Блестяще, Сергей. И ничего, что третье стихотворение по стати, на мой взгляд, не равно первым двум, остальные, особенно первое, настолько полновесны и сочны, что любой оценки мало.

Это — русская поэзия 21-го века, и нам всем повезло, что мы ей современны. Желать тебе ничего не буду — у тебя уже всё есть.

С уважением, Владимир.

25 сентября 2008 г.

Произведение: «По осени пешком...» —

Невозможно россыпью слов описать и оценить то, что сплавлено из таких же слов, но уже стало слоем геологической эпохи. Жаль, что искреннее, неизъяснимое, восторженное молчание не

есть форма речи, и буквами его не передать. Это по силе разве что рунам.

О чём, кстати, правильно ты пишешь в других стихах:

По ранним рунам, по руинам —
подранок солнечного утра...

С уважением, *Владимир*.

25 сентября 2008 г.

Произведение: «Рано повеяло стужей и соловецким вином...» —

Здравствуй, Сергей, как здорово было бы взять вина и махнуть на рыбалку на любимые люботинские пруды, затерянные в дубовых лесах! Маленькой компанией. У тебя закидушки есть? Там, на прудах, такие коропа!

С уважением, Мастер,
Владимир Еришов.

30 сентября 2008 г.

Произведение: «Стоят и дышат розовою пастью...» —

Опять и опять ты возвращаешь меня, Сергей, в потерянную страну, где воздух пропитан суевериями, сказками и бабушкиным молитвенным шёпотом у иконы Николая-чудотворца. Почему-то мне ещё об этом не пишется, а может, уже и не надо, ведь ты уже почти обо всём сказал.

Как будто снова читаю бунинские «Антоновские яблоки».
С уважением,
Вл. Еришов.

3 октября 2008 г.

Произведение: «Небесная механика» —

Ты прав, Гораций! Писание вершится на наших глазах. Увы, увы, всем нам, сынам последних дней. *Вл. Еришов*.

18 октября 2008 г.

Произведение: «Скользят сквозь осень золотые звери...» —

Роскошное пиршество воспоминания. Я точно был где-то рядом, настолько узнаваемы и родны детали. Искренне восторгаюсь мастерским текстом.

С уважением, *Владимир*.

23 октября 2008 г.

Произведение: «А если до июня доживал ты...» —

Точно, нежно, с доброй иронией, и одновременно жестоко и мудро.

Благодарю, сударь!

С искренним уважением, *Владимир*.

5 ноября 2008 г.

Произведение: «Еловая песня в снегу...» —

Несомненная удача. Блажен тот, кто помнит явление первого слова. И самое трудное — словом сказать о Слове. Остальное приложится, и шрам зарастёт. Но всегда будет болеть, предчувствуя ненастье.

С уважением.

Владимир Ершов.

8 ноября 2008 г.

Прекрасные пряные стихи, Сергей, — твоё новое о Кафе и Старом Крыме.

У меня где-то близки к ним — «Поэты глиняного века...» — тоже о Тавриде.

И трубки я делаю, глиняные, турецкие, и вообще керамика мой хлеб. А твои стихи — это уже часть моей жизни, и эти твои строки (да и все предыдущие, читанные раньше)) пережиты мной доподлинно.

Живу я в Ростове-на-Дону, в своей мастерской. На задворках Киммерии, за краем Ойкумены, в Танаисе (на хуторе Недвиговка,

между Ростовом и Таганрогом) у меня есть домик старый, а Танаис — это когда-то богатый греческо-варварский город, самый северный в античной Греции. Это римляне потом рванули до Бретани, а греки позиционировали себя вокруг Чёрного и Азовского морей, дальше, видимо, заплывали единицы, о чём умалчивает История. Короче, обретаюсь я в Меотиде, у Меотийской «лужи», но полынный дух Киммерии долетает и сюда, тем более, что всё это совсем рядом. Сейчас в Танаисе археологический музей-заповедник федерального значения, охраняемый ЮНЕСКО. Так что, если соберёшься в Меотиду, в Тамань, дай знать, порыбачим, пображничаем, хотя и меня Люботин уже заждался давно.

С уважением, *Владимир Ершов.*

13 ноября 2008 г.

Произведение: «Ночь в Феодосии» —

Всё знакомо и узнаваемо, всё пережито до мелочей, может, немного с другим раскладом. Это примерно, как «Письма к римскому другу» подходят по состоянию и послевкусью к любым берегам Средиземноморья.

Да и вообще, жить в этих шхерах Истории — в кайф. Я тут одну теориейку нащупал, оказывается, поскольку Книга жизни написана от переплёта до переплёта, мы, уходя в своё время, попадаем в другие времена. Отсюда и сны, то Римник, то окопы под Вязмою, то галеон гишпанский... «Мы в разных временах живём одновременно...», как сказал один пиит, Ершов, кажется. Нет, надо чаще встречаться, однако...

С уважением,
Владимир Ершов.

14 ноября 2008 г.

Произведение: «Или молился менее, чем мог...» —

Я принимаю всё это, как есть.
Одновременно и горжусь, и каюсь...

С победой, Сергей!
Владимир Ершов.

17 ноября 2008 г.

Произведение: «Снежное что-то, Сибелиус, Григ...» —

Зябко и безлюдно и пойти не к кому в этой снежной замети. Помню эту Москву, ощущение одиночества и обделённости. Но нет ни зависти, ни обиды, лишь удивление и восторг и ощущение того, что не зван на этот праздник.

С уважением, В. Е.

19 ноября 2008 г.

Здравствуй, Сергей, у меня есть хорошая новость: найди в Интернете программу Google Earth — это программа путешествий по всей планете и в космосе. Разрешение приличное, только надо настроить максимальное разрешение экрана. Вот налетаешься — и Гибралтар, и Багамы, и всё, всё, всё.

Счастливого пути,

Владимир Ершов.

23 ноября 2008 г.

Произведение: «Словно не жизнь проиграл я вчистую...» —

Ну, что тут поделаешь, мы приходим на эту землю уже проигравшими, поскольку смертны. Видимо, надо успеть вскочить на подножку уходящего трамвая, который зовётся Дело, Ремесло, Творчество, Любовь... Надо затеять такое, что перевесит всё остальное, суетное, отдать этому все ночи и дни и не чувствовать себя обделённым и, дойдя до понимания первоосновы и первопричины, понять, что только для этого ты и призван, и одушевлён, и наделён речью. Сойти с ума, но угаснуть не от дуновения ветра, а потому, что кончился фитиль. И не проси полыни, не моделируй уход, живи каждый день как целую жизнь. «Никто не знает ни дня, ни часа!», но роль свою надо доиграть до последнего слова. Нас затем и позвали.

Удачи, дорогой Сергей.

В. Е.

15 декабря 2008 г.

Здравствуй, Сергей. Прости, что под твоими стихами отписываюсь сухими десятками оценок, а слово не говорю. Нет больше слов. На душе — осенняя распутица Недвиговского просёлка, всё скисло. Похоронили мы Жукова, похоронили частицу всех нас. Горя нет — усталость и недоумение: как, разве больше не потрындим, не попоём песен, не выпьем чифиря или чего послабее, водки, к примеру? Хотя уже всё давно сказано. Остался надсемантический вой бездомного зверя. Надвигается холод. Спасти может разве что ядрёная матерная частушка или банька с молодой.

Всего тебе доброго.

Владимир Еришов.

20 декабря 2008 г.

Произведение: «Оттого прорезался во лбу неулыбчивый глаз...» —

Могучий мудрый слог, а мерный ритм
Неотвратим, как поступь легионов...

С победой, Цезаре!

23 декабря 2008 г.

Произведение: «Я в силах лишь оставить примечанья...» —

Сергей, с твоего позволения отвечу автоцитатой:

*И, мигая ворованным светом,
Мне из прошлого, как из гетто,
Светят лампочки Ильича...*

И это были мы. Прошлое въелось в наши души, как угольная пыль в лицо шахтёра. Но у старушки, что суетилась с поленом на площади у костра, остались внуки и правнуки...

С уважением, *Владимир.*

27 декабря 2008 г.

Произведение: «Но сон тот русский водкой я запил...» —

Прекрасная русская лирика. Кажется, и впрямь зима наступила. С наступающим тебя, уважаемый Сергей, с Новым годом и Святым Рождеством.

Владимир Ершов.

10 января 2009 г.

Произведение: «То вновь до любви понимаю...» —

До озноба узнаваемо и близко. А ведь я когда-то тоже тайком собирал пацанские манатки в рюкзачок для побега на Кубу. Так ведь и сбежал бы, если бы мильтон из товарного вагона меня не выволок.

С уважением, *Владимир.*

25 января 2009 г.

Произведение: «Ток зноя, размягчивший циферблат...» —

Эта невнятная поначалу, смутная догадка зрела во мне в течение многих твоих публикаций, маэстро, утверждая меня в моих собственных предпочтениях и прозрениях. Ты — весёлый и мудрый певец благоухающих, пряных останков Римской империи, набросившей свои тенета на камни Иберии, Апеннин, на земли франков, этрусков и эллинов, певец узнаваемого, многократно перетолкованного и перелицованного всеми на свой лад желанного мира Средиземноморья. Эта часть света твоей поэтической географии завораживает северную славянскую душу, пропитанную тоскою трактов и просёлков, дымом торфяников и степных пожаров, заставляя её смутно узнавать что-то до боли близкое и безвозвратно утерянное и парить с печальным криком над родными бухтами и руинами. Вот и относительно твоих, уже не испанских, а «Авиньонских винопитий», снова скажу — «ночные небеса зачитаны до дыр...»

Владимир.

26 февраля 2009 г.

Произведение: «Вора к ножу пододвигая...» —

Ну что тут поделаешь, Сергей? Я прямо загордился, что когда-то был рождён в Воронеже. По повестке из военкомата. По месту службы отца. И на фига мне теперь в эту Тоскану ехать? Тоска! А впрыгну-ка я на ходу в вагон «Москва — Воронеж». Глядишь, как раз в Воронеже и снимут без билета.

Спасибо тебе, любезный Сергей, за новизну во взгляде, за неподдельное русское слово.

16 марта 2009 г.

Произведение: «И лимонница под потолком...» —

А помнишь бабушкину угловую тумбочку под божницей, откуда ты в детстве таскал колотый рафинад? А Боженька пальцем грозил. И ты ещё не знал, что это Николай Угодник. А как в обед засыпал под дедовой дохой белой овчины с деревянными пуговицами. А помнишь, как в погребке с братьями тайком высасывали холодное молоко из кринок через соломинку, проткнув каймак? А старинные флакончики на бабушкином комодике и вилку с деревянной ручкой, которой ты любил есть жареную картошку? О, старинные предметы из детства, в которых живут добрые духи, хранящие наши детские поверья и фантазии. Ты, Сергей, волшебник нашего слобожанского детства.

23 марта 2009 г.

Произведение: «Тинто на двоих» —

Каррамба! Сакраменто диас! Патриа о муэрте! Якорь мне в глотку! Сергей, ты взволновал сердце старого моряка до самого дна. Сколько лет отдал флоту, а такого не писал. Точнее, ничего не писал. Ни о море, ни о флоте. Всё больше о любви. А так, как пишешь ты, моряк не напишет. Грину хватило одного рейса на пароходе, чтобы основать целую страну с флотами, пиратами, портами, купцами и негоциантами. Семь футов тебе под киль! И попутного ветра. Кстати, когда-то Гарибальди гулял по портовым кабакам Таганрога. Тот ещё был гуляка. Вы бы с ним нашли общий язык.

И то, что маршрут твой — реальный, я понял по неуловимым, не видимым праздному взгляду, приметам. Как сказал когда-то Аксёнов, дни и часы, проведённые в дружеских пирушках — наше бесценное достояние (вольная цитата).

Жму краба.
На румбе.

31 марта 2009 г.

Произведение: «Пузырёк с апрельскою капелью» —

Что-то, брат Сергей, и тебя на иронию потянуло... Не иначе, как кризис крепчает. В мировой экономике. Так вдарим же иеронизмом по общинным халявщикам и мессиям!!!

Всегда к Вашим услугам, сээр.

28 августа 2009 г.

Произведение: «Дня не пройдёт, чтобы тысячи лет не прошло...» —

Какой у тебя, однако, цепкий разящий взгляд, Сергей, — как у венецианского арбалетчика. Не оставляешь ни одного шанса бедному неوفиту что-нибудь самому выцелить и поразить. У меня, побывавшего в Крыму всего один раз никчёмной осенью семьдесят пятого, ничего о Крыме не осело в мошне памяти, кроме монетки из отвалов Херсонеса да «Колокола Херсонеса» в подборке стихов. Да и незачем повторять это поприще, когда есть дурман твоих строк о Крыме, предельной очистки и возгонки.

Спасибо, дорогой.

20 июня 2010 г.

Произведение: «Дождаться мраморного танца...» —

Античные руины слов
И блёстки золота меж ними! —

Ты, Сергей, удачливый археолог Тавриды, щедрый винодел и зоркий корсар Понта Эвксинского.

Семь футов тебе под киль, златоголосый ты наш аэд!

С уважением,

Владимир Ершов.

16 августа 2010 г.

Произведение: «Непозабывтые, непозабывшие...» —

Читаю и кажется, что мы в одних и тех же кустарниках акации пауков пугали и мой змей зацепился за ту же каланчу, что на базаре. А коропа в пруду — как торпеды. Сергей, это не ты мне штанины узлом завязал, пока я в пруду бултыхался? Два чёрно-белых негатива совпали в деталях, в лицах... Спасибо тебе, пан Шелковый, за вечно оживающее, переспелое слобожанское детство. Да пребудут с тобой высшие силы.

С уважением, *Владимир*.

19 августа 2010 г.

Произведение: «По всем законам кармы, пишет блоггер...» —

Читая, даже сигарету фильтром прикурив. Такого я от тебя, Сергей, не ожидал. Буду внучатам читать по бумажке. Кто б сказал, что это ты написал — не поверил бы, но собственным глазам верю.

Какой заряд ядерной иронии и человечности в одном сосуде. От меня две десятки!

Владимир.

11 сентября 2010 г.

Шановный пан Сергей, если не читал ещё, то почитай рецензию на мою новую книгу на сайте. И пришли мне, пожалуйста, свой почтовый адрес. Я перешлю к тебе две мои книги. И дай знать номер твоего домашнего телефона. Созвонимся. Только я пока не дома, а у старинных друзей. Живу уже месяц с хвостиком на другом краю Ростова. Решаю проблемы друзей. А вообще-то хорошо чирикать по скайпу. Это бесплатно и не ограничено по времени.

Жму мозолистого краба.

С приятнью и дружеством, *Владимир*.

P. S. Тут геологи бают в сети, что через тридцать миллионов лет Средиземное море исчезнет и на его месте будет горная гряда, как спайка между Европой и Азией. Надо спешить. Ведь я ещё не

побывал на Средиземном море в его классическом бассейне, хоть и живу на его задворках.

15 сентября 2010 г.

Произведение: «На то и надежда, что сложатся минусы в плюс...» —

Родина и государство — понятия несовместные. Второе паразитирует за счёт первого. На откаты уходит половина национального (?) достояния. Все всё понимают, но одни сделать ничего не могут, другие — не хотят. Те, другие, уже не знают, чего ещё желать. И есть в их беспардонном обжорстве одно самооправдание, они уверены, что на их месте так поступил бы каждый. Обличать их бесполезно и не продуктивно, иногда опасно, взывать к рудименту совести — всё равно, что биться головой об угол. Их виллы и фольварки добрались уже и до «глухих провинций у моря».

И всё слабее надежда, что внук казнокрада наконец припадёт к культуре и поделится с электоратом. Купцы российские были не в пример щедрее нынешних *нуборишей*, но и это им не зачли в 17-ом. Но уже родились проходимцы, которые скажут в собрании: «Я знаю, что надо делать»...

1 октября 2010 г.

Здравствуй всегда, шановний Сергей Шелковый!

На днях отправил книжки к тебе в Харьков. Уже на обратном пути с почты вспомнил, что забыл их подписать, дырявая моя голова. Потом подумал, подумал, и нашёл выход — подпишу их, когда приеду в Харьков. А это случится неминуемо, как только заработаю немного денег. Но, пока никакого заказа нет, думать о поездке вредно. Но по всему видно, что скоро будут какие-то подвижки, т. к. у нас сменился губернатор и сняли министра культуры. Ждём хороших вестей. Но и ты, дорогой, если соберёшься на Дон или на Тамань, захвати с собой мои книжки, они весят мало и тебя не обременят. Тогда я их и подпишу

Жму шершавого краба. С морским ревприветом, *В. Ершов.*

15 октября 2010 г.

Сергей, я забыл подписать тебе свои книги, но это не склероз! Это элементарная зашоренность и забывчивость. Как я уже писал, есть весомый повод заявиться в Харьков, дабы совершить подписание. Будем надеяться на лучшее. И вот ещё, Сергей. Читал твою крайнюю публикацию на Поэзии.ру и стихотворение «Я влюблён навсегда в мимолётных непойманных женщин...» — всё мне в нём показалось до боли знакомым и уже пережитым когда-то. И позадумался я, отчего это. Ответ пришёл незаметно — это написана моя жизнь, и я здесь — действующее лицо. И каждый укромный уголок пространства стиха мною обжит и облюбован. Невероятная мистика совпадения в вечно длящемся событии. Спасибо, дорогой друг. С уважением и приязнью, *Владимир Ершов*.

19 ноября 2010 г.

Произведение: «Синичье слово» —

Снайперски написано, влёт! Опять, в который раз, вижу в твоих стихах, Сергей, слова, которые нередко напрягались в моей душе, как пружины бойка, а сработали опять не в моих строках. Удачной охоты, весёлый стрелок перелётных слов. Ни пуха тебе, ни пера!!!

25 ноября 2010 г.

Приветствую, Сергей. Благодарю тебя за казантипский стих Он очень бодрит и обязывает, даже его тополь и краснопёрка с моими совпадают. Про Мартику буду думать, закажу меню всех кофеен на острове. Я ведь тоже в поисках алмазоносной провинции. Расписываю «пулю» с вечностью. И ведь самое главное — знаю, что в прикупе. Вот только расклад пока не благоприятный. Заходи, друже, на мою страничку в «Контакте», там много всяких фотографий моего бытования на Танаисе.

И вообще, граф, незаметно присоединяйтесь. Регистрируйся в «Контакте», будем общаться, посмотришь нашу жизнь в группах изнутри, можно переписываться онлайн. Е-мэйл уже, похоже, пахивает почтовыми тракатами. Хотя я и ретроград, и могу писать пером каллиграфически, и поднаторел во времена оны в эпистолярных, то бишь, хоть я по сути своей — эпистоляр-крас-

нодеревец, но прогресс разворачивает. Вот, пристёгиваю файл на эту тему. Почитай. Мне понравилось. Итак, жму твою пиратскую пятерню, до связи, старина.

Владимир Ершов, загребной правого борта, эсквайр.

15 февраля 2011 г.

Здравствуй, дражайший Сергей. Внимательно читаю твои строки. Ни к чему тебе говорить о них, ты и сам прекрасно знаешь их цену, она полновесна и высока. Я только мысленно молчаливо направляю тебе свои высшие баллы. У меня всё меньше остаётся слов, чтобы что-то говорить о твоей поэзии. Но сегодня старый буквоед не нашёл в твоём стихотворении одну потерявшуюся букву, и решил тебе написать по почте, то есть совершить действие почти архаическое в эпоху развития скайпов и прочих контактов.

Пристёгиваю к письмишке файл, там красным по белому всё отмечено. Остаюсь твоим внимательным и чутким читателем.

С пролетарским приветом,
Владимир Ершов.

21 июля 2011 г.

Поздравляю, дорогой Сергей, с очередным, по мере наступления, сорокалетием. От таких старых перцев, как ты, послевкусье длится неизмеримо долго. Желаю небывалых начинаний и непреодолимых искушений. Семь футов тебе под киль.

*Владимир Ершов, по боевому расписанию
загребной правого борта.*

Р. С. Сiju на хуторе без Сети, но вот, попался горожанин с мобильным интернетом.

23 января 2012 г.

Здравствуй, драгоценный Сергей! Спасибо за поздравление, оно, и опоздавшее, всегда к месту. Во первых строках письма хочу пожелать тебе добраться до Таганрога, этого мистического отражения Петербурга в южных водах. Теперь по порядку. Письма

твоего я действительно не зафиксировал, хотя по несколько раз на дню проверяю свои ящики. Их у меня два действующих, **ershovs_pipes@mail.ru** и тот, с которого сейчас пишу.

Главное и печальное событие начала нового года — это присоединение к большинству Виталия Калашникова. Его уход открыл начало года и опять, как и смерть Жукова, объединил многих, не общающихся месяцами и годами. У нас на сайте была печальная публикация об этом событии. Её уже сняли с ленты сообщений, но у меня есть копия.

Теперь просто о неприятном. Мой стационарный комп сдох, как сказал хакер-ремонтник, что-то с биосом и ещё с чем-то. Мама-плата, к счастью, проявила признаки жизни. С весны работал на ноутбуке, но в нём постепенно обрушилась система и теперь в Контакте не публикуются фотографии и в сообщениях Контакт не уходит больше полутора строк.

Дальше — больше, нет возможности публиковать на П.ру свои стихи и комментарии к стихам господ-односайтников, не могу попасть на Фейсбук и в ЖЖ. Получается полный пердюмонокль, как любил говаривать когда-то Гена Жуков. Как только выложу за отремонтированный комп два рубля и мне его привезут и поставят программы, отдам в наладку ноутбук. Вот такая фортификация получается.

За пожелание быть поздоровее и дотянуть до нашей встречи в наступившем году спасибо, почувствовал твою скрытую тревогу за наш полк. Постараюсь держаться, куда деваться. Только, к сожалению, после инфаркта, случившегося у меня в 2009-ом году, с возлияниями вакхическими пришлось расстаться, и алкоголь я теперь принимаю гомеопатическими дозами. Но ничего, драйва и так хватит, полукуллим и посибаритим на нашем краю Ойкумены. Даст Бог, перекрою крышу моего многострадального ершлайма, то бишь, ершовского обиталища, в Танаисе, и там можно будет забазироваться.

Правда, электричество отсутствует много лет, а нелегальной временке чалтырские электросети сделали обрезание прошлым летом. В общем, руины быта и крах личной жизни. Ну, да ладно, от этой неопределённости как-то даже веселей и мой пофигизм переходит в хроническую стадию.

На этом письмо своё к Вам, Ваше превосходительство, заканчиваю. Примите от меня уверения в полнейшем к Вам почтении.

Вот, где-то примерно так, старина.

Обнимаю и до связи, *В. Ершов*.

24 января 2012 г.

Произведение: «До Ростова долечу, до Таганрога...» —

Всё так, дорогой Сергей, всё так... 11-го будем хоронить урну с прахом Виталия в недвиговской промёрзшей земле.

Спасибо, что помнишь. Кстати, Калашникова когда-то не зарегистрировали на нашем сайте. Бедный Калашников...

Да, сейчас позвонили и сказали, что похороны его будут 11-го февраля после прихода обеденной электрички из Ростова, где-то в районе 14-00. Всё это произойдёт на Недвиговском кладбище, рядом с могилой Жукова.

*Живём — как на показ,
Ни мора, ни проказ...
Но мрут поэты!*

Это в 79-м году я написал на смерть Ашота Гарнакерьяна, дредноута донской советской поэзии. Там дальше было продолжение, ну да пёс с ним.

В общем, приезжай к самому началу июня, к Пушкинскому празднику, побродим Великим Шелковым путём, он тут, кстати, действительно проходил...

Твой В. Ершов.

31 марта 2012 г.

Здравствуй, друг мой драгоценный! Получил томик твоих прекрасных стихов — «Парусник». Благодарю тебя, Сергей. Опять сожалею, что забыл, отсылая, подписать тебе свои книжки. Но сильно уверен, что скоро подпишу «своею собственной рукой».

Открытия поджидают меня уже в тех местах, который исхожены туда-сюда не единожды. Век живи — век учишь, услышано мною давно, но только недавно стал понимать смысл этой поговорки. С возрастом приходит понимание того, что слов уже и не надо, обо всём, что можно поименовать словами, мы с тобой уже всё знаем, и знаем, что оба знаем. Как писал Александр Виленович Брунко, которого уже никто лет шесть нигде не видел: «...от рынка шумных слов к Великому Молчанью».

Обнимаю и жму твою могучую руку, камрад!

Владимир Ершов.

Владимир ГУТКОВСКИЙ,
*поэт, критик, лауреат
литературных премий
(г. Киев)*

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

Когда мы произносим устойчивое словосочетание «проза поэта», то в нашем сознании автоматически возникают привычные картины.

Сергей Шелковый заявил о себе как поэт могучего, размашистого, перелетного письма, насыщенного всеми мыслимыми красками, запахами, звуками.

Невольно нечто подобного ожидаешь и от его книги автобиографической прозы.

Но тут совсем другая история.

В поэзии Сергея Шелкового с его даром поэтического обобщения многие детали повседневной жизни уходили на второй план или же, еще чаще, преобразовались в такие поэтические образы, в которых их прозаические источники-прообразы порою было совсем нелегко рассмотреть.

Теперь эти причинно-следственные связи восстановлены.

Автор, думаю, не случайно назвал свою книгу так кратко и вместе с тем емко.

Кровь и молоко — две главные сущностные субстанции, которые определяют и жизнь человека, и жизнь его души.

И не зря он дал своей книге подзаголовок — проза жизни.

В этой книге есть все — и обратная ретроспектива жизни, и те первичные элементы бытия, из которых складывалось все последующее на протяжении десятилетий.

Из молока и крови.

По капле. Капля за каплей.

Автор сделал то, что, в общем-то, стоит сделать любому человеку, который может оглянуться на пройденную дорогу и пережитые годы.

А именно: обратиться к истокам, осознать свое место в фамильной истории, вспомнить свои самые начальные шаги.

Нельзя сказать, что это повествование захватывает с первых строк.

В него нужно вработаться. И тогда вдумчивый читатель очень скоро сможет обнаружить в нем и почерпнуть из него множество свидетельств и примет давно и далеко ушедших времен, ничуть, однако, не покинувших авторской памяти; точные психологические зарисовки, живые и объемные портреты современников прошлого.

Так думал я, бегло пролистывая книгу и по ходу фиксируя возникающие формулировки, которые могли пригодиться для будущей рецензии.

Но когда я начал читать книгу подробно и всерьез, то взглянул на нее совсем по-другому.

Вот эти впечатления по ходу чтения.

Возможно, иногда друг другу в чем-то противоречащие.

Книга эта, конечно, написана, прежде всего, для себя.

Но разве то же самое не верно и для всех других написанных на Земле книг?

Эта книга — высокий образец самоосознания и самопознания.

И воздаяния. Воздаяния предкам. Насколько это доступно современному человеку.

Конечно, пересказывать автобиографическую прозу, во многом выходящую за простой перечислительный ряд дат и событий, дело, хотя в данном случае и благодарное, но вряд ли возможное.

Я бы разделил эту книгу на две равноправные составляющие.

Генеалогия.

Подробная, детальная, возвышенная.

Захватывая без малого два столетия, книга устанавливает неразрывную связь времен.

Мощное и разветвленное родовое древо.

Каждая ветвь которого вспоминается до последней детали, исследуется тщательно и с неизменной любовью.

Корни древа уходят в почву прошлого, а новые побеги тянутся к солнцу будущего.

В прошлом — туманные предания и слабо различимые предки.

А также гипотетическая геральдика и родовые гербы.

Жизнь, и ушедшая навсегда, и органично увязанная с беспощадными реалиями середины прошлого века.

Причем все здесь читается с таким неотрывным интересом, что порой становится не столь важным, кто, кому и кем приходится. Настолько все герои (именно, герои!) этой истории самоценны и уникальны.

И хронология.

Хронология становления личности.

Воспоминания. С разной степенью резкости запечатленные в детской памяти и обогащенные семейными легендами.

И всегда выписанные с полнотой и преклонением перед их значением и величием.

Личное существование автора в этой книге первоначально обозначается как «от нуля до двенадцати». Хотя по ходу развития сюжета иногда и неизбежно выходит за эти рамки в более отдаленное будущее.

Одна параллельная читательница книги заметила — возможно, после двенадцати было бы интереснее.

Не думаю. Все-таки самоценное ядро личности формируется в первые годы, такие корневые и основополагающие.

Это куда важнее и интереснее последующих житейских приключений.

Главное и такое родное гнездо на Луганской окраине. Дедушка и бабушка, Петр и Марфа. Поистине библейские образы.

Именно здесь жизнь вливается в дитя наиболее полнокровно и непрерывно.

Тонкой молочной стружкой. Капля по капле.

И с той невероятной яркостью ощущений, которые возможны только в самом раннем детстве и которые остаются в памяти и сердце навсегда. На всю жизнь.

И далее — дворовое, мальчишеско-пацанское, постижение пространства и бытия со всеми живыми подробностями постепенно во взросления.

Окружающая бытовая действительность с ее нищими отходами государственной индустрии и патетикой вымученной пропаганды.

Одновременно с верой во все это. Без веры нельзя.

Или, напротив, с безверием и протестом, сполна заменяющими такую веру.

Мы с автором примерно ровесники.

Потому тот временной отрезок, о котором он повествует, прожит и мной.

Его импульсы синхронно резонируют в сердце любого современника.

История эпохи предстает в глобальных свершениях и бытовых подробностях.

Материальные детали детства, все эти калитки, тропинки, драчки, очереди, пионерлагеря и школьные классы благодарно отзываются и в сердце читателя. Роль которого в данном случае выполняет рецензент.

Эти оживающие события всплывают все отчетливей и отчетливей. Не забытые напрочь, просто хранившиеся где-то в дальних чуланах памяти.

У меня такое впечатление, что у нас с автором все общее. И даже такие второстепенные подробности, как спортивные реалии того времени, мне хорошо знакомы и сразу же рождают мучительные и радостные воспоминания.

Но история рода никак не отпускает автора. И он обращается к ней снова и снова.

Этих его предков, дедов и прадедов неимоверное количество. Разветвленная родня с индивидуальной судьбой каждого персонажа.

И каждая история — конспект романа.

Не просто потому, что жизнь каждого человека может быть художественно осмыслена. Здесь такие страсти. Страсти времени, судеб.

Возможно, когда-нибудь некоторые из этих набросков и будут развернуты в полнометражные произведения.

Захватывающие и поучительные.

«Но это, вряд ли...». Автор не ставит перед собой таких задач.

В этой книге они спрессованы в несколько абзацев текста.

Обладающих неимоверно пружинистой энергией.

Потому и сейчас в личности автора можно угадать черты и характер далеких пращуров.

И еще есть нечто общее во всех этих судьбах — самоотверженное служение Отчизне.

А тот высокий общественный статус, который был, благодаря этому служению, достигнут уже в наше время, не приносил им никаких льгот и не избавлял от тягот сурового, скудного и по нынешним меркам полуголодного послевоенного существования.

Еще к темам, затронутым в книге, надо добавить географию, философию, языкознание...

География пространства выписана настолько убедительно, что, к примеру, я, бывавший в Харькове, городе, где проходит вращение и становление авторской индивидуальности Сергея Шелкового, очень эпизодически и кратковременно, сразу же узнаю многие городские облики и подробности.

Философия отливается в многослойные формулы. Всего один их образчик: «...навыки страхоборства русского человека...»

Язык книги по ходу книги все настаивается и густеет.

И понятие «прозы поэта» становится к ней все более применимой.

Это не та, несколько кокетливая, орнаментальная и самовлюбленная поэтическая проза, которой порою не избегали и классики.

Это проза мужественная. Проза глубокого смысла и выверенной образности.

На фоне этой прозы стихотворные комментарии, автоцитаты автора книги, хорошего поэта, могут как будто, иной раз, даже и потеряться.

И на фоне сгущенности и всеохватности самой жизни.

И опять трудно иллюстрировать это соответствующими цитатами. Потому, что тогда, начав, невозможно будет остановиться. Пусть читатель поверит мне на слово, хотя, конечно, оно и не такое безошибочное, как у автора.

Я бы обозначил жанр и стиль этой книги просто и кратко.

Лирическая аналитика.

В рисунке на обложке книге мне видится живое сердце. Пульсирующее кровеносным током и покрытое молочной пленкой.

И теперь на моей реально-виртуальной книжной полке наряду с каноническими произведениями, посвященными этой теме («Детство» и «Отрочество» Л. Н. Толстого, «Детские годы Багрова-внука» С. Т. Аксакова, «Детство Темы» Н. Г. Гарина-Михайловского, «Детство» А. М. Горького и другими), будет стоять и книга Сергея Шелкового «Кровь, молоко».

И будет возглашать свою правду такую настоящую и уже не отменяемую.

Капля за каплей.

2010 г.

Феликс РАХЛИН,
поэт, журналист, педагог
(г. Ашалон, Израиль)

ПИСЬМА К С. ШЕЛКОВОМУ

2 сентября 2008 г.

Произведение: «Узорчат, словно невод рыбарей...» —

Здравствуйте, Сергей.

В 1995 году, через несколько месяцев после смерти Бориса Чичибабина, в Харьковской «бурсе», то есть в Институте Культуры, на «Чичибабинских Чтениях», Вы подарили мне, гостю из Израиля, сборник своих стихов.

Мне приятно и интересно читать сейчас Ваши новые, содержательные и мастерски сложенные строки, да ещё и об Италии, где я не бывал и вряд ли побываю. Успеха Вам! И пусть Тоскана вызывает у Вас ассоциации уж лучше с потасканностью, чем с тоской! «От Красной Армии до Пизы» — дистанция огромного размера: может и башня наклониться, и крыша поехать, так что и рифма Ваша — вдвойне и вчетверне точна!

Удач Вам! *Феликс Рахлин.*

30 января 2009 г.

С истинным интересом и большой симпатией и признательностью к автору, а также руководству портала прочёл Ваш очерк «Русская литература Харькова — традиции и современные реалии» — очерк о родном мне городе, из которого и сам себя не вычёркивал. В Израиле, где живу вот уже 19 лет, замечательный журнал «22» (главный редактор — профессор А. Воронель) посвятил Харькову где-то в 1996-ом, кажется, году половину своего (106-го) номера.

Там есть и мой очерк «Заговор перфектистов» — о невинной литературной игре харьковских мальчишек и девчонок, привлечшей недрёманное око местного сыска. Но это лишь частность.

В номере предстаёт Харьков интеллигентный, учёный, интернациональный, каким он и был, и надеюсь, остаётся в своей основе до сих пор. Я тогда написал свой первый обзор этого свежего номера журнала. И с того момента обзираю каждый новый его номер в израильской печати — вот как раз вышел на днях 150-й журнальный выпуск, оказавшийся, к тому же, двойным юбилеем: как раз исполнилось 130 лет журналу! Эта скромная дата — также «харьковская»: ведь «22» — старейший в Израиле журнал на русском языке.

Главный редактор и его жена — Нина Воронель (Нинель Рогинкина) — его основатели — оба выпускники Харьковского университета... Хорошо Одессе и Питеру быть литературными центрами: у них море есть... А вот как нашему городу, в котором — «хоть лопни, а Харьков не течёт!», — удалось стать таким Олимпом? — вот загадка... Но факт — налицо, и его подробно, с любовью, в стихах и прозе отразили и воспели Вы, дорогой Сергей!

Спасибо Вам! И — как правильно сказала блистательно остроумная Вита Серебро, сменившая всего лишь Харьков на Хайфу (Ха на Ха!), — «продолжение следует!»

Феликс Рахлин.

1 июля 2010 г.

Дорогой Сергей!

Разрешите с места в карьер: не сможете ли Вы посвятить какое-то количество слов, строк, страниц (размер ни по минимуму, ни по максимуму не лимитирован) личности и творчеству моей недавно скончавшейся сестры Марлены Рахлиной? С такой же просьбой от имени редколлегии альманаха «Тредиаковский» и от себя лично я уже обратился к некоторым литераторам из Харькова (и получил согласие), теперь вот пишу к Вам. Сам тоже засел за воспоминания...

Кроме того, в Израиле есть, как минимум, два-три литератора, которые выступали в здешних газетах с рецензиями на Марленины стихи, не будучи с нею самой знакомы, просто «потому чтобы прочли»... Возможно, обращусь и к их текстам.

29 августа этого года сестре посмертно исполнится 85 лет, и альманах рассчитывает откликнуться на эту дату. Однако мы не связываем срок поступления и опубликования рукописей непременно с этой датой, — пусть будет «как получится». К Вам лишь просьба

так или иначе ответить без задержки на это письмо. Зная в целом положительное Ваше отношение к творчеству Марлены Рахлиной, вместе с тем заверяю, что никто не ожидает от статьи комплиментарного тона — Вы, естественно, вольны в своих оценках.

Если не ошибаюсь, мы с Вами познакомились, когда я работал корреспондентом многотиражки на подшипниковом заводе. Желаю Вам успехов в творчестве и крепкого здоровья.

Феликс Рахлин.

11 августа 2010 г.

Уважаемый Сергей Константинович!

С глубокой благодарностью подтверждаю получение Вашего эссе. Мне оно понравилось, прежде всего, композиционным приёмом: тем, что все харьковские литературные артефакты выстроены вдоль Пушкинской улицы, куда, по всей справедливости, Вы поместили и мою чудесную и незабвенную сестру. В последнее время я вновь и вновь мысленно обращаюсь к причинам харьковского культурологического феномена: каким стихом пыльный, безводный город — не Петербург, который «Санктъ» со своей величавой Невой, не Москва — сердце Родины и собирательница земель, русских и нерусских, а тот, о котором ещё недавно был анекдот: «Це який Харків? Це той, що біля Богодухова?», — город, в котором, «хоть лопни, а Харьков не течёт!», — стал столь знаменит именно цветами своего интеллекта? И, мне кажется, Вы нашли верный символ: это — пушкинская гуманистическая традиция, ярко отразившаяся даже в градостроительном векторе нашего города («своим» я считаю его по праву не уроженца, но старожила).

Хотя у Вас и не упомянуто, хотя улица Бориса Чичибабина несколько «в стороне», но и её я бы без колебаний причислил к тем капиллярам, которые влились в аорту улицы Пушкина. Тут дело не в ранжире, а в глубинной сути. Немного жаль, что как-то осталась не упомянутой «площадь Поэзии», хотя она ведь примыкала к Пушкинской.

Кстати, о ней упоминает (и в несколько мистическом контексте, хотя и шуточном) Марлена в своей книжке мемуаров. Она ведь несколько лет жила (на улице Потемни!) как раз когда это громкое имя присвоили соседней площади с памятниками Пушкину и Гоголю! А по другую сторону соседней Сумской жил Боря Чичибабин. А я, как оказалось, учился в школе (131-й) на улице... Бориса

Чичибабина (тогда — VIII Съезда Советов) и жил от неё в нескольких десятках метров. А когда после ареста родителей нас из «ведомственного жилья» выселили, то — знаете на какую улицу? — На Лермонтовскую! Не мистика ли, не магия ли названий?!

В связи со сказанным — почему бы и Ваше эссе о Марлене не назвать: «На улице Пушкинской», как называется основное Ваше стихотворение в этом тексте, или «На Пушкинской улице»? Тем более, что вся публикация в журнале «Третьяковский», вся группа материалов, для которой Вы написали свою статью, посвящена именно Марлене... Там «О Марлене Рахлиной» — все материалы. А она — просто очередной жилец (или, точнее, уже нежилец), получивший на этой улице постоянную прописку...

Теперь Вам придётся простить мне одно незначительное, но необходимое замечание. По поводу особой Вашей чувствительности к хронологии — ловлю Вас на слове: утверждение, будто Марлена училась в 82-й школе на улице Чернышевской, 79, с 1933 года, не может соответствовать действительности: наша семья прибыла в Харьков из Ленинграда в 1936 году. Вот с осени этого года она и начала учиться в 82-й школе с Вашим отцом. Сочетание «Котик Шелковый» у меня в памяти, потому что сестра была очень поделывавшая и обо всех рассказывала, и я много имён помню с её слов: Таня Длугач, Сёма Гурфинкель, Витя Невенчанный, Илюша Маркович («Морковка») и т. д., и т. п., а у меня была цепкая память, я, например, почти весь свой предвоенный 2-й класс помню (89-й школы на ул. Артёма — как раз напротив Вашей крестильной церкви, Иоанноусекновенской...

Вилю Крамского, Валю Оленцову, а уж особенно Нелю Сурженко (которая прожила в нашей семье всю зиму 44-го — 45-го года, когда мы четверо все ютились в одной комнатке с железной печкой, выведенной в окно, а ей в авиаинституте не дали общежития, Марленка встретила её на улице — и привела в дом...), — этих хорошо знал и помню.

Надеюсь, Вам нетрудно будет поправить несколько строк — там всё правильно, и даже хронология (Марлена поступила в «нулёвку» в 1932 году, а в первый класс — с 8-ми лет — в 1933-м, но — в Ленинграде... Если бы не её книжка мемуаров «Что было — видали», можно было бы пренебречь, но на фоне этой книжки выходит неувязка...

(Кстати, ведь и Фима Захаров, муж Марлены, учился в этой же школе, но не в одном с нею, а в параллельном классе. И жил в доме «Финработник», и носил дворовое прозвище «Хома», под

которым и я его помню: в том дворе помещался наш 109-й детский сад...).

Итак, пришлите мне поправку — и я перешлю Ваш текст по назначению. Ещё раз спасибо! — *Ф. Р.*

26 августа 2011 г.

Произведение: «Спеша по грани встречного движенья...» —

Дорогой Сергей!

Может быть, утешение в том, что так было всегда? Вспомним Микельанджело в переложении Тютчева («О, в это век, позорный и постыдный, ... отрадно спать, отрадней камнем быть»); 66-й сонет Шекспира в переводе Маршака — и даже хотя бы в моём: «Устав от жизни — жадно кличу смерть»; нашего с Вами Бориса Алексеевича Чичибабина: «Мне книгу зла читать не вмоготу, а книга блага вся перелисталась»... Им казалось, что уж хуже быть не может... Как ни странно, но в таком вневременном сходстве ощущений — источник надежды... Дьяконы, уверяю Вас, перекликаются с раввинами! «Юнкер Шмидт, честное слово!..» —

Лучшие мои Вам пожелания! — *Ф. Р.*

Людмила ЛЫНДЮК,
поэт, журналист, член НСЖУ
(г. Харьков)

С. ШЕЛКОВЫЙ. «НА КОРДОНЕ». СИНУСОИДЫ ПРЕОБРАЖЕНИЙ

Вглядываясь и вслушиваясь в лирическую поэзию С. К. Шелковского, невольно ловишь себя на мысли о бесконечной красоте и ветвистости изображенного им мира, о совершенно подлинном его обличьи, о блеске и очаровании художественных образов, яркости поэтических красок, словно небесами посланных автору книги «На кордоне».

Не заикливаясь на теоретических сомнениях, смело выходя за пределы общепринятых мотивов, поэт не напряженно, но легко и изящно, казалось бы, порою абсолютно неожиданными мазками, рисует нашу далеко не идеальную нынешнюю действительность. При этом он остается лириком в самом истинном значении этого понятия. Книга поэзии С. Шелковского «На кордоне» написана в рубежные годы двух веков и двух тысячелетий. И уже само название сборника говорит о многом.

Вчитаемся в стихи первой главы «Сей, сия, сие», где попытки понять происходящее, поиски *человеческого*, обострённые разрушением огромной страны, искалеченностью несметного числа людских судеб, выливаются в печально-ироническую строку: «Должно же быть нечто, помимо дороги в дурдом!» В экспрессивном духе первое стихотворение «Дитя не пропащее. Неоскверненное имя...» без прикрас говорит о том, что *н е м а я* Ойкумена поэта, «выбравшая имя души», *б о л и т*, словно открытая рана, живёт «во вздыбленных камнях», «родственно вскрикивает новорожденной птицей». Чёткий, слаженный слог, богатство рифм, метафорическое своеобразие выражены системой мелодической организации — четырёх- и пятидольник-переменник.

Константа метра стихов — преимущественно от трех до пяти слогов. К примеру

(-/--/--/--/--/
-/--/--/--/--/) (стр. 5).

Что такое **кордон** для поэта С. К. Шелкового, человека русского слова, но рождённого и живущего в Украине? Даже определение «границы», возведенной между двумя близкими народами, используется им в «родственном» старинном, древнеславянском звучании: кордон. На обложке книги, на снимке авторской работы, — виден перекресток полевых дорог, отсвечивающих одним и тем же суглинком... Словно бы окликается скрещенье двух ветвей славян — близких и родственных.

Сколько нужно передумать, сколько переосмыслить, чтобы выразить желание на изломе лет не расстаться, а «додружить» с жизнью! Перелом сознания отражается в изменении мотивов стихотворений. Поэзия книги неизбежно задета происходящим сегодня: «Призаныть бы параллели /для хороя у скворца» да «надо бы побольше неба /звать с утра к себе во двор!», ибо мало и птиц, и небес стало в окружающем пространстве и особенно мало — **во времени**, занимающем такое значительное место в творчестве С. К. Шелкового. Не отсюда ли проистекает и мотив христианского смирения, призыва «Сей — сияние луча!»: «...А не порочу / ворога за то уже, / что не выклевал мне очи / в зимней распре на меже...» Да и враг ли это, — не спутник ли, современник? — если далее поэт утверждает, уже в словах прощения:

*Вот и вам, по стуже други,
Спутники по декабрю,
За те ж самые заслуги
«Спаси, Спасе!» — говорю.*

Чело века... Время и мы... Человек... Жестокость «шершавой десницы» времени... Тонкость переходной грани в «ледяную явь»... Ощущение чего-то безнадежного утраченного, что можно было сравнивать с «дарёным — в ранетах — днём», для поэта болезненно. Но и сейчас, в условиях, когда «рвут уже, как репку, рано / из сна — для яви ледяной», — всё равно цветёт давнезаветная лилия! А окликающая, из того же Завета птица, — «и знать не хочет про боязнь».

Самобытность поэта-пейзажиста, поэта-монументалиста ощущаема во всём: в «изгибе июльской лени», когда «выпит день, а закат докисает на дне», в наплыве весны на кордон, в теряющем память завтра, для которого поэт «рвётся уберечь фамильное слово и оставить чернил густо-синих»...

Анатолий Коньков, автор более пятидесяти песен на слова Сергея Шелкового, руководитель Харьковского театра музыки и поэзии, пишет в своём эссе «Не мешайте летать шмелю...»: «редчайшая... способность дать в стихотворении из пяти строк жизненную картину объёмом в целый роман, дар поэта-лирика писать о бытии и смерти прозрачной акварелью пейзажиста, всё это заставило меня выделить С. Шелкового из разноликого множества стихотворцев». С этими словами нельзя не согласиться!

Автор книги «На кордоне» — прежде всего гражданин, живая боль которого — искусственный разрыв взаимодействия двух народов:

*Что мне делать с моей патриаршей надеждой?
Приспустил волкодав прикордонные вежды.
И под шерстью его, под служивой одеждой,
Кровь пульсирует — алый мечтательный срам...*

И вот невесёлый фон прикордонных реалий сменяется воспоминаниями о далёком 1961-м, когда «играет виола каникул снежное что-то: Сибелиус, Григ?», когда «московские ночи дуют в метельный и бодрый рожок, ...пророча завтра, стальное, как дизель-двигок», а мысль взволнованна воспоминанием о судьбе девочки-одноклассницы, взволнована будущим своих сверстников... И вдруг слышится самгинское «был ли тот мальчик»? Воспоминания касаются десятилетий, помеченных постоянной тревогой холодной войны... И об этих же временах на соседней странице автор, «хорошист педагога Моргулис», произносит в ключевой и предельно личностной интонации: «и твержу на щербатом пороге: «Сущий грех мне бежать от греха!»

*Остаюсь. Среди стервятников важных,
На юру и на горьковском дне... —*

произносит он, как «несдавшийся воин», откровенные слова о том, что «не сдохло» в человеке, уцелело, осталось чистым.

В поэзии С. Шелкового важнейшими индикаторами изображения являются зрение, слух, вкус, интуиция, осязание. Но сейчас речь о том, что у автора зреет неутешительный вывод: «век — не по Сеньке». И он в почти отчаянном раздрае признается: «то матом клянусь — ни покрывки, ни дна, / то вновь до любви понижаю»... Говорит воистину из глубины души:

*Когда б и рискнул я на новый побег,
Убили б за старые деньги.
Убили бы за достоевскую жизнь,
Холопством крапленное панство... —
Здесь блекнет и Босха, и Брейгеля кисть,
И время уходит в пространство.
Здесь всюду лишь ты, гробовая страна,
Которую с плеч не снимаю...*

Но поэт, сын своей обездоленной, разрушенной страны, вопреки всему остается верен ей: «лишь **здесь** для меня возделаны райские кущи!».

Задавая вопросы веку с «шершавою десницей» или самому себе, внимательно вслушиваясь в «партитуру, что выткана птицами на синеве полнозвучного лета», одарённый небывалым художественным видением и слухом, поэт размышляет о возможности «продлиться ... в паузе, фразе». Но уже в каждом неприметном тоне и обертоне жизни он счастливо способен к исцеляющему восприятию, когда, например: «нотами воздух пропах в изобилии, / как древесина флотов Страдивари» (стр. 23). С настроением автора меняется отношение к жизни, ритмика стиха становится более оживлённой. Теперь мерность представляется менее сложной и тяжеловесной, при главенстве архитектоники абаб:

(/--/--/--/--, /--/--/--/--) — клаузулы — дактиллическая и паракситонная).

У жизни появляется цветность, полнится и крепнет надежда на возобновление и возрождение. Прочувствуйте, каким очарованием дорогого прошлого наполнен кадр стихотворения «Времена винограда!» (с. 30).

Это любимое место не отдыха, нет, дней нового творческого дыхания — Крым, где «пространства терпковатое вино втекает в губы разомлевшей розе». И какие тропы наблюдаем мы в творениях мастера! Вот «арбуз, чья алость отдаёт грехопаденьем», вот «простушка роза-джан, для зрения халва», вот «ритмически волнуется вода, и синий взор её не износился»... И несмотря на то, что недоверие к фатуму остается, даже безотносительно к делам державным («но будет непременно суп с котом / вослед прекраснодушным увереньям...»), душой поэта всё же правит чувство возрождения.

Варьирование чередований долгих и кратких слогов, волнистый а р у з — арабский такт — укладывается в следующий ритмический рисунок:

---/---/ Среди кипарисов зяблики спуют.
 -/---/ Две трети жизни помнимый уют
 ---/---/ Где обновлен, где напрочь покосился.
 -/---/ Но море необманно. Как всегда
 -/---/ Ритмически волнуется вода,
 ---/---/ И синий взор ее не износился.

1-я строка от 4-й перекликаются между собой, отличаясь одним безударным слогом,

2-я и 5-я связаны единством ритма, мелодически свиты между собой 3-я и 6-я. Пазухи, изгибы синусоиды, уложились в архитектонику абвббв. Акцентность не укладывается в обычные схемы, т. к., например, ямба или хорей 1-й, 3-й, 6-й строк выбивается из пирихия. Дактиль осложнен. Это стихотворение-романс, стихотворение-объяснение, стихотворение-сожаление: «Но выпукла и вогнута, но смята / Картинка метафизики времён. / О, как молчит фамильный медальон / На шее, чей букет — простушка-мята».

И далее:

*А если б вы «Зачем?» спросили — есть
 В ночах цикад «пленительная смесь!»
 Но вы меня об этом не спросили...*

Как трогательна последняя строка! Как восхитительно отражены в ней душевные переживания у же подступающей влюбленности!.. «Уже» — потому что на какой-то период отодвинуты наслоения волнений, связанных с неизбежным фоном «века не по Сеньке».

Кордон, по Сергею Шелковому, — это «былое и думы», память и сомнения, параллели между мирами нынешними и прежними... Это неисчислимы «царапины на песне», «гулкие чичибабинские «ямбы о сгубленной совести» и «глумливые, похабные окрики всевластья» в «обнищальных дворах», где «хана и амба стучали в двери к тому, кто посмел»... Будто застыла земля под ногами поэта, о чем он с болью говорит: «время моё и не пахнет весной». Колорит его времени — не чистое лучезарное небо, «а дыма фабричные клочья» да скудость жизни. Метрически стихотворение «Борису Чичибабину» выглядит следующим образом: /-/-/-/-/- /-/-/-/-/- /-/-/-/-/- /-/-/-/-/- /-/-/-/-/- (четырёхстопный дактиль при смежной архитектонике абаб и комбинации рифм от точных до приблизительных, усиливающих взволнованность речи).

Сергей Шелковский пытается запечатлеть неизбежный, подлый век: «Чтоб в слове это время отстоялось»(-/---/---/-), (-/---/---/)— абба. Он не готовит для века-волкодава «слов хвалебных кавалькаду». Отвечая «набором целительных настоек» своим оппонентам, не «ломает суставы для бенгальских поз»: Нам крепость фраз иная по плечу: / Пошло — так разом душу облегу! / По матери наш славянин и стоек, / Хоть не всегда устойчив по отцу.../

И тем не менее утверждение жизни доминирует: *Но озимь над блудилищем взойдет — И распашонку вновь малыцу пошили / Всё те же руки матери святой ./ Скажу: лишь этой кроткой красотой / Мы Господу глаза и освежили...*

Восприятие жизни в полифонности её божественной сути поэт передает не минорно-спокойным, а мажорным штрихом: «х л ы н у л и каштаны и сирень», например. Однако сколько грусти вкладывает он в упоминание о подлости человеческого фанатизма, сгубившую жизнь Александра Грибоедова, ставшего «алмаза персианского ценной»! Или в суждениях о Н. В. Гоголе: «Сегодня в кухне слова поневоле / над мерой той или иной крупы / дежурит тень скептического носа, / вдыхая запах едко-земляной/ и нашатырь болотный. Два вопроса, / как дождь, висят над пишущей страной, / читающей всё меньше: «Что поделать? И кто, примерно, в смуте виноват?..»

Кордон ученого-физика С. Шелкового — переход по грани, «по стынущему слову поросшей репьем штрих-пунктирной черты» к иному метафизическому восприятию мира, к духовному становлению и возрождению веры в Спаса, на которого единственная надежда... Кордон — рубикон, открытие доселе закрытого, распахнутость божественных истин... «Не мнимо лишь то, что не глухо / в болтливом вещественном дне /...А жадных страстей оголтелость,/ поддельное славы вино? — / Не то, чтоб совсем расхотелось, / но стало почти всё равно..» (стр. 54) «Ангеле плавный мой! / Тем ты, боюсь, и хорош: / Крох не влачишь домой, / Красна вина не пьешь». (/--/-, /--/-, /--/-, /--/-/).

Увы, невозможно не помнить о том, что Сергею Шелковому судилось быть поэтом антикультурного времени, времени сутяжничества и казнокрадства, унижения и разочарований, распада до минусового уровня... Но он — поэт милостию Божьей. Мощный аналитический ум, сохранивший святость человеческих чувств к родным и близким людям, к Родине (Украина и Россия!) Да, ему близки и дороги оба славянских народа с их родственными истоками. Как дороги они были Б. А. Чичибабину, Н. В. Гоголю... И, безусловно, многомерность и многоплановость метафор и срав-

нений С. К. Шелкового априори опирается на мудрость двух народов! Не говоря уже о знаниях и принятом им божественном поэтическом опыте...

Конечно, профессиональный литературовед непременно коснулся бы композиционных основ его поэзии, истоков его взлёта, проявив палитру цвета и света, тонов и полутонов, исследовал бы значительный пласт музыкальности его произведений, гармонию необыкновенного дара поэта, сумевшего воспользоваться предоставленными ему густыми мазками неба для изображения реальности, в том числе и дисгармонии современного исторического этапа нашей жизни.

Моя задача значительно конкретнее: показать читателю, пытающемуся познать толику художественного совершенства поэта, насколько велик мир его тонкой поэзии, мир необъятного я в л е н и я с именем «Сергей Константинович Шелковый». Волнует ли автора книги «На кордоне» вопрос о будущем своих произведений, об откликах грядущих поколений на его творчество? Безусловно, как любого нормального человека: «Есть, братец, время — имя не проспать». Но при этом ему претит голословное выпячивание собственных достоинств. Главенствует в сохранённости имени момент, в котором «рукописная страница / из прошлого не постыдится / промолвить: *честь имею, ч е с т ь !*» Но страсти рубежа веков таковы, что у поэта-гражданина прорывается и горькое восклицание: «Послать бы век — несчастный случай, убожества полуфинал!» Разительно отличие такого века от «берёз, чьи думы кротки», где «улицы — свода тополиного, гулко пустынного с утра», с мыслью: «И для размолвок с тишиною / мне все отрезаны пути. / Там вволю свежести и зноя. / Вздохни, что будешь не со мною, / но мне оттуда не уйти»...

Трудно представить, что смог бы сделать мощный талант С. Шелкового, будь век иным, будь «кордон» благополучнее, будь счастливее жизнь в родных координатах: «А Русь то чёрта сыщёт, то Балду...», «В широтах отчих надо чують за год / предательство небес и щедрых фраз», «Не киснет водка в русских магазинах», ведь «есть ночи нескончаемых невинных», которых «не отогреть» (-/-/-/-/-, -/-/-/-/-). Боль не только за Русь, но и за обездоленную «Украйну» звучит в словах: «А квитку любви заглушил зверобой под забором».... Вот какой тональностью отзываются строки здесь: (-/-/-/-/-/-/-).

Но ощутимо, что упреки — не в характере поэта. Он — борец! Стих его осознанно принимает на себя страдание и ответствен-

ность «...за бесславые и холода, / за тот век дарового труда, / в коем предан ученый краб / властолюбью надутых жаб», «за окраину, что Бог весть как жива»... Сравнивая себя и своего современника с «кошёлками земных забот по цене земляных работ», где «быль наша — нищенка и дура» (с. 86), Сергей Шелковый вновь и вновь пытается отвести читателя от негатива: «Не грусти, — повторю, — ж и в и / на заначку м о е й любви!» Задаче поэта перед аудиторией читателей и почитателей отвечают и строфика, и квантитативность... Вслушиваясь в наиболее характерный ритм его поэзии, приходишь к выводу, что, как и подобает, в мажорных ситуациях он иной, а в сердцевине стихотворения вдруг появляется обратный мелодический ряд:

(---/---/, -/---/-, ---/-/-
---/---/, -/---/-, ---/-/-)

Выше уже упоминалось об отношении автора книги поэзий «На кордоне» к вопросам *религии*. Анализируя работы С. Шелкового харьковский литератор и журналист С. Минаков отмечал: «Невоцерковленный человек, Сергей Шелковый — религиозный поэт. Есть у него и стихи о Будде, есть мощный ветхозаветный отсыл, видимо, тоже идущий от Мандельштама (разумеется, не только от него), своё, славянско-розановское переваривание темы, плоти...» В другом месте читаем у него же: «...поэт приходил в мастерскую в большей мере к двоим: Осипу Мандельштаму и Борису Чичибабину. От первого он потрясённо усвоил способность соединять в речи несоединимое, вживаться, вгрызаться в плоть слова и *созидать сложную образность*, «осуществлять крутой словесный замес», а от второго — с которым Шелкового связывала и земная дружба — принял высокую нравственную, *сострадательную, христианскую ноту с аввакумовым, страстно указующим перстом*»... (Выделено мной, Л. Л.). Безусловно, личности и школы повлияли на становление С. Шелкового. Я бы добавила сюда и имена Арс. Тарковского, и И. Бродского... Но только ли опираясь на мастерство того или другого предшественника достигает наш поэт своих вершин? Утверждаю: дарованное небесами, помноженное на титанический труд человека-творца, на окружающий реальный мир, «*слой откровенья которого так тонок*» (с. 80), — и только потом уже оглядка на мастерство даровитых соратников по перу, — неустанная, не останавливаемая ни на день работа — эти составляющие при обширнейшей умственной деятельности являются константой его успеха, стержнем отличительных, несравненных его качеств.

Кстати, поэт Владимир Соколов утверждал примерно следующее: никаких школ, кроме совести, нет. «Кем я по бездорожью ведом?» — не лучшее ли доказательство? (См. Главу «Средь зелени белея»). Дальше поэт отвечает: «Словом пьяным, самим же собой», «Вот путь мой — солнца щедрая мазня / В занудном чертеже не больше сути». О его духовных началах красноречиво свидетельствует «Храм над Воронежем», где он снова-таки в первую очередь — художник, и не только мастер слова, но и живописец твёрдой руки: «Церковь лебяжья», «моет крылья в пруду», а на встречу — «скорбно-земные глаза» Андрея в Иверском храме, «вечного ребёнка, краткого гения бронь».

Что же является исцеляющим светом, на который летит душа поэта?

Ответ устоявшийся, обдуманый, выверенный реалиями. Для С. Шелкового свет — «образа, российская литература и русской женщины глаза». И когда сердце угрюмо сжимается, давит «накипевшее», мысли поэта устремлены к высшему, духовному: «Богородица-матушка, русая Мавка-сестрица, лишь при ваших слезах накипевшую соль и смываю». Кстати, украинизмы, применяемые автором в текстах, пусть и нечасто встречаясь, всегда только обогащают звучание стиха: коханка, хмарочёс, купы, шукает, бо, кохаю, квитка...

Но едва ли не главная, исповедальная тема, вложена С. Шелковым в мощное энергетическое поле стихотворения «Наказание». Когда-то в дневник я выписала из труда «Письмо и различие» Жака Деррида характерную фразу: «Говоря, я испытываю страх, поскольку, никогда не сказав достаточно, всегда при этом говорю лишнее».

Приведу «**Наказание**» полностью, так как комментарии будут бледными по сравнению с ним:

/Прогневил я, видно, Господа./Да и как не прогневить?/— Ноги сбив о землю досыта,/ Шел я вброд и рвался плыть/. Не смирялся, знать, упорствуя./ А вольно бы — сизым стать,/Зоб набить пшеничной горсткою/, прогудеть про благодать/. А не то — прильнуть сучарою/ К голенищу палача/, Жить вовсю игрою старую —/, Рушить головы с плеча.../ Да с башкой волкодавьею/ И с метлою у седла/ Проскакать Святою — славь её/, Чтоб себя пережила!/ Только вслед дождю небесному, — / Глубь любил я, а не прыть/, Мнил я миру полутрезвому/ «Да» и «нет» не говорить/. Вот и взят по праву ржавою/, Темно-бурою землей/, Пятёрнёй её шершавою/ С фиолетовой змей.../ Прогневил — секи по проседи/, Отдери от кожи стих!/ Но

*не мсти — не тронь, о Господи,/ Малых порослей моих! — /Сбереги
мне чистолистное / Теплокровное дитя,/ Ветродуями и свистами/
В буерак меня сменя./ Плоть противится закланию./, Но в суде
Твоем смолчу,/ Протяну в чернилах длани я/ Дознавателю-врачу/.
И в утробе, и во гробе я/ Не мину твоих теснин./ Вот он я — Твоё
подобие,/ Господи! Земной Твой сын./*

Духовность — понятие многомерное. И у каждого оно обозначает что-то личностное, выделяемое из общего, но являющееся и важной составной его частью. Не зря же говорят: «Человек — целый мир». А жизнь по Шелковому — «высокий стиль и низкая интрига». По мнению поэта при таком раскладе «духовность... — со жлобским пистолетом / не в силах биться, но при всём при этом / почти последним остается светом / во мраке том, где сердцу невтерпёж...» (с. 123). А «доктор давно прописал / нехитрое снадобье — огненный спиритус веры» (с. 129).

В молодости меня трудно было оторвать от попавших в руки стихов Е. Евтушенко. Зная о моей увлечённости, подружка приносила то газету с его стихотворением, то книжечку... И вот однажды я в обычной районной библиотеке нашла его стихотворение и, потрясённая его словами о глубине и незамутнённости вкривь и вкось пробитой лучами волны, (когда, кажется: руку протяни — достанешь дна, на котором виден каждый камешек), тут же переписала его в тетрадь, выучила, но потом, с течением времени, позабыла о нём. Но вот «Наказание» С. Шелкового всколыхнуло мою память, так как в основе смысла своего оно как бы переключается с тем, давним впечатлением от евтушенковской Ангары, всё же являясь и стихотворением-криком, сожалением, болью, стихотворением, определяющим **ещё один, пожалуй, с а м ы й важный для поэта, источник земного с в е т а : благополучие любимых людей.** Ритм «Наказания» — осложнённый четвёртым слогом анапест --/--/--, --/--/--, --/--/--, --/--/--/.

Хочется снова вспомнить и, казалось бы, совершенно незначительный момент из жизни поэта С. Шелкового. Случайно купленная им книжица, поставленная на дальнюю полку, вызвала у него множество эмоций в момент её прочтения спустя многие годы, о чём у автора книги «На кордоне» написан изумительный «Этюд»:

*...И поздняя нота
слетела с примятых страниц;
минорный этюд укорота —*

*не хлётко играемый блиц,
но медленный ум партитуры,
где горией гиблой в миру
иные чернели фигуры,
иные же прядью Лауры
светились мертвы, белокуры...
И вновь начинали игру.*

Жизнь с её неисчислимостью побед и поражений не заканчивается, ведь игра начинается снова, пробиваясь сквозь редкие «просветы меж злом и полным злом» (с. 113). «Что-то, смявшись остается, / несмотря на передряги, / распрямляется, смеётся, / и для губ есть капля влаги». Чертежи судеб непредсказуемы, известны лишь силе небес... Но вот что интересно: спросите у Сергея Константиновича Шелкового, что он думает о поэте и поэзии, получите ответ, включивший в себя многозначительные ритмы его души: «Стихи, как наложение перстов на лоб и грудь, есть таинство...» (с. 127)

Хочется, чтобы поэт Сергей Шелковый воспринимался Вами, любезный читатель, не только борцом за глобальные идеалы, но и любящим мужем и отцом, чему вы найдёте не одно свидетельство в книге «На кордоне» (например, великолепная «Резьба по камню», «В городе N», «Куст шиповника», «На юбилей Alma mater» из главы «Чашка волчьего молока»).

Окунитесь в заветы его человечности, насладитесь богатством истинного художника слова!

2010 г.

Дмитрий ИЛЬИН,
поэт, музыкант
(г. Москва)

«В ПУТЬ ДОБРЫЙ, ПОПУТЧИК!..»
(о поэзии Сергея Шелкового по книге «Парусник»)

I

Никакая статья, даже монография — не исчерпывает творчество большого художника и прогнутые полки бесчисленных библиотек являют эту аксиому со всей очевидностью. Чистый лист — непреодолимое искушение знающим грамоту: равно графоману и поэту. Тем более — рецензенту, критику, литературоведу. Нынче грамотны практически все сословия, даже бесконечно далёкие и чуждые слову.

А слово — глина. Можно надеть аккуратных кирпичей и строить дворцы и казармы.

Можно ваять прекрасные статуи и лепить забавные детские свистульки.

Можно просто зачёрпывать пригоршнями и кидаться, стараясь залепить прямо в физиономию...

Универсальный материал.

Микельанжело полтыщи лет назад заметил: «Искусству всегда угрожали два чудовища: художник, который не является мастером, и мастер, который не является художником». Мастерство наружно и очевидно, но что есть художник? Конечно ремесло, но и — харизма. И все трагедии — от разобщения двух сторон этой Золотой медали Искусства!..

Искусство — Божий дар. Высший дар — сотворение Образов. Образ — счастливо найденное олицетворение того, что хотел выразить художник, не оглушая и не оглоушивая слушателя/читателя/зрителя.

Сергей Шелковый — художник и мастер слова.

Вот с таким предисловием и сделаем несколько сугубо личных и субъективных заметок на полях книги Сергея Шелкового «Парусник».

II

Как формируется поэт (музыкант, живописец, учёный-естественник или учёный-гуманитарий)?

*Я рос и видел сны о звёздных странах:
кварталы розовели ранней тишью,
играя парой крыльев белотканых,
я озираю иного мира крыши...*

Без этих «иного мира крыш» рождается лишь честный ремесленник-работник — человек достойный и нужный, но живущий вне волшебной сферы создания артефактов искусства.

III

*Скорей! — Пока полмесяца не встало
из-за турецкой пристальной воды,
укроем встречи тайное начало
от синей мусульманской бороды...*

Четыре образа на четыре строки. Иногда бывает и больше. Так — практически во всём корпусе опубликованных текстов.

Вообще метафора Сергея Шелкового — один из солирующих инструментов оркестра его поэтики. Это видно на любой, открытой наудачу, странице:

*Вкусы Изюм — расплёсканный багрец
над поймой, над закатною излукой!
Вечерний череп скифа, Кременец,
змеёй обвит, легендой долгорукой...*

*Сквозь хрусты бурьяна белянка-коза, —
две рюмки абсента — смарагды глаза, —
к воротам спешит. И бурдюк молока
румян и упруг, как Бурбона щека...*

*Цветной хрусталь из грановитой Праги
тяжёл в твоей громоздкой пятерне.
Морские звёзды блещут в глубине,
подобно боевым десницам саги...*

*...его толкает утро
и тащит на урок, где досками судьбы
чернеют крышки парт, где Марь-Иванна мудро
спускает с круглых губ квадратные слова,
и вязнут в краске рта пустых сентенций мухи...*

Трудно остановиться!

IV

Но есть ещё один аспект любого творчества, который вообще не поддаётся формальному определению: энергетика. О которой можно сказать тоже лишь образно: «...эти стихи (картины, музыка, пьесы...) окрыляют/приземляют/восхищают/убивают и т. п.». Та составляющая заряда произведения, которая ощущается и профанами, как все мы ощущаем симпатию или антипатию при встрече даже с вовсе не знакомым человеком. Способность к восприятию тонких планов — в самой природе человека и именно их содержание создаёт космос любого художника, субстанцию (или же отсутствие таковой) его творчества. А можно одним словом — душу.

*Время целит в зеро, добавляя азарта вращенью.
Но энергия третьего глаза сквозь полночь ведёт
неопознанный след, однострочное стихотворенье,
чередует, как точку, тире: рифмоплёт, звездолёт...*

Метафора (не только в поэзии) — хлеб Искусства, энергетика — вино: они и есть Причастие, даруемое Художнику. Счастье — получить его.

*Там брызги — на сандалиях подножья
вулканов и шиповниковых гор,
там первозданный привкус Царства Божья
хранит в себе рубиновый кагор...*

Искусство — и есть первое причастие в Божественном храме Сущего.

Сегодняшние технологии создали огромное количество заменителей: искусственная кожа, искусственные алмазы, даже искусственные органы... Аналогичный процесс происходит и в обла-

стях духовных: искусственная музыка, искусственная живопись, искусственная поэзия... Даже искусственные боги (бесчисленные конфессии).

Но во всех этих случаях создаётся лишь видимость, внешность, оболочка без наполнения внутренней жизнью: потому что создание живого камня или растения — прерогатива соответствующих природных стихий; живой картины, стихотворения, сонаты — одарённого художника; живого божества — Неисповедимого Всевышнего...

Если обобщить в нашем контексте: цивилизация — муляж культуры, искусственная духовность. Общего — не больше, чем у натуральной кожи и полихлорвинила.

Культура поэзии Сергея Шелкового — как представляется — синтез живых поэтик прошлого от шумерских гимнов до мета-метафористов, — с поэтиками грядущими, которые ещё только сбываются в нас. Ибо в реальности время не линейно и не однонаправлено, а так же едино и многовекторно, как и пространство, в котором пребывают в бесчисленных связях Коктебель, марсианские пустыни, Альфа Центавра...

*Голова твоя, Хронос, обрита
и широк вулканический лоб,
чтоб и клинопись, и пиктограммы
на упрямом вместились челе,
чтоб заветы отца Авраама
со стихом о змее и орле —
породнились с Волошинским гимном
с ворожкой Мандельштамовых строф...*

*И даже если принцип Гейзенберга
тебя в упор не хочет распознать...*

Поэты откуда-то знают не только метафизику, но и простую физику — даже ту, что ещё только возникнет лет эдак через сто-полтораста...

Образ, метафора — и есть четырёхмерная земная проекция тех самых высших метрик мироустройства, откуда родом и сама высшая психика человека.

Поэт не только сын Божий, поэт — вестник! А весть, речь, пушкинский глагол — язык земной, человеческий, и поэт «орудие языка» (И. Бродский) — в том числе. Значит и словарь его не сужен искусственными законами какого-нибудь местечкового канона, жанра, идеологии: он всеобъемлющ! А потому и слов в нём — великая бездна: от архетипов ещё санскритских корней, и многих обрусевших слов из языков-соседей, — до фени и современного молодёжного русского или американского слэнга...

Обычно соединение разных, иногда полярных, стилистик в одном стихе даёт замечательный комический эффект:

Джип — аксиома о полном бессмертье брателло...

— строка из пяти слов вобрала в себя четыре языка: англо-американский, древнегреческий, русский и жаргон бандюков (не без уклона «брателло» в пятый язык, итальянский, где, как известно: фрателло — брат). Вообще ирония Сергея Шелкового так же узнаваема, как и тропы его поэзии: своей не крикливостью, загородной патиной интонации, рассчитанной не на интернетно-газетную публикацию, а на любителя и знатока поэзии...

*...в погоду худую,
когда — ливень и стынь, когда хау не дую...*

*Таков обычай здешний — в оба зырь,
но сто пудов — успеет нетопырь,
в ментовских брюках, передёрнуть карты...*

*В четыре сорок поезд смутных дней
со скрипом тормозит у кромки моря,
которое рифмуется с «лав стори»...*

*От звонка до звонка
мудозвона-будильника — буднично жизнь протекает,
подтекает на стыках, не мне, не тебе потекает —
в общем, длится пока...*

— о, Гераклит!..

VI

Великолепны и неологизмы:

*подарок-неотдарок
батрацтво
грюкнет
злозаветных (о временах)
С повстречаньем*

и др.

VII

Стихи Сергея Шелкового часто обогащены реминисценциями, а то и прямыми отсылками к «собратьям по цеху», и надо сказать, не проигрывают в выразительности при сравнении даже с самыми именитыми.

*Говори, говори о плечах европейнок нежных,
гнутоклювый и чувственный, слабый и вечноживой!*

— понятно, Мандельштам.

*Здесь набоковскою марлей
махаон-летун пленён...*

— тоже ясно.

*Напилась луна, свалилась за гору.
Правит жажда неба на Руси...*

— вполне Есенин.

*Смыл напрочь Сейм четыре века.
К базару вверх ползёт телега
в сопровожденье имярека,
и ржавый велик на горе
толкает твой, в фуфайке, житель.
Молчит Молчанская обитель...*

— ну, Бродский!

Но ведь всё это — Шелковый! Если мы слышим ноту соль — вовсе не обязательно она позаимствована из 40-й симфонии Моцарта! Мир — един. В этом и есть соль Искусства.

А из сбывающихся грядущих поэтик:

*Стынью, немением чакры во лбу
осень его, перед казнью богата...*

*По всем законам кармы — пишет блогер, —
весь этот город должен сгинуть на хер*

*Лишь отпетый философ приходит из зоны скудений
к возведению в некую степень и света, и тени,
ибо ждёт пассажира — семи измерений вокзал.*

Сегодня уже учёные-естественники на приборном уровне демонстрируют и многомерность пространства-времени, и «паранормальные» способности человека... О чём поэты знали всегда: «О мир, пойми, певцу во сне открыты Закон звезды и формула цветка» (М. Цветаева).

VIII

А шелковские аллитерации и каламбуры — сделали бы честь всем Брюсовым и Северяниным, вместе взятым:

*посох Босха...
с потомком Баха, Бахуса — с Бахытом...
и цитату цикады, и лиса Улисса завет...
Даже ежели Льеж ревнивый
забрюзжит кружевнице: «Брюж»...
максимализм Максимиляна...
Ёрник-Йорик...
синема весны — синоним счастья!..*

Можно выбирать ещё и ещё...

IX

И это лишь поверхностное прочтение! Так сказать вербальный уровень... Ведь, например,

Смыл напрочь Сейм четыре века...

— у читателя, не лишённого поэтического слуха и опыта — легко возникает созвучие/ассоциация «сейм-сель». Ведь поэзия — звук по определению! В том числе. Недаром О. Мандельштам сказал: «Значенье — суета, и слово — только шум, / Когда фонетика, служанка Серафима...» И как это перекликается с шелковским

Ведь можно жить лишь звуком, а не притчей...

А сель — поток грязи и камней, смывающий/сносящий всё и вся! — какая метафора политических образований! Какие ассоциации, тезаурус и аллюзии возникают поверх текста!.. Та самая субстанция стиха...

И подобная строка — не единственная в книге — тут уж дело за читателем: «могущий вместить да вместит»... Автор — дал.

Рифмы, что шифром искрят потаённым...

X

Но всё это — литстудийные разборки. Ещё важнее — мировоззрение, жизненная позиция, как раньше говорили, «символ веры».

О набившей оскомину в России политике автор пишет, как она того и заслуживает, — с брезгливостью высокородства:

*И всё ж, за родимую злобой фамильного дня,
за братом-цианом в объятых сестрицы-цикуты —
найдите, последние из первородных, меня,
пока нас не смяли без слуха и голоса плуты!*

*в голове кобенится Коба-таракан.
Чавкают засосами топи Раздвапутина.*

*Опять чугунный монстр в чугунной кепке,
торча торчком, венчает пьедестал.*

*уже раз двадцать в ванной я и ты
лампаду ильичёвскую меняли,
но в напрочь разворованной стране
вольфрама не осталось для спирали.—
Как инженеру это ясно мне.*

И поэт ясно видит пропасть между родиной земной, — «малой родиной», определившей весь состав крови своим метакодом, — и её насельниками-паразитами, нагло присвоившими её голос, — кричащими-зовущими от её имени на их гибельный путь, где в конце туннеля — заслуженная тьма Небытия!

*Натруженный вор, напомаженный политикан,
бездарный актёр и смотрящий всего Армавира,
внезапно скончается от неопознанных ран
по ходу спектакля, у рампы прямого эфира...*

Как не вспомнить в неизбежной переключке художников слова обращение к этой теме С. Витицкого (Б. Стругацкого): «Бессильные мира сего»!

XI

Всем своим творчеством Сергей Шелковый утверждает — человек на Земле по определению странник, Вечный Жид, Одиссей, Синдбад...

*Вечный Синдбад, пешеход, мореход,
рьяный погонщик седого верблюда!
Шалый Меркурий — небесный твой код
над головами оседлого люда.
Был ты погонщиком мула, осла,
был ты ловцом голубого пассата.
Соль океана, пустыни зола
выели краску на полах халата.
Экая жажда запретных земель,
страсть, завитая тугою пружиной!
Сжатая, будто бы взрывчатый хмель
синей бутылки всесильного джина.*

...
Вечный Синдбад, мореход, звездочёт!
Разве же нет между нами магнита?
Вот мы спешим за тобою на взлёт —
факел из дюз каббалически бьёт,
будто бы чрево бутыли открыто...

Или из итожащего книгу «Парусник» «Диптиха пути»:

*Меж берегом и бургом клубится единство дыхания.
Затем и бродяжишь, чтоб высветить близкое дальним,
затем и встречаешь волну в самоходной лохани,
трясёшься на взлёте полночном по кочкам астральным...*

*И, дрогнув эхом, обернётся
иною рукописью время.
И дым пространства чуть качнётся...*

ХII

Невозможно не сказать о высочайшем целомудрии шелковской поэзии. В сегодняшнем царстве Антихриста, где самые гнусные и невообразимо мерзкие стороны животной и звериной сторон человека стали чуть ли уже не нормой, где эротика давно подменена грязной порнографией (просто включите телевизор) — Сергей Шелковый пишет на духовной высоте библейской Песни Песней своё «Ветхозаветное» (с. 184). Читайте — сами:

«Ветхозаветное»

*Как щедро мне раскрыт навстречу
твоей стыдливости бутон,
когда нежнейший груз на плечи
бесстыдно мною вознесён!*

*Когда тобою вдохновляясь,
я бью пылающим копьём,
и сокровеннейшую завязь
мы вместе стонами зовём...*

*Роди мне, дочь Ерусалима! —
И пусть он будет Моисей*

*иль даже бронзовый Мисима...
Но, небо! Плоть мою не мимо,
не на бездушный камень сей!*

В русской поэзии подобных стихов — не более, чем пальцев одной руки... Такой пример дорогого стоит.

XIII

А что говорит сам поэт о собственных стихах?

*А кому посвящается каждый мой слог,
я не выдам секрет — ни ползвучка, ни жеста...
Под сосновым дыханьем, вокруг пирога,
соберёмся, за скатертью, вышитой гладью.
Не стихает любовь — вот и вся недолга...*

Всё то же целомудрие — неупоминание сокровенного всуе. Читатель вдумчивый и созвучный — прочтёт и извлечёт. Ведь всякий Художник несёт нам

*...в который раз,
распах художнических глаз,
любвонной встречи полнозвучный случай...*

А мера дара определяет прямоту и крутизну его пути:

*Да останутся честными риски бродяжьего румба —
то налево, то вправо, но ввысь, мой соратник, но ввысь!*

XIV

А кто (что) выше Человека? Только Бог. Не тот, конечно, что восхищает своим атлетизмом на плафонах Сикстинской капеллы или распечатан в четыре краски под лак с голографическим сиянием по несчётным прилавкам... А Тот, о Котором подлинные Посвящённые никогда не раскрывают рта.

«Бог есть Любовь». — Последний оплот.

Поверим в это. Ведь всё остальное, так называемые «идеалы», особенно «высшие» — давно скомпрометированы их высшими носителями. А. Подводный (он же Н. Тихомиров, он же Камен-

ский) писал, что людские идеалы создаются дьяволом. Похоже, он не ошибся. Ещё Лев Толстой заметил, что краеугольный камень, на котором зиждется всякая церковь (кроме протестантской) — ритуальная магия, т. е. попросту говоря, колдовство. За что и был немедленно предан анафеме.

Бог есть не иссякающая действенная любовь сердца ко всему Сущему — от речки и леса, братьев наших меньших и соседей по лестничной площадке — до самого Неисповедимого и Неизречённого...

«Мы должны научиться делать добро из зла потому, что больше не из чего его делать» (С. Моэм).

Вот тогда, думается, и откроется credo Сергея Шелкового, его личное Мироздание — выражение бесконечного и вечного Сущего:

*Сколько б не чтил я умом откровенья иные,
в сердце стучит — лишь предчувствие во Иоанне*

Вставало небо в полный рост,

...

*чуть изгибаясь, Шлях Чумацкий (Млечный Путь. Д. И.)
легко над полночью парил —
в благоволенье высших сил...*

*Мотылёк-ангелок! Чья душа в ярkokрылой обложке,
в оболочке твоей продолжает искренье своё?*

...

*В одиноком дому, отлетая, старик побожился,
что дорога видна — серебро, голубень, белизна...*

XV

Опять соблазняюсь перенести в заметки на полях сам текст... Но дело это — заведомо безнадежное, потому что, как подсказывает нам сам автор,

*всё равно остаётся избыток культурного слоя
здесь, на самой поверхности философических глин,
всё равно каждый век своего вызывает героя
на откос вертикальный для спора один на один.*

XVI

Будь я профессиональным литкритиком или литературоведом с набитым (каким-нибудь автором) глазом, мог бы пустить эти маргиналии по накатанным чугунным рельсам типа: «...когнитивная поэтика Сергея Шелкового воспринимает ментальные пространства, как находящиеся в понятийном поле смыслообразующих областей. Амбивалентные прилагательные в осязаемом дрейфе семантики от нарочитого хаоса до магического кристалла метафоры...» и т. д.

Но хочется иного — благодарно со-восхититься Божьим даром и отозваться о нём словом прямым и чистым.

XVII

Цель настоящих разрознённых заметок — не глубокое исследование с находками и открытиями — для этого нужны талант и труд, сопоставимые с авторскими. Цель куда скромнее — всего лишь выразить свою признательность поэту за приобщение к его духовному богатству и художественному мастерству, поэту, по-прежнему не только ищущему, но и счастливо находящему нерукотворное

в бездомном певчем звуке.

Эта книга носит название «Парусник». Вряд ли можно было выбрать название более удачное: столь же широкое, глубокое и ёмкое — ведь парусником называются и личинка моллюска, и рыба, и бабочка, и разнообразнейшие речные и морские суда...

И как в капле воды содержатся все свойства и качества воздушного и Мирового океанов, так в книге — капле поэта — вся суть Слова, которое было изначально и пребудет вовек, воплотившись в пространстве-времени явления по имени Сергей Шелковый:

*На то и надежда, что в бесчеловечной стране,
в державе, где нежитью смяты огни и Заветы,
есть люди без страха, в глазах у которых вполне
рождается свет — умноженьем всеобщего света...*

Двести двадцать страниц книги — не только об авторе и его лирическом герое, но и о жизни всех нас. И, конечно, об искусстве. Искусстве слова, искусстве чувства, искусстве бытия...

*искусство — то, что будет жить без нас,
без имени и даже без корысти
ревнителя пера, резца и кисти,
наследуя лишь детскость певчих глаз...*

Поэтому просто откроем книгу «Парусник» Сергея Шелкового
и начнём её жить:

*Продлим повествование, продлим,
меж валуном вон тем и кедром сим,
вот здесь, раскрыла рот Господня глина...*

Жить, памятуя вместе с автором, что

*...как Отчий взор, протяжно светел
бессловесный смысл над головой...*

А душа человеческая — образ и подобие Божье — как и Сам
Он — вечна.

И неисчерпаема, как поэзия. Голографическая поэзия Сергея
Шелкового.

2011 г.

*Маргарита МЫСЛЯКОВА,
поэт, педагог,
кандидат филологических наук
(г. Запорожье)*

О КНИГЕ СЕРГЕЯ ШЕЛКОВОГО «НЕБЕСНАЯ МЕХАНИКА»

Давно принято считать, что определяющие черты большой поэзии — её духовная и философская значимость и отклик на запросы современности. С этой точки зрения книга харьковского поэта Сергея Шелкового «Небесная механика» воспринимается как заметное явление в русской литературе XXI века, поскольку автору удастся справиться с универсальной сверхзадачей — дать синтез духовной, философской, исторической и социальной проблематики.

Важнейшим книгообразующим фактором становится в «Небесной механике» антитеза «убойного века» и вечных, непреходящих ценностей. Поэзия с таким содержанием, в этом я убеждена, всегда встретит сопереживание и понимание, поскольку внимательный читатель-современник наверняка найдёт здесь размышления и впечатления, родственные его собственным.

Через всю книгу проходит лейтмотивом ощущение нынешнего «смутного времени» с его бездуховной, торгашеской психологией («невнятное торжище-столпотворенье в полдень базарный на выслуге лет нам досталось», «всевластвует сброд торгашей», «печеньё, что из Харькова в Гезлёв привез торгаш, что, будто ксерокс, скучен»), с обворовыванием народа («правда вора взнет на зубах», «олигарховы сны громоздятся награбленной утварью», процветают «банкиры-вампиры», «на дворе, что ни день, то дефолт, то похмелье — одичанье во лжи, беспредел в грабеже»), с духовным убожеством власти, когда приходится «зреть в упор, как ничтожен вождь», с ужасающей экологией («чадит Чернобыль-сталкер за плечами»), с политическими распрями («по телевизору грызутся славянофилы, люди-братья»), с засилием преступности («на «Хаммере» к нам подгребли чикатилы, братаны с центровою Венерой в мехах»), с низким уровнем культуры («рожденный ползать множит шоу, рекламные моноспектакли») и т. д.

Явления современности нередко даются крупным планом с использованием мифологических («глобальный Голем рот разинул гулкой») и библейских («который век скрипит про то скрижаль, как Хам бесчестит Ноя-аксакала») ассоциаций, что сообщает им дополнительную символичность. Нужна ли сейчас такая поэзия? Безусловно! Остаётся только пожалеть, что книги, подобные «Небесной механике», в силу разных причин не могут издаваться многотысячными тиражами, в том числе и по той причине, что наша реальность описана здесь не примитивно, не плакатно, но правдиво и зримо, объёмно и конкретно, во всей полноте её сложности, а, следовательно, обращена к интеллектуально подготовленному, мыслящему читателю.

В этих стихах узнаваемы и «пролетарий... под одеялом, под пальто поверх прорех и ключев драной ваты», и «мэн с пирсингом», и бизнесмен, которому «удобно в «Мерсе» за бронёю»... Казалось бы, такие произведения, содержащие открытый приговор трудному времени, должны звучать безысходно-пессимистично, но в книге этого не происходит, поскольку одновременно с фиксацией зловещих черт эпохи проявляется стоическая позиция автора, его отважное стремление «выжить в кораблекрушенье», «прожить с достоинством простым, без громких плачей».

Более того, в «Небесной механике» с первых же страниц чётко просматривается духовная альтернатива современной моральной деградации общества. Не случайно первый раздел книги получает название «День-подлинник», и в нём обнаруживается уникальное авторское чувство природы, настолько прирожденное и так мастерски передаваемое, что невольно вспоминаешь и есенинскую, и пастернаковскую традиции.

Общение с природой также становится одной из ведущих тем книги. Здесь присутствуют, в частности, очень живописные, отличающиеся высокой поэтичностью крымские пейзажи («Над Партенитской бухтой», «Ночь в Феодосии», «Евпатория» и множество других текстов). Чувствуется, что природа становится для автора надёжным убежищем от «подло-неизбежного века»:

*И, как ветер с Босфора, хорош
первый день новых, Кафа, каникул,
где начхать мне на нищенства грош
и на притчи порочных Калигул.
Всё бродить бы по склонам твоим,
до утра, до рассветного дыма,*

*целя дальше — в Эски-Кыырым,
в захолустие Старого Крыма.*

Более того, общение с природой — естественный повод к осознанию величия Божественного замысла мира:

*Но тугая вода, но первичного лона стихия,
где и вволю грешил, и смывать порывался грехи я!
И для взора просторного, и для широкого вдоха —
хорошо! Яко Кормчий сказал — хорошо, а не плохо!*

Отношение к природе — автобиографично. Важный для книги мотив «июнь-июльской» гармонии явно вызревает в глубине всего предшествующего по времени творчества. В истории литературы встречается целесообразное, на мой взгляд, деление на «ночных» и «дневных» поэтов. Немало написано и о временах года — скажем, в произведениях русских классиков. И если рассматривать доминанту лирики художников слова как «осеннюю» или «летнюю», то получается, что Сергей Шелковский — ярко выраженный «летний» поэт («июльский я фрукт и согреться могу только летом», «серёжки черешен и пригоршни песен на июльской ладони мне жадина-жизнь подносила», «мы с тобой — соратники и острокрылым стаям, и тонким дням июньской белизны», «август — таврическое божоле», «в середине августа жёлт инжир, ибо лето красно, как рай-эдем»), хотя, скажем, и «серятину-зиму» в «Небесной механике» можно увидеть волшеббно преображённой («снегиря подоспел оберег красной маркой на белую почву», «снежной Библии свеж переплёт»), и весенняя живопись вполне подвластна перу поэта (стихотворения «Рыжий кот и пара воробьишек...», «Апрельский воздух клены овеивает...» и др.). Но именно с летними днями связаны самые глубокие переживания, поскольку время рождения автора приходится на июль (об этом, в частности, — стихотворение «21 июля 2008 г.»).

Мне очень понравились стихи-воспоминания о детстве и семье, насыщающие раздел «Кленовые цветы», потому что память о своих семейных корнях важна для лирического героя не только сама по себе, но ещё и как необходимая и естественная духовная опора («но, буду ль я неплох в пристойном деле, негромко вспомню вас, мой строгий род»). Они, эти стихи, звучат особенно пронзительно и лирично («На Азове», «Калашник, Стечкин и Емеля с печки...» и другие стихотворения).

Отдельной темой для раздумий могут стать стихотворения, посвященные христианским праздникам или содержащие упоминания о них. Автору, к счастью, не свойственна современная поверхностная набожность. Подлинная, прочувствованная религиозность реализуется для него прежде всего в стремлении к Добру и Красоте («ты... на то и жив, чтоб длился, лучезарен, Казанской Богородицы формат — прощения и милосердия взгляд», «а Твоя Мария, красота — хлеб душе и подлинная пища для доски иконной и холста», «славно жить — до последней растраты! — в синем колере Духа и Сына»). Особенно близок моему сердцу молитвенный настрой лирического героя в ряде стихотворений («нет, не меня, Отец, но чадо-завязь помилуй — почвы ног Твоих касаюсь — прости за сорока колен грехи», «простите мне, о ком не помолился или молился менее, чем мог...»).

Уникальной, также автобиографически обусловленной, чертой является энциклопедичность «Небесной механики», описание-оживление в ней разных стран и городов, передача их неповторимого духа и колорита. Не случайно многочисленные путешествия лирического героя во времени и в пространстве перешли в данный поэтический сборник отчасти и из предшествующей книги стихотворений Сергея Шелкового с примечательным философским названием «Эон».

Мир образов, создаваемых в «Небесной механике», приводится в движение всевластием метафоры. Метафора здесь не просто главный троп, она — естественный, как дыхание, способ художественного видения, открывающий широкие горизонты для художественного уподобления одних предметов другим: «турецких лилий огненные рюмки на стеблях засыпают утомленных», «прячется солнце дворнягой в терновые кущи», «крестиком цветка медовый Спас божится», «золотых тутовников мажоры, опадая, на уступах спят», «набил снеговой буерака мошну», «ворона сканер нас во поле диком найдёт», «ясно-зимний Гурзуф — самоцвет на вынос» — примеры цитирую во множестве, дабы продемонстрировать изысканность этих порождений поэтического воображения. Характерными чертами метафоры в сборнике становятся её развернутость, поэтическая свежесть, оригинальность и богатство образного ряда, создающие неповторимую художественную манеру Сергея Шелкового. Хотелось бы также отметить лёгкость и пластику стиха как яркую отличительную особенность всех произведений книги. В своем творчестве Сергей Шелковый постоянно пользуется приёмом звукописи. Звукопись, как извест-

но, — это подбор звуков в стихотворной речи, имеющий художественно-выразительное значение в соотнесении с содержанием текста. Когда перелистываешь «Небесную механику», практически в каждом (!) стихотворении встречаешь использование приема аллитерации — повторения в строчках одинаковых согласных звуков: «Рыжий кот и паРа воРобышек / населяют жаРкий майский двоРик», «И в отроческий незабВенный лoВ/ Вернуться Вновь, запальчиВо, Влюблено», «КЛадбища Лысой Горы и приЛавки БлаГбаза», «Выпал же фаРт побРататься с сестРой-стРекозой, с высью, котоРую надвое Рвет астеРоид», «Как ставлеН-Никам Неба, а Не сцеНы/ двум итальяНцам я, призНаюсь, рад», «ЛьВиным зеВом зеВает июЛЬ», «ГЛиняный ГоЛеМ холМов» и множество других примеров.

Аллитерации настолько часты и разнообразны, что дают все основания говорить об абсолютном поэтическом слухе автора, рождающем великолепную музыку, совершенную мелодику речи. Конечно же, Сергею Шелковому свойственны врожденная любовь к языку, поэтическое обожествление языка, сходное с тем, какое декларировалось Иосифом Бродским. И на примере изысканной звукописи «Небесной механики» мы видим, что язык отвечает поэту взаимностью, превращаясь под его пером в послушный материал для лепки строк. При этом аллитерации ни в коей мере не являются чисто формальными изысками, они лишь служат автору для выражения определенного содержания, для подчеркивания смыслового аспекта текстов, который у Сергея Шелкового всегда является первичным.

Есть ещё одна уникальная, не имеющая в современной поэзии аналогов, черта поэтического языка С. Шелкового, проявившаяся как в «Небесной механике», так и в других его книгах стихов. Это настойчивое введение в тексты сцепок слов, сходных по звучанию, которые порождаются богатством лингвистических ассоциаций поэта. Приведу наиболее яркие примеры таких необычных сближений разных лексем: «конник бездорожья, конунг, Кинг», «ёрник-Йорик», «козья коза-ностра», «ворон-ворог», «понты-пуанты», «между сервером и севером», «сума ль — сумма», «летит над тёплой мальвою малява, малюй себе, Мальвинушка, малюй» и др.

Что особенно важно отметить, перед нами не игра слов и не каламбуры, не чисто формальные изыски, какие встречаются в современной авангардистской поэзии, а нечто гораздо более серьезное — при отважном погружении поэта в стихию языка намёк на существование глубинной, исконной, праязыковой связи между

основами этих слов, в современном языке живущих уже как обособленные лексические единицы, утратившие связь с первоисточками. Сергей Шелковый же выполняет уникальную миссию — он эту связь пытается воскресить, сделать её по возможности наиболее наглядной. Свободное владение поэта несколькими европейскими языками позволяет сближать слова из разных языков, навводя тем самым читателя на мысль об их общем предке.

«Небесная механика» — лишь один из многочисленных стихотворных сборников поэта, но книга эта важна и примечательна тем, что ярко и выпукло обозначает те направления творческих поисков Сергея Шелкового, которые продолжают реализовываться и в новых его стихах. Богатство содержания и отточенность формы — вот качества, которые отличают поэзию этого зрелого мастера.

Именно он, поэт Сергей Шелковый, является, на мой взгляд, одной из самых значительных творческих личностей современности, демонстрируя новые возможности искусства стихосложения, уверенно продвигаясь навстречу будущему, работая интенсивно и неустанно, радостно и плодотворно.

2011 г.

Тина АРСЕНЬЕВА,
поэт, искусствовед, журналист
(г. Одесса)

РОМАН С ТОЛЕДО
(письма С. Шелковому)

3 августа 2008 г.

Произведение: «Эль кондор» —

Ого!.. Эпический размах, сквозь века и пространства!.. И какая зримость!! И музыка — ритм — втягивающие. Фреска, чёрт меня поberi. Красиво!..

Оживший миф! И парадоксальность возникновения образов — ну, чистый киномонтаж.

Т. А.

7 августа 2008 г.

Произведение: «Сон о Иерусалиме» —

Совершенно. И вовсе не обязательно это об Иерусалиме, а стихи эти — обо всём. Они — Везде! Всечеловечно. Спасибо, Сергей.

Как достойно Вы держите благородную традицию русского стиха. И уже нельзя сказать: «нету их — и всё разрешено». Хренушки — не всё разрешено!! Планка — есть! И за это — спасибо. И плевать — на «овации»: «И под сенью случайного крова загореться посмертно, как Слово...». — Т. А.

12 августа 2008 г.

Вау!.. Сергей, ежели соберётесь в Одессу — извещайте на мой личный э-мэйл как только, так и сразу!!! Я покажу Вам Одессу изнутри! Т. А.

26 августа 2008 г.

Произведение «Размах небес Писаньем млечным вышит...» —

Совпадаю с Вами, Сергей, в восхищении поэтикой Святого Писания: как по мне, это наисовершеннейшее, непревзойденное творение именно Поэзии. Бесплезно биться над разгадкой, в чём секрет неисчерпаемой ёмкости этого Слова. Какие космические ритмы уловлены — даже в несовершенном синодальном переводе. Но вот «гобелен»... рукотворный изыск, — воспринимаю уже как вещь вторичную: опосредованную, — «отражение».

Хотя, конечно... вот как два года назад посчастливилось — в Прадо и к Тиссен-Борнемисам, то — вдруг! — по фиг почти все шедевры: палилась на соборные гобелены! КАК, каким образом?! — невероятное рукомерсло. Благоговейно-религиозное в основе. Какая вселенская гармония. При том — XIV век: пандемия чумы!!! Сравнение с Пикассовой «Герникой»: уродцы какие-то, и кому через 500 годков вспомнится эта их Герника?.. — а всё потому, что Средневековые знавало Того, Кто НАД нами, а XX век всё закрутил вокруг своего пупа... самовыражался, извольте.

И всё же насчёт «плавности» дыхания — по-моему, в Писании оно вулканическое. Т. А.

8 сентября 2008 г.

Произведение: «Пока ещё гепарды листопада...» —

Понравилось — от души. Глубина слова работает по полной!.. Метафизика! Воображение задействовано на всю катушку. Тот случай, когда воспринимающий субъект превращён из потребителя — в соавтора, а уж если эта честь ему не по чину — его проблема... И, также: безупречная музыкальная стройность, красивая (прямо-таки математическая) логика и «лёгкое дыхание». Всё то, чего я завсегда деспотически жду и требую от Ваших стихов. «С бездонными влюблёнными глазами, с пропущенными начисто азами, с весёлым отреченьем от родства», — просто-таки... «жаль, не я придумал»: как Вас угораздило (сиречь, сподобило), Сергей, на такую правду? Как Вы УГАДАЛИ?! Ангел пособил...

Т. А.

14 сентября 2008 г.

Здравствуйте, Сергей! Рада Вашему «интерактивному» письму на «Поэзии-ру». Ага: так Вы, стало быть, к нам — на «Болдинскую осень»? Интересно. Вы уже в ней участвовали раньше? «Смешанные чувства», говорите?.. Ну, да, правильно говорите. Но — пуркуа бы и не па?.. Так мы там с Вами непременно встретимся — я ж, того, блин... милль пардон... информационное обеспечение! Уже обеспечиваю, аж дым идёт!

В любом случае рада буду познакомиться с Вами очно! И обменяться собранием сочинений. Ну, хоть и не полным. Сколько дней Вы у нас задержитесь? Вот если бы несколько, и уведомили бы меня заранее — я бы тут чегой-то сообразила, договорилась, вечерок бы Вам состряпали, — пусть и скромный, потому как одесская публика весьма специфична. Помните старый еврейский анекдот? «Мама, а кто был Карл Маркс по профессии? — Экономист, как наша тётя Циля? — Ну что ты! Наша тётя Циля — старший экономист!». Синдром Циля одесситам свойствен в высшей степени. Но всё равно — я бы сбила тут для Вас какую-никакую публику. Ну, а уж что заташим Вас в компашку, к Стасу Айдиняну либо еще куда — так и не сумлевайтесь, стихи нам почитаете, «Каберне» выпьем (в Одессе почему-то любят «Каберне»).

Т. А.

30 сентября 2008 г.

Произведение «Стоят и дышат розовую пастью...» —

Сергей, классно. Препарировать не хочется (это у меня насчёт Вас впереди, на той неделе, — вот расплююсь: всё фестивали да премьеры, дайте просвет в культуре, — засяду за Ваши книги и сочиню опус).

Нет, вот так и всплыло детство. Самое любопытное — в стихе поймана отрывочность, несвязуемость, дискретность детских впечатлений — или, быть может, вспышек нашей памяти об этих впечатлениях, — но: всё же детские восприятия сильны и мозаичны, это череда ошеломительных фрагментов, я даже помню такие детские сны, странные, спутанные с явью. В общем — сказочно.

26 октября 2008 г.

Здравствуйте, Сергей! И сердечный привет Ирине! Вы там время от времени даёте мне сигналы на сайте, а я себе тут не шалю, никого не трогаю, починаю примус. Спасибо, что ободряете. Даже на сайте комфортнее быть в группе симпатиков... Ну, а все те стишки, — они есть в книгах, что я Вам дала...

Пока что новых не пишу — вот и вешаю прежние. А не пишу оттого, что культура заела: сентябрь-октябрь в Одессе — время сумасшедшее, начало сезона. Еле выцарапалась — думала, свалюсь!..

Сейчас вот пришла с мероприятия в расстроенных «чуйствах». Приехал Ежи Гофман, привез четырехсерийный опус «Украина. Становление нации». Всё абсолютно в русле мифологии СССР, только с конъюнктурно-обратными знаками — плюс на минус и наоборот. Мазепа патриот, а Орлик создал конституцию. Всё же от опуса этого Гофмана я почувствовала над собой психологическое насилие. Ну, я пошла в любимый музей, там Елена Николаевна Шелестова дала мне кофе и конфет, закусилась я отраву... И, насвистывая лихую мелодию из фильма «Огнём и мечом» (она же, в другом варианте, — в «Вавилон-XX»), приехала домой и врубила музыку кельтов...

Кстати, о кельтах. Вчерась открыла том «Лермонтов в воспоминаниях современников», в который раз... Сама не пойму, отчего меня так тревожит этот мальчик и его мистическая судьба. Хотя и из стихов его давно вышла, — они, по сути, для пятнадцатилетних: увы, мой пожизненный возраст, и всё же — стихи его теперь кажутся инфантильными. А вот тревожит же!.. А Елена Николаевна вдруг сегодня и скажи гениально и просто: «Так он же — шотландец». А точно! Шотландский ген сказался, а? — отсюда и фронда нерусская! А мы это со школьной скамьи знаем — и упускаем из виду. Но какая СТРАННАЯ, жуткая, судьба!.. За него надо молиться. Хотя бы стихами...

Стас Айдинян шлёт Вам привет.

Читаю Ваши книги — вот что важное. Точнее, пока что одну, «Певчего». Я въедливый читатель. Но главное для меня — совпадать. Ведь если мне не в резонанс, ни за что себя не заставлю читать, не будучи обязана по работе: например, не могу себя заставить читать Бродского, которого, разумеется, смешно же оспаривать, но вот — не читается!.. Читаю Ваши вещи — даже если что-то цепляет, с чем-то не вполне согласна (контекстуально, смыслово), — всё равно: чтение идет лёгким потоком, как колодезная водица

в глотку. А это для стихов — великий признак. Во всяком случае, в моих глазах. Между прочим, изрядно смысловых совпадений — с моими стихо-пассажами (даже в Вашей прозе): можно бы даже такую игру провести — заметить страницы у Вас и у меня и всё это Вам выслать; для юмора и для интересу. Но пока что времени не было делать заметы — читаю ведь в маршрутках...

Такие вот поэтические дела. Ну-с, с наилучшими... — Т. А.

8 ноября 2008 г.

Здравствуйте, Сергей! Прежде всего — глубоко благодарна Вам за трогательную заботу: что так прониклись моей историей давней давности...

В Одессе ныне расчудесная золотая осень — большая редкость для этих мест: здесь нет осени как промежуточного сезона, а тянется хроническое вялотекущее лето, пока внезапно не прыгнешь из сарафана в дублёнку, а зелёная листва вдруг прижухнет и обвалится. А нынче — колорит!.. Все оттенки меди, бронзы и золота. Под ногами завалы листьев, от тополиных — запах обалденный. Сегодня вечером, кабы Вы вдруг вышли на улицу около шести часов, то увидели бы дивное явление — ярчайшие Юпитер и Венера на юго-западе, далеко друг от друга, но на совершенно пустом небе глубокой синевы, — ну, чисто вам два брильянта на темно-синем бархате, уж простите сию пошлятину. Венера стоит низко и быстро прячется за домами.

Пока что ничего не сочиняю — тоже заботы держат за горло, плюс домашние проблемы, — сынок у меня 19 лет... Ну, и работа жрёт. Вот иду себе вечером и думаю: «А вот у поэта — всемирный запой, и мало ему конституций!». Так ведь неинтересно одной-то в запой пускаться. А компании здесь... ну, нету в них дионисийского начала, — просто любит народ удовольствия, а мне это ску-ушно... И потом — ГОРОД: некуда сбегать — клаустрофобия давит! Побережье препохабнейшее, всё в кабаках...

Ну, пришла домой — плеснула каберне в бокал, закусила конфетами (ноу-хау — житомирские: в чём, в чём, а в сладостях — я дока). Как хорошо, что сегодня суббота и можно ничего не писать в газету (а в понедельник меня ждут разборки — копаться в чужих конфликтах, и сочинять потом опус, причём от тебя ещё и ждут, что ты будешь третьейским судьей, — сразу всех предупреждаю: не буду, — и полагают: «газета выступила — что сдела-

но?...». Глупо. Но... — «в поте лица станешь добывать хлеб свой!» А тут ещё и кризис. Бумага газетная дорожает несусветно... А куда можно ото всего этого сбежать? Я ушла бы в монастырь, будь я способна к жизни в коммуне. Однако эта солдатчина не для меня, цыганки-монахини. Совесть, зараза, уж больно свободная... Куда ещё? Разве что — ТУДА: ногами вперёд. Самое интересное в этом исходе — момент сюрпризности...

Щас, пожалуй, поставлю дивидишку — всё равно по ТВ один негатив. В десятый раз пересмотрю «Внутреннюю империю» Девида Линча. Не видели? Рекомендую. Гениально! Я уж думала, в наши дни невозможны никакие новации в области кино, да и какого бы то ни было искусства, — ситуация постмодернизма-с, — ан, нет: этот анфан-террибль такое утворил, что я полтора года назад ушла с сеанса на подгибающихся ногах. Никто до него не сумел так залезть в человеческие мозги. Причём именно в мозги: в помыслы, память и воображение, — он никакого фрейдизма не признаёт, никакого «подсознания». Смотрели Вы его же «Маллхолланд Драйв»?.. Пожалуй, я не знаю более сильного фильма о взаимоотношениях искусства и реальности, о риске Художника, чем «Внутренняя империя», — даже Вайда с его «Всё на продажу» отдыхает. А уж Голливуд он в этих двух фильмах размазал, Великую американскую мечту, Фабрику грёз, — да наши совковые киновееды должны были бы зарыдать от глубокого удовлетворения. Я вообще люблю творчество Линча... Это Гоголь кинематографа, местами даже Достоевский. У него Америка — «фантастическая» именно в достоевском смысле.

Даст Бог — не отринет меня Муза, продолжу летний цикл «Благослови мимоидущего» (в нем уж три десятка стихов, кажется), — нужен какой-то толчок... минута мечтательной праздности, адреналинчику малость!..

Сергей, если Вы читаете мой «Путь и дом», — можно, я Вас спрошу одну вещь? Не затем, чтобы набиться на комплимент, — мне интересно (действительно, интересно), как непосвящённый человек воспримет (и воспримет ли) эту штуку: в ней есть существенный недостаток — она слишком привязана к биографическому контексту, к субъективным аллюзиям; она, собственно, вся на аллюзиях, но — понятно ли, О ЧЁМ речь? Там, чтобы понять, надо быть В СИСТЕМЕ. В конкретной! Десять лет назад один молодой человек прочел — и понял совершеннейше, потому что был — из системы. Я имею в виду цикл «Noli me tangere» (кстати: название, идею подсказала — Е. Н. Шелестова). Там всё — «по поводу»: понятно ли, по какому?..

Не оставляю надежды нахально заявиться к вам в Харьков, и чтоб не откладывать в особо долгий ящик. Но пока что я должна решить проблему с Шёнгенем, который мне запорол испанское посольство.

Огромный привет Ирине. С большущей симпатией, — Т. А.

19 ноября 2008 г.

Здравствуйте, Сергей! Огромное спасибо за письмо.

Вчера мы наконец-то собрались тесным кругом у Айдиняна, потому как он наладился в отъезд в конце месяца. Пили лёгкое розовое мускатное вино (таировское; это был когда-то в Одессе такой знаменитый ученый-винодел, однофамилец великого режиссера, и теперь еще не развалился винодельческий НИИ имени Таирова)... Ну, стихи немного читали, Стас показал забавную запись телевизионного интервью: он же тут присяжный краевед, знаток местной интеллигентской среды и старинных одесских фамилий до энного колена, а с академиком Филатовым его родители дружили (отца, Артура Айдиняна, оперировал). Смешно было то, что ведущий передачи (говорят — бывший карточный шулер с отсидкой, — а?!) всё пытался раскрутить Стаса на воспоминания об одесском блатняке, а Стас всё въезжал в аристократические эмпиреи, и пребывали оба собеседника в совершенно разных параметрах. Хотя Стас уверяет, что мальчишкой знал и классический молдаванский блатняк, ещё в 60-х–70-х жили колоритно-реликтовые одесские уголовники-евреи, изъясняющиеся на манер персонажей Бабеля. Но как раз сей аспект Одессы для него менее всего значим, и справедливо. Вообще наш Стас дивное создание, напрочь к жизни не приспособленное и вусмерть богемное. Память — феноменальная, и он, по преимуществу, на мой взгляд, мастер устного жанра: в нем помирает некто, равноценный Ираклию Андроникову, Стасу бы свою программу на ТВ! — Ну, когда шулер-ведущий (ну, Одесса!..) начал его пытаться насчет «женщин» и «семьи», мы все дружно грохнули смехом. Стас шарахается от дамы, как только таковая намекнет на матримониальные претензии, — и правильно делает: «Я, — говорит, — не добытчик». Сейчас в Москве под редакцией Стаса выходит двухтомник по 810 страниц — полные воспоминания Анастасии Цветаевой (те, что были изданы в СССР, урезаны: Стас говорит, из 70 страниц подчас оставляли 10). Любопытно ведь, да? Мне вот в Москву

хочется. Но... никак не решу дел с Шёнгеном (а это, как для меня, немалые деньги, кроме времени). Ольга Ильницкая едет в Москву сегодня. После обследования, которое намерена продолжить в Москве... Дал бы Бог ей — прорваться с наименьшими издержками.

Насчёт своего цикла, про который спросила: понятно ли со стороны? — чуточку разьясню. Получилось поэтическое изложение того, что задолго до меня сформулировали в прозе. Вообще-то этот цикл — страшная вещь (ежели кто вник в систему). В тот год я попала в о-чень нетривиальную, скажем так, романтическую коллизию, которую восприняла адекватно — метафизически. Причём до такой глубинной степени, что годы спустя наша здешняя знаменитая настоятельница православного монастыря Серафима, большая умница, — мы в очень дружеских отношениях (жаль всё же, что она не католичка), — выслушав, серьёзно повторила дважды: «Крыша могла съехать». Это, в смысле, у меня. Но — ничего... А тогда, в 1995-м, как раз начали издавать Розанова, — вот я у него и прочитала, пост-фактум и уже написав многое, кроме «Noli...», — всё объяснение... Теперь у меня его томами полка забита. Не всегда, разумеется, соглашаюсь с его запальчивостью в выводах (впрочем, выводы у него сиюминутны), но в целом-то он зрит в глубочайший корень — дело идёт о метафизике христианства, а она-то, поверьте, страшна. Так вот, когда-то я решила сделать польский подстрочник этого цикла специально для отца Станислава и попросила мальчика-ксендза, который со мной польским языком занимался, поправить ошибки. И этот парень — ПОНЯЛ. Ещё не зная даже всех тонкостей русского языка!.. Понял — о чём. Возвращал рукопись — очень грустным выглядел. Да-а уж... а исходный, сюжетный, материал — это был, видите ли, психологический поединок такой страшной силы, такая вольтова дуга меж полюсами: Монах — Поэт, — что округа искрила. И, с Божией (!) помощью, я отстояла — и себя: поэта, — и достоинство, перед Богом, поэзии. Которую, если вникнуть в самое ядро дела, монашество из Вселенной — вычеркивает. При этом, как ни парадоксально, сама-то я из системы не выпала, не ушла. При глубоком осознании, насколько она страшна, фактически непереносима для мира. Ну, вот, пофилософствовала о себе-любимой... чего там. Пишите, не пропадайте из виду. Тёплый привет Ирине. Ваша цыганка-монахиня, ТА.

13 декабря 2008 г.

Здравствуйте, Сергей!

Неделя, как я вернулась из поездки: запрошлую неделю провела в Венгрии, через турбюро, — надо было лишить невинности новый загранпаспорт, теперь планы простираются дальше и контрабандой, выгорит дело — тьфу-тьфу-тьфу! — расскажу... Поездка понравилась, — с оговоркой, конечно, что это не знакомство со страной, когда тебя тащат по ней волоком. Ну, Будапешт особенного впечатления не произвел, он значительно уступает Праге, аура старины выветрилась, — говорят, мол, разбомбили в 45-м, а справедливее сказать — перестроили гораздо раньше, так что и восстанавливать особенно нечего было. От души понравились их термальные купальни — ради этого стоило туда ехать. Вышло, что не только утомительная беготня, но ещё и курорт. Думала — какого беса сидеть в Сечени четыре часа? — а оказалось мало! А в Тапольце ва-аще почувствовала себя горной принцессой — в воде под сводами пещер, грандиозных, не хуже крымских, причем у камня цвет — моей руки: прислонишься и становишься каменной. Понравился мыс Тихань на Балатоне, живописнейшее место; забавно, что в тамошней обители 4 послушника и один настоятель, а на мой вопрос, чё ж так, мальчик-экскурсовод снисходительно заметил: «А вы бы хотели пойти в монахини?» — как будто это обязательство. Да я, глядя на такое благодатное место, ей-ей, захотела бы, только вот монастырь мужской! В разваленной же Вышеградской крепости живо вообразила себя дамой, ожидающей рыцаря из Святой Земли, — вышла эдак на башню, да-а-алеко-о-о видно!.. В Сентендре купила парочку марципановых ангелов — не чтобы есть, а я их коллекционирую, потому в игрушечной лавке тоже купила. Там уже на площади сооружали соломенный вертеп...

Времени было в обрез — в Национальный музей на Площади Героев заскочили за полтора часа до закрытия, там великолепная коллекция Северного (моего любимого) Возрождения и Испания 15-го века — такое, что выпало даже из мадридских коллекций: видимо, Габсбурги пригрели...

Полдня мы провели в Вене (ехать-то 4 часа в один конец). Собственно, здесь начинается Европа, до Австрии всё — предбанник. Ну, Вена, разумеется (тот единственный район, который нам показали), грандиозна и великолепна несмотря на эклектику. Архитектура — та же «мазанка» (как в Одессе), но как вылизано

всё — это же немецкий ордуниг! Тут сбывлась мечта идиотки — я увидела Брейгеля!!! Там ещё была грандиозная выставка Ван Гога со всей Европы, но очередь стояла чинная, как в Мавзолей, а у меня свободного времени два часа. Пришлось похерить кумира юности Ван Гога ради Брейгеля, которого всё же ценю выше и которого потом увидеть нуль шансов. Рванула в музей, где на лестницах ни одного зрителя, так что бежала, чуть ли не сшибая чинных немцев, с воплем: «Во ист Питер Бройгель?!». Ворвалась в зал — самоощущение: попала в рай! Неопишемое чувство. Там забыться и помереть. Помирала впопыхах...

Что до Святого Стефана — от души понравилась колокольня, чистейший образчик пламенеющей готики. Но... ни один из этих соборов не тянет супротив грандиозного Толедского катедрала, занимающего изрядный квартал! Особенно не дотягивают центральноевропейские соборы — по духу. В соборе первое дело — дух, не так ли? Невзирая на то, что игла Св. Стефана достигла 136,7 метров, а колокольня толедской Нуэстра Сеньора всего 92 метра. В готике существенный момент — каменная повествовательность. В Св. Стефане мало сохранилось скульптуры (или её изначально было мало), голый портал, витражи тоже не сохранились. А толедский Вирхен Мария — Священная история в камне: читать Библию нет нужды! Это скульптурные композиции порталов, фасадов, капелл, ретабло, это древние витражи, это резные скамьи 15-го века — композиции на историческую тему... всего не описать, там история дышит в лицо. В общем, всё — впечатления, а Испания — рана в сердце!

Но всё равно это было очень мило, а готику я люблю до одурения; хотя полдня для прогулок — суцая профанация. Купила себе в соборе книжечку про Вену на русском языке и махонькие итальянские чётки. Такая, значит, память. Дабы отметить, съела в кафешке пирожное со взбитыми сливками.

Вот, кстати, разница: когда-то Высоцкий пел: «Купола в России кроют чистым золотом, чтобы чаще Господь замечал». А весёлая карнавальная Европа дерзко колет Господа Бога в зад остриями соборов, чтобы не соскучился и чаще вспоминал...

Что до поэзии, то, когда говорит путеводитель, музы молчат. Увы, нет у меня описательно-лирических наклонностей. Надо бы, для писания, пожить — принюхаться... Семь лет назад, когда была в сердце Карпат, ни строчки не родила — по сей день, — хотя впечатление было потрясающее, абсолютно мистическое, — думала: умирать сюда приеду. Но... там можно разве что сочинять

японские трёхстишия, каковые на русской почве считаю неуместными. Существует, вообще, полнота бытия, исключая потребность в отражениях.

Ах, да, ну, и ещё — вино. С загулом в чарде с художественной самодеятельностью и целым интернационалом за столами, от Японии до Франции. Под конец с нами очень хотел познакомиться подвыпивший ирландец, из речи которого мы поняли, что он — НЕ англичанин, он ирландец, как мы — не руссо, а украино. Ирландца утатила за шкуру жена. Вино было знатное, особенно, по мне, токайское (ностальгическое: пили в театральной компании, подумать только, четверть века назад), погреб возрастом 350 лет в чёрной плесени — потрясно. И злость на Евросоюз: они, со своей плано-колхозной экономикой и квотами, заставляют венгров вырубать виноградники, представляете?! А мы нашим Горби возмущались и совковыми чинушами в Крыму... Поистине, мир во зле лежит. Давайте же выпьем!..

Такие дела!.. Большущий привет Ирине. — Т. А.

23 декабря 2008 г.

Произведение: «Я в силах лишь оставить примечанья...» —

Сергей, впечатление — мощное. У вас чудный лиро-эпический дар (ну, прям как «драматическое сопрано» в опере — голос для суперсложных партий, да?): вот во мне совершенно нет эпического начала и восприятия оногo, и науку историю не люблю — факты запоминать... тем более ценю сей редкостный дар в Вас: быть чистым лириком — в контексте истории, социума. И какая многозначная, ёмкая образность!.. Такое претворение факта — в переживание!.. Класс, что скажешь! — Т. А.

9 февраля 2009 г.

Здравствуйте, Сергей!

Вот уж и Валентинов день на носу, и Сретенье, восточное. И я собралась с духом состряпать письмо (на работе). Всё это время приводила в порядок свои испанские фотоархивы. Увлекательная работа, и ты всё ещё как будто — там. По приезде 14 января свезло — простудилась, свалила на больничный, больше десяти дней сидела дома и упорядочивала снимки — вот ведь повезло, не

вдруг мордой в родину!.. С неких пор я далеко не патриотка. И очень даже скорблю по причине того обстоятельства, что, как словесник, нигде в мире на фиг не нужна. И у себя в стране тоже. Когда шаталась по Вильнюсу, вполне счастливая, — прелестный незнакомый город, и я совершенно одна, с ним тет-а-тет! — поймала себя на вопросе: а отчего ещё мне так комфортно? — и поняла: а я мовы не слышу! Это я-то, которая не только не знаю «языковой проблемы», но, оказавшись в западных областях, и думать начинаю на украинском!.. Достали, представляете?! Кабы я на этой мове что умное и дельное слышала!.. — В Вильнюсе аж никакой идиосинкразии к русскому языку, щебечут они там по-русски, как чижики, даже двадцатилетний молодняк, и без малейшего акцента, причем между собой — по-литовски, и тут же за-просто переходят на чистейший русский, что означает: этот язык в ходу в семьях. Я там болтала с таксистами, с аборигенами во дворах (потому что я и все подворотни обследовала), с продавщицами ювелирки. Похоже, что тамошний народ уже чувствует, что нахлебался нэзалежности. Раздерибанено всё, промышленность гавкнулась («Кризис может быть там, где есть экономика, — сказал мне житель Вильнюса, — а где её нет, какой кризис?!»). А Евро-союз наложил квоты — заставил изничтожить рыболовный флот и разрезать и сдать в металлолом частные лодки. Но умницы литовцы на последнее не пошли — выходят в море на своих лодках с удочками по восьми крючков и таким манером имеют на бригаду тонну рыбы за смену. В общем, это были волшебные два дня до Европы и один после. По костёлам нашаталась — от души: их там едва ли не больше, чем жилых домов, и есть прелестные. Конечно, говорить о готике после испанских кафедралей — смешно, как вообще применительно к Польше (Вильнюс, всё-таки, польский город). Но есть такие тёплые, интимные, стройные зданьица!.. В одном, самом старом, чистейший романский стиль, францисканский монастырь, я даже осталась на литургию с причастием. И дважды побывала у Богоматери Остробрамской. Налобовалась на янтари, — кто их только покупает, цены баснословные, на сотни евро! а магазинов — десятки! вот загадки фиктивной постсоветской экономики! — ну, подцепила себе ниточку на лотке: нельзя ж — впервые в Прибалтике, и вернуться без янтаря.

30 декабря полетела в Амстердам! Там меня подхватила испанская компания: сестрёнка с мужем, племяшка с бойфрендом, его брат и их родители, а также голландский муж того брата, с чем родители, правоверные католики, после первичного шока, смири-

лись: примем как есть, что поделаешь. Это был волшебный Новый год! В первый же вечер почувствовала себя Девочкой со спичками. Город выглядит грандиозно — благодаря широким каналам, это придает ему размах, хотя племяшка моя утверждает, что Амстердам совсем небольшой. Конечно, мы покатались на катере. Побывали на знаменитом приканальном рынке. Закатывались во всевозможные кафешки, — испанцы просто так бродить не любят, обожают посидеть в кафе. Ели страуса (тяжеловатая пицца, — думала: или я его, или он меня съест) и кенгуру (это полегче). Старый год провожали в испанском ресторанчике, с устрицами и горячими креветками, и, разумеется, с кастильским вином, равного которому теперь не знаю. Там Новый год в ресторанах не встречают — персоналу тоже хочется праздника, и всех посетителей выставляют оттелева в пол-одиннадцатого ночи.

Встретили Новый год на хате: под бой курантов у испанцев принято съедать 12 виноградин, и мама наших мальчиков загодя приготовила виноград для всех в вазочках. Потом пошли шататься по городу, а это опасное предприятие: в новогоднюю ночь можно остаться без глаз - без ног - без головы, потому что на улицах начинают рваться петарды и шутихи, причем сразу пачками и дорожками; какие-то разрывные устройства вдруг срабатывают в сиденьях припаркованных велосипедов у тебя перед носом; внезапно взрывается дорожка под колёсами припаркованных автомобилей, и целы ли после этого шины, это проблема владельцев, а в этот момент по взрывающейся дорожке шурует велосипедист, которого угораздило...

В общем, если выживешь в новогоднюю ночь, проживёшь ещё год. Наутро город дико замусорен, завален ворохами бумажек от петард. Но, к чести аборигенов будь сказано, оторвавшись по полной в Новый год, в следующую ночь они этих забав не продолжают. Кстати, об аборигенах: в Амстердаме уже более 60 процентов населения не голландцы, не к восторгу последних, а мова общеупотребительная — английская. Были мы и в музее Ван-Гога, ничего себе хоромы стеклобетонные отгрохало отечество непризнанному гению. Конечно, это чудесное посещение. Удивительно: все работы Ван-Гога, при таком глубоком трагизме его мироощущения, излучают такую положительную энергетику! Даже работы периода Сен-Поль, — безумия. В этом человеке было много любви, вот в чём секрет...

Были также в художественном музее: облом!.. выстояли на холде очередь, как в Мавзолей, а громадное здание, оказывается,

на реконструкции, скареды-голландцы выставили пару десятков картин, ну, «Ночной дозор» Рембрандта, — и чё в нём особенного, просто постигаешь, что живопись была в те времена чем-то вроде шоу: надо же, изобразил совсем как живых!.. Что до воспеваемой рембрандтовской светотени, то впечатление такое, что она появилась в советском Эрмитаже как следствие неподобающего хранения шедевров, — в амстердамских картинах её просто нет, она обыкновенная, как у прочих художников того времени!.. без эффектов. Или, может, их реставраторы перестарались? Так-то: ценности культуры относительно и преходящи!..

А затем... неделя в Испании: свидание в тюрьме! Тут моя муза умолкает. Думала лишь: мне — не снится?! Влетаю под арку Бисагры (крепостная башня) — и... крышу рвёт к чёртовой бабушке. Всё!!! Как кошка под валерьянкой. Нет, Сергей, с суровым Толедо не сравню никакой город земли. Ну, не видала я Парижа и Рима, конечно... но что поделать: влюблена, как кошка. Буквально — расцеловала камни! Но — три дня!.. Боже ж ты мой, лихорадочное счастье. А потом мы решились на авантюру — поехали в Севилью. Тоже три дня: Севийа-маравийа, чудесная. Кстати: нет в Севилье такой памяти о Дон-Жуане, как Ла-Манча помнит Дон-Кихота. Несмотря на то, что первый был реальный персонаж, а второй выдуман. В Толедо и по всей Ла Манче Дон-Кихот — «брэнд»: памятник в Мадриде (Сервантесу, с громадными статуями), скульптура на равнинах, «маршруты Дон-Кихота», музей в Тобосо (!), изображения в керамике, даже брелоки. А в Севилье — молчок; правда, где-то есть памятник, мы на него не вышли, но это так, туриста ради, а вообще впечатление, что Севилья — начхала: Севилья больше Дон-Жуана, а вот Ла-Манча вся — в Дон-Кихоте. Вот и прикиньте, какая слава и какая любовь чего стоит. Для испанца Дон-Жуан — обыкновенный засранец-беспредельщик, по заслугам отправленный в ад; это русские поэтические извращения, начиная с Александра Сергеевича, его романтизировали.

...Моё возвращение на родину было ознаменовано формулировкой: открываем — «за что?», — а вот за то самое, щас объясню; два года назад подметила, теперь подтвердилось. Центр Киева (как и Одесса, как и любой город богоспасаемого отечества) заплёван так, что приходилось вихлять тяжёлым чемоданом на колёсах, — уж очень не хотелось колесом в плевок угодить. Испанец, даже в глухом обывательском пуэбло, — бывала! — НИКОГДА не плюнет на свою землю. Он её кровью соотчичей заливал — да, но плюнуть!.. Гордый народ — предпочтёт, чтоб его ножом пырнули,

чем в лицо плюнули! Земля Богом дана во временное пользование — а эта сволочь (нашенская), именующая себя народом, на неё — плюёт?! Значит — прокляты. А когда вступает в действие закон возмездия, вступает в силу и закон больших чисел, и тогда ничья субъективная невинность в расчёт не берется. И мы с Вами тоже попадаем под раздачу. Как и невинные младенцы. Вот так. — Вошла в купе поезда, а там из динамика: «А нам всё равно, а нам всё равно!..» — вот ей-ей, нэ брэшу!!! — Вот вам и трагедия поэта, да-с.

Соберусь с духом, вышлю ещё фото, да? А может, как-то вырвусь на три денька, а? разопьем вино Ла-Манчи!.. — Пишите! На сайт пока что не суюсь — было некогда!.. Ирине привет!!! — ТА.

24 апреля 2009 г.

Здравствуйте, Сергей! Спасибо за ободряющие письма-поздравления. Вам и Ирине — наилучшие пожелания к праздникам, прошедшим-наступающим-ожидаемым! Пишу уже с работы. Вернулась домой 20 апреля. Две недели АБСОЛЮТНОГО счастья!!!

Роман со старым Толедо! Бурный! «Семана Санта» — Святая Неделя: это потрясающе. Приехала к Вербному Воскресенью — у них: «Пальмас и Рамос», «пальм и букетов», — правда, пальмы там, вроде как в Крыму, малочисленно-подсаженные, и пальмовые ветки в процессиях искусственные, зато «испанская гвоздика» натуральная. Воскресенье выдалось солнечное, была красивая процессия «въезда в Иерусалим». И посчастливилось — катедраль осветили по такому случаю и позволили делать фотографии, уж я там нащёлкала, а потом ещё и книжку купила (раньше такой не продавали). Мне там очень нравился Архангел Михаил эпохи Возрождения, но он всегда в темноте, а теперь я и его запечатлела. Между прочим, зимой купила себе очень недурную «цифру», так что мои фото надо смотреть на компе с хорошим светоразрешением — получились классно (у меня дома и на работе мониторы старые, снимки выглядят тёмными, на самом же деле там даже на ночных всё отлично видно). — Литургия в катедрали, представляете?!! Жаль, что клуатр уже два года закрыт на реставрацию. Там в городе вообще постоянно что-то латают, подновляют. А теперь высочайше повелели ободрать штукатурку со старинных домов, потому что Толедо знаменит своей неповторимой каменно-кирпичной кладкой «мудехар» (на фотографиях она видна), а шту-

катурки там подчасросло в палец, а то и в три. И в некоторые уличные щели теперь не сунешься — такая стоит строительная пыль, что уже на подходе в горле першит, а в щели рабочие стеночку дерут! Это большая и долгая работа, а уж как обдерут всё, что надо, то этот, в общем, суровый город предстанет в наисуровейшем, пасмурном, совсем средневековом обличье!

Главное: КАКАЯ АТМОСФЕРА!!! Это неимоверно. Сразу теряешь ощущение времени: оно там начинает течь в каком-то другом измерении, как в горах. Этот город — наваждение. Здесь к вам на дом и сегодня может явиться статуя Командора. Здесь вы можете нарваться на женщину роковой, смертельной недосыгаемости, не зная на то, что толеданки очень уступают нашим по внешним данным, — но вот именно здесь легко вообразить «подвиги» Дон Жуана. Очень живо можно себе представить поножовщину молодцев в бархатных беретах где-нибудь в такой вот уличной щели, из которой смыться можно мгновенно и бесследно — улицы раздваиваются на каждом шагу, а то и расщепляются натрое. И все — крутые, горбатые, кривые, и все тебя кружат!

И тишина — сопоставимая с той, что в горах! Каменное безлюдье. Собственные шаги отдаются в ушах, хотя туфли без каблука. Ветер в ушах гудит! Кто не бродил по этим районам, а ограничился туристическими (которые, конечно, тоже потрясающе колоритны, плюс артесании!), — тот не видел Толедо. Надо идти в знаменитые «Cobertizos», но туристы не знают, что это такое, хотя они обозначены на указателях, — а я уже туда в прошлые разы забредала, а теперь прочесала все их сознательно и методично. Это — воздушные галереи между корпусов монастырей, длинные каменные тоннели-улицы (я вам прислала ночной образчик). Монастырь — это толеданская градообразующая! Мне сейчас — простите — даже лень подыскивать слова. Но это похоже — словно ты в горах. И, как тишину в горах не нарушают, а утверждают: шум потока, звон коровьих колокольчиков, — так и здесь: оглушительные, в каменных расщелинах, рулады канареек (народ их во множестве на окнах держит). Либо — однажды — на крутом каменном уличном склоне, в глухих стенах (улица — в распорку раскинутых рук), вдруг — пение петухов! Представляете? Монастырских. Затем я зашла в музей церкви Санто Доминго и увидела там в дальнем зале надгробие белого мрамора: прекрасный юный рыцарь XIV века с полуулыбкой внутрь себя. И надпись: Дон Хуан. Но не Тенорио (тот же век!), — фамилию я записала в блокнот, — неважно. И над мёртвым, мраморным, прекрасным,

улыбающимся, — петухи: на разрыв глотки, в черёд, — из монастырского двора за тяжёлой, наглухо, дубовой дверью!.. Разумеется, я сделала снимки, — зрителей не было поблизости!

Прочесала я старый Толедо (старый-старый, — чувствуется! — но... с таким высочайшим достоинством старого идальго!) так, как его не обошёл, наверное, ни один местный уроженец. Дотошно выяснила, где какой монастырь, где какой храм. Уточнила всю топографию: шла до развилок, выясняла, куда ведут, записывала и... возвращалась обратно на исходные точки, чтобы таким же манером обследовать другое направление. Если бы кто наблюдал — обхохотался бы, но вокруг было пустынно (это — обожаю!!!). Этот город сплетен улицами, как кольчуга: вроде они и не по кругу, а — кружат! Вдруг, на другой день, выясняешь, что некий объект, к которому шла долго, путано и увлекательно, находится в двух шагах от какой-либо центральной магистрали! Но разве при этом пожалеешь о проделанном пути?! Уж напрыгалась по толедским куэстам, бахадам, травесиям и кайехонам, чисто по карпатским склонам. С лёгким дыханием! А уж как заговоришь, склеивая немногие не разбежавшиеся из памяти слова, с аборигеном на улице, — как же тебе навстречу расцветают улыбкой: «вивчаеш мову»!..

Творческий результат — опять 600 снимков, которые предстоит упорядочить. Мне теперь зазубрить все записанные в блокноте названия и маршруты — в экскурсоводы подамся!..

Вот «мову» бы освоить... что для меня проблематично: времени — в обрез; а как дойдёт до разговора, так он же всегда не на ту «тему», которые последовательно даются в учебнике!.. Эх, пожить бы в языковой среде месяца три — я бы пошла семимильными шагами, да кто меня с работы отпустит?! А курсы — тоже не выход: невозможны они при моем ненормированном дне газетчика!.. Зато произношение у меня, чувствую, в норме (в «кастейано» оно не такое уж простое), — не зря язык выворачивала...

...Процессии Страстной недели — отдельная песня! Все они — ночные, главная, сводная, — пятничная. Это потрясающе! Конечно, это — театр, в котором «актёры» — прихожане разных парафий, но... есть нюансы нешуточные. Например, несение на плечах двухтонных носилок с фигурами: обычно — на специальных платформах, провезти которые в уличных щелях, по крутым склонам, тоже большое искусство, — но в пятницу только на плечах! И несение тяжелых крестов. Иной раз — босиком: по обету. И — барабанный бой: в этом сжатом каменном русле, — душа содрогается!.. Я сделала несколько фрагментов видео — ради

барабанов: тембр, конечно, искажен, но представление о ритме можно получить. В натуре же — мороз по коже! Это не так, как у Феллини итальянские процессии, — это молчаливо, мерно, величаво, мрачно. В Севилье (по телевизору были прямые репортажи) ещё и кантаоры поют — но в Толедо лишь раз, поднимая над толпой Распятие, в динамик дали запись «канте хондо», вот это отчаянное «ай-ай-ай-ай», — вообще-то в Толедо этой традиции нет, Толедо веками не пел и не плясал, а молился; а в окрестностях Сарагосы конёк — именно барабаны: в них на Страстной бьют сутками, последний из зафиксированных рекордов — 100 часов кряду (на одного исполнителя), и на барабанной шкуре — пятна крови: барабанщики сбивают себе костяшки пальцев...

...И ещё — мечта! — Тахо: уж облазила, на пару с сестрой, в камышах!.. Какие там склоны — это сущий горный Крым! Есть такие карнизы — дух захватывает: тропинка превращается в такой себе подвесной мостик, а над головой глыбы, да с угрозой обвала!.. Умылась водичкой Тахо — чтобы вернуться...

И — оружейные дела: оказывается, у Толедо, помимо «Властелина колец», на совести и «Гарри Поттер», и «Пираты Карибского моря», и «Царство небесное», и «Последний самурай», и уж не помню что. Можно приобрести хоть меч Арагорна, хоть кинжал Фродо, хоть лук Леголаса, — правда, дорого; вообще, мечи — от 30 до 400 евро: в зависимости от марки стали и тонкости отделки. Толкнутые там вообще рискуют рехнуться окончательно.

Нет, это странный-странный-странный город, в нём время остановилось. А улицы всюду пахнут... душистым мылом. В темноте проворные невидимки в комбинезонах тянут шланги и моют мостовые швабрами. Никакая машина там не протиснется. Я часто наблюдала, как ёрзает на месте игрушечный грузовичок, меньше старого пикапа, пытаюсь вписаться в поворот. А уж как бродишь по разным «кобертисос», так моли Бога, чтоб не блондинка за рулём: откажут тормоза либо, опять же, в поворот не впишется, — по стенке же размажет! Толедо — сплошной экзамен на вождение.

А на склонах Тахо — вполне нашенский (ближе к крымскому варианту) бурьян! Сурепки там всякие. Запахи. Речка пахнет. Дома я запахов не чувствую. Даже моря. Вот сейчас — цветущую вишню понюхала: пыль, и только. Раньше, недавно, пыль — это было со второй понюшки, первая, всё же, — цветком пахло. Дожили экологию!..

Ну, что говорить о возвращении: я пессимистически смирилась с тем, что мы живём в пещерном веке. Во всех отношениях.

Технологическом, психологическом. Унизительно. Потому как, если выступаешь за границей представителем страны, то ведь невозможно же объяснить тамошнему своему брату интеллигенту элементарные вещи!!! Не вписываются они в его нормальное рациональное (как у меня, на мою беду) сознание. Они там говорят, что Украине и рыпаться нечего в Евросоюз, что сначала надо меж собой тут разобраться и что вообще нам уже необходим генерал Франко. Я с тоски и сама не прочь, но Франко был знаменит тем, что сам не воровал и подчинённых отвадил, а у нас разве такой может уродиться?! Я поглядела на уровень жизни (скромный, по тамошним меркам, да и по нашим тоже: никаких там «ковров-гарнитуров») «простого инженера» и его жены, косметолога. Сергей, да кабы я там так работала, как здесь, то имела бы квартиру в историческом Толедо, квартиру в Мадриде, два автомобиля и ежегодную поездку «дикарём» на выбор от Камбоджи и Таити до Мексики и Аргентины с севера на юг!..

И вот ещё штришок, вызывающий у меня всегда особенную злость: наши здешние умники, пошоркавшись по Европам, бубнят, что Европа гнивает и что они там все жадины — даже, мол, гостям стол не накрывают. Они, наши просветлённые, даже не берут в голову, эти наши духовные-душевно-широкие, что в них говорит непреходящее, генетически закрепленное, голодание! Вечно голодные славяне, при таких-то чернозёмах и водных ресурсах! Как поясните в Европе: который год у нас ныне рекордные урожаи, а село нищее, драное и голодное?! Извечная наша добродетель, и высшее счастье, и понятие о празднике — пожрать досыта и гостя накормить!.. Не знаю, как там немцы, а испанцы тоже гостей кормят. Если заранее пригласили — готовят всякое, а если ты вдруг ввалился — бутербродики там соорудят, то да сё. Так вот, ежели я просто НЕ ГОЛОДНАЯ, ежели дома холодильник набит, при том, что то, что здесь малодоступный деликатес, там — просто еда, — то полезет мне этот бутербродик в рот?! Будем общаться, беседовать, фотографии смотреть, коллекции камней, — именно общение, не заради пожрать!.. Другая психология — НЕ голодные!..

Ну, чего уж там... видно, суждена мне как поэту безысходная неосуществимая любовь. Город N. Условно зовется — Толедо. Глядишь — и стихи таки напишу. Кажется, всё-таки напишу. Когда — не знаю. У меня «Кармен» в свое время в голове вертелась от задумки до воплощения года три: ощущение есть — слов нет, покуда вдруг не прорвало, с интервалом почти в год... и так ведь бывает. Когда придут СЛОВА — не ведаю. Но, похоже, придут.

Ещё раз — с праздниками! А винцо-то (привезла) приберегу. Даст Бог — всё же свалюсь к вам в... «город Ангела», да? — Ваша Т. А.

13 сентября 2009 г.

Здравствуйтесь, Сергей! Искренне поздравляю с выходом книги. Адрес высылю, только вот нынешнюю почту есть ли твёрдая надежда?.. А что там в Харькове поделывал Борушко? Как по мне, вся его эта поэтически-фестивальная контора — богадельня графоманов... впрочем, если он и побывал в Одессе, меня здесь не было, а и была бы — отказалась бы «освещать»... Я только что, ночью, вернулась из отпуска. Конечно — из Испании! Это была третья авантюра за год, причем грандиозная: оцените храбрость, — визу мне сделал Фонд греческой культуры, с которым дружу как журналист, и подалась я через Афины! Конечно, лететь через Афины и не повидать Акрополь было бы преступлением, и я забронировала себе номер на три денька. Шутка юмора в том, что по-гречески я могла произнести три слова, спрошенные у заробитчан в самолете: ясас, паракало и эвхаристо, — по-английски же и того меньше. Так, уже привычка реагировать на знакомые иероглифы в аэропортах... Но ничего — прорыла носом всю «историческую» часть Афин, и трёх дней оказалось более чем достаточно! Если Вас тянет на экстрим, если Вам по душе Гарлем и трущобы, а паче если Вы собрались снять фильм о бедных влюблённых, обитающих на дне общества, то Афины в самый раз! Совершеннейшая жуть. Бетонные страшилища, да такие, что наш одесский «Поскот» — посёлок Котовского с девятиэтажками — просто, в сравнении, изделие Корбюзье! И окна там не мыты с античных времен. Да их и мыть-то мудроно — знаю по нашей офисной восьмизэтажке. В довершение всего изнутри видны какие-то картонные свалки, как будто эти дома давно необитаемы. Тротуары выглядят так, будто на них долго лили мазут и солярку, а потом тщательно размазывали; для полноты впечатления недоставало разбросанной по мостовым жжёной металлической стружки, потому что весь центр Афин напоминает заброшенную заводскую территорию. Я обалдела, углядев, в конце концов, что мостовые некоторых улиц — из белого мрамора, а площадь Монастираки вымощена цветными яшмами!.. Эллинский инстинкт красоты никак не угомонится: всё и вся размалевано граффити, кажется,

до верхних этажей. В конце концов я нашла какие-то стародавние улочки вокруг Акрополя, где строений за кафешками не видно, и не Бог весть какая старина... но хоть что-то. Вот что роскошно — парки: настоящие священные рощи. В иной снаружи сунуться страшно, до того дремуч. И трогательная забота о путниках: во всех музейных комплексах краники с водой, вкусной, как криничная. Потому что там надо всё время пить. А так — жары не ощущаешь. Ну, конечно, Акрополь впечатляющ, — правда, к Корам на сотню метров не подойти, — и великолепен парковый комплекс Гефеста с храмом и всякими обломками. Я нащёлкала кучу фоток, на снимках афинское безобразие облагораживается. Побывала в музее византийской культуры. Хорошо, но мало. Посмотрела и обфотографировала византийские храмы... Не-е, предубеждение у меня, грешницы, к православию, и тут я к случаю убедилась: Греция — не Европа!.. Дух полного пофигизма прямо-таки разлит в воздухе. Однако под ноги себе, в отличие от наших соотечественников, не плюет даже эмигрантское чёрно-жёлтое сомножество, которым Афины набиты до отказа. Греки, таки да, хороши собою, гишпанцы далеко не таковы, вообще испанские типажи напоминают одесские (юг), но более однообразны и землистый оттенок кожи несмываем — всё-таки зной.

А потом — милые душе моей сосны Ла Манчи!.. Нет, Сергей, влюблённые глаза не насмотрятся. Это был настоящий любовный угар. Сколько вижу Толедо — неотвязно: «какая глубина, какая стройность», — и лучше не сказать. Какой монументальный город! И атмосфера — как во святые места попасть: какое-то намоленное пространство. Там всё наше мирское обесценивается вмиг... даже при осознании разницы между туризмом и эмиграцией. Я ещё и альбомы листала: да этот город буквально подняли из руин, там в начале XX века вместо иных крепостных башен были груды камней. И мощения нынешнего из речных галек не было. А однажды ночью увидела освещённую катедраль — так просто чуть не померла: вот хотелось о мостовую башкой биться! Какая же красавица, и как, думаю, я стану жить без тебя!.. Я потом Вам снимки вышлю... надо их сначала уменьшить. Вот, вообразите: тридцать девять градусов в тени, пятьдесят на солнце, а я по пять-шесть часов кряду, не присаживаясь, на крутых толедских горочках круги наматываю; потому что в Каско (историческое ядро) солнце не заглядывает, там благодать, жары я не боюсь; и перенесла её, как и предполагала, несравнимо легче, нежели одесские плюс тридцать с их сыростью. — А после меня повезли в Каталонию. По

полной программе: Коста Дорада, Коста Брава, Барселона, Гауди (ниц: гений!), Дали и его мемориальный музей с захоронением (ну-у, этот приколист — достал!.. в одном, правда, я оказалась права — всегда говорила, что это, по характеру и манере, чистейше театральная живопись, и тут прочла его высказывание: «Я, прежде всего, театральный художник»). Замок Гала, с могилой (грустно). И ещё — гора Монтсеррат: потрясение! Если Вы там не были — вот стихи на сайт скину (надо ещё их «проветрить») и Вам — фото: прикинете, что это... Ну, разумеется, и Саграда Фамилия — восьмое чудо света...

Вот, какие дела. А теперь, как писала Брижит Бардо, — зарабатывать на мою собачью жизнь. Однажды постараюсь — хотелось бы — выбраться: но газета-пожиратель так просто не отпускает... Будем надеяться!.. Сердечный привет Ирине. — Т. А.

30 сентября 2009 г.

Произведение: «Понеже каторжанская держава...» —

Сергей, очень сильно. Казалось бы, что можно ещё, сверх написанного, писать о судьбе поэта... ан, можно слова найти! Точные и новые. Сие мне в поучение. Лирика про нашу «державу» вообще вещь для автора опасная... потому как на язык мировой культуры непереводаема принципиально. А Вам удалось сказать универсально! «Горе — пустыни нет для поэта...» (это — я-любимая, да? вот опять мы с Вами совпали в образах — не в методе, что и хорошо!).

Огромное спасибо, книги получила. Прочее — по личной почте.

26 марта 2010 г.

Произведение: «Как славно улыбается собака...» —

Мне просто понравились стихи. Потому что — хорошие. «Зелёные» Вам, Сергей, должны осанну петь, и убежденные вегетарианцы — тоже! А я Вам на «личку» сейчас pošлю, в качестве приза, фото пиренейского волкодава — здоровенная собацюра, размером, как сенбернар, и очень добродушная с людьми.

Тут вот одна моя давняя знакомая, искусствовед и хороший человек, вегетарианка (помните музей — абстракциониста Олега Соколова?..) перестала со мной разговаривать и искренне возне-

навидела, узнав, что я была на корриде да ещё и фотографировала процесс. Вот и ломай голову, в чём состоит у вегетарианцев пресловутая любовь к ближнему и живому! Я же никогда не скрывала, что мясо ем... Как прикажете относиться к таким проявлениям? Лично я — с улыбкой. А стихи мне понравились — как СТИХИ! Ну, держите портрет пса — по e-mail!..

26 марта 2010 г.

Произведение: «Железные слова пряморастущих башен...» —

Сергей, опять тот случай, когда «на слово не здобутися», просто и сердечно: чудесно, и особенно — поздравляю с третьим!!! Ну, вот, просто — застыла в изумлении, как оно бывает, когда налетаешь на нечто НАСТОЯЩЕЕ. «Вот оно!...». И именно — налетаешь: не оно возникает, а ты — с разбегу... и принимаешь, как собственное открытие.

Внезапный момент истины. Порадовали!!! — Т. А.

20 мая 2010 г.

Произведение: «И у белой хоругви поют, как в райо...» —

Сергей, ну, изумительно! Вот прям бальзам на душу. Тёрпко, словно... бездонный бокал чёрной «Этолы»!!! (Бог даст — ещё разопьём). Вот каждое слово — радует. И такая точность (ма-те-ма-ти-чес-ка-я строгость ЧУВСТВА)!!! Вот тот счастливый случай: не разбора полетов и не «взаимообогащения собратьев по цеху», а... ну, вот, вроде как мы и не знакомы вовсе, а есть факт бытия стихов, которые просто — берёшь и читаешь, берёшь и читаешь!..

Т. А.

5 января 2012 г.

Сергей и Ирина, с Новым годом! С Рождеством!!! Здравья, радости, взаимопонимания, любви, дружбы! Творчества и своего круга воспринимающих! Извините, что сижу в подполье. Сергею — спасибо за книги и сердечные пожелания вдохновения! И ещё: как говорят в Одессе (а мне нравится) — чтоб на вас напали деньги: ну, хоть иногда.

Сергей, не манкируйте здоровьем, не будьте легкомысленны в отношении себя, навещайте товарищей докторов. Ибо, надеюсь, Вы ещё не всё сказали!..

Ирине, смиренной жене Поэта, оставаться философски стойкой. И в дальнейшем — столь же красивой, какой я её узнала.

...Я сейчас кропаю стишки, но выкладывать не тороплюсь — пусть отстоятся. Полагаю, что после праздничных каникул обнародую.

У нас теплынь и туманы. На праздники накупила калачей и будем трескать. В Одессе всегда продают рождественские калачи на каждом углу. А в Толедо тоже теперь калачи — роскошь де рейес, калач королей (королей-волхвов), только мне не есть.

Ангела-Хранителя вам! — ТА.

31 января 2012 г.

Здравствуйте, Сергей и Ира!

Книги Сергея получила, огромное спасибо. Обязательно ознакомлюсь детально. Поздравляю. Сама я сейчас замотана работой (как обычно), и ещё стишки пытаюсь писать... Так что одурение — по полной. Приехала О. Ильницкая. Презентовали второй номер «Южного сияния» в Литмузее... ну, это было нечто. Хотя там и Вы, Сергей, десятком стихов отметились (очевидно, как участник фестиваля в Крыму).

От Стаса Айдиняна из Москвы привет. С наилучшими!.. — ТА.

*Татьяна СТОГОВА,
поэт, преподаватель, кандидат наук
(г. Харьков)*

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОЗА СЕРГЕЯ ШЕЛКОВОГО

На днях я спросила соседа по даче, заядлого путешественника и замечательного рассказчика:

— А как всё же выглядит полярное сияние? (Дело в том, что я, никогда его так и не увидев, много лет читаю студентам лекции по физике, при этом рассказываю о физических процессах в газовом разряде, каковым по сути и является полярное сияние.)

— Это, — ответил он, — как будто перед Вами огромный занавес, закрывающий полнеба; он ритмично колыхается, переливаясь ярким многоцветием — от коротковолновой — голубовато-фиолетовой области спектра — до длинноволновой — оранжево-красной. Зрелище это Вас мгновенно захватывает, очаровывает, забыть его невозможно.

Я вспомнила об этом, читая и перечитывая новую книгу прозы Сергея Шелкового «Кровь, молоко», точно так же переливающуюся всем разнообразием красок авторского таланта.

До сих пор я, как и мои друзья, собратья по перу, восхищались его поэзией. «Я скажу тебе с последней прямоотой»: это один из лучших поэтов современности — он хорошо известен в литературе и любим подготовленным, образованным читателем, способным на серьёзные интеллектуальные усилия (простите за невольный комплимент в свой адрес); ведь поэзия — действие интимное, причём принадлежащее одновременно двум субъектам — автору и читателю, ибо без последнего — «камо грядеши?»

О стихах Сергея Шелкового можно говорить бесконечно долго, приводя всё новые и новые примеры, образцы его светящейся, воздушной и очень доброй и мудрой поэзии.

Но речь сейчас о недавно вышедшей книге прозы поэта. На первый взгляд — это повествование о детстве, о юных годах ребёнка, в котором рано проявляется талантливость, эмоциональность, способность чувствовать и сопереживать всему живому: близким людям, друзьям, даже животным и растениям.

Но — лишь на первый взгляд. На самом деле, это книга о нашем времени, начиная с пятидесятих годов прошлого столетия, о реалиях нашей жизни, отражённых сознанием ребёнка, затем — отрока.

Здесь и дворы нашего детства, и детские споры с драками, и поездки к любящим и любимым родным в пыльные июльские городки Донбасса, и первые счастливые рыбалки, и любимая школьная учительница. Здесь же и иной срез времени — шумная барабанная пропаганда Московского молодёжного фестиваля 1957 года, призванная сплотить «детей разных народов», и смерть железного вождя Сталина, и Хрущёвское разоблачение культа личности на 19-ом Партсъезде в 1956-ом...

Господи, да ведь книга эта — о нас, о нас! И речь-то идёт не о каких-то заоблачных путешествиях — отец, крупный инженер, директор завода, совсем не баловал сына. Речь даже не о праздничных застольях, не о подарках под ёлку, наконец! Словом, не о том, чем обычно памятно детство и что даёт нам запас жизнелюбия на долгие годы!

Нет, на страницах этой книги оживают иные впечатления, несущие печать сурового и нещедрого времени, — опустевшие к вечеру прилавки крайнего рынка и заброшенные глиняные котлованы, где играют рано получившие самостоятельность дети, белая шелковица во дворе-колодце и, весь в коровьих лепёшках, выпас вместо обещанного луга в Краматорске, а вместо речки — грязный водоём, даже не ручей, а канава с почти неподвижным утиным пухом (заметьте, как точно и лаконично обозначено отсутствие течения!).

Но написано обо всём этом чувственно и выразительно, истинным пером художника, мы всё это видим, слышим, осязаем, чувствуем на вкус.

И почему, читая эту книгу, мне так хочется плакать? Наверное, прежде всего от потрясения — не так часто встречаем мы настоящее произведение искусства!

А ещё потому, что всё настолько узнаваемо и настолько уже в прошлом!

Вспомнились мне и наши близкие к хулиганству выходки — забавы деток преподавателей ХИИТа, института инженеров транспорта, — как мы обливали водой прохожих с балкона пятого этажа, как звонили во все подряд квартиры, сбегая потом вниз и прячась в подвале, как устраивали «тайные сходки» на чердаке, планируя новые «преступления», причём гвоздём событий были газированная вода с сиропом и одна-две карамельки на брата.

А как мягко и ненавязчиво звучат в книге идеи добра, дружбы, сострадания!

Как по высшему, советски-гамбургскому, счёту ответственен автор, молодой инженер, уже опалённый развитием сепсиса, но упорно не оставляющий начатую работу, таская на себе ежедневно программное обеспечение ЭВМ — эти хорошо знакомые и мне тяжеленные бобины с плёнкой...

Некоторые страницы о животных невозможно читать без боли... Жестокость серого времени сквозит в обыденных сценах бездумного насилия над нашими «братьями меньшими». И эту боль и жестокость автор открыто принимает в своё сердце.

А любовное и зорко-заинтересованное отношение Сергея Шелкового ко всему, что дышит рядом, — естественно и неподдельно. Чего только стоит, к примеру, рассказанная им живая притча-быль о синей птице, беглянке-сойке, с её круглым, в упор глядящим на отрока, фарфоровым глазком!

Детство, при любых внешних обстоятельствах, — лучшее время в жизни человека. А суровость выпавших на детские годы автора будней сталинского периода, а затем и скудных хрущёвских лет «развитого социализма», совершенно логично определяет общую интонацию повествования — сдержанную и мужественную. Да, именно такую тональность — при всей яркости и живописности пластики и стилистики этой прозы, при всей звучности её клавира. В этой книге нет места тем сусальным эпизодам и оборотам речи, которые вспоминаются мне, например, при мысли о «Детстве Никиты» Алексея Толстого...

И вот ещё о чём было бы уместно вспомнить: в прекрасном рассказе Александра Грина «Акварель» супруги, уже уставшие от нелёгкой жизни и друг от друга, вдруг увидели на выставке картину заезжего художника — свой собственный домик среди дубов и клёнов в лучах заходящего солнца. И взглянув на свою жизнь и на себя по-новому, они стали счастливее, жизнь их изменилась к лучшему.

Такова сила настоящего искусства.

Хочу поблагодарить дорогого Сергея Константиновича за его книгу, полную жизненной правды, гармонии и человечности. Хочу пожелать ему счастья, а главное — пожелать цвести его замечательному таланту и радовать нас — его читателей и почитателей.

2011 г.

Ася САПИР,
поэт, критик, педагог
(г. Бар Харбор, США)

«НЕ ГРЕХ СОГРЕТЬСЯ МАЛОСТЬЮ РОДНОЙ...»
(раздумья о стихах Сергея Шелкового)

Стихи Сергея Шелкового — одни из самых востребованных и самых читаемых в сети, на литературных сайтах. К примеру, на сайте Поэзия.ру, где помещено около четырёхсот его стихотворений, им получено более двух тысяч откликов, на другом международном сайте, Рифма.ру, — около 3500 откликов на три сотни произведений. С. Шелковый — автор 19 книг стихов и прозы и множества публикаций в «бумажных» журналах многих стран, но такой «отзывчивостью» сетевого читателя, независимого и свободного в своих оценках, поэт вправе гордиться. Всегда интересно понять, чем привлекают стихи, тем более, что сам поэт не прибегает ни к каким уловкам, чтобы привлечь читательское внимание. С. Шелковый — поэт разнообразной тематики, разнообразного звучания, современный в лучшем смысле этого слова при всей традиционности своего стиха.

Поистине поражает пиршество слова в его стихах (первоначально я даже хотела так назвать свои раздумья), кажется, нет такой темы или проблемы, такого времени или места, которые он не сумел бы изобразить или раскрыть поэтическими средствами. Его читают разные поэты, иногда очень непохожие на автора или друг на друга, но каждый, судя по откликам, находит своё, близкое в поэзии Шелкового. В этом следует искать секрет популярности поэта.

Когда я читаю Сергея Шелкового, на память приходят слова А. Пушкина о том, что «цель художества есть идеал», и слова Н. Гоголя о «лелеющей душу гуманности» в стихах самого А. Пушкина. Слово «идеал» стало чуть ли не бранным в нынешний век крушения идеалов или сокрушения многих из них. Однако стихи С. Шелкового опровергают расхожее мнение. В них живут или угадываются и пафос, и идеал, но звучание их столь естественное, что стихам веришь. Я думаю, что отзывчивость читателя, о которой упоминалось выше, объясняется не только талантом автора

стихов, но и той гуманностью, которая «лелеет душу» и нашего современника.

Ввиду особенностей моей собственной биографии, мне представляется интересным образ родины в творчестве Сергея Шелкового. «Почвенники» и «западники» новой формации, националисты и патриоты всех мастей — кто только не спорит сегодня, когда понятия «государство» и «отчая земля» разошлись, о родине, кто только не присваивает себе «приоритетное право» числиться патриотом. Осмысление этого понятия, его трансформация, его реализация средствами поэзии — вот что хотелось бы мне проанализировать.

Стихотворение Сергея Шелкового, строчку из которого я использовала в качестве заголовка, мне представляется программным. С разбора его я и начну свои раздумья.

«Не грех согреться малостью родной...» — один из многих афоризмов, на которые так щедр поэт. Но афоризм сущностный и потому — ёмкий. В нём — жизненная мудрость человека думающего и позиция человека равнодушного, для которого понятие «любовь к родине» — не отвлечённое. В стихотворении образ родины предстаёт как «малость родная». Масштабы, заданные словом «малость», не пространственно-географические, а лирические. И литота использована автором, чтобы показать интимный характер чувства к родине. Подобное видение родины (её принято называть «малой») поддержано и другими образами стихотворения, и тоже литотами: «гнездо», «норка»; в этом же ряду стоит нейтральное слово «дом», но в контексте стихотворения «дом» — тоже «малость родная». Слово «малость» по отношению к родине — дань традиции русской поэзии. Достаточно вспомнить «ту горсть земли» К. Симонова (стихотворение «Родина») или выражение «пядь земли». У Симонова, создавшего стихотворение в период Великой Отечественной войны, в момент, когда понятия «государство» и «отчая земля» совпали, «горсть земли» сохраняет «приметы всей земли». Эти понятия ассоциируются с чем-то, что неотъемлемо принадлежит человеку и остаётся с ним, когда уже утрачено и потеряно всё остальное.

Образ «малой» родины в стихотворении, названный «малостью родной», — интимный и душевный. Это не просто «гнездо», а «доброе», противопоставленное «злым морозам», это «норка, окукленная дыханием» её обитателя (какой выразительный, «уютный» образ!), это «мой дом», по-сказочному «скрипучий, лубяной». И в одном ряду, как однородные, перечислены дета-

ли, рисующие дом как место отдохновения, и интеллектуального насыщения, и дружеского общения: «книг развал», «чайник-носогрей», «на окне ярка лимона корка», делающие гнездо, норку, дом спасительной обителью. «Какой отрады мне желать иной?» — риторический вопрос звучит в одной из завершающих строк стихотворения.

Но есть в этих стихах образ иной родины — и малой, и большой. «Малая» — это «мой забубённый город»:

*Сбит набок замусоленный треух,
башмак дыряв и ватный бок распорот...*

Город-бродяга «спит у холма», «выдыхая азиатский дух» и, возможно, потому — не агрессивен. Но родина «большая» — агрессивна и враждебна даже во сне:

*ордынским ликом распластавшись ниц,
отчизна спит во льду, в снегу и лени...
Отчизна спит. В её груди лед,
в гортани — ломоносовская ода...*

Вся она — как «огромная стужа», грозящая заморозить всё живое: «вмерзают в воздух люди и дома / на взлёте невозможного побега...»

Именно этому, тотальному, «замораживанию» противопоставлено тепло отчего дома, призванное помочь «уцелеть среди огромной стужи». Тепло и стужа — не просто физические понятия, не случайно понятие тепла прописано, как мы видели, во всех подробностях. Стужа обладает лишь одним свойством — студить, морозить, губить. Сама по себе безлика, она стремится сделать таким же живую сущность: человека ли, птицу ли. В сравнении с этим безликим злом выигрывает даже город-бродяга. Дом же, как его изображает поэт, наделён своим «лицом», индивидуальными чертами, и потому помогает сохранить «самостоянье человека» (А. Пушкин).

Противопоставление стужи и тепла передано также с помощью цветового контраста: белому пространству «огромной стужи» противопоставлено единственное тёплое цветовое пятно — «на окне ярка лимона корка». Как вызов белому и холодному. Поэт, обычно очень щедрый на яркие краски, ограничился здесь двумя, но какими выразительными в лирическом пространстве стиха!

То же противопоставление в образах пространства и времени: «злой мороз» кажется «бесконечной зимой», а «студёные полгода» ведут свой отсчёт от времени «ломоносовской оды», превращаясь пространственно и хронологически в снежную бесконечность. Когда читаешь — «уцелеть среди огромной стужи», то воображение сразу рисует недостающие детали общей картины: дом (гнездо, норку), затерянные в снежных просторах.

Присутствие лирического «я» ощущается прежде всего в последней строфе, которая, завершая сюжет о противостоянии, заканчивается призывом к другу: «Помолчи со мною, старый друже...». Удачно использован в замыкающей строке звательный падеж от слова «друг», он передаёт и интонацию призыва, и степень близости, он вводит другое «я» в лирический сюжет. Сюжет оказывается разомкнутым и одиночество — разделённым.

Как ни традиционно понятие «малой» родины, но, дав ей иное название — «малость родная», наделив её способностью согреть и противостоять стуже, поэт обогатил нас не традиционным, а своим видением, своими ощущениями, убедительно показав, что идеалы живы.

Отчему гнезду, «малости родной» посвящены и многие другие стихотворения С. Шелкового: «Наследный сад — советские шесть соток», «Помнишь, бабушка, в июне...», «Снова снится лето детства...» (Последние два произведения составляют цикл) и др. Их роднит единый источник вдохновения, но каким разнообразным предстаёт этот источник! И в то же время так много общего в названных стихах.

В первом из названных стихотворений, в первом же его слове — «наследный», — ключ к пониманию пафоса произведения. Оно о духовном наследии — от деда, Ивана Иваныча «по-родному — Ванчика», к внуку, самому поэту, а от него «владенье» передаётся снова внуку — «херувиму светлой гривы».

Что собой представляет **наследие**? Это та же «малость родная», «малая» родина, отеческое гнездо, что и в разобранном выше стихотворении. Тот же, узнаваемый, образ в несколько ином ракурсе. Если в предыдущем стихотворении он представал спасительной нишей, то в данном — в лучшем смысле «питательной средой» таланта.

На протяжении стихотворения образ «малости родной» и остаётся неизменным (сад), и меняется. По сути, в каждой строфе содержится парафраз этого образа. В первой — «наследный сад», во второй — «эдем» и «семейный шмат землицы», в третьей,

последней, — «сад, Салтовка» и «полное владенье». Каждая строфа — это ещё и драматизм естественного столкновения жизни в её начале, в детстве, и в её старении-завершении. Трансформация образа сада, олицетворяющего «малость родную», и движет лирический сюжет. Проследим за движением, чтобы понять, о каком *саде и наследии* идёт речь.

В первой же строфе есть противопоставление, почти незаметное, выраженное определением, словно спрятанным в строке: **«наследный сад — советские шесть соток»**. Надо ли говорить, что понятия «наследный» и «советский» антагонистичны по своей сути?

Обратимся к другому противопоставлению — старого и юного. Яблони, которым «шестой десяток лет», «скучающая» «в углах» «рухлядь старых шмоток», «фазенда», построенная ещё дедом, — всё это воспринимается «всегда бегущим мальчиком-с-пальчик» как «страна чудес и дутых скоростей», а сам он олицетворяет «броуново движение».

Старое и юное даны как два разных состояния, пока ещё лишь сосуществующие. Но уже в первой строфе в описании деда звучат два важнейших признака, основополагающие для характеристики **наследия**, заложенного дедом: имя деда Иван Иванович, **по-родному** звучит как **Ванчик**. И другое определение: дед — **«интеллигент до кончиков ногтей»**. Он, дед, и есть зачинатель семейного наследия, которое уже в зачине — духовно.

Во второй строфе образ **сада, «семейный шмат землицы»**, обретает черты райского **эдема**, и «ни свежей, ни зеленой ...не сыщет, вплоть до горизонта, глаз». Здесь, в эдеме, происходит то самое движение, кажущееся хаотичным, и сюда проникает внешнее, и по сути враждебное, «словоизверженье». Но лоб мальчика уже назван «честным», а вся атмосфера прошлого, в которой и формируется сознание мальчика, рисуется так:

*Как дышит светотень, как вольность длится
там и тогда! Не здесь и не сейчас,*

— характеристика, которая сопрягает развивающиеся в мальчике, будущем поэте, художественные начала с вольностью и оправдывает и хаос Броунова движения, и приходящую извне фальшь официоза, «бессмысленность словоизвержения»

Третья строфа углубляет и завершает образ **сада, наследия**.

В этой строфе особое значение приобретает образ времени. Сопряжение настоящего и прошлого в той или иной степени есть

и в предыдущих строфах: в первой — это обращение лирического героя к себе в прошлом — «ты», такую же роль — показать разность восприятия событий прошлого глазами человека прошлого и человека нынешнего — играет определение **дутых** в словосочетании «дутых скоростей». Это слово явно не из лексикона мальчика.

Во второй строфе — это сравнение прошлого и настоящего в последней строке: «там и тогда! Не здесь и не сейчас...».

Но только в третьей строфе помимо прошлого и настоящего появляется будущее — третье поколение, представленное внуком, а прошлое и настоящее причудливо сращены, и прошлое ведёт свой отсчёт даже не от деда, а от Кобзаря. Мы видим, как не только время раздвигается, но и расширяется духовное пространство, обретает новый смысл понятие **сада-наследия**.

Сад — это и конкретный сад, Салтовка, и видимые и ощущаемые на вкус вишни этого сада, но — одновременно — это «на ветках возле хаты» «густеющий **Кобзарёвых** вишен смак», и «ты» (теперь уже лирический герой из сегодня обращается к себе, сегодняшнему), кто добавит к горьковатому вкусу Кобзарёвых вишен «листки мяты» в «поздний чай». Кажется, что речь идёт о саде в прямом значении этого слова. Но промежуточный вывод всё ставит на свои места: «Да будет так, как **спелось** к ночи». Сад-наследие — это творчество, это духовность, завещанная ещё родным человеком, «интеллигентом до кончиков ногтей».

Пусть «ноль луны глумливо итожит весь... здешний капитал», герой передаст своему внуку «в полное владение» не только сад —

*стройные на диво
побеги клёна, груши, дички-сливы,*

но и духовный капитал.

Обратим внимание на ещё одно обстоятельство, которое в стихотворении не педалируется. Салтовка — дедовский сад, где вырос поэт, а сейчас растёт внук, назван эдемом, а сам внук — «херувимом светлой гривы». Образы, почерпнутые в библии, призваны подчеркнуть в наследии и наследнике их духовность.

Образ **сада** важен для понимания и лаконичного цикла стихов, названного «Херувимские хореи». Образ не статичен, раскрывая его смыслы (а их множество), мы идём в глубь образа — от конкретно к всё более метафорическому, от житейского к житийному.

Прежде всего это вполне конкретное понятие, нам уже знакомое, — «дедов, на две сотки, сад». Это «**семейный** шмат землицы»,

здесь взаимная любовь между поколениями крепит семью, здесь «истоки бескорыстнейшей любви». Это «переключка» взглядами между бабушкой и внуком:

*Тонкий, колкий, словно ножик, —
и влюблённый! — внука взгляд...*

*Там судьбе моей светила
нежность чуть усталых глаз...*

Это общие — бабушки и внука — и очень живые, в подробностях, воспоминания о саде: о белеющих в «тёмных сумерках» петуньях и «известковых стволах», о «плескавшихся в светотени» цветах, о «божьих тварей цветоряде»: «весёлом псе», «львиной пасти зевающего кота», о том, как «каплет вызревший крыжовник с колко-цепкого куста»... (отметим попутно замечательную звукопись — в строчке о крыжовнике нагнетание звука [k] словно передаёт падение зрелой ягоды)

Это воспоминания об обычаях и образе жизни («звоны чайных ложек»), «когда в дверь веранды дышит сад». Каждое воспоминание — мазок или зарисовка, взятые вместе — это картина, нарисованная очень талантливым живописцем. Воспоминания обладают такой энергией живого, подлинного, происходящего в детстве, но словно сейчас, что способны противостоять смерти. Избранная поэтом композиция стихов — диалог и переключка с бабушкой — говорит о любви и противостоянии забвению и смерти: «Ни измен, ни смерти нету...» или

*Там, в саду, над старой грушей,
как два облака, парят
наши любящие души —
восемь лет и шестьдесят...*

Но главное воспоминание о саде, о «детства лете», о том июне, которым помечены события, — это воспоминание о начале творчества. В этой связи надо понять особенности образа времени в разбираемом цикле стихов. Бросается в глаза одна особенность изображения времени: оно идёт тоже от конкретного к более всеобъемлющему. Начало, осознанное как таковое, запомнилось взрослому герою и относится им к конкретному месяцу — июню. Но в его тогдашних ощущениях

*там огромным лето было,
и равнялся солнцу час.*

Такое убыстрение времени, его интенсификация, сопровождается обострением всех органов чувств (мы говорили выше о живых, словно сиюминутных деталях и подробностях вдруг заново увиденного мира). И здесь уже звучит не внешний шумовой фон, названный в стихотворении «Наследный сад — советские шесть соток...» «бессмысленным словоизверженьем», здесь уже появляется совсем иное качество озвучивания и осмысления реальности: «это чудодейственный язык», который «дунул в душу» (отмечу, что и в этом случае деривационный повтор напоминает о близости слов, имеющих внутреннюю «рифму»), он (язык)

*целебным ядом в душу,
в ядра атомов проник!*

И вот уже:

*...тростинкой Назорея
нижут в пропись надо мной
херувимские хорей —
сад земной и лад иной...*

«Херувимские хорей» — так назван анализируемый цикл. Это словосочетание выводит и место, и время на иной, не обыденный уровень. Сад уподоблялся эдему, а внук-наследник — херувиму в стихах, которые разбирались выше. В цикле есть то же уподобление сада, он —

*райских зарослей соседство,
божьих тварей цветоряд.*

«Лад иной» «херувимских хореев» преобразует дедовский сад и делает время, с одной стороны, дискретным, с врезавшимися в память навсегда моментами, подобными тому лету и тому июню, а с другой — непрерывным и бесконечным, где «нет измен, и смерти нет». Отсюда и «непризнание» «лихого срока» для тех, кого любишь, и обращение-призыв к бабушке: «Ты живи в том июне...»

В стихотворениях, ставших предметом нашего прочтения, обращает на себя внимание такая особенность изображения време-

ни, как его текучесть, изменчивость, подвижность. Так, в первом стихотворении цикла — «тёмные сумерки», во втором — день в его разгаре. В постоянном движении — «всегда бегущий» мальчик, «не уступающий Броуну в движенье» («Наследный сад — советские шесть соток...»), и девочка — «ангел шалый» («Снова снится лето детства...»). Многие предметы, попадающие в поле зрения героя, обладают свойствами, которые присущи им только в данный момент, а в следующий — они изменятся или исчезнут: петунии и известковые стволы белеют лишь в «тёмных сумерках». «Звоны чайных ложек» говорят о вечерней трапезе. «Львиная пасть» кота открылась в момент «сладострастия зевот». «Каплет вызревший крыжовник», потому что настало время его вызревания. Цветы «в светотени плещутся», «светотень дышит», и «дышит сад в дверь веранды». Бесконечная изменчивость жизни — это то, что ощутил мальчик «в том июне», ставшем рубежным. В этом меняющемся мире растущему человеку нужны константы, нечто постоянное и неизменное. Ими становятся сад, семейное наследие, дед — родоначальник и основатель традиций, и бабушка. Именно она показана в начале творческого пути, у истоков творчества. Она «входила», как «добрый друг», «в явь и в сновиденья» внука. По словам сложившегося поэта, «нежность чуть усталых глаз» бабушки «светила» его «судьбе». Судьбе, а не только повседневности. Сама поэзия говорит в этом признании. Много ли найдётся сегодня стихов, в которых повзрослевший человек вот так благодарно говорит о своей бабушке?!

Психологически точно, выверенно изображён творчески одарённый мальчик в момент осмысления своего Я, себя в окружающем, движущемся и изменяющемся мире, впервые ощутившим время, как движущееся. Читая стихи, в которых мальчик — действующее лицо, понимаешь одну их особенность — лирический субъект этих стихов как бы раздваивается.

Перед нами не одно восприятие, а два, не одно время, а два, не монологический дискурс, а диалогический. Уже упоминалось, что в стихотворении «Наследный сад...» в словосочетании «дутых скоростей» определение принадлежит не мальчику, воспринимающему всё как данность, а взрослому, осмысляющему и корректирующему детское восприятие. О наличии двух лирических субъектов говорит и обращение «ты» к себе, тогдашнему мальчику. Диалог возникает в сопоставлении непосредственного впечатления, свойственного герою-мальчику, и осмысления этого впечатления взрослым, сложившимся человеком и поэтом. Диалог,

в котором участвует, помимо персонажей, время. Сегодня, с высоты возраста, всё, происходящее с восьмилетним мальчиком, осмыслиется как **начало**, и чудесным образом укладывается в понятие «**малости родной**».

Образ «малости родной» в рассмотренных стихотворениях, таким образом, предстаёт глубоко интимным и задушевым. Ключевые, **сквозные** образы сада-эдема, «семейного шмата землицы», «наследных шести соток» выражают глубокие и искренние чувства лирического субъекта. Семейный сад — наследие трёх поколений семьи, не столько материальное, сколько духовное: это традиции семьи, её устои, «бескорыстнейшая любовь», связующая семью и помогающая реализоваться, — эти ценности закладываются «там и тогда».

Но в поэзии Сергея Шелкового есть и иная родина, не та «большая» и официальная, которая зовётся государством, а родина, которая по чувству любви к ней сопоставима с «малостью родной». Эта родина включает конкретные пространственные понятия, места, названные поэтом, можно найти на карте, и всё же это скорее топонимы-метафоры (об этом подробнее — ниже), чем понятия географические. Прежде всего это Крым (синонимы — Таврия и Таврида), это Гаспра, Симеиз, Кореиз, приморский посёлок Кучук-Ламбат, он же — Малый Маяк, Феодосия, холм Карантин, портовая Кафа, Аю-Даг и многое другое.

Особое значение принадлежит местам, связанным с именем поэта М. Волошина (Коктебель, Волошинский холм). Это, конечно же, Украина Кобзаря, но также и места за пределами бывшего Союза (Италия и Испания, Бельгия и Голландия, Германия и Скандинавия и пр.). Список названий можно было бы продолжать, потому что важнейшие свойства Шелкового-поэта — устойчивый интерес к истории современной и древней и открытость, с какой поэт погружается в неё; «всемирная отзывчивость» (которую Ф. Достоевский находил у А. Пушкина), и подлинный интерес к тому, что попало в поле зрения, острый взгляд и талант поэта-живописца. А сверх того — умение воспринять, «восчувствовать» (по аналогии с «**воспринять**») и осмыслить, чтобы запечатлеть в слове.

За редким исключением эту землю населяют другие персонажи, нежели те, о ком мы говорили прежде. Перечень их — от людей близкого круга до исторических персонажей, от людей нашего времени до античности, от только упоминаемых до тех, кто занимает в жизни поэта большое место, — впечатляет.

Эти персонажи органично вписаны в иные пейзажи (иной колер в любом из стихотворений: «алый, шафранный, лимонный и растворивший лазурь в молоке»), в иной быт, их окружает иная аура — аура древних цивилизаций. И — самое главное — здесь иное течение времени и иной отсчёт его.

В этих стихах хронотоп дома, как «гнезда», «норки», и времени, как смены поколений одной семьи, преобразуется творческим воображением поэта в едва ли не планетарный, охватывая время — от дней творенья до сегодняшнего дня. «Зыбкие **ныне и тут**» «растворяются в вечности» («Ночь в Феодосии»). Этому «растворению» в немалой степени способствует **Крым** — как особое место на карте, как топоним. В нём что ни грань, то новый цвет и новый смысл. И все драгоценны для поэзии.

В далёкой древности — название города, через который проходил Великий путь из Европы в Индию. В 13-м веке — город, лежащий недалеко от древнего порта Кафа (Феодосия). Эллины, создатели античной средиземноморской цивилизации, называли Крым «Таврика». В 8-м веке они называли это место Киммерией. А до эллинов здесь были финикийцы, и было это почти три тысячи лет назад. Различные версии толкования топонима «Крым» словно сближает цивилизации и эпохи. Происхождение названия приписывается тюркам и арабам. Есть и киммерийская версия.

Для Сергея Шелкового — поэта с богатым воображением, с его интересом к истории и историческим сюжетам, людским судьбам на фоне истории, Крым должен был стать и стал неисчерпаемой сокровищницей образов. Всё, что написано им о Крыме, поражает щедростью красок, богатством образов, неистощимой фантазией. Среди «крымских» стихов выделяются произведения, посвящённые личности легендарной — поэту Максимилиану Волошину. К двум из них — «Волошинский холм» и «Над Коктебельской бухтой» — мы и обратимся.

Главным героем первого стихотворения является **время** и движение во времени. Парадоксальность изображения времени в том, что движение его передаётся с помощью таких конструкций предложений, которые обозначают настоящее время, или глаголов настоящего времени. Благодаря этому всё изображаемое (пейзаж и его детали, например) приобретает свойства вечного, постоянного, существовавшего всегда. С другой стороны, глаголы или глагольные формы, которых множество, передают не состояние, а действие или движение, причём активное (седлает, озорует, не сидится, взбираюсь, брызжут, расправив, искрят, растворившим).

В выборе «действующих лиц» — тот же парадокс: растения «тысячелетник», «бессмертник» — подчёркивают понятие вечности, но в каждой строфе есть свой «скакун»: «жеребчик», «кузнечичкалый скакун», «кобылки», образы, передающие движение исиюминутность.

Другая особенность изображения — в том, что автор использует многие слова в их прямом значении и образном, метафорическом, и это второе значение переносит нас из настоящего в прошлое и из обыденности в иные, высшие, сферы. Интересен в этом плане пейзаж, которым открывается первое из стихотворений:

*Знойная сухость — таврийская муза,
тысячелетник — лилов на холме.*

....

Аве! — июлю, и август в уме.

*Платину плавит понтийское лето,
цезий в изложницы льёт.*

*Царственна в полдень зенита монета —
аверс ликует, звенит оборот.*

*А базилевс сухотравья, кузнечик,
чалый скакун, цымбаларь да скрипаль,
снова седлает бессмертника венчик
и озорует, соломенный враль.*

Первое прочтение даёт представление о типичном крымском пейзаже с его «сухотравьем» и разнообразием трав, с «озорующим в траве кузнечиком» и «палящим в полдень солнцем». Но вот глаз наталкивается на слово «аве!» — так приветствовали Цезаря и других императоров (Ave, imperator, morituri te calutant!), затем невольно выхватывает два рядом стоящие названия месяцев — оба в честь императоров. Затем возникает в поле зрения замечательный образ палящего крымского солнца в полдень. Это великолепная метафора солнца, в которой светило уподоблено «царственной» монете. Эпитет «царственная» говорит о многом: о том, что монета выплавлялась в честь Цезаря и с его изображением, поэтому «аверс ликует, звенит оборот»; и передаёт царственное сияние солнца, и наконец, отсылает нас ко временам Римской империи, следы которой сохранились в Крыму, (и снова, — в который раз! — следует отметить великолепную звукопись: в строке «Платину Плавит Понтийское Лето» и в другой «Цезий в изложниЦы Цезарей льёт». В первом случае повтор ПЛ

делает процесс плавки ощутимым физически; во втором — повтор Ц как бы «оцезаряет» этот процесс.) В разбираемых строчках поэт использует деривационный повтор (повтор морфем), поражает та настойчивость, с которой поэт фонетически сближает слова, а в них корни (например, **цезий и Цезарь, платину и плавит**), сила этого повтора заставляет физически ощутить, как близки между собой, казалось бы, различные понятия. В конечном итоге это сближение работает на общую идею — близости удалённых друг от друга пространств, эпох и исторических деятелей.

В стихотворении есть множество других деталей, обращающих наше воображение вспять, к иным временам. Так, кузнечик назван многими своими именами, показывающими его с разных сторон («чалый скакун», «цымбаларь», «скрипаль», «соломенный враль», но первым среди определений стоит — «базилевс сухотравья» (базилевс — титул византийский императоров, а во времена Гомера — царей), и этот эпитет преобразует скромное насекомое, а нас снова возвращает из настоящего к стародавним временам.

Таково же значение двух наименований одного и того же холма: в названии стихотворения это «Волошинский холм», а во второй строфе — «янычарский» — Кучук-Енишары.

Итак, перед нами постоянная — в образных деталях и живых подробностях — переключка времён и их замещение. Но в третьей строфе, где лирический субъект обнаруживает себя, «обретая» голос, мы становимся свидетелями переключки двух поэтов — автора стихов и Максимилиана Волошина:

*Здравствуй, Волошин, полынный мой кровник
с привкусом дедовского «цоб-цебе!»
Слышишь ли, глиняной правды виновник
вздохи и шорохи почв о тебе?*

Слово «**кровник**» — важнейшее в этой строфе и во всём стихотворении — используется поэтом в расширительном значении. Оно показывает степень близости, обозначает близкое родство (мы встречались с употреблением этого слова С. Шелковым в стихотворении «Снова снится лето детства...», где утверждалось, что герой-мальчик «ничуть не кровник / строчкам поперёк листа...»). Семантика слова «кровник» в рассматриваемом стихотворении конкретизирована рядом образов: «**полынный мой кровник**», «с привкусом **дедовского «цоб-цебе»**», «**глиняной правды виновник**».

Подлинная картина родства, а не один образ кровника открывается нам по мере проникновения в глубь метафор. Родство поэтов — это родство почв (крымских, тяжёлых, в основном глинистых), и «полынное» (то, что рождает почвы), и образа жизни («цоб-цебе» — знакомое каждому крымчанину понукание быков или волов в упряжке, без которого картина крымской повседневности была бы неполной), сформировавших мир понятий и чувств; это родство по деду, возможно, человеку того поколения, к которому принадлежал М. Волошин. Он назван «глиняной правды виновиком», то есть поэтом, «родившим» правду, идущую снизу, от почвы. Поэтому в своём обращении к Волошину лирический герой (поэт-наш современник) имеет все основания спросить поэта старшего поколения, слышит ли он «вздохи и шорохи почв» о нём. Тем самым показывая кровное родство Волошина с крымской землёй и через родство с Волошиным утверждая своё родство с ней. Смысл кровного родства трактуется как родство духовное, а понятие почва, земля — как всё многообразие исторических эпох, оставивших в них свой след, как всё богатство природного и растительного мира, как всё разнообразие традиций, сложившихся в ходе исторического процесса.

Строфа и всё стихотворение завершаются образом «брызжущих над склоном» кобылок (род кузнечика). Я уже упоминала, что в каждой строфе стихотворения — свой скакун. Кобылка последней строфы — обыкновенная и прозаическая, как кузнечик, и необыкновенная, поэтическая в одно и то же время. Имеющиеся у неё крылышки делают её похожей на сильно уменьшенную копию Пегаса. Догадка находит подтверждение, когда мы читаем: «рифмы расправив в химерном броске...», «крылья, что шифром искрят потаённым...». Этот «брызжащий», лёгкий и изящный образ словно вписан в обращение к Волошину, в переключку с ним, а само обращение напрямую усилено своеобразной анафорой: «слышишь ли?...», «видишь ли?...» Предполагаемые ответы на прозвучавшие риторические вопросы ещё раз подчёркивают духовное родство разных поколений русских поэтов.

Новая встреча с Волошиным — в стихотворении «Над Коктебельской бухтой». Парадоксальность решения образа в сочетании двух начал, одинаково сильных, — эпического размаха и тончайшей лирики. Автор стихотворения увидел и передал сходство между сфинксом и Волошиным. Сходство как уподобление:

Могучий сфинкс с лицом Максимильяна...

Так зорок сфинкс, двойник Максимильяна...

*...Свет играет думой своенравной
на каменном высокородном лбу...*

Монументальный скульптурный портрет, в котором подчёркнуты физическая мощь и духовное превосходство (в полном соответствии с мифологией, андросфинкс, то есть лев с человеческой головой, олицетворял превосходство духовного над животным началом). Поза сфинкса, окунувшего лапы «в лазурь залива», но всё же находящегося (высящегося) НАД Коктебельской бухтой, тоже подчёркивает его мощь. А его древность — он древнее египетских пирамид, а им 45 веков — делает его необычайно зорким. Образ сфинкса — двойника Волошина «до римских львов, до львиных пирамид» — раздвигает временные границы, доступные пониманию лирического субъекта. Лирическое начало не столь очевидно. Попробуем воссоздать его.

Лирический герой ведёт диалог не только с М. Волошиным, принявшим облик сфинкса, не только со временем, которое сфинкс олицетворяет, но и с кем-то, кто не назван по имени, но, по-видимому, душевно близок лирическому герою, — диалог страстный и непрерывный. Лирический диалог. Это к нему, не названному, обращены слова, дважды повторённые:

*Не уставай, ещё прощаться рано,
ещё по веткам ярко-зелен гул...*

Останься, не стыдись — прощаться рано...

Этому человеку адресованы задушевные слова о стихах-розе, о словах-«звёздах» тех, кто «слышит Зов»:

*Стихи — роса... Едва ль напьётся птица.
Но есть магнитный неизбывный зов.
И, если звёзды нам не дышат в лица,
откуда у Завета столько слов?*

...

Кто слышит Зов, тот чисто говорит...

Время и пространство так переплелись в стихотворении, что, кажется, не оторвать одно от другого. Пространство — бесконечность звёздного неба, само по себе олицетворяющего бесконечность времени. Таким же символом бесконечности времени является сфинкс — старше египетских пирамид. Но сфинкс утрачивает свою символичность, обретая человеческое лицо поэта, жившего в реальном времени, а может, поэт, похожий на сфинкса, обретает какие-то черты символа. Стихи — роса, нечто временное и почти эфемерное («едва ль напьётся птица»), но сквозь временное и эфемерное просвечивает вечность, потому что истинным поэтам внятен Зов, внятен Завет, написанный звёздными словами. Земное и небесное, вечное и быстролётное, как человеческая жизнь, бесконечность и мгновение — всё сошлось в фигуре Поэта, Максимилиана Волошина, в Коктебеле, в Крыму — на пересечении многих путей, многих судеб, многих страстей.

Стихотворение «Айвазовский проспект Галерейная пересекает...» снова возвращает нас к синонимическим понятиям «**кровник и родня**», а также к раздумьям о том, что значит человек во времени.

*...Со снимка глядят
дед Иван и отец. В Феодосии, в здешнем эдеме, —
так же свеж их зубов рафинад, как загар-шоколад.
Не осталось уже никого с августовского фото,
где на лицах цыганских лучились весельем зрачки...
Веет вечер над Кафой две тыщи десятого года —
карусели приморской дрожат золотые жучки.
Окликаю и По, и печальника-странника Грина,
Александра — вослед Македонцу, Арапу вослед.
Я ведь сам — иноходец Ивана и сын Константина,
коих в Малом Стамбуле со мною как будто и нет,
но которые живы и набраны чётким петитом
в каждой строчке моей, в каждой рифме — один на один...*

Семейная фотография, запечатлевшая близких, которых уже нет, и на равных с ними — имена великих и известных, оставивших след на Крымской земле (исключение составляет Э. А. По, включённый в этот перечень по иным причинам: целый ряд исследователей называли Александра Грина писателем, испытавшим сильное влияние великого американца, говорили о желании самого Грина быть похожим на Э. По) На равных — потому что

все они **кровники**. Люди, близкие по духу, каждый по-своему. Все они остались в прошлом — в «плюсквамперфектум», в «навсегда загустевшем времени».

«Становясь, словно прошлое, правдой, густеет вино». Вино густеет, как время, а время, как вино, — красивая и глубоко содержательная метафора. Выше уже говорилось о своеобразии образа времени в лирике С. Шелкового. Но поскольку это имеет принципиальное значение для понимания его стихов, остановлюсь на этом несколько подробнее.

В ряде стихотворений обращают на себя внимание выстроенные автором пространственно-хронологические цепочки. Одна из них только что предстала перед нами: семейные портреты (дед и отец) — Эдгар По — Александр Грин — Александр Македонский — Александр Пушкин (названный Арапом) — Я (названный «иноходцем Ивана» — деда) — Я («сын Константина»). Семейная фотография вспоминается на фоне ночной Феодосии, названной Кафой, а последние имена — на фоне той же Феодосии, но уже поименованной Малым Стамбулом. Время движется не линейно, а предстаёт как единое целое, одновременно в своём прошлом и настоящем. А связь отдельных периодов времени устанавливается не только потому, что имена персонажей, принадлежавших разным эпохам, стоят в **одном** ряду, но и метонимически. Иные названия и имена, дублирующие привычные, активно вводят в пространственно-хронологический ряд легенды и мифы, пресечения иных судеб, раздвигают и пространство, и время.

Достаточно произнести одно из названий, как память и воображение подсказывают известный сюжет, как будто не имеющий прямого отношения к лирическому сюжету стихотворения, а на самом деле создающий новые глубины, дали и перспективы. Например, называя себя «иноходцем Ивана», автор отсылает нас к легенде о любимом иноходце А. Македонского Буцефале (это как в музыке: берёшь несколько нот — и вспоминается мелодия). Поэт явно рассчитывает на ассоциативную помощь читателя.

Не менее значима другая цепочка, выстраиваемая поэтом. Звенья этой цепочки рассыпаны по разным стихам, а в стихотворении «И здесь, в «тени украинских черешен...» предстаёт в наиболее полном виде. Строчкой из поэмы А. Пушкина «Полтава» (затем использованной им также и в стихотворении, посвящённом Е. П. Полторацкой) начинает С. Шелковый всё стихотворение и заключительную строфу. Так автор метонимически не только обозначает место действия, но и «вяжет» несколько звеньев цепи.

В этой цепочке и Гоголь с его героями Вием и Тарасом, и гетман, который

*...то Брюхат, то Многогрешен,
ховает стыд в богатый свой прикид...*

Обратим внимание на смешение старославянского, русского, украинского языков и современного сленга.. Так контурно обозначены прошлое, история — дальняя и не очень, и настоящее. В последнем — «бесовщина местного значенья», измельчавшие «вии» — безымянные «бычьи, пёсьи, козьи тени». В этой цепочке — «мы с тобой». Лирический герой и собеседник, наследник, названный в посвящении первой буквой его имени — «М». Как это часто мы видим у С. Шелкового, сюжет развивается как диалог. А во второй строфе — как полилог, с обильными вкраплениями «чужого слова» в речи лирического субъекта (например, о Гекле — «вратах ада» — вулкане в Исландии как «здешних зол первоисточнике»). В диалоге прямо или опосредованно принимают участие поименованные и не поименованные персонажи, условно представляющие силы Зла и Добра, подлинное и фальшивое (последнее нашло отражение в противопоставлении «фени» и языка «скворцов всех живых скворешен», с которыми лирический герой «волен» «серебряные ходики ковать»).

Конец предпоследней строфы и последняя строфа — замок, замкнувший все звенья пространственно-временной цепочки:

*Мне рифма свяжет золотистый веник,
чтоб вымести на Пасху скотный двор.
Чтоб здесь, в тени украинских черешен,
вдыхал бы я просторней и полней
**наследный гай, и луг орловский Бежин,
и пустоши остервенелых дней...**
И чтоб тебя, **мой отрок** тонкокожий,
пришелец-вестник, **ангельский двойник,**
берёг бы я верней, по воле Божьей,
чем лучший в худшей школе ученик...*

На протяжении всего стихотворения мы находим образы и темы, о которых говорилось в самом начале настоящих «Раздумий...» В заключительных строках содержатся выводы — не рассудочные, выведенные не логикой рассуждения, а логикой ли-

рического чувства. И возвращение к прежним темам знаменует некий иной уровень обобщения — обобщение пережитого и предуманного.

Мы снова встречаемся со столь значимым для поэзии С. Шелкового образом «сада», «наследных шести соток», «семейным шматом землицы» — **«малостью родной»**.

Здесь это «в тени украинских черешен», «наследный гай». И роль его, на первый взгляд, та же — согреть. Но ему приписываются и иные роли. Вернее, понятие «не грех согреться малостью родной» вобрало в себя и иные смыслы. Важнейший — наличие «малости родной» способствует становлению личности — «самостоянию», а также идентификации себя как человека, для которого любовь к отечеству не узкое и не ограниченное понятие.

Не случайно понятия «наследный гай» и «луг орловский Бегин» — синонимы Украины и России, соседствуют в одной строке, являясь однородными членами предложения.

Но строчкой ниже предложение продолжено третьим однородным членом — «и пустоши остервенелых дней».

Чтобы разобраться в довольно сложно сформулированной мысли, лучше всего довериться синтаксису, как ариадниной нити. Процитированные выше стихи — сложноподчинённое предложение с тремя однородными придаточными, из них только первое составляет с главным одно предложение. Второе и третье придаточные формально выделены в самостоятельные предложения. Вдумаемся в смысл своеобразного синтаксического параллелизма. С этой целью восстановим главное предложение «Мне рифма свяжет золотистый веник...». Здесь рифме (читай — таково предназначение поэта) доверены три важнейших жизненных цели: «вымести скотный двор» (достаточно перечить только это стихотворение, чтобы нарисовать образ **скотного двора**), сделать дыхание «просторней и полней» (и снова воображение углубит понятие «дыхание») и сберечь внука, посланника высших сфер.

Я уже упоминала о параллелизме синтаксической конструкции. Но параллелизм, как возвращение к мысли или образу, чтобы его углубить, свойствен и внутреннему строению одного из придаточных, и композиции стихотворения в целом. Так третий однородный член придаточного предложения («пустоши остервенелых дней») несомненно перекликается с понятием «скотного двора», и с Геклой — «здешних зол первоисточником», и с «бесовщиной местного значенья», и с фигурой гетмана, «ховающего стыд в богатый свой приклад». Точно так же, как всё живое, начиная

с Пушкина и кончая «скворцами всех живых скворешен», противостоит и «скотному двору» и «пустоши остервенелых лет».

Обращение в заключительных строчках стихотворения к образу внука, само включение этого образа в одну из параллельных однородных конструкций, выводит обобщение на совершенно новый уровень. Внук, олицетворяющий образ будущего и образ вестника из иных, небудничных сфер (в стихотворении «Спасибо за редкоземельность прижизненных писем...» названный поэтом «дитя непропащее», «неосквернённое имя»), становится образом наследника, но такого, кто откровен, как и все ныне живущие, как сам поэт, за прошлое. Образом того, кто наследует всё лучшее и отвечает за всё, что должно остаться во вчерашнем и не должно повториться в будущем. Порукой тому — его «неосквернённое имя» и чистота его помыслов (не случайно устойчивое соотношение образа внука с ангелом или херувимом). Так наполняются новым смыслом понятия, принципиально важные для всего творчества С. Шелкового, — «наследие» и «наследник».

Понятия кровника и наследника, таким образом, являются устойчивыми и **сквозными** в рассматриваемых стихах, они расширяют поэтическое пространство и время. Они, подобно океаническому зонду, позволяют дойти до подлинных глубин, соединить и сопоставить времена и пространства.

Сквозные образы обладают ещё одним важным свойством: благодаря им лирический субъект **включается в мировую культуру, историю и цивилизацию**.

Крым как топоним, место на карте, точка пересечения разных мировых эпох и цивилизаций, становится художественным образом многих стихов С. Шелкового. Он, как никакой другой образ, помогает раскрыть культурологическое *видение* истории. А легенда Крыма, поэт Максимилиан Волошин, наделяется свойствами поэта-кровника, близкого автору по духовным устремлениям.

Самым продуктивным средством изображения становится в этих стихах **хронотоп** — особым образом организованное пространство и время, позволяющее сблизить далёкое и близкое, миг и вечность, время историческое и время человеческой жизни.

Таким образом, мы можем сформулировать сущностное, принципиальное понимание «малости родной» в поэзии Сергея Шелкового. Задушевный образ «малой родины» так же вписывается в образ родины «большой» и неотрывен от неё, как вписывается родина «большая» в мировое пространство и неотрывна от него.

Парадигма — «малость родная», — которая является предметом моего рассмотрения, включает как составляющую **образ истории**. Раскрывая его, надо помнить не только о способности автора видеть **время как единое целое**, но и о его же способности видеть **время в его конкретике**.

С. Шелковый принадлежит к поколению, которое было уже взрослым, когда прежняя, единая советская культура распалась на составляющие, национальные. Но в его сознании не может не существовать феномена общей истории и общей культуры. Думается, что он бы мог написать о себе, как Б. Чичибабин:

*У меня такой уклон:
Я на юге — россиянин,
А под северным сияньем
Сразу делаюсь хохлом...*

Отсюда пронзительное чувство причастности к недавней истории некогда общей страны, с её победами и поражениями, с её утопическим стремлением строить новое общество и реальным низведением человека до уровня «винтика» или «лагерной пыли».

В этом плане мне хочется поразмышлять над одним из лучших стихов С. Шелкового — «У могилы Чичибабина» («Не сыщется на нас погибельней батыев...»). Стихотворение посвящено памяти большого поэта — об этом говорит одно из его названий («У могилы...»), но другое название, а главное — то чувство боли и гнева за время, сделавшее всё, чтобы поэт перестал существовать как человек, личность и творец, вносит в понятие памяти существенную поправку. Это стихотворение о том, что время, угрожавшее существованию человека как личности, не прошло, его призраки и тени — не прошлое, а настоящее. И о том, что может сделать человек, обречённый жить в своём времени.

Моральная правота личности умершего Поэта утверждается как правота борца против режима, как правота Поэта-Духоборца (слово С. Шелкового). С. Шелковый очень убедителен, когда использует удивительно действенный приём: недавнее прошлое не столько соотнесено с настоящим, сколько прорастает («прёт») сквозь него:

*А дым его махры, мятежный и тревожный,
всё тянется за ним, — пахучий, словно жмых, —
с тех лесопильных лет, казалось бы, далёких,*

*что в ватнике-фуфле и нынче прут во двор...
О волчьих колерах да о собачьих сроках
доныне на Руси не кончен разговор...*

Автор сумел в стихотворении дать психологически достоверный портрет Чичибабина в рамках небольшого лирического стихотворения. Один из приёмов, который использует С. Шелковский, чтобы уплотнить стих, — это употребление слов-образов, многослойных и многозначных, приобретающих значение символа. Вот как «работают» подобные слова. «Махра» — это и реальное курево, за которое, по признанию Б. Чичибабина, отдавали пайку хлеба, и слово из лагерного жаргона, и напоминание о стихотворении Б. Чичибабина «Махорка» (1946), и переключка с чичибабинскими строками:

*А здесь, среди чахоточного быта,
где холод лют, а хижины мокры,
все искушенья жизни позабытой
для нас остались в пригоршне махры...*

Слова-образы носят метонимический характер. Каждое обретает ёмкость символа. Поэтому, как говорилось выше, достаточно одного слова, чтобы воображение нарисовало целую картину. В первой строфе таковы эпитеты «дым тянется» «с **лесопильных лет**»; «**лета**, которые «прут» «в **ватнике-фуфле**», «**волчьи колера**», «**собачьи сроки**».

Все эти слова — лагерные жаргонизмы или напоминающие их — одновременно очень ёмкие обозначения «лет, казалось бы далёких», а на самом деле никуда не ушедших. Такую же роль — замещения целого частью — играют существительные (понятия, символы) второй строфы: «**Вятка-Колыма**», «**Воркута-Мордва**», «**обмылок** справа мок», «торчало **шило** слева», «патруль сменил патруль **на курве, на Москве**», «**вертухай, брехливый дядька-Киев**» и т. п.

Дополняя друг друга, слова-образы рисуют страшную картину страны ГУЛАГА, тюремного быта, тюремной повседневности; роли Москвы и Киева в развязывании террора против собственного народа, роли различной, но одинаково губительной для людей. В приговоре им, которым завершается строфа, снова проявляется образ огромной силы и ёмкости:

*Не сыщется на нас погибельней батыев,
чем эти, из своих занюханных углов...*

«**На нас**» — именно так произносит лирический герой (несомненно представляющий точку зрения автора), не отделяя себя от народа.

Стихотворение, построенное как диалог с коллегой — писателем и переводчиком Яськовым, имеет обрамление. Оно начинается дружеским советом — «не плакать», затем, в последней строфе — «унять слезу...», и завершается словами: «Сдирает стужа скальп и плакать не велит...», которые звучат уже не мягким пожеланием, а жёстким выводом, почти приказом. Думается, происходит это потому, что фигура Б.Чичибабина на протяжении стихотворения претерпевает изменения. Образ его и в начале стихотворения, какими бы жестокими ни казались обстоятельства его биографии, вызывает не жалость, а убеждённость в его правоте. В самом начале стихотворения звучит почти библейское — «смертью смерть поправ»:

*Он больше, чем возможно,
остался, — и уйдя, — живым среди живых...*

Риторический вопрос, которым начинается вторая строфа, усиливает этот мотив:

*С чего бы тише стать охрипlosti напева
о Вятке-Колыме, о Воркуте-Мордве?..*

И наконец, две предпоследние строчки последней строфы звучат жизнеутверждающе, это не реквием по умершему человеку, а гимн во славу поэта, победившего словом смерть:

*Не верю я словам, но сердцем чую голос,
который свыше дан, не предан, не пропит...*

Образ Поэта укрупняется, он становится сродни Пророку («голос ... свыше дан»), а назначение его — сродни миссии.

Вот отчего «сдирает стужа скальп и плакать не велит». «Ядрёная зима» и «стужа» — это и холод «Вятки-Колымы и Воркуты-Мордвы», и стужа сегодняшних дней, которые «ничуть не радостнее» «лесопильных лет», и реальная стужа зимнего дня — време-

ни действия стихотворения. Память о поэте, одолевшем смерть словом, требует не слезы, не плача, а иного отклика.

Таким откликом стало стихотворение С. Шелкового «У могилы...» — знак «поэтического братства». (Этими словами оба поэта определяли характер своих дружеских отношений, сложившихся в последние шесть лет жизни Б. Чичибабина.)

Стихотворение, посвящённое памяти Б. Чичибабина, играет особую роль в творчестве самого С. Шелкового. Оно помогает самоидентификации поэта, сознающего своё предназначение, оно моделирует жизненное поведение и жизненные установки. В этом убеждает особая энергетика, заразительность стихотворения, обращённого не только вспять, но и в наше время, не только к памяти замечательного поэта, но и к ныне живущим.

Подытоживая свои раздумья над стихами, которые я объединила общей темой «малости родной», хочу поделиться ещё одним наблюдением. В одном из стихотворений Сергея Шелкового я натолкнулась на удивительный оксюморон — «**ойкумена души**». Вчитавшись внимательней, я поняла, что это не случайное, хоть и на редкость удачное словосочетание, а свойство лирического сюжета многих стихотворений. Переживаемое в душе лирического героя не замкнуто в ней, а поистине соотносится с **ойкуменой**, «поверяется» ею.

Душа проходит своеобразный **путь** духовного становления. При этом внутренний, духовный взор лирического субъекта неизменно движется от быта к бытию, от повседневного к идеальному, от земли к небу. Лирический сюжет оказывается сюжетом духовно-нравственным. Таких примеров множество, что говорит об этом явлении как значимом. Приведу примеры.

Так заканчивается стихотворение «Оглянись в повоенное время...»:

*Въелось семя родючее в память. —
Пьёт её, к небесам прорастая.
И летит сквозь колючую заметь
птиц-имён неизбывная стая...*

Стихотворение «Спасибо за редкоземельность прижизненных писем...»:

*Спеши, моя птица! Твои своенравные крылья
расправлены ветрами океанических лон.*

Стихотворение, названное по последней строчке — «Ближе к вечеру — звонче стрижей неуёмный мажор...», а в строке, ей предшествующей, читаем: «Посидим, дорогой. Поглядим ещё в небо немного...»

Стихотворение «Помнишь, бабушка, в июне...» завершается образами парящих «в саду, над старой грушей» двух родственных «любящих душ». В завершение стихотворения «Волошинский холм» возникает многокрасочная картина крымского неба, а в стихах «Айвазовский проспект Галерейная пересекает...» то же таврийское небо, но уже ночное:

*Полнолуние — над Феодосией. Свет — над реликтом
звероватого, в сетке столетий, холма Карантин...*

«Искрящимся крылом над россыпью камней» — таким рощерком завершается стихотворение «Потом, когда по гамбургскому счёту...».

Обилие примеров говорит о типичности подобного сюжета в лирике Сергея Шелкового. Подобно тому, как чистота помыслов внука подчёркивается его сходством с ангелом или херувимом, так стремление души от земного к небесному передаёт стремление к высокому, к идеалу, к высшей справедливости.

Внимательно вчитываясь в стихи С. Шелкового, проделываешь тот же духовный путь, убеждаясь в существовании идеалов в «ойкумене души» поэта.

Я сознательно ограничила выбор стихов одной темой. Поэтому выводы, которыми я хочу поделиться в заключение своих раздумий, касаются прежде всего рассматриваемой темы. Но, думается, некоторые наблюдения над художественным воплощением одной темы можно экстраполировать на всё творчество Сергея Шелкового. Такое право у меня есть ввиду того, что сегодня тема отечества приобрела значение своеобразного оселка.

Итак, герой лирики С. Шелкового — человек, глубоко укоренённый в родной почве, в своём роду, в своей семье — в «малости родной» и в то же время человек, который не замыкается на узком «шмате землицы», сколь бы дорог он ни был ему. Лирический герой стихов С. Шелкового словно бы отвечает на вопрос Л. Толстого, «что человеку надо?» — Ему нужно быть укоренённым не только в «наследной» земле и меняющихся поколениях своего рода, но и в пространстве своего народа, в пространстве его истории и культуры как части мировой истории и культуры.

Укоренённость в родной почве наполняет его сознание уверенностью в своей нужности на этой земле. Укоренённость в истории — придаёт сознанию ту глубину и всеохватность, которые присущи человеку 21-го века. Ведь лишь разомкнутому, незацикленному сознанию доступна правда частной жизни и жизни общества.

Отражение подобного сознания потребовало особых поэтических средств. Их них главное, как мне думается, это стремление к весомости, значимости слова, а отсюда — к обобщению. Слово становится образом огромной ёмкости и значимости (сад, наследие, кровник; Крым, орловский Бежин луг, Вятка-Колыма, лесопильные лета, батыи и др.). Наряду с этим следует отметить искусство передать самое разнообразное движение — во времени и пространстве, благодаря чему мы становимся свидетелями смены поколений внутри одного рода, изменчивости картин природы, вовлечённых в кругооборот времени суток или года, смены веков и эпох в истории.

Сознанию лирического героя, трезво взглядывающегося в прошлое, оценивающего настоящее, свойствен исторический оптимизм. Он опирается на веру в силы человека, способного если не победить энтропию зла («батыев» всех уровней, внутри человека и вне его), то противостоять ей. Как это свойственно лучшим представителям рода человеческого — длинной цепочке героев, куда органически вписываются люди, близкие по крови и духу или только по духу (дед и бабушка, внук; Волошин и Чичибабин; Пушкин и Гоголь, Шевченко и др.). Тема «малости родной» становится темой о Человеке в масштабах места и времени рождения и обетования, в масштабах личной жизни, жизни его семьи и — шире — рода человеческого.

Читая стихи Сергея Шелкового, проникаешься верой в силы добра, надеждой, что за ними будущее, — в этом, думается, секрет популярности его творчества.

2012 г.

Сергей ПУРГИН,
поэт, философ,
преподаватель университета
(г. Екатеринбург)

**ДВА ПИСЬМА А. М. САПИР:
О СТИХОТВОРЕНИЯХ СЕРГЕЯ ШЕЛКОВОГО
«Я ДУМАЮ, НЕ УМЕР БОГ...»
И «АЗ ВЕДАЛ БУДНИ...»**

Первое письмо

Здравствуйте, дорогая Ася Михайловна!
Перефразирую Ф. Сологуба: «Когда открываешь нового поэта, душа бывает взволнована».

Все последние дни — по Вашему совету — читаю Сергея Шелкового. Стыдно, что раньше не знал его. Нельзя сказать, чтобы я вовсе не сопротивлялся этой новой, благодаря Вам открывшейся мне, поэзии. Мне были (и остаются) ближе такие стихи, когда, в духе известных строк Георгия Иванова, поэт приближается к смертному человеку настолько, насколько это вообще возможно для искусства слова. Мне казалось раньше, кажется и сейчас, что весь путь поэзии в XX веке — путь от «литературы» к реальности, к человеку, живущему здесь. Что, в свою очередь, предполагает и прямоту, и особую выразительность стиха. «Не бумажные дести, а весты спасают людей», — как сказал Мандельштам.

Поэтому не просто мне было принять тот словесный праздник, который творит в своей поэзии Сергей Шелковый. Не просто принять такое словесное богатство. Но когда встречаешься с поэтом — художником Божьей милостью — то, в конце концов, просто подчиняешься его силе. Так произошло и на этот раз — уже несколько дней не могу оторваться от этих стихов.

Мне представляется, что Вы в Вашей статье совершенно правильно выбрали угол зрения и соответственно этому из всей лирики Шелкового отобрали стихотворения для анализа. Произвести такой отбор, как я предполагаю, было не просто: поэт работает давно, и сделано им не мало. Но угол зрения — лучше сказать,

по Хлебникову, «угол сердца» — взят у Вас совершенно точно. Ведь современная поэзия в основном «бездомна». Шелковый же поражает именно тем, что в его стихах, в этой его творимой легенде, возрождается и Мир, и Дом. Где дом, там и тепло, и для меня лично основное ощущение от его поэзии — именно тепло. Мне кажется, что уже в самих звуках имени поэта: «Шелковый», — это тепло живет. Но Вы об этом уже сказали в статье, разбирая «Херувимские хорей» и стихотворение из книги «Вечеря» — «Чем злей мороз, тем тоньше писк синиц».

Читая попеременно старые и новые его стихи, я обратил внимание на то, что есть в творчестве поэта Шелкового иная «линия», которая глубоким звуком своим и экономным использованием поэтических средств резко контрастирует с основной. Правда... она представлена для меня — на этом этапе освоения, по крайней мере — одним-единственным стихотворением. Всё же вес этого «одного-единственного» таков (снова вынужден повторить — для меня), что... не скажу, конечно, перевешивает все остальное, но очень сильно корректирует общее представление о его поэзии. «Написано с такой болью, что даже больно читать», — сказал об этом стихотворении человек, не просто понимающий поэзию, но исключительно чуткий к её основе — личностной правде.

*Я думаю, не умер Бог.
Тевтонской спесью порчен Ницше —
летучий аспидов клубок
и он же — лунь простёртый ниц же.*

*Но Бог, как минимум, устал.
Устал не менее, чем люди.
Ведь фарисеи правят бал,
мусолит ростовщик кристалл,
и нет раскаянья в Иуде.*

*Заплачь, коль можешь.
Сам суди!
И сам к секире подходи
для воздаянья... Ибо в нём —
просвет меж злом и полным злом.*

Те, кто знают стихи Шелкового, могут опровергнуть или подтвердить мое наблюдение, но мне кажется, что стихотворение

«Я думаю, не умер Бог...» стоит в его поэзии особняком. Странное оно — на первый взгляд. Кое-кому оно и «богохульным» покажется. В самом деле: если Бог устал — Он может и умереть (как человек «смертельно устает» или «умирает от усталости»)! Разве сам автор не говорит: «как минимум»... Значит допускает, что может быть хуже? Отчего же тогда он решительно не согласен со знаменитым ницшевским «Gott ist tot» («бог мертв»)?.. (Тема «усталости Бога» звучит ещё раз — пожалуй, с не меньшей силой — в одном стихотворении из книги «Эон»:

*Один Господь усталый — за тебя.
Но челюсти, но плечи, локти — против...
(«Один Господь единый — за дитя...»)*

Прислушаемся — как будто слышатся знакомые интонации?.. И даже не только интонации — но и некоторые «формулы», и рифмы, и ритм как будто что-то или кого-то напоминают... Борис Чичибабин! Тот тоже любил вопреки всему и всем — вопреки мнению большинства, вопреки «объективной истине» и «исторической правде» — утверждать свою «субъективную истину», высокую поэтическую правду. (Как не вспомнить Пушкина: «Тьмы низких истин мне дороже Нас возвышающий обман»?..). Как он начинает: «Будь проклят, император Петр...», — с каким достоинством, с каким подъемом в голосе. Это вызов! Будто перчатка брошена в лицо этой самой непреложной «исторической необходимости»!

Я упомянул о рифме... Разве не напоминает рифма «Ницше» — «ниц же», хотя бы косвенно — рикошетом, беспшашную чичибабинскую: «Хайдеггер» — «нехай теперь» (в стихотворении о Фрайбурге)? Философы, да... Но всё же!

И ещё более важное замечание: формула «просвет меж злом и полным злом» напоминает ключевую чичибабинскую формулу «Между печалью и ничем — Мы выбрали печаль...».

В самой программе стихотворения, в его непривычном для автора лаконизме, когда поэт как будто сознательно ограничивает себя, не желая распылять существенное в словах, словно заложено чичибабинское требование: «Не слова бросать на ветер, а дело людям говорить...». Определение родства помогает нам понять, в каком круге поэтической мысли мы находимся: «с кем имеем дело». Вернёмся к тому вопросу, который был как бы в виде бесхитростного недоумения поставлен выше. Теме «тевтонства»

посвящен у поэта отдельный цикл — «Тевтонские песни». Вспоминается в этом цикле замечательное стихотворение «Реформация». «Тевтонство» у Шелкового, конечно, далеко не только «традиция давящей воли» и «железо тевтонских забрал». «Тевтоны» ведь просто старое латинское имя германских племен! В «Реформации» пастор, «ясноглазый и лобастый», заставляет «в частной беседе» вспомнить то, что «храм у немцев носит имя Дом». «Тевтонство» в том же стихотворении — «воинственная готика». Но «тевтоводство» — и «кроткие воды Эльбы», и «стих прощенья», слетающий с губ Марии. В нашем стихотворении «тевтоводство» выступает воинственной ипостасью, несгибаемой «бисмарковой» волей: речь идёт о «тевтонской спеси». Но правильно ли связывать с «тевтодством» известный тезис Ницше? Полной правоты, во всяком случае, в этом нет. Кто знает, чего больше в ницшевском «бог умер» — «тевтодства» или «филэллинства»? Мы помним, как умирают «языческие» боги в главе «О вероотступниках» третьей части «Так говорил Заратустра»: они умирают от смеха, когда один из них объявляет себя единственным богом, их Господином.

Но все это в данном случае не важно. Поэт сознательно утверждает свою неправоту, потому что в ней есть другая — высокая — правота. (Замечательно, скажу мимоходом, эти эмблемы животных в первой строфе. Здесь есть где разыгаться воображению читателя — при всей их сжатости, чёткости — как и подобает эмблемам! Кто-то представит себе рыцарские гербы или знамена («тевтоводство»!). А я, признаться, думаю о «зверях Заратустры» у Ницше — змее и орле. Но у Шелкового не орёл, а «лунь»! А лунь птица хотя и хищная (похожая на сокола), но, если я не ошибаюсь, по-преимуществу болотная и — как пишут орнитологи — лицевым диском похожая на сову! «Сова Минервы вылетает в сумерки?»). Чем же позиция автора отличается от позиции Ницше? Ведь и у него «Бог устал»... Поэт утверждает высокую, «идеальную» истину на свой собственный страх и риск. Он дерзко утверждает — не столько вопреки Ницше, сколько вопреки исторической очевидности — что Бог не умер... Уже сам зачин — «Я думаю, не умер Бог», в котором я слышу такой подъём голоса, как в чичибабинских стихах, указывает на то, что именно поэт мыслит и утверждает высокую истину. В нём — «весёлое сознание своей правоты» (или «неправоты»), о котором писал Мандельштам. Истина утверждается вопреки исторической очевидности, которой посвящена вся вторая строфа. Бог не умер вопреки тому, что те, кто сейчас говорит от его имени — «фарисеи»

(не в историческом, а в евангельском и аллегорическом смысле лицемеров): эти самые «иерархов ряхи» из другого стихотворения С. Шелкового. Бог не умер вопреки тому, что красота земли, её богатство — в руках ростовщиков... Бог не умер вопреки тому, что предатель уже не знает угрызений совести, не сознает, что он — предатель, «Иуда»! Да, это Бог, увиденный человеком, в этом смысле — очеловеченный Бог, но дело в том, что Он жив, что Он не умер. И вовсе незачем тревожить гностиков. Все просто: Бог устал, потому что Он — не только там, Он — здесь, Он — в нас самих. С известными формулами беда: люди перестают вдумываться в их смысл... Перестают их понимать... В чем смысл слов Ницше «Бог мертв»? Хайдеггер написал об этом глубокомысленное исследование. Сам Ницше об этом сказал довольно ясно: старое метафизическое противопоставление ценностей изжило себя. Если смотреть с точки зрения жизни или в перспективе жизни, нет противоположности между добром и злом! Вот в чем дело! Но не Ницше первый провозглашает слияние добра и зла. Очень важен, на мой взгляд, Бодлер (которого Ницше очень любил). Именно Бодлер в «Цветах зла», вопреки многовековому определению зла как нехватки добра, т. е. чисто отрицательному, раскрывает положительный опыт зла. Он раскрывает психологическую реальность зла... Но тогда оказывается что нет границы между добром и злом, у них одни и те же корни... Мне, к сожалению, приходится оставить эту тему, поскольку нет никакой возможности дальше разрабатывать ее в письме. Против этого выступает поэт! Поэт-философ — против истины, возвещенной философом-поэтом! И он находит точнейшую поэтико-философскую формулу: «просвет меж злом и полным злом». ... Сам суди! И сам к секире подходи — для воздаянья, ибо в нём Просвет меж злом и полным злом. Формула эта настолько ёмкая, что нет возможности её исчерпать в беглых характеристиках в письме. Только некоторые отдельные замечания. Бог или добро — которое настолько «устало», что его сверхчеловеческая сила уже не является в этом мире в своем собственном блеске (поэт нигде и не говорит о добре! он говорит лишь о градациях зла) — то, что стоит в просвете «меж злом и полным злом». Это то, что еще видно в нём... И существует просвет лишь благодаря воздаянию, которое теперь человек может только сам себе воздать... Если сможет. Если захочет. Ибо Бог устал. Воздаяние препоручено человеку. Божеское дело теперь в человеческих руках. Секира здесь, конечно, евангельский символ суда: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее

доброе плода, срубают и бросают в огонь» (Ев. от Матфея, 3, 10). Не хотелось бы прибегать к отвлеченным философским сравнениям по отношению к такому эмоционально прямому, эмоционально открытому произведению... Заметьте, что прежде, чем человеку подойти к секире — нужно заплакать. Если только человек сможет...

Если говорить специально о поэтике, то надо признать, что в этом — «поэтическом» — отношении стихотворение стоит особняком. Пусть меня поправит тот, кто знает поэзию Сергея Шелковского, но я не помню у него стихотворения, где так скупое и так веско использовались бы словесные средства. Мне представляется Ваш термин «эмблема» очень точным. Даже как будто геральдическая эмблема (первая строфа). И как в некоторых лучших произведениях русской философской лирики (например, Вячеслава Иванова) — тяготение к односложным словам, «перегруз» ударений в ямбе: Тевтонской спесью порчен Ницше: Летучих аспидов клубок, И он же лунь, простёртый ниц же.

То же и в последней строфе. И в заключительной формуле «просвет меж злом и полным злом»: вопреки привычкам русской поэтической речи ямба без пропусков — все ударения на месте!

Категория «звука» — важнейшая категория поэтики С. Шелковского. Но, пожалуй, я не отважусь рассуждать в письме о том, как звук живёт в этом стихотворении. Тема эта настолько сложная и деликатная, что здесь нужен профессиональный слух филолога-фонетиста. Все же, хотя бы в виде догадки и первого наброска к теме, можно отметить, проследить, как постепенно растет, разрастается, начиная с первой строфы, глубокий гласный звук «у» то вместе с носовым «м», то с плавным «л». Можно даже предположить, что именно из этого звука как первоначального зерна рождается вся звуковая плоть вещи.

Но удивительное дело: поэт почти обходится без архаизмов! Отмечу особую уместность в этом стихотворении именно ямба. Утешительно видеть, что он еще жив в руках больших поэтов! Так я воспринял, Ася Михайловна, если выделить только самое существенное, это необычное для автора произведение. Но стихотворение «Я думаю, не умер Бог...», кажется, имеет пару. Если это было бы так, то отталкиваясь от другого, «парного», можно было бы глубже продумать и первое. Иными словами, мне представляется, что наш диалог по поводу стихотворения С. Шелковского еще может быть продолжен.

Письмо второе

*Аз ведал будни. Но, похоже, звуки
рождались не из вязкости труда
и даже не из ловкости науки —
из вечного тревожного: «Когда?..»
Из догмы смерти, — вопреки всем связкам
кривых времён, прямых координат, —
Дух прорастал. И звук был рад подсказкам,
вплетаясь в бесконечный смыслов ряд...
Когда б я к Иисусу Назарю
апостольские души мог созвать,
в которых дорогая мне идея
пульсирует, живя их суть и стать,
я Джотто бы позвал. И Питер Бройгель
на тайную бы вечерю пришел
назвавшись так, как отчей птицей-фогель
во Фландрии он вписан в протокол.
И Моцарт вместе с пахарем Винцентом
Внесли б одну охапку на двоих
подсолнухов. И Осип — сто процентов! —
пропел бы вслух щегла и неба стих.
И бездной глаз, беззвучием иконным
о жизни бы мне молча всё сказал
до доньшика родной Андрей Платонов —
о коде первородном и исконном:
«Аз ведал ад... Но Бог — не умирал!»*

Это стихотворение — недавнее. Первое стихотворение написано раньше: оно успело войти в одну из последних книг поэта — «Парусник» (2011). Временной промежуток, разделяющий оба стихотворения, вероятно, не слишком велик. Впрочем, знание того, когда было создано то или другое произведение, как я полагаю, в этом случае для читателя не столь важно. Творчество С. Шелкового так органично-целостно, что может быть представлено как непрерывное развитие мысли, ищущей ответа на одни и те же вопросы. Нам интересно следовать за этой мыслью, додумывать, соглашаться или вступать с автором в спор.

Связь обеих вещей бросается в глаза: начальный стих одного стихотворения и последний стих другого. «Я думаю, не умер Бог» — «Аз ведал ад... Но Бог — не умирал!». И, конечно же, это

не просто внешнее банальное повторение одного и того же мотива. Скорее, здесь имеет место, как в музыкальном произведении, реприза — возвращение мотива. Что дает нам право рассматривать оба стихотворения как своего рода мини-цикл — такой, что в нем каждое может выступить как комментарий к другому.

Сразу отмечу, что оба тяготеют к лаконизму формулы. В позднейшем стихотворении это сразу заметно — в первой же строке. Звучат первые буквы церковно-славянской азбуки «аз», «буки», «веди»: «Аз ведал будни»... Формула жизни складывается из букв как элементов бытия! Так и последний стих: «Аз ведал ад...». Параллелизм начальной строки и последней этого стихотворения наталкивает на предположение, что «будни», наша «действительность» — и есть «ад». Во всяком случае, «будни» и «ад» здесь сопоставлены, а не противопоставлены. И Бог объявляется именно в «буднях», в текущем времени (с его вечным «когда?»)...

Конечно, сразу возникает искушение сравнить с этими строками формулу первого стихотворения: «просвет меж злом и полным злом». Быть может, «будни» — это «зло», а «полное зло» уже означает окончательное падение — осуждение и гибель?.. Но мне кажется, что такое прямое сопоставление — слишком легкий путь, который легко может привести к неверным выводам...

Лучше обратим внимание на другое обстоятельство. Не образуют ли оба стихотворения гераклитову пару противоположностей? Интересно то, что Вы, находясь под впечатлением от первого, не сразу приняли второе стихотворение. Вам — на фоне первого с его могучим лаконизмом — показалось, что во втором лирический удар ослаблен «перечислением». Но, по всей видимости, дело в том, что это стихотворения различные по стилю. И, следовательно, предполагают несколько разные критерии для суждения о них. Я могу повторить то, что уже сказал в первом моем письме: стихотворение «Я думаю, не умер Бог...» стоит особняком. Оно «обособилось» и в нами выделенном «цикле» из двух стихотворений. В чем эта «особость», если сказать кратко? В нем нет сквозной темы С. Шелкового — темы художественного преображения жизни, нет темы искусства, решающего религиозную задачу оправдания и спасения. Поскольку в нем отсутствует «ласкающая» тема искусства, оно предстает поразительно суровым. Суровы и его словесные краски: оно почти монохромно. Если уместно будет для этого случая вспомнить великих иконописцев русских — в нем краски Феофана Грека — не Дионисия!

Обратимся ко второму стихотворению. Оно многопланово. Вряд ли я смог бы охватить в одном письме все темы этого непростого произведения. Скажу лишь о том, что «бросается в глаза», т. е. привлекает внимание в первую очередь: тема «призвания апостолов». Это, действительно, стержень всего произведения. Давайте ею и займемся.

В первую очередь, надо осмыслить сюжет: что, собственно, «происходит». Поэт призывает к Христу апостолов. Но апостолы в Евангелии — посланники Христа. «Апостолос» значит по-гречески «посланник». Их выбирает, их призывает сам Христос. В стихотворении апостолов как «посланников Христа» выбирает поэт!

Каждый из них, будучи призван, говорит за себя. С каждым — его собственная «идея», которая «живит» его «стать и суть». Вместе с тем, каждый свидетельствует и за того, кто призвал их к Христу. Ибо эта идея — идея также и призывающего их поэта. Она «дорога ему», поскольку в ней смысл его творчества и самой жизни.

С чем можно было бы сравнить этот жест — сравнить, чтобы лучше его понять, лучше осмыслить? Я сразу вспоминаю «Маяки» Бодлера. В этом стихотворении поэт говорит о великих художниках: Рубенсе, Леонардо, Рембрандте, Ватто, Пюже, Гойе, Делакруа.

Каждому из них посвящена строфа с точнейшей образно-метафорической характеристикой его творчества. Завершается стихотворение знаменитой строфой (высеченной на цоколе памятника Бодлеру в Люксембургском саду): «Поистине, Господь, вот лучшее свидетельство, что мы (люди) могли бы дать о нашем достоинстве — это пламенеющее рыдание (*cet ardent sanglot*), что катится из века в век и приходит умереть у берега Твоей вечности». В переводе Вяч. Иванова:

*Поистине, Господь, вот за Твои создания
Порука вечная от царственных людей —
Сии горящие немолчные рыданья
Веков, дробящихся пред вечностью Твоей.*

Но у Бодлера слышится бунт. Свидетельство, в первую очередь — образ разбивающихся о скалы валов. Также здесь нет речи о «призвании». Вообще, в этом стихотворении нет «я». Художники поручительствуют о достоинстве страдающего, ищущего, призывающего или хулящего Бога, быть может — обреченного, человечества. Это, конечно, любимые художники Бодлера. Но о том, что именно он их выбирает, здесь речи нет.

Ближе, пожалуй, монах-художник у Рильке (раздел «О монашеской жизни» из «Часослова»). «У меня много братьев в монашеских рясах — на юге, где в монастырях стоят лавры. Мне ведомо, сколь человечны Мадонны, которых они пишут, и я часто мечтаю о юных Тицианах, через которых идёт Бог в пылу...». В переводе С. В. Петрова:

*Мои собратья южные — в сутанах,
и Богородиц в славной сени лавр
изображают, словно жен желанных;
и грежу я о юных Тицианах,
в ком Бог пылает, будто лавр.*

Вернёмся к стихотворению С. Шелкового. Какой смысл имеет в его лирическом сюжете мотив «призвания апостолов»? Какова его идея? В Евангелиях Христос призывает апостолов для распространения среди народов «благой вести». Апостолы, ученики Христа — разные люди. Они разнятся нравом: горячий Петр, кроткий Иоанн, упорный в сомнении Фома. Занятия их также различны: кто рыбак, кто сборщик налогов. Но есть в них нечто общее, что связывает их еще и до призвания. Эту общую их «идею» можно, вероятно, выразить словами Христа, сказанными в Евангелии от Иоанна о Нафанаиле (апостоле Варфоломее): «Вот подлинно Израильтянин, в котором нет лукавства» (Ев. от Иоанна, 1, 47). Но с того момента, как они призваны, они объединяются одной общей задачей. Им поручено распространение «благой вести». Иными словами, им поручается участие в деле спасения: они становятся со-работниками Бога в этом важнейшем деле.

В стихотворении Сергея Шелкового апостолов призывает поэт. Впрочем, Вы здесь по праву упрекнёте меня в неточности. И действительно, поэт употребляет форму сослагательного наклонения («Когда б я к Иисусу Назарею... мог созвать...»), которая, в контексте всей второй строфы, имеет значение, следует предположить, неосуществимой возможности (*modus irrealis*). Конечно, призвание апостолов — дело Христа. Кто кроме Него Самого мог бы ещё выбрать и призвать к Нему посланников?

Но введём дерзкое желание поэта в более широкий контекст. Мы поймём тогда, что он здесь высказывает — как всегда, на собственный страх и риск! — некоторое своё убеждение, поэтическую истину, которая, как всегда, не согласуется с истиной объективно-исторической. В чём это убеждение — выражено ясно. Именно те

художники, которых он «мог бы созвать», суть подлинные ученики Христовы, подлинные со-работники Бога в деле спасения и преобразования жизни.

Таким образом, если в стихотворении «Я думаю, не умер Бог...», о котором речь шла в моём первом письме, человеку препоручено «отрицательное» дело суда и воздаяния: «сам суди! И сам к секире подходи», — здесь художникам препоручается ни с чем не сравнимое в своем позитивном содержании дело спасения.

Итак, в стихотворении Шелкового — великая и старая мечта о преобразении жизни в искусстве, о жизненно-религиозном значении искусства. Некий автоматизм сознания и языка уже почти выталкивает слово «утопия». Но это лексика объективно-исторического понимания. Неважно, материалистическое ли оно или идеалистическое. Оно может быть даже освящено традицией духовности или церковности. Но оно, это понимание, не имеет ничего общего с поэтическим, творческим постижением истины, которое в русской философии было с предельной силой выражено Николаем Бердяевым. (Я вспоминаю фильм о Борисе Чичибабине, который я смотрел, когда поэт еще был жив. Я хорошо помню, как он на вопрос о его отношении к религии ответил, что Бог для него — это «Бог поэтов, художников, философов»).

Теперь поговорим о том, кто именно призван. Джотто, Брейгель, Ван-Гог с Моцартом, Мандельштам, Платонов. Может показаться, что поэт наугад выбирает из пестрой толпы любимых им авторов. Назвал этих — мог назвать и других. На самом деле, все кто назван — уже давно призваны в его поэзии. О каждом уже сказаны слова, которые иной раз поражают глубиной характеристики их творчества, иногда — какой-то очень резкой, выдающейся чертой.

О Джотто в стихотворении «Падуя в марте»:

*Если б вести от Джотто не выжили,
мир окончил бы вскрытием вен...*

О Брейгеле (для меня, признаюсь, загадка, почему он «Бройгель» — Bruegel, и немцы и французы произносят здесь «Брюгель», да и не только немцы и французы; но, очевидно, поэт здесь знает что-то, чего я не знаю...): в стихотворении «Нижегородская круча», где он появляется вместе с Аввакумом, стоящим на круче в виду снежного русского пейзажа! В другом стихотворении («Мой маленький мальчик, игрун и шалун...» из книги «Парусник») он появляется как художник, изображающий ад «будней»!

Мне думается, Брейгель, как и Джотто, важны, поскольку в их искусстве преодолевается противопоставление священного и мирского (профанного). Это соотношение становится в искусстве Нового времени сложным. У каждого из художников в этом преобразовании своя роль. Брейгель в картинах на библейские сюжеты принципиально «отводит в тень» персонажей Писания. Классический (и, к сожалению, уже избитый) пример: «Несение креста»... Христос, несущий крест, в центре композиции, и, вместе с тем, мы его как будто не замечаем среди толпы народа, идущего поглазеть на казнь... Как если бы Он явился здесь, среди нас, в потоке привычной жизни: среди «буден». Почему это важно для нашего «цикла», ясно, надеюсь, из вышесказанного.

И ещё одно основание: один из избранных — художник северный, другой — южный («у меня есть братья на юге...» в цитированном выше стихотворении Рильке). Поэт-путешественник — а С. Шелковый несомненно поэт-путешественник — знает, как по-разному является Бог в искусстве Севера и Юга.

Таинственно и знаменательно соединение Моцарта с Ван-Гогом. (Он у С. Шелкового всегда — «Винцент»!) Кто был близок Ван-Гогу из композиторов? Бетховен, Вагнер (о последнем он даже писал в письме к брату: «Вот это мастер!»). Но в стихотворении С. Шелкового он вместе с Моцартом. И связаны-то они — вангоговскими подсолнухами! Вы написали мне: «подсолнухи — это ведь и солнце, и жизнь». А это идет равным образом и Ван-Гогу и Моцарту! И оба также уже были призваны в его поэзии. Ван-Гог в «Подсолнухах 21 июля»:

*Но пой, прошу! Ведь в чистом поле есть
воителей-подсолнухов когорта,
гармонии архангельская весть!*

Моцарт — в глубоком стихотворении «И Моцарт чуял зов за рамкою клавира...», в котором поэт вступает в диалог с «Восьмистишиями» Осипа Мандельштама. А в «Рондо» в финале стихотворения звучит:

...но смерти для Моцарта — нет!

Таким образом, Ван-Гог-«пахарь» (именно пахарь — не сеятель!) и Моцарт также связаны религиозно-художественной идеей.

Мандельштам — любимый собеседник и «застольник» в стихах С. Шелкового. Но связь автора с Мандельштамом — слишком большая тема, чтобы пытаться вскользь говорить о ней. Тем более, что сам поэт уже достаточно полно высказался о значении для него поэзии и самой личности Осипа Мандельштама (я имею в виду статью С. Шелкового «Неисправимый звуколюб»). Для меня несомненно, что Мандельштам у Шелкового религиозный творец и мыслитель, но не только потому, что он оставил статью «Скрябин и христианство»... Мандельштам размышляет о том, откуда является «звук».

*Я в хоровод теней, топтавших нежный луг,
С певучим именем вмешался,
Но все растаяло — и только слабый звук
В туманной памяти остался...*

Исток творчества также тема гениальных «Восьмистиший». (Ср. тему «звука» в первой строфе стихотворения Шелкового). Его забота — «времени бремя избыть». Но что это, как не забота о творческом преображении и преодолении «будней»?

Наконец, Андрей Платонов уже был призван в стихотворении «Святой Андрей»:

*Я знаю, что Господь не ради гиблых стонów,
не ради казней всех простит срамную Русь,
но ради трех святых... Из них Андрей Платонов
суть первый.
Вслед за ним считать я не берусь.*

Самый родной («до донышка родной») — значит, первый по достоинству. Первый по достоинству — последний из призванных. Словно в евангельской притче: «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, но мало избранных» (Ев. от Матфея, 20, 16).

И снова парадоксальный сдвиг: Андрей Платонов говорит в этом стихотворении «беззвучием иконным»! Такова именно у С. Шелкового характеристика речи Андрея Платонова.

В речи-безмолвии, речи-«беззвучии» уже сказано о жизни всё. Что же «всё»? В финале, звучит реприза, возвращающая нас к началу — как самого стихотворения, как и самовольно выделенного нами цикла. «Всё», т. е. последняя истина о «жизни»,

истина «будней», то, что поэт именует «кодом первородным и исконным»:

«Аз ведал ад... Но Бог — не умирал!»

Хотя названы эти, ясно, что за ними стоят и другие. Названные указывают о неназванных. Список открыт. Свидетельствуют они, конечно, в первую очередь и о призвавшем их поэте.

Что связывает призванных? Вы в Вашей статье (фактически) доказали и в нашем с Вами обсуждении в письмах не раз уже сказали, что их связь — связь кровного родства. Они — родные. Одна семья. Пожалуй, я мало что существенного добавлю, если скажу, что это родство животворящей «идеи», творческого духа. Призванные апостолы христовы. Христианская община любви, агапа. И — артель художников, как о ней когда-то мечтал Ван-Гог!

С другой стороны, чем представляется стихотворение С. Шелкового в том его аспекте, который здесь избран нами для анализа? *Credo* и *Ars Poetica* одновременно?!

Конечно, всё, что сказано — попытка разобраться в одной, хотя, может быть, и очень важной, «линии» лирического сюжета. Но сколько в стихотворении этих «линий»? Как перекрещиваются они друг с другом, как расположены, как откликаются в объеме целого произведения? Сам С. Шелковый, в прозе, посвященной украинским истокам поэзии Арсения Тарковского, говорит о многомерности смысла, глубине и «сферичности» образа как исключительной черте современной поэзии. Приняв этот критерий за основу, нельзя не признать, что его поэзия, несомненно, современна. Это в свою очередь означает, что диалог вокруг любого его стихотворения всегда может быть продолжен.

Благодарность поэту за неопределимую возможность вместе с ним участвовать в работе осмысления и постижения мира. Благодарность за несравненную роскошь звука, в которой живёт могущество смысла. Поэтическое, словесное творчество — это всегда праздник понимания. А в понимании незаметно живёт уже росток преображения.

2012 г.

*Миясат МУСЛИМОВА,
поэт, профессор филологии,
лауреат литературных премий
(г. Махачкала, Дагестан)*

«НЕ СТИХАЕТ ЛЮБОВЬ...»

По всем законам физики инерция запущенного шквала грозит разрушить гармонию стихотворения, тем более, что пути его извилисты и непредсказуемы. Между их зарождением и исполнением зазор так минимален, что становится ясно: архитектурный замысел и строительный гений равновелики и каждый раз словно вступают в состязание за право первичности и блеска воплощения. Движение речевого потока в пределах одной единицы существования бросает вызов своему создателю, оставляя ему лишь на доли секунды право по-родительски радоваться росту своего нового детища, чтобы мгновение спустя признать его равенство себе и благословлять превосходство. Читательские опасения «сбоя» в выражах такой красоты и мощи, напрасны: какой-то высшей силой эта траектория полета в поэзии Сергея Шелкового оказывается управляемой: и ни сбоя, ни задыхающегося ритма, ни малейшего ослабления мускульной силы («План вызрел в солнечных осях», «Когда мне землекопы в лоб твердят»...)

Какое широкое поэтическое дыхание! Никакие повороты мысли и их отражения в синтаксисе не убавляют ни скорости, ни силы, ни легкости движения навстречу неизведанному. При этом потрясающая оптика, в котором малое столь же зримо и вещественно, как великое, а чуткий слух настолько всеобъемлющ и верен замыслу и смыслу, что преодолевает смертность («... этот процесс внутреннего перманентного бунта и прихода к смирению всё еще, — своей собственной априорной заданностью — движется и не теряет дыхания. И завихряясь, не стихая — в стихи, в стихи перетекает — С. Ш.»). Творящий мир в стихах — либо зодчий, уверенной рукой воссоздающий явь и плоть мира, осязаемость его линий и конструкций, измеряющий с математической и нерасчитанной точностью зазор между воздухом и твердью на его пути, либо живописец, прихотливость и выразительность красок

которого заставляют зыбко струиться марево воздушных течений или ищут и формируют плотность звучания мира.

* * *

Слово сказанное ограничивает, а несказанное боится неполноты. Избыточное — умаляет, недосказанное — обделяет. И единицы владеют искусством в пределах малых слов отразить настоящее на бездонном. Ошеломляющее богатство образов и метафор Сергея Шелкового не отбирается руками старателя, оно существует естественно и органично в поэтическом мировидении. Не то что всё его творчество в целом, но даже отдельные стихи — кладовая поэзии, мысли, где проверяет свою силу кровеносная система языка («И нагл, и простодушен Вавилон»).

Стихи поэта требуют встречных усилий, это интеллектуальная поэзия, требующая вдумчивого чтения, перечитывания — не для того, чтобы убедиться, что ты решил сложную задачу, а потому что не отпускают строки, разветвлённость которых раскрывает иные измерения. Интеллектуальность — это порой и Ахиллесова пята для многих, она нередко обезвоживает душу, не оставляя места пространству стиха, вытесняя возможность ответить встречным потоком жажды и утолщённости. Но насыщенность образов, реминисценций, обращённость ко множеству исторических имен, культурных ассоциаций тем не менее не препятствует ясности звучания.

Личное существование, как свидетельствует поэзия С. Шелкового, может управлять временем, либо отношения со временем задают пределы личного существования. Время то останавливается, то расширяет мгновение до вечности, то стягивает его протяжённость до секунды. И скорость его протекания, и направленность его движения взрывают все привычные представления, ибо то, что называется внутренним миром, субъективностью — это сам мир в свободе выбора пути и времени.

Психологи выделяют время астрономическое и содержательное, мерой которого являются наши мысли и действия. Есть время психологическое, в котором присутствует человек со своим прошлым, настоящим и будущим. В их гармонии и дисгармонии рождается путь человека, Путь, рождающийся и умением выйти за пределы времени, найти свою горизонталь по вертикали. И есть время духовное, доминантой которого являются представления человека о вечности, о смысле. О ценностях. Духовный возраст

поэта Сергея Шелкового уже стал нашим общим достоянием, фактом и явлением культуры, а биографический — пусть длится и длится во имя той гармонии, которая открывается избранным, но радует всех («А кому посвящается каждый мой слог, я не выдам секрет — ни ползвук, ни жеста... Под сосновым дыханьем, вокруг пирога, соберемся за скатертью, вышитой гладью. Не стихает любовь — вот и вся недолга...»)

У Сергея Шелкового свои отношения со временем, поэтому оно превращает в дивные картины, позолоченные своим отсветом, всё то, чего коснётся раздумчивое и искусное перо поэта. Наверное, самая совершенная гармония — та, которая рождена мучительностью поиска и размышлений. Ощутить её в себе, удержать — это значит открывать другим радость. Глухие или укрощенные отзвуки драмы нередко звучат в стихах поэта, но никогда не довлеют в стихотворении, потому что бережность отношения к миру и человеку, тепло отцовства, та самая «лелеющая душу гуманность» — неотъемлемое свойство поэзии Сергея Шелкового («Когда мне землекопы в лоб твердят, что я — всего лишь бык, а не Юпитер, я отвожу непримиримо взгляд и мну в ладони соль и зёрна литер. И слышу шорох, волхованье букв, Египет слышу, пиктограммы детство, и клинописных глин звенящий лук — тугих волов и львиных лап наследство; Он курит у окна, и у стены я Молчу о том, что мытари земные Пришли за нами. И ломают двери...»)

Невозможно привыкнуть к жизни, невозможно не удивляться природе, её уму, искусству и нежности. И потому к миру этому нет упрёка, нет притязания. Есть невозможность хотя бы на миг забыть о чуде пребывания в нём и возможности объять всю бесконечность времени и пространства. И потому так густо и тепло струится жизнь в строках поэта, знающего доподлинно: не жизнь в поисках свободы, а свобода в поисках жизни («Вечера Купалы»).

Поэзия требует не только дара чувствования, мысли и слова. Она требует мужества. И это личностное мужество, это внутреннее воинство: то разинско-пугачёвское, то библейско-мандельштамовское — в силе или от силы самостояния, от верности своим глубинным ценностям, неотступности от них. («А на круче, излуке реки, срубы брызжут расколотым светом. То из шуб пугачи-мужики — и бревенчатые, и высоки, — острозубым сверкают приветом»). Переживание мира и себя идёт глубинно в бунте и усмирении себя, и процесс этот длится и не теряет своего дыхания («Помилуй, Отче, нас, душой не бесталанных, смягчи еще гортань и не гаси зрачок. Прости мне хрипоту и почерка изъяны. —

Покаясь, повинясь, я снова тихо рад истоку своему — от их ночного клана, от пьющих синеву таврических цикад. Когда погашен свет, столь властен пьяный воздух, что хочется отдать слова и письмена за камертонный звук, за первозданный роздых, за семь ночных глотков летучего вина...»)

Богатство, гибкость, лёгкость, искусность языка и звукопись, доведенная до совершенства — отличительные черты стилистики Сергея Шелкового. Ритмика — с первого звука задающая нерв, говорящая то чеканным воинством строк, грозowymi всполохами («Время выпито. Крыса Тиберий сладострастным удушен платком. В полумёртвые очи империй ветер севера хлещет песком...»), то несказанной печалью («...эта песня была ни о ком. Отчего же в ней нежности столько, что и Богу, и беженцу-волку утирает слезу языком»), то напевной любовью памяти («И часто парю щеглы цветник у дома навещали, где плавно лилии качали цветки под веткой мушмулы...»), то эхом греческих наречий («...В стае щенячьей дышал я теплом, одноклассники, но холодила мне яблоки глаз неизбежность побега каждое утро — водой из-под крана латунного, родственно-грубым, на грамм справедливым, упрёком, неким предчувствием отклика струнного, рунного, каждое утро — под пристальным Пастырским оком...»). Дионисийская речь, упоительно богатая звуковой инструментровкой («На кон поставить счастье априори Звук русский, италийский перебор, Возлюбленное вплоть до Трои море, Вольнотекущей сини соль минор...»). Примером смысловой звукописи может быть любая строка, это особенность всех стихов поэта. «Говорил и опять повторяю: нет опасней того ремесла, где вдоль каждого звука, по краю, данность зла и добра пролегла. Чтоб за юную прыть и за старость отвечать и посмертно сполна, помни ветер любви! Помни парус, проникающий сквозь времена...»

Счастливо состоявшийся мощный поэтический голос, но сколь же силен его природный дар, что даже и в этой полноте выражения остаётся впечатление неисчерпаемости. При всей яркости и сочности метафорического ряда есть ощущение сдерживания собственной силы. Может, такому впечатлению виной скромность лирического «я», как бы уходящего в тень перед великолепием разворачиваемых им картин, их духом и смыслом, но есть некие знаки в стихах, дающие ощущение не только явленного, но и скрытого богатства. Они являют и неисчерпаемость поэтического Кастальского ключа, и всеисилие свободного поэтического голоса. Кажется, есть ещё и особая потаённая сила в стихах поэта,

которая пока не призвана, но в любую минуту готова ответить с должной мерой на зовы взыскующего времени.

Охват исторического времени и географического пространства у С. Шелкового — необыкновенный. Человек мира и в то же время певец своей малой родины, автор щемящих лирических стихов, поэт умеет выразить движение не только на этапе замысла и кристаллизации образа, но и на этапе предыстории его сгущения и рождения («И пагубным огнём, зрачком Ахматовой»). Я не знаю, что недоступно явлению Поэта Сергея Шелкового в истории словесности Украины и России, но точно знаю, что масштаб и диапазон его поэтического голоса объединяют всех и делают честь культуре как таковой. А тот факт, что высокая, подлинная поэзия принадлежит перу автора научных трудов в области прикладной математики, механики, физики вольно или невольно рождает образ эллински гармонической личности.

Иногда думаешь: такое множество самых разных стихотворений, нередко исполненных сдержанного драматизма, достигающих высокой ноты трагического звучания, но почему они всё равно оставляет ощущение солнцелюбья? Наверное, потому что ничто не покоряет с такой широтой принятия как верность «лелющей душу гуманности» в каждом произведении автора, нежность силы. Силы, умеющей заглянуть в самую глубину (а она редко бывает гармонической), подняться до больших высот (а там всё меньше тепла), и всё-таки сохранить тепло и ясность взгляда, отношения, смысла. Бережность к другому или огромная сила любви и принятия жизни, восхищения творением Творца никогда не изменяют любящему, доверяющему, глубоко лиричному голосу автора («О, как по имени кликнуть мне хочется тень, Что качнула вишнёвую рощицу, Плач затаив...», «Знаю всё, но у ветра прошу, у гневливца прошу невпопад: «Не умом, но лишь сердцем грешу — не вини, не казни моих чад...»)

Богатство образов, неисчерпаемость, широта объятия мира открываются через знакомство не только со всей лирикой поэта. Даже одно стихотворение удивительным образом уже воплощает в себе эти характеристики. И в каждом стихотворении текст выступает как единство живого, ибо соединение разъятости мира — более сущностная характеристика творчества поэта, нежели самоценность красоты и смысла в ответвлённости каждой поэтической строки, в каждом отдельном стихотворении. Но иногда, читая поэта, не хочется следить за целым: каждая строка дарует

такое наслаждение, что замедляет чтение, возвращая к самоценности всего, что существует в этом мире.

«Как я полагаю, я сочиняю исключительно про одну вещь. Я сочиняю время и про то, что оно делает с человеком», — писал И. Бродский. Уход в историческое время в лирике Сергея Шелкового — это и возвращение хотя бы в силу направленности взгляда художника из настоящего. Но что значит этот уход — поиск ли, утешение, объяснение? Неблагодарное дело — пытаться исчерпать неисчерпаемое, но безусловно одно: странствия лирического голоса в лабиринтах и дворцах времени — это не столько одинокий голос человека, сколько органное воплощение его силы, не столько поиск, сколько подтверждение неисчезновения смыслов. Есть голоса, через которые время старается понять само себя. И даже говоря о малом, этот голос обречён говорить о большом. Но разве есть в человеческом мире большее, чем Дитя? «Две мои страсти сращены в одну: зов женщины, чьё имя — детский гомон. И лепет фолианта, где в плену у тела гнома — небожитель Гофман...»

В движении времён и в их хитросплетениях всегда есть место человеческой высоте и низости. В этом смысле время неизменно. «И дар высотных слов есть то, что нужно пространству мерзлоты, где гибнут птицы, где время признаёт великодушно, что жизнь — не поле с «veni, vidi, vici». За призрачностью ухода тридцать третьего года зловеще маячит тридцать седьмой, и каждое из чисел прошлого может стать тенью грядущего. Сбывшееся и несбывшееся — всё зримо являет свои контуры там, где история проверяется поэтом: «...Уйми слезу, Яськов, под добрыми очками и облаку махры вослед в стихе вздохни, как ранены глаза щепой на пирамиде и в эти, — ну, ничуть не радостнее, — дни. Не верю я словам, но сердцем чую голос, который свыше дан, не предан, не пропит. Ядреная зима! — Скрипит морозный полоз. Сдирает стужа скальп и плакать не велит».

Право вопрошать и отвечать — право каждого, но только у Поэта всеобщность права и долга находит воплощение в строках, которыми можно говорить с высшим: «Небом правишь ли, кривда земная? Средь степи, в людоедском году, смотрит слепо Мария не мая. Поднимаю дитя, поднимаю — И по веку, г л у х о м у, иду...»

Не стихает Любовь...

2012 г.

Петро ОСАДЧУК,
поет, перекладач, критик,
лауреат літературних премій
(м. Київ)

**РЕЦЕНЗІЯ НА ПОЕТИЧНИЙ РУКОПИС
СЕРГІЯ ШЕЛКОВОГО
ДЛЯ ВИДАВНИЦТВА «МОЛОДЬ»**

Імені Сергія Шелкового мені не доводилось зустрічати ні на сторінках періодики, ні тим паче — на обкладинках книжок чи в колективних збірниках. Тим більше моя радість спілкування із свіжим поетичним словом, яку спізнав, читаючи цей чималий за обсягом і далеко непересічний за ідейно-художніми параметрами рукопис нового для мене поета. Вільне, навіть грандіозне володіння віршем, відчуття пластики слова, вміння говорити про складне, сокровенне просто і водночас вишукано, вміння в звичайному відкривати незвичайне, наповнювати поетичний рядок живим пульсом людського хвилювання — це далеко не всі прикмети віршів Сергія Шелкового, який, правда, іноді буває аж надто вишуканим, нехай мимоволі, але самоцільно ускладненим «заестетизованим».

Справжньою поезією дихає уже з першої сторінки рукопису:

*Выстроить жизнь, словно лодку сработать,
Сладить ладью золотого сеченья!
Кто говорит, что отвагой и потом
Не постигается откровенье?*

До того ж у цих віршах проглядає характер, пробивається темперамент, присутня життєва позиція автора, що на подальших сторінках дає про себе знати в різних варіаціях, підсилюється, проясняється додатковими мотивами і нюансами. А поки що:

*Брат! Нам отцово наследство осталось —
Парус холицовый да якорь железный.
Выдюжить жизнь! Будто вывести парус
Из ледяной непрощающей бездны.*

Сила віршів Сергія Шелкового не лише в їх емоційно-смісловій пружності, не награній, «культуристській», а ледь не фізично осяжній мускулатурі поетичної експресії, сила ця і в самоусвідомленні так званого ліричного героя як людини і громадянина, у його невіддільності від роду і народу, вірі у наші суспільні ідеали:

*Ребенок мой, Чумазый и родной,
Я светлостью твоей не умиляюсь.
Я просто знаю — это счастья малость,
Нечаянно полученная мной.*

*И что-то есть важнее, чем покой,
И что-то есть огромнее, чем вечность,
Когда ко мне влезает ты на плечи
С конфетою смешною за щекой.*

Так відчувати радість життя на землі може людина, яка добре знає, якою ціною заплачено за це життя, певно, через те в рукописі зустрічаємо такі вірші, як, наприклад, «Солдатская дочь» — пекуча пам'ять про минулу війну. Пам'ять про батька у дочки назавжди збереглася разом зі смаком повоєнного хліба, що увібрав і гіркоту, і горе, і став основою молодого життя:

*Щавель, крапива да полгорсти ржи —
Мука голодной ребятни солдатской.
Но на помин солдатовой души
Землистый хлеб сумел в печи подняться.*

*Навек на сердце клятая война —
Ломоть горчащий поминальной тризны,
Жестокая великая цена
Отцовства, сохранившего Отчизну...*

*И зреет поле, и река течет
По той земле, что до травинки свята,
И для живых людей хлеба печет
Живая дочь убитого солдата.*

Нічого не скажеш, все тут на місці, — коли немає зайвих слів, то й немає зайвих сліз. Суворий, але життєствердний вірш! До нього чи не найближче стоїть вірш «Вдова», і не стільки за ого-

леністю больового нерва, скільки завдяки втіленій у слові силі життя, його торжеству:

*На старом кладбище солдатском
Апрель могилы отогрел,
И снова стало ей казаться,
Что мир немного подобрел...*

Брилісті, уподібнені до надійної кам'яної кладки в храмах словесні споруди Сергія Шелкового виникають з необхідності сказати найголовніше, виразити те, на чому тримається спадкоємна безперервність життя

*Дедово было, было отцово —
Стало опорой моей навсегда:
Слово-кольчуга и колокол-слово,
Белого камня кремля-города.*

*Кровная речь, колыбельное слово,
Неопалимые небеса,
Давняя песнь, где добры и суровы
Мамины, тихой лазури, глаза...*

Не кожному поетові вдається сказати так просто і ґрунтовно про складне, зрештою, нетлінне в нашій історичній пам'яті, як це вдається Сергію Шелковому:

*По мне — пусть будет песнь простой,
Когда в ней есть душа земная —
Она дыханье силы той,
Что в пыль развеяла Мамаю.*

*По мне — пусть будет песнь проста.
Когда в словах земная дума —
Она бессмертнее креста
С груди упрямаца Аввакума.*

*Но ложь, и воспарив, — пуста,
Пуста бездумно и бездушно.
По мне — пусть будет песнь проста.
Где правда есть — прикрас не нужно.*

Бути сильним і точним у слові спроможен залишатися той, у кого достатньо таланту, щоб ігнорувати допоміжні засоби, коли нема потреби димовими завісами із саморобних метафоричних пашок прикривати відсутність істинних думок і почуттів. Тільки так! «В душе светло и одиноко, / Как ясной осенью в лесу, / И всё свое с собой несу / Почти без горечи упрека». Тільки так! «Есть у земной судьбы права — / Судить твой дар, жестоко, здраво. / Но чище слов споёт листва. / Но выше славы встанут травы». Тільки так! «Поверьте в мудрость прямоты, / Вглядитесь пристальней и глубже. / Мы в озаренье правды лучше, / Умней лукавой суеты».

Писати такі вірші, які пише Сергій Шелковий, під силу людині талановитій, до того ж, наділеній цільним характером, але не з однолінійним, а багатоплощинним баченням світу. І, певна річ, наділеній наявністю розвиненого світогляду, чия присутність матеріалізована у віршах, переважна більшість яких у рукописі — добротна, повнокровна поезія.

Отже у якості висновку треба сказати, що самобутні, талановиті вірші Сергія Шелкового заслуговують на видання окремою, солідною за обсягом книжкою.

Не маю сумніву, що вона стане помітним явищем в російській поезії на Україні. І чим скоріше відбудеться вихід у світ цієї книги, тим буде краще.

1984 р.

Лариса СУХІНА,
журналіст, редактор
(м. Харків)

«ДВІ РІВНІ ПОСЕСТРИ — ПОЕЗІЯ Й НАУКА...»

(Інтерв'ю з С. Шелковим для газети
«Соціалістична Харківщина»)

Він водночас фізик і лірик. Кандидат технічних наук, доцент ВХПІ, поет. Минулого року вийшли а світ дві добірки Сергія Шелкового в альманахах, вийшла у Москві його перша поетична книжка «Всадник-май». Навдивовиж везучий 1985 рік...

— Ну, що Ви, — посміхається Сергій, — просто збіг обставин. Книги готуються до видання, як правило, стільки років, що самого поета, буває, хвилюють не зовсім ті речі, про які він писав у збірках. Поет іде вперед, а книга «осідає» у видавництві. Взагалі з недовірою ставлюся до визначень на рівні «пощастило — не пощастило». Якщо людина чогось досягла в житті, то цьому, впевнений, передувє серйозна, самовіддана праця, напруження всіх зусиль. Манна з неба нікому не падає. Успішним можна вважати той період життя, коли тобі вдалося максимально реалізувати свої плани, залишаючись при цьому самим собою.

— *І от, оглядаючи пройдений шлях...*

— Перепрошую, але мені, мабуть, робити підсумки ще рано. Якщо обирати між двома образами: минулого і майбутнього, то мене більше приваблює останній. Своє життя я аналізую, як і кожна доросла людина, але вердикт не виношу. І як кожний оптиміст, до того ж, інформований, вважаю, що найголовніше і найцікавіше — ще попереду.

— *Що гарантує відсутність затяжного невдоволення собою, обставинами — поєднання в одній особі фізика і лірика?*

— Я не ставлю так питання. Як би нещасливо не склалися обставини в певний момент, в який би кут не заганяли, завжди прагну бачити світло і розумію: вихід там, і його знайдено. Людина, яка не вміє керувати своїм настроєм, рано чи пізно стає «нитиком». Коливання успіхів і невдач неминучі і саме вони складають канву життя. Амплітуду цих коливань регулює сама людина. Дозволю собі, можливо, не дуже вдале порівняння. Існує два поняття:

погода і клімат. Погода, як відомо, дуже перемінлива. І все ж для того чи іншого району можна визначити більш-менш стабільний клімат. Так і в людини: перепади настрою — це ще далеко не характер.

— *Сергію, при першому знайомстві Ви справляєте враження людини дуже благополучної, що по життю йде стрімко, рівно, легко...*

— Не буду розвіювати це враження. Але от такий факт із мого життя. В одинадцять років я послав свій перший вірш на суд «Пюнерської правди». Звідти одержав стандартну відповідь-відмову: «Дорогий друже! Читай більше Пушкіна, класиків російської літератури». Перша моя книга вийшла більше, ніж через двадцять років після тих корисних порад. У передмові до неї рецензент свідчить про традиційно непросту ходу неофіта в поетичній справі. «Кілька років тому, — написав редактор, — він (тобто я) прийшов у редакцію по роботі з молодими авторами із зошитом віршів. Вони були уважно прочитані, не уникли слів критики... Але уже тоді почалася копітка, часом, здавалося б, нудна, але така необхідна робота молодого поета над словом, над строфою, над віршем...» Але ж поряд з цими повчаннями, до речі, й не дуже точними, вже лунають більш важливі для мене слова: «Вірші Сергія Шелкового мені нагадали кольорове скло якоїсь незнайомої тераси, через яке світ бачиться багатоколірним, яскравим і казковим...»

Якщо я почну перелічувати все, що мені не вдалося, вийде досить довгий ряд. Мені б хотілось, наприклад, міцніше закріпитися в спорті. Але не судилося, й найбільше моє досягнення у цій царині — значок «Чемпіон ХПІ з футболу», який, до речі, і не пам'ятаю, де зараз лежить. Намагаюся, за стійкою звичкою, якомога більше рухатися: граю в великий теніс, інколи в баскетбол. Але, чи то через брак часу, чи то з інших причин, все це лишається на рівні аматорському.

— *І все-таки, що для Вас значить поезія?*

— Я пишу тому, що відчуваю в цьому внутрішню потребу. Це можливість щось точніше з'ясувати для себе. Хоча коло людей, з якими спілкуюся, досить широке, якісь пласти залишаються незацепленими. Все, що мене хвилює, і гадаю, знайде відгук у душах читачів, переливаю у рядки. Вірші я пишу фактично з дитинства. Для мене це — не жонглювання словами, не гонитва за оригінальною формою, а спосіб самовираження. Якщо таку можливість у мене відібрати, життєві барви одразу полиняли б.

І разом з тим я вважаю, що людина у будь-якій справі повинна бути майстром. Якщо відчуваю, що в мене нічого не виходить,

що вірші, крім мене, нікого не цікавлять, шукатиму себе на іншій ниві. Хоча для мене це було б дуже боляче.

Гадаю, що затяжні невлаштовані періоди в житті найчастіше трапляються тоді, коли людина займає не своє місце. І ще я впевнений, що кожна людина здібна. Тільки одному вдалося відкрити себе, а іншому — ні. І тоді це трагедія, бо кожна людина — явище. Інша справа, що бувають різні рівні спілкування, і часом найцікавіше, найсуттєвіше так і залишається за сімома печатями.

— *Спілкування з ким дарує Вам найбільшу насолоду?*

— У тій, загалом наївній відповіді, яку я отримав з «Пионерської правды», був закладений і великий смисл. Класикам російської літератури за багатством думок, поривань, ідей, навіть сюжетів навряд чи хтось може скласти конкуренцію. Вечірні «розмови» з ними заклали фундамент і моєї особистості.

— *Крім поезії, для Вас існує також наука. Як «миряться» вони між собою! Чи є у Вас вільний час? Як Ви його використовуєте?*

— У одному із своїх віршів я згадую про те, що людина свій мозок завантажує тільки на шість відсотків. Уявляєте, які у кожного лишаються нерозкриті, нереалізовані потенційні можливості?! І хоч вільного, тобто не заповненого чимось необхідним, часу у мене фактично немає, це ще не значить, що я встигаю максимум. Можна працювати небагато, але «потужно». І навпаки. Стосовно того, як живаються два покликання, існує цілий ряд «сімейних» порівнянь: науку і поезію називають і сестрами, і просто родичками. Нічого нового я запропонувати не можу, приклади подібного творчого співіснування вже давно існують. Те, що вони не конкурують, а друзі — це точно.

— *Ви дуже чітко плануєте своє життя?*

— Як викладач і доцент політехнічного інституту, скажу: звичайно ж, що планую. На кафедрі «Динаміка та міцність машин» я читаю зараз три різних курси. Доцентом став порівняно недавно: три роки тому. Треба ще багато вчитись, напрацьовувати знання та досвід. Зранку, принаймні, складаю хоча б короткий список найважливіших справ на день. Періодами пориваюсь навіть вести щоденник. Але духу перетворити це заняття на регулярне не вистачає. Як літератор змушений зізнатись, що життя в цій сфері не занадто вже й планую. Ніколи не ставлю перед собою таких цілей: через рік-два видати книгу, за який-то період написати конкретний текст. Вірші пишуться по слідах сильних емоційних потрясінь, вражень, а хіба їх можна передбачити? Пишу прозу, але поки що нічого з моїх проб не опубліковано.

І хоча публікації не єдиний критерій, це — серйозний стимул діяльності.

— Скажіть, Сергію, при якій умові Ви могли б вважати, що життя вдалося? Що воно не тільки гарно задумане, але й прожите цікаво?

— Тоді, коли б максимально реалізував себе, залишаючись при цьому самим собою. Стандартна відповідь? Але хто із Ваших знайомих відмовився б від такого фіналу? От ми говорили багато про те, які бувають шляхи до визнання, успіху. Кому це вдається легше, кому — важче. Мені здається, не в цьому справа. Життя треба наповнювати високими цілями і смыслом — це головне. У когось активна перше половина життя, у іншого — максимальна віддача припадає на вік похилий. Від багатьох моментів це залежить: і від обставин, і від темпераменту людини. Поет Арсеній Тарковський видав свою першу книгу після п'ятдесяти років. І про нього відразу заговорили як про поета справжнього, неординарного. І це при тому, що побутує думка: становлення поета на відміну від прозаїка, відбувається в ранній молодості. Або взяти Євгена Євтушенка і Андрія Вознесенського. Вони заявили про себе на повний голос молодими і утримують постійний читацький інтерес і зараз, у зрілому віці.

— Яка людина може бути вашою моральною опорою?

— Такі люди є в реальному житті. Із задоволенням спілкуюся, наприклад, з Геннадієм Львовим. Це мій колега, доцент. Порівняно молодим захистив докторську дисертацію. Серйозно займається вітрильним спортом. Суботи і неділі влітку проводить на яхті на Салтівському водосховищі. Бере активну участь у відповідальних регатах. Людина змістовна, активна. Взагалі я дуже ціную людські дії. Коли нас не стане, залишаться наші вчинки, і це найправильніший критерій оцінки особистості.

Коли я підростав, людиною, з якої хотілося робити своє життя, був мій дід — Петро Іванович Шелковий. Все життя він працював над собою саме «потужно». Брав участь у громадянській війні. Потім закінчив промислову Академію, займав відповідальні пости на виробництві. І все життя вчився. Навантажував себе максимально. У Ворошиловграді є навіть вулиця, названа його іменем. Але це не єдиний результат його життя на землі.

— При такій завантаженості вистачає часу на те, щоб приділяти увагу доньці?

— Стараюся, щоб вистачало. Якось помітив у ній підвищений інтерес до географії. Всю відпустку грали у своєрідну гру: подоро-

жували по невідомих країнах і континентах. В результаті — донька знає зараз фактично столиці всіх країн. Діти — співбесідники дуже вдячні. Вони всотують у себе швидко, інтерес до життя виявляють такий, що їм можна позаздрити.

— *А якщо відверто, як ставитесь до цього почуття — заздрості?*

— Кажуть, що вона буває двох кольорів: білого і чорного. Заздрість, як захоплення, визнання, з побажанням добра комусь, хто цього визнання вартий, і разом з тим, як каталізатор діяльності для себе, не можливо не визнавати.

— *Закінчується робочий тиждень. Наближається вихідний, відпочинок. Як Вам найчастіше хочеться його провести?*

— Заняття можуть бути найрізноманітніші. Захоплююсь зараз історією. У нашому інституті чудова бібліотека, можна взяти книги рідкісні. Спілкуюся у вихідні з домашніми, звертаюся до улюблених літературних справ. Але ми з Вами домовилися, що я, якщо і планую своє життя, то не дуже жорстко. І у вихідний, і взагалі в житті чекаю чогось несподіваного, сюрпризів. Хоча й розумію, що найкращі експромти — добре підготовлені.

1986 р.

Орест Корсовецький,
поет, перекладач, педагог
(м. Черноморськ, Крим)

ЛИСТ ДО С. ШЕЛКОВОГО
ВІД 4.ІІІ. 1989 р.

Сергію Костянтиновичу, славний друже!
Ви не станете гніватися, коли в кінці цього листа прочитаєте, чому я так затягнув з відповіддю на Ваш лист від 24 січня та прикладені прекрасні поезії, і тільки зараз, одержавши «Три времени судьбы» з таким зворушливим дарчим підписом, пишу Вам ці рядки.

Перш, ніж це з'ясувати, вітаю з душі визначну у Вас подію — вихід збірки поезій! Відразу ж скажу, що вона безперечно вдалася. Як художньо, так і ідейно.

*Зазывы утиного кряка
Слышны далеко над водой,
И ящериц ловит собака,
Прибрежной шурша лебедой... —*

це справжня високохудожня поезія, де є все, що її визначає: надзвичайна прозорість думки і разом з тим такі фарбисті образи, що змальована картина відразу ж постає перед очима.

Разом з цим Ви дуже радуєте мене своєю позицією Громадянина, високо ставлячи це звання. Думаю, що в подальшому Вам по силі й по душі створити багато нових творів в цьому напрямку, розкриваючи якнайглибше і свою позицію, і створивши галерею людських образів, Ваших сучасників, ровесників з їх розумінням цієї позиції. Дуже це потрібно, не лише в неспокійному, сьогоднішньому вируванні, а й на віки, поки ми є народ, держава. Гостро відчуваєте Ви зв'язок часів, відповідальність за духовну спадщину. Все є в Вас для створення галереї образів Громадян, благословляю Вас на це!

Багато цілком зрозумілого трагізму у Ваших розмислах. Та зараз на цьому настояно чи не більшість того, що публікується взагалі. Думається мені, що спрямувавши світло на незнищиму

й в пережиті трагічні часи Людність, на Душу, збережену хай там що, Ви пішли б своїм, не протореним ще ніким шляхом. Бачу у Вас можливості для цього.

Дуже хочу, щоб на Вашу збірку з'явилася хороша рецензія розумного й людяного критика. Це Вам допомогло б на подальшому шляху.

Якщо зможете передайте від мене якнайсердечнішу подяку невідомій мені Юнні Мориц за чудову передмову!

Ось поки і все стосовно Вашої книжки.

«Отривки хроніки» — справжня і потрібна громадянська поезія. Думаю, що «Поэма горечи высокой» говорить ще більше. Сподіваюся прочитати її в дні нашої зустрічі. Про неї, зустріч, і поговоримо зараз.

На кінець травня і початок червня в нашій домівці ніби не передбачається гостей. З радістю привітали б Вас тут. Тільки, Сергію Костянтиновичу, не на два дні, а на далеко більший термін, і не одного Вас, а з дружиною та донечкою (якщо ж сім'я збільшилася, то це ж прекрасно!). Тут же найкращі в Криму пляжі, найчистіше і найтепліше море. Отже закликаю планувати саме таку зустріч.

Думаю, що моя автомашина не ламається, і я зможу зустріти Вас чи то в Євпаторії, чи в Сімферополі, зможемо поїздити по різних тутешніх пляжах. Використаємо якнайповніше можливості і для поетичного спілкування, і для моресонцепляжної терапії. Отже чекаємо Ваших міркувань з приводу всього цього. Можемо не лише листуватися, а й розмовляти по телефону. Наш — 91-1-42. Особливо телефон буде потрібний, коли купуєте квитки і повідомите дату Вашого прибуття, номери поїзду та вагону.

Я сам зараз віршую дуже повільно, бо є та причина, що не дала мені змоги відповісти Вам вчасно на Ваш лист від 21 січня. Справа в тому, що до нашої хати вдерлося лихо. Мусив відвезти дружину в Сімферопольську онкологічну лікарню на операцію. Діагноз — рак молочної залози. Цілий місяць жив тільки дорогою. А це — в обидві кінці 6 годин лише одної їзди. Дуже виручала власна автомашина.

Зараз Хіма Федорівна (по-справжньому Файзрахманівна, вона — татарка з Башкірії) вже дома і почуває себе непогано. Думаю, що на час нашої зустрічі все це буде позаду, і ми зможемо добре використати всі можливості, які тут є. Хіма Федорівна теж хоче бачити Вас, ось тільки що ще раз про це нагадала, довідавшись, що я пишу Вам

У нас вже зацвітає мигдаль. Але дні переважно похмурі або вітристі. Та все ж поменшало лебедів, диких качок, що зимують

напроти наших вікон, у гавані. Зазеленіла травиця. Прилетіли і задуділи горлиці.

Написав я синові в Ленінградське військово-політичне училище про Вашу книжку. Було б непогано, якби Ви знайшли для нього екземпляр. Адресу Рустамову надсилаю. Це була б перша у його житті книжка, подарована автором, тим паче справжнім поетом!

Ось тепер ніби і про все, хоч коротко, написав.

Обіймаю Вас! Сердечні вітання Вашій родині!

Орест Корсовецький.

ЛИСТ ДО С. ШЕЛКОВОГО ВІД 10.XI.1990 р.

Дорогий та любий Сергію Костянтинівчу!

Півмісяця ми з Химією Федорівною пробули в Ленінграді, куди їздили на випускні торжества військового училища, котре з відзнакою, червоним дипломом закінчив наш син Руслан. Але про це нижче, а зараз — про найголовніше — Вашу книжку «Шиповник, сто сердец дарящий», що прийшла в мою хату якраз на повернення додому.

Насамперед — з душі Вам дякую за неї! І за висловлене такими сердечними словами бажання почути мою думку. Я постараюся ще висловити її, але більш глибоко — у наступному листі. А зараз, після першого прочитання, — про перші, тому, думаю, головні враження.

1. У книжці дійсно, згідний з анотацією, лунають громадянські мотиви в поєднанні з поетичною художністю, котра так припала мені до серця при перших Ваших публікаціях, з якими Ви знайомили мене напочатку нашого спілкування. Сергію! Це дуже важливо! Писав про це Вам чимало. І якщо хоч крапелька моєї заслуги в цьому мужнінні Вашому як поета-громадянина є, то чого ще мені бажати! Ви не з тих, кому багато разів треба повторювати одне й теж. Самі побачите дальші горизонти, впевнено виїшовши на вірний шлях творчості. А безперечний Ваш талант на цьому правильному шляхові розквітатиме все пишніше, бо матиме найживодійніші для цього живильні соки.

2. Дуже радію, що, як і раніше, пишете Ви не абстрактними поняттями, за котрими немає ні зорового, ні слухового, ні інших почуттів, а конкретними образами, котрі бачаться, чуються, та взяті з безпосередніх вражень від природи, від живих людей. Це,

Сергію, рідкісний дар, і Вам доля дала його щедро. В цьому Ваша сила. Бачте, чуйте, відчувайте доторком, сприймайте аромати і з цього продовжуйте творити свої образи. Коли вже зараз Ви так не схожі на інших віршописців, то що буде у Вашій, наприклад, п'ятій книжці! Дуже хотів би дожити до неї і порадіти за Вас, як завжди радію, як тепер.

3. Вже не раз відзначав багатство Вашої ритміки. Радію, що і в цьому напрямку Ви багатішаєте, множите свої скарби і не схожі на інших, котрі ніяк не можуть вийти за межі, скажімо, ямбу, і то лише чотири- та п'ятистопного. Це я вважаю ще однією важливою складовою Вашої поетичної особливості.

4. Як не дивно, але у Ваших російськомовних поезіях відчуваю в багатьох місцях... українського поета! Дуже цікаво... Чи не розвиток це нової грані Вашої поетичної особистості? Якщо так, то бачу Ваші нові перспективні горизонти, дуже своєрідні. Чи не там Ваше, тільки Ваше, нове слово в Поезії? Йшов цим шляхом, скажімо, Едуард Багрицький, та Ви ж — з іншого покоління, з іншого часу, так що багато можете сказати не сказаного ніким. Ні до чого не закликаю, але в подальшому буду дуже цією Вашою особливістю цікавитися.

От поки і все попередньо про Вашу нову збірку, дорогий друже. У наступному листі занурюся в глибини окремих Ваших поезій, окремих строф.

Вітаю Вас з отриманням квитка члена СПУ і СП СРСР! Я його ще не маю. Може вже прислали в Сімферополь. Ще туди не дзвонив після повернення з Ленінграда.

Тепер коротко про наші сімейні новини. З Ленінграда Руслан полетів у Магадан за Сніжаною та сином Арсеном, котрого Сніжана народила 21 травня і після цього примудрилася-таки скласти держіспити в педінституті.

В Ленінграді молодий батько купив розкішну коляску для сина, ванночку, спакував свої речі. Все це ми відправили багажем і як тільки прибули, привезли з Євпаторії до Черноморська. Ледве впоралися — треба було зустрічати в Сімферополі молоду сім'ю. Віддали їм нашу з Хімою Федорівною кімнату, самі перейшли у вітальню.

Руслан одержав призначення в Одеській військовий округ, чому ми дуже порадили, бо це близько від нас. 31 липня йому треба приступати до роботи. Завтра я і Хіма Федорівна поїдемо до Євпаторійського морського порту, щоб купити Русланові квиток до Одеси, де він мусить одержати призначення у конкретну військову частину.

Як бачите, часу для творчості в мене небагато. Але є вже дещо таке, котрим я хотів би поділитися з Вами, особливо вірші про кримських татар, над якими я зараз працюю.

Тут, в одному селі Чорноморського району, відшукав я, Сергію, справжній поетичний талант — дуже і дуже скривджену здоров'ям дівчину Світлану Коношенко, котра, незважаючи на таке прізвище, не знає ані слова українською, пише, як і Ви, російською. Сергію! Чи не змогли би Ви десь надрукувати її вірші, хоча б у газеті? Повторюю, у неї справжній, дуже своєрідний талант. Замість здоров'я, доля дала їй його щедро. Було б благородною справою допомогти їй!

Обіймаю! Найщиріші вітання Вашій родині!

Орест.

Світлана СТЕФАНЮК,
письменник, педагог,
професор Державного Педагогічного
Університету
(м. Харків)

«МАНДРИ» ПО УКРАЇНСЬКІЙ ЗЕМЛІ РАЗОМ ІЗ СЕРГІЄМ ШЕЛКОВИМ

Хочу поділитися своїми роздумами про нову поетичну збірку Сергія Шелкового «Мандри», що вийшла друком у видавництві «Майдан» в 2002 році.

Живе у місті Харкові учений, поет, лауреат літературних премій імені Б. Слущького та імені М. Ушакова, член Національної Спілки письменників України Сергій Шелковий, який відтворював свій тридцятилітній науково-викладацький та мистецький шлях «від Лева до Харона» (читаймо ще — «від Львова до Харкова»).

Читаючи його десяту поетичну книгу під динамічною назвою «Мандри», першу збірку поезій, що виходить у світ українською мовою, і думками «погойдуючись» на його «серпневих пейзажах» та «серпневій тиші», відчуваючи «вологий присмак озону» української землі, — я, разом із автором, знову й знову повертаюся у сторінки славної української історії.

Тієї історії, яка ніби так далеко від сьогодення «століттями захована за високими могилами, з великими духовними скарбами, що незліченними лягли у золі», але, як весна, знову й знову прокидається у душі, наснажує дух сьогодення, ідучи по землі («Степова весна»).

Для Сергія Шелкового є дорогою — як і дитинство кожної людини — історія землі, на якій він народився и живе:

*І кров мені, й біль — нелегка твоя доля,
степна моя стороно! — попід горбом
кургана сяйнуть з-під коріння і солі
то русича криця, то хана шолом...*
(«Степова весна», стор. 42).

Автор збірки «Мандри» майже через кожний поетичний рядок передає себе як частинку української історії, культури — адже його людське и творче коріння — саме в цій землі

*Шляхи коріння хто пояснить?
Даль-далечинь — лише луна...
Та витязь-в'яз і лучник-ясен
з свого проріжуться зерна.*

(«Кров долину», стор. 43).

Сергій Шелковий слушно уважає, що кожна людина вибирає свій життєвий шлях. Але, ступаючи цим шляхом, цією дорогою, якою йшли діди, батьки, і на якій вони залишили свій слід, — неможливо не пам'ятати, не розуміти стратегічної цінності власної родової спадщини:

*Шлях і лишиється вже незнаним.
Та збережи, полин, в крові
багрець, що сипали краям
нічні багаття степові.*

(«Кров долину», стор. 43).

Українська історія — це культура Київської Русі та козацька культура, це — єдність та наступність сімейно-громадських поколінь, що передавалися у спадок через думу, це певні принципи родової спадкоємності, національної самодіяльності, самоврядування, які з роду в рід успадковуються через «кров долину», «спогади старезних дідів» (стор. 43).

Кожен клаптик землі в Україні має свою багату історичну спадщину, свої пісні, свої літописні перекази і, звичайно, думи, про які так часто згадує і на які посилається автор «Мандр»; і усе це разом спонукає кожного, хто став на батьківську стежку, жити за законами кращих християнських та національних ідеалів.

*Століття сховали високі могили,
скарби незліченні лягли у золі,
та знов весняна прокидається сила,
наснажує дух, ідучи по землі.*

(«Степова весна», стор. 42).

Власне, «наснажуючий дух» спирається на ментальні традиції народу, які викристалізувалися в певних історичних обставинах, на певних національно-релігійних традиціях. Мабуть, саме тому в кожному рядку С. Шелкового можна відчутити шану українській думі, яка живе навіть у блакиті неба та в шумі гілля, шану християнсько-духовним традиціям та рідному слову:

*Є хліба смак, є слово в рідній мові,
в їх мудрій простоті живе душа.
О, ні хвилини не віддай живої
сліпому зблиску тьмяного гроша!*
(«Є хліба смак», стор. 52).

Сергій Шелковий висловлює щирий жаль, що сьогоднішня людина часто відступає від батьківсько-родових заповітів, від неписаних законів української культури, і в результаті стає ница духом і тілом, зовнішньо і внутрішньо:

*Ось сьогоднішня. — Винищення смислу.
Вже ніде ставить на чолі клейма.
Слова діряві і червиві числа.
І нищість дум над духом гніт трима...*

Власне, автор не шукає забуття в чужій культурі, не вклоняється вигаданим ідолам поза високими національними та християнськими цінностями, а свято несе в своїй творчості, високе, кривно рідне:

*Коли б міг я не знать, не любити первісної мови,
коли б міг не вклонялись Печерським твоїм письменам...*
(«Київ», стор. 37).

І звертаючись до вищих заповідей Бога («І поруч знов: зачаття непорочне та першослова витоки святі...» — стор. 34), поет відчуває живий поклик саме першовитоку, саме свого власного родового кровообігу:

*Лечу в бентежнім сні, лечу все швидше
на поклик роду, за магнітом крові —
Чумацьким Шляхом, шовковим зелом —
лечу на південь в тузі невблаганній...*
(«І ось, коли настане знову...», стор. 11).

Знов і знов зтверджуючи вищі християнські цінності («своїй іконі судилося хреститися мені» — стор. 57), С. Шелковий звертається із щирим людським почуттям навіть і до «братів наших менших»:

*Я чомусь ще з отроцтва повірив, —
В хащах молочаю й лободи, —
Що до в'язів, вписаних у вирій,
Зможу повертатися завжди.*

*Бо в землі живої у запасі —
скільки не злостить ми й не гріши —
саме ті, найвищі, іпостасі
нелегкої людської душі.*

Найголовніше, як уважає автор збірки «Мандри», — це людська пам'ять, що є оберегом самовизначення як окремої людини, так і всієї нації. Людська пам'ять про найвище національно-історичне — це оберег людини від недорозвиненості, духовної неврожайності, деградації («врятувати душу — мої жнива — попри всі недороди безбожних днів...» — стор. 63).

Сергій Костянтинович Шелковий — гуманна, сонцелюбна людина («І — наскрізь сонцелюбна в цьому світі — живе невтомно, рветься жить душа...» — стор. 12); його ліричний герой всіма фібрами свого ества здатний радіти і літу з невилюбленими днями, і осінньому дощу, що торкається тоненької бронзи листяних дольонь. І життєвий шлях поета — то намагання пронести в своїй душі «золото вулика», застерегти сучасників від небажано-байдужого, відчутти пульс історично-спадкової крові:

*Що кров моя? Наточена по краплі
з криниць солодких та гірких лиманів,
з рік материнських, з батькових дощів.
І ось тому, коли приходить червень,
потоків пам'ять набухає в жилах,
і спритно доля сірого сідлає,
попруги ремінь затягнувши вицертъ
і сагайдак дарує Сагайдачний...*

(«І ось, коли настане знову червень...»,
стор. 11).

Сьогодні з'єднало Львів і Харків, Західну і Східну Україну: адже в місті Харкові вперше у вітчизняній історії козацька культура стала в ранг педагогічної науки. На Слобожанській землі відкрито Інститут Українського козацтва, що носить імення Петра Сагайдачного, котрий родом із Галицької землі.

Ця подія трапилася завдяки українцям-громадянам, у душі яких «потоків пам'ять набухає в жилах», які, «попруги ремінь затягнувши вщерть», несуть сагайдак від славного гетьмана Петра Конашевича.

Тож будемо вірити, що твори Сергія Шелкового і далі запобігатимуть «винищенню смислу в сьогодні». І — завдяки його мудрому поетичному і педагогічному досвідові — слова все більше будуть насичуватися високим смислом, і час не буде гнилим, і ницість повсякдення зникне завдяки вітальності національної філософії і традиції, завдяки громадянській відповідальності, коли життя кожного наповниться не лише бажанням, але й Обов'язком.

Одже зичу Сергієві Шелковому і собі, його вдячному читачеві, дочекатися ще до десятка його поетичних книг, замішаних, як і «Мандри», на духовній силі предків, на традиціях святого Різдва — Різдва нової України..

2003 р.

ПУБЛИКАЦИИ О НАУЧНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. К. ШЕЛКОВОГО:

1975

297. Лукин, Б. Исследование колебаний рабочих колес турбин и компрессоров методом конечных элементов : автореф. дисс. ... канд. техн. наук: (01.02.06 — динамика, прочность и надежность машин, приборов и аппаратов) / Б. Лукин ; ХПИ им. В. И. Ленина. — Харьков, 1975. — 29 с.

О научных публикациях С. К. Шелкового (с. 27).

1978

298. Богомолов, С. Колебания сложных механических систем / С. Богомолов, А. Журавлева. — Харьков, 1978. — 136 с.

О научных разработках С. Шелкового.

1982

299. Долганов, В. З багаттям і віскі на галявині / В. Долганов // Соц. Харківщина. — 1982. — 23 трав.

1984

300. Герасименко, Ю. Поезія наступу / Ю. Герасименко // Прапор. — 1984. — № 7. — С. 3–4.

Про перші літературні публікації С. Шелкового.

1985

301. Мориц, Ю. Золотое сечение / Ю. Мориц // Радуга. — 1985. — № 8. — С. 56.

302. Дмитриев, Н. Об авторе : [Всадник-май : стихи / С. Шелковый] / Н. Дмитриев // Книга молодых поэтов : сборник. — М., 1985. — С. 35–36.

303. Фирсов, В. Читайте «Дружбу» / В. Фирсов // Веч. Харьков. — 1985. — 14 февр.

О публикациях С. Шелкового в советско-болгарском журнале «Дружба».

304. [О награждении С. Шелкового дипломом лауреата литературного конкурса] // Сельская молодежь. — 1985. — № 12. — С. 47.

1986

305. Науменко, В. Теорія надійності / В. Науменко // Соц. Харківщина. — 1986. — № 1.

Про книгу «Всадник-май».

306. Сухіна, Л. «Дві рівні посестри — поезія й наука» / Л. Сухіна // Ленін. зміна. — 1986. — 18 січ.

Про наукову й літературну роботу С. Шелкового.

307. Артамонов, М. З глибини людського духу й часу / М. Артамонов // Ленін. зміна. — 1986. — 12 квіт.

Про книгу С. Шелкового «Всадник-май».

308. Капустина, З. «Поэзия — это вся жизнь...» / З. Капустина // Ленин. кадры. — 1986. — № 33.

1987

309. Советов, І. Єдність зі світом, в якому живеш / І. Советов // Веч. Харків. — 1987. — 22 січ.

Про книгу «Всадник-май».

1988

310. Тихий, С. «Нету правды насущнее хлеба...» / С. Тихий // Комс. знамя. — 1988. — 20 нояб.

311. Кірсанов, В. Дихання молоді поезії / В. Кірсанов // Прапор. — 1988. — № 7. — С. 165–170.

312. Сухіна, Л. Магія слова / Л. Сухіна // Соц. Харківщина. — 1988. — № 41.

313. Прасолов, А. Выбор рациональных параметров амортизатора удара восьмьюосной цистерны по критериям напряженного состояния элементов ее конструкции : автореф. дисс. ... канд. техн. наук: (01.02.06 — динамика, прочность и надежность машин, приборов и аппаратов) / А. Прасолов. — Харьков, 1988. — 30 с.

О научной работе С. К. Шелкового (с. 2).

1989

314. Мориц, Ю. «Вещественно и необманно...» : [об авторе] / Ю. Мориц // Три времени судьбы : стихи / С. Шелковый. — Харьков, 1989. — С. 3–4.

315. [О выступлении С. Шелкового в книжных магазинах «Поэзия» и «Кобзарь»] // Прапор. — 1989. — № 6.

316. Бенш, А. Что мы читаем? О чём спорим? / А. Бенш // Ленин. кадры. — 1989. — 6 апр.

О творческой встрече С. Шелкового с политехниками.

317. [О книге С. Шелкового «Три времени судьбы»] // Літ. Україна. — 1989. — 10 серп.

318. [О приеме С. Шелкового в СП СССР] // Літ. Україна. — 1989. — 25 груд.

319. Тихонова, І. На зустріч надійному смислу / І. Тихонова // Веч. Харків. — 1989. — № 112. — Рец. на кн.: Шелковый С. Три времени судьбы : стихи / С. Шелковый. — Харьков, 1989. — 72 с.

320. Интервью с человеком года // Ленин. кадры. — 1989. — 28 дек.

О литературной работе С. Шелкового.

1990

321. [О приеме С. Шелкового в Союз Писателей СССР] // Літ. Україна. — 1990. — 12 квіт.
322. [О книге С. Шелкового «Шиповник, сто сердец дарящий»] // Літ. Україна. — 1990. — 9 серп.
323. [О Б. Чичибабине и С. Шелковом] // Ленин. кадры. — 1990. — 27 дек.

1991

324. [О передаче областного радио, посвященной творчеству С. Шелкового] // Слобід. край. — 1991. — 23 берез.

1992

325. Кореневська, Л. «На пределе дыхания суметь...» / Л. Кореневська // Березиль. — 1992. — №2. — С. 46–49.

О книгах С. Шелкового «Три времени судьбы» и «Шиповник, сто сердец дарящий».

1993

326. Богославский, М. «Всему виной — царапина любви...» / М. Богославский // Время. — 1993. — 17 авг.

О книге С. Шелкового «Врата».

327. Ковалевский, А. «Ничто не возвратимо в хаос...» / А. Ковалевский // Веч. Харьков. — 1993. — № 81. — Рец. на кн.: Шелковый С. Врата : стихи / С. Шелковый. — Харьков, 1993. — 136 с.

328. Хмелев, И. «Две большеглазых тишины...» / И. Хмелев // Воскресная панорама. — 1993. — № 22.

329. Богославский, М. Земная соль / М. Богославский // Слобід. край. — 1993. — 7 верес.

О книге «Врата».

330. Богославский, М. И. «Всему виной — царапина любви...» / М. Богославский // Політехнік. — 1993. — 27 верес.

О книге «Врата».

1994

331. [О творческом вечере С. Шелкового в Союзе писателей] // Событие. — 1994. — 22 дек.

1995

332. Лосиевский, И. В ожидании чуда / И. Лосиевский // Время. — 1995. — 30 мая.

О книгах «Врата» и «Во плоти».

333. Ковалевский, А. «И над Содомом — бездна неба...» / А. Ковалевский // Веч. Харьков. — 1995. — № 40. — Рец. на кн.: Шелковый С. Во плоти : стихи / С. Шелковый. — Харьков, 1995. — 143 с.

334. Волов, М. Поэзия в музыкальном спектакле / М. Волов // Событие. — 1995. — № 45.

О музыкально-поэтическом спектакле Т. Смоловик по книгам С. Шелкового.

335. Хомайко, Ю. «Для жизни духа нет плохих времен...» / Ю. Хомайко // Веч. Харьков. — 1995. — 30 нояб.

336. Полякова, И. «Все казалось по-житейски обыденным...» / И. Полякова // Веч. Харьков. — 1995. — 26 дек.

1996

337. Письменники України : довідник / упоряд.: Д. Г. Давидюк, Л. Г. Кореневич, В. П. Павловська. — Дніпропетровськ, 1996. — С. 339.

338. Степченко, А. Численные исследования динамических характеристик системы турбоагрегат-фундамент : автореф. дисс. ... канд. техн. наук: (01.02.06 — динамика, прочность и надежность машин, приборов и аппаратов) / А. Степченко. — Харьков, 1996. — 22 с.

О научных разработках С. Шелкового в области прикладной механики (с. 19).

339. Хомайко, Ю. «Я из времени в вечность отпущен...» / Ю. Хомайко // Веч. Харьков. — 1996. — 30 янв.

О участии С. Шелкового в Чичибабинских чтениях.

1997

340. Лосиевский, И. «Дня не пройдет, чтобы тысячи лет не прошло...» / И. Лосиевский // Листы пятикнижья : стихи / С. Шелковый. — Харьков, 1997. — С. 273–279.

341. «Когда читатели приходят...» // Політехнік. — 1997. — 14 лют.

О выступлении в библиотеке ХПИ.

342. Товарницкая, Т. «Я поведу тебя в музей...» / Т. Товарницкая // Політехнік. — 1997. — 19 січ.

О выступлении в библиотеке ХПИ.

343. Трубкина, Н. «Нам дает свой венок — ничего не поделаешь — вечность...» / Н. Трубкина // Політехнік. — 1997. — 2 груд.

О выступлении в библиотеке им. Станиславского.

1998

344. Рыбальченко, Р. Полуденный поэт / Р. Рыбальченко // Панорама. — 1998. — № 10.

О книге С. Шелкового «Листы пятикнижья».

1999

345. Літературна Харківщина : довідник / ред. М. Ф. Гетьманець. — Х., 1999. — С. 349.

346. Ковалевский, А. Правота поэта / А. Ковалевский // Веч. Харь-ков. — 1999. — 4 окт. — Рец. на кн.: Шелковый С. Вечера : седьмая книга стихов / С. Шелковый. — Харьков, 1999. — 212 с.

347. Фризман, Л. Борис Чичибабин : жизнь и поэзия / Л. Фризман, А. Ходос. — Харьков, 1999. — 128 с.

С. Шелковый о Б. Чичибабине.

348. Лосиевский, И. Свет «Вечери» / И. Лосиевский // Панорама. — 1999. — № 33.

О книге С. Шелкового «Вечера».

2000

349. Лауреаты творческих премий Харьковского горисполкома. — Харьков, 2000. — 24 с.

О присуждении литературной премии им. Б. Слуцкого.

350. Харьковский политехнический: выпускники — гордость и слава. — Харьков, 2000. — С. 86.

351. Науменко, В. Про автора / В. Науменко // Березиль. — Х., 2000. — № 9–10. — С. 106.

Про переклади віршів С. Шелкового українською мовою.

352. Лосієвський, І. Світло «Вечері» / І. Лосієвський // Слобожанщина. — Х., 2000. — № 13. — С. 186–191.

Про книгу «Вечера».

353. Надель, Л. «С Украиной в крови...» / Л. Надель // Индекс. — Нацрат-Илит [Израиль], 2000. — № 20.

О С. Шелковом в контексте русской поэзии на Украине.

354. Полякова, И. «Остается лишь совесть, любовь и скорбь...» / И. Полякова // Панорама. — 2000. — 17 марта. — С. 14.

О С. Шелковом в контексте харьковской литературы.

2001

355. Губаренко, И. Приношение Чичибабину / И. Губаренко // Зеркало недели. — 2001. — № 4.

Об участии в Чичибабинских чтениях.

356. Минаков, С. «Лишь то, что за душой...» / С. Минаков // На кордоне : стихи / С. Шелковый. — Харьков, 2001. — С. 166–172.

357. Минаков, С. Харьков: признаки жизни / С. Минаков // Знамя. — 2001. — № 5.

О С. Шелковом в контексте русской поэзии Харькова.

358. Лосиевский, И. «Листы пятикнижья» Сергея Шелкового / И. Лосиевский // Харьков: что, где, когда. — 2001. — № 4. — С. 23.

359. Світ поезії Сергія Шелкового // Політехнік. — 2001. — 13 листоп.

Про поетичний вечір в художньому музеї.

360. Артамонов, Н. «Неотвратимость отклика на Зов...» / Н. Артамонов // Панорама. — 2001. — 23 нояб. — Рец. на кн.: Шелковый С. На кордоне : стихи / С. Шелковый. — Харьков, 2001. — 176 с.

361. [О присуждении С. Шелковому литературной премии им. Б. Слуцкого] // Харьков : что, где, когда. — 2001. — № 1.

362. [О присуждении С. Шелковому всеукраинской литературной премии им. Н. Ушакова] // Літ. Україна. — 2001. — 27 лип.

363. Олександров, М. На нoтi творчoстi i лoвoбi / М. Олександров // Харьковский электротранспорт. — 2001. — № 101–102.

Про поетичний вечiр С. Шелкового.

364. Остапенко, И. Мир Чичибабина / И. Остапенко. — Симферополь, 2001. — С. 162.

С. Шелковский о Б. Чичибабине.

365. Саввова, О. Презентуем новые таланты / О. Саввова // Політехнік. — 2001. — 26 груд.

366. Третя виставка творчих робiт викладачiв, співробiтникiв та студентiв вищих навчальних закладiв Харкiвщини : каталог. — Х., 2001. — С. 2.

367. Минаков, С. «Напиши мне, тверезый товарищ, на пьяную льдину...» / С. Минаков // Объективно. — 2001. — № 47.

О книгах С. Шелкового «Вечеря» и «На кордоне».

2002

368. Минаков, С. «Хватит душе словаря и трех ягод из сада...» / С. Минаков // Харкiв'яни. — 2002. — № 28.

О книге «Воздушные коридоры».

369. Минаков, С. «Вызрел воздух под крылом...» / С. Минаков // Событие. — 2002. — 25–31 июля. — Рец. на кн.: Шелковский С. Воздушные коридоры : стихи / С. Шелковский. — Харьков, 2002. — 132 с.

370. Землянская, С. Дух глубокий и цельный... / С. Землянская // Політехнік. — 2002. — № 16.

371. Ковалевский, А. Ища тепла в гиперборях / А. Ковалевский // Веч. Харьков. — 2002. — 24 авг.

О книге «Воздушные коридоры».

372. Ковалевський, О. Той, хто не здається / О. Ковалевський // Слобожанщина. — 2002. — № 24. — С. 120–123.

Про книгу «На кордоне».

373. Артамонов, Н. «И отчизны сладкий дым...» / Н. Артамонов // Слобода. — 2002. — 20 сент.

О книге «Воздушные коридоры».

374. Артамонов, Н. Сергей Шелковский : «На кордоне, на грани, на стынущем сломе...» / Н. Артамонов // Харьков : что, где, когда. — 2002. — № 3. — С. 14–15.

О книге «На кордоне».

375. [Об участии С. Шелкового в вечере памяти Б. Чичибабина] // Слобода. — 2002. — № 9.

376. Ковалевський, О. Той, хто не здається / О. Ковалевський // Слобід. край. — 2002. — 10 груд.

О книге «На кордоне».

377. Ковалевський, О. «Жив стійкий на світі лицар...» / О. Ковалевський // Мандри : поезії, есеї / С. Шелковий. — Х., 2002. — С. 3–8.

378. Чичибабин, Б. Раннее и позднее / Б. Чичибабин. — Харьков, 2002. — 479 с.

О публикациях С. Шелкового, посвященных Б. Чичибабину (с. 445, 446, 448, 452, 453, 463, 468).

379. Артамонов, М. Живий у віршах, живий понині / М. Артамонов, М. Зезюліна // Харківський електротранспорт. — 2002. — 2 лют.

Про участь С. Шелкового у вечорі пам'яті Б. Чичибабіна.

380. Моисеева, Л. Распахните все окна / Л. Моисеева. — Харьков, 2002. — 100 с.

Стихи, посвященные С. Шелковому.

381. Четверта виставка творчих робіт викладачів, співробітників та студентів вищих навчальних закладів Харківщини : каталог. — Х., 2002. — С. 1.

Про книги С. Шелкового.

382. [О презентации книги С. Шелкового «Воздушные коридоры»] // Харьков : что, где, когда. — 2002. — № 9.

383. [О поэтическом вечере с участием С. Шелкового] // Слобода. — 2002. — 13 сент.

384. Попиначенко, Е. Новая книга Сергея Шелкового / Е. Попиначенко // Політехнік. — 2002. — 25 жовт.

385. [О номинации книги С. Шелкового «Мандри» на литературную премию им. П. Тычины] // Політехнік. — 2002. — 25 груд.

386. Лосиевский, И. «Тона серьезность и звука подкожное чувство...» / И. Лосиевский // Панорама. — 2002. — № 31.

О книге С. Шелкового «Воздушные коридоры».

387. Минаков, С. Харьковские узы Жоржа Нива / С. Минаков // Событие. — 2002. — 25 июня–3 июля.

О Ж. Нива и С. Шелковом.

388. Брюгген, В. И беспредельно мира узнавание / В. Брюгген // Распахните все окна / Л. Моисеева. — Харьков, 2002. — С. 94–96.

О С. Шелковом в контексте поэзии Харькова.

2003

389. Варениченко, Т. Живое слово / Т. Варениченко // Самая интересная газета. — Филадельфия [США], 2003. — № 2.

О Б. Чичибабине, Е. Рейне и С. Шелковом.

390. Новая Россия: мир литературы / ред. С. Чупринина. — М., 2003. — Т. 2. — С. 652, 914.

О литературной деятельности С. Шелкового.

391. Ковалевский, А. «Доживем до весны...» / А. Ковалевский // Слобожанщина. — 2003. — № 25. — С. 2–7.

392. Катаева, Р. Человек моего сердца / Р. Катаева // Слобід. край. — 2003. — 29 берез.

О Л. Вышеславском и С. Шелковом.

393. «По осени пешком...»: [інтерв'ю] / Інтерв'ю взяла Е. Седунова // Событие. — 2003. — 13–19 нояб.

394. Перерва, А. Полювання без ліцензії / А. Перерва. — Х., 2003. — С. 36.

Про книгу «Мандри».

395. Красніков, С. Коливання та надійність системи турбоагрегат-фундамент-основа з урахуванням випадковості параметрів : дисс. ... канд. техн. наук. / С. Красніков — Х., 2003.

Про наукові розробки С. Шелкового в галузі динаміки й міцності (с. 5).

396. [О книге С. Шелкового «Мандри»] // Березіль. — Х., 2003. — № 3–4. — С. 194.

397. Мельників, Р. До історії літературного життя Слобідського краю / Р. Мельників // Письменники Харкова. — Х., 2003. — С. 322–337.

398. [О телепередаче, посвященной С. Шелковому] // Харьков : что, где, когда. — 2003. — № 5.

399. Минаков, С. «И серебрет в слове звук, преображенный в свет...» / С. Минаков // Слобід. край. — 2003. — 25 січ.

Об участии С. Шелкового в Чичибабинских чтениях.

400. Письменники Харкова : довідник. — Х., 2003. — 352 с.

Про С. Шелкового (с. 174–176).

401. Харків — моя мала Батьківщина : навч. посібник з народознавства / Харк. держ. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди ; ред. І. Прокопенко. — Х., 2003.

Про С. Шелкового в контексті літературного життя Харкова (с. 413).

402. Харків — моя мала Батьківщина : навч. посібник з народознавства / Харк. держ. пед. ун-т ім. Г. С. Сковороди ; ред. І. Прокопенко. — 2-ге вид. випр. і доп. — Х., 2003.

Про С. Шелкового в контексті літературного життя Харкова (с. 411).

2004

403. Корж, И. Куст калины : стихи / И. Корж. — Харьков, 2004. — 160 с.

Стихи, посвященные С. Шелковому (с. 22).

404. Романовський, О. Логіка / О. Романовський, С. Пазиніч, П. Резніков. — Х., 2004. — 492 с.

Про наукову й літературну діяльність С. Шелкового (с. 112–113).

405. Лауреати творчих премій Харківського міськвиконкому. — Х., 2004. — С. 19.

406. Лосиевский, И. Среди стихий / И. Лосиевский // Слобід. край. — 2004. — № 30.

О книге «Стихии».

407. Переяслов, Н. Слово в мире / Н. Переяслов // Российский писатель. — 2004. — № 13.

О С. Шелковом в контексте русской поэзии Харькова.

408. Логіка : для вищих техн. навч. закладів / В. Кремень, С. Пазиніч, П. Резніков та ін. — Х., 2004. — 636 с. — Авт. також: О. Романовський, Л. ТОВАЖНЯНСЬКИЙ.

Про наукову й літературну діяльність С. Шелкового (с. 112–113).

2005

409. Филатов, А. Вземши песницу и гусли : [об авторе] / А. Филатов // Певчий : стихи, проза / С. Шелковий. — Харьков, 2005. — С. 228–231.

410. Садова, О. Поезія замріяного літа / О. Садова // Харківський електротранспорт. — 2005. — № 45.

Про літературний вечір С. Шелкового «Июльская вечеря» в Будинку актора.

411. Морачковский, О. Инфиз: очерки истории творчества / О. Морачковский. — Харьков, 2005. — С. 144–145, 355–356.

412. Ермошина, Г. Предлог : літературно-худож. альманах [Москва] / Г. Ермошина // Знамя. — 2005. — № 5. — С. 121.

О публикации С. Шелкового в альманахе «Предлог».

413. Лосиевский, И. Встреча с Петrarкой: из наблюдений над ин-тертекстом в чичибабинской лирике / И. Лосиевский. — Харьков, 2005.

С. Шелковий о Б. Чичибабине (с. 81).

414. [О научной и преподавательской деятельности С. Шелкового на инженерно-физическом факультете НТУ «ХПИ»] // Політехнік. — 2005. — 17 трав.

415. Бинкевич, А. Клуб бубновых валетов и пиковых дам / А. Бинкевич. — Харьков, 2005.

О книгах С. Шелкового (с. 37–38).

416. [О творческом вечере С. Шелкового в Доме актера] // Харьковские ведомости. — 2005. — 25 июля.

2006

417. Премии — писателям // Радуга. — 2006. — № 1.

О вручении С. Шелковому диплома лауреата литературного конкурса.

418. Кузнецова, А. Ни дня без книги / А. Кузнецова // Знамя. — 2006. — № 2. — С. 136.

О книге С. Шелкового «Певчий».

419. Варен, Т. О поэзии Сергея Шелкового / Т. Варен // Побережье. — Филадельфия [США], 2006. — № 14. — С. 358.

420. Бахмутская, К. Пушкин снова в Британии / К. Бахмутская // Партнер. — Дортмунд [ФРГ], 2006. — № 8. — С. 73.

О участии С. Шелкового в Лондонском фестивале русской культуры.

421. Письменники України : біобібліогр. довідник / упоряд.: В. П. Павловська, Л. Ф. Бубнова, Л. М. Сиренко. — К., 2006.

Про С. Шелкового (с. 470).

422. Корж, И. Осенние соловьи : стихотворение / И. Корж. — Харьков, 2006. — 188 с

Стихи, посвященные С. Шелковому (с. 92).

423. «А когда настанет завтра, прозвенит ли мое слово...» : альманах / сост. : Л. С. Карась-Чичибабина, В. М. Булгакова. — Харьков, 2006.

О работе в международном фонде Б. Чичибабина (с. 4, 19, 24, 28, 31, 33, 35, 36, 41, 42, 61).

424. Селиванчик, Т. Упование : стихи / Т. Селиванчик. — Харьков, 2006.

Стихи, посвященные С. Шелковому (с. 15).

2007

425. Лосієвський, І. Я. Шелковий Сергій Костянтинович // Літературна Харківщина : довідник. — 2-ге вид., випр. і доп. — Х., 2007. — С. 296–297.

426. Международная литературная премия им. Ю. Долгорукого // Лит. Крым. — 2007. — 22 февр.

О номинировании С. Шелкового на премию Ю. Долгорукого.

427. Рубанович, В. Киммерийские сумерки : посвящение С. Шелковому / В. Рубанович // Благбаз : альманах харківських сатириків і гумористів. — Х., 2007. — № 2. — С. 230–231.

428. Кудыков, Д. Sabbie mobile = Зыбучие пески : стихи / Д. Кудыков. — Лондон : АРІА, 2007. — 68 с.

Об участии С. Шелкового в Лондонском фестивале русской культуры в 2006 году.

429. Литературные журналы — реальность и перспективы // Дружба народов. — 2007. — № 4.

О С. Шелковом в контексте русской поэзии на Украине.

430. Бабина, Т. «Но что есть Будда? Дерево в саду...» / Т. Бабина // Сергей Константинович Шелковый : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 59–65.

431. Богославский, М. И. «Всему виной — царапина любви...» / М. Богославский // Сергей Константинович Шелковый : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 25–27.

432. Дмитриев, Н. Рекомендация в СП СССР Шелковому С. К. / Н. Дмитриев, С. Шелковый // Сергей Константинович Шелковый : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 21–22.

433. Ковалевский, А. В итоговых измерениях / А. Ковалевский // Сергей Константинович Шелковый : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 82–84.

434. Ковалевський, О. «Жив стійкий на світі лицар...» / О. Ковалевський // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 45–50.

435. Козак, М. Майстер першої руки. Під чебрецевим небом / М. Козак // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 85–90.

436. Колганов, Л. Слово о Сергее Шелковом / Л. Колганов // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 91–97.

437. Коньков, А. «Не мешайте летать шмелю...» / А. Коньков // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 66–72.

438. Корнеева, Г. «То были дни...» / Г. Корнеева // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 73–77.

439. Корсовецкий, О. Лист до С. Шелкового від 15.10.1995 року / О. Корсовецкий // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 28–29.

440. Лосиевский, И. Статья для литературной энциклопедии / И. Лосиевский // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 15–18.

441. Литературные публикации // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 108–122.

442. Мориц, Ю. «Вещественно и необманно...» / Ю. Мориц // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 19–20.

443. Научные и учебно-методические публикации // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 101–107.

444. Пазынич, С. «Охрой золотой и кистью голубою...» / С. Пазынич // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 78–81.

445. Публикации о научной и литературной деятельности С. К. Шелкового // Сергей Константинович Шелковий : к 60-летию со дня рожде-

ния : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 126–137.

446. Рубанович, В. Письмо С. Шелковому от 14.04.2005 года / В. Рубанович // Сергей Константинович Шелковый : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 51–54.

447. Селиванчик, Т. «Для жизни духа нет плохих времён...» / Т. Селиванчик // Сергей Константинович Шелковый : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 30–44.

448. Чичибабин, Б. Рекомендация в СП СССР Шелковому С. К. / Б. Чичибабин // Сергей Константинович Шелковый : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 23–24.

449. Филатов, А. Вземши песницу и гусли / А. Филатов // Сергей Константинович Шелковый : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ. / Нац. техн. ун-т «ХПИ» ; сост. Л. П. Семененко. — Харьков, 2007. — С. 55–58.

450. Груздева, С. Читая Шелкового / С. Груздева // Харьковский мост : поэт. альманах : стихи и проза. — Харьков, 2007 — 166 с.

Стихи, посвященные С. Шелковому (с. 22–23).

451. Дев'ята виставка творчих робіт викладачів, співробітників та студентів вищих навчальних закладів Харківщини : каталог. — Х., 2007. *Перелік 17 худож. робіт С. Шелкового (с. 2).*

452. Исаева, И. П. Орех такого веса : стихи / И. П. Исаева. — Харьков, 2007. — 68 с.

О С. Шелковом в контексте работы с молодыми авторами.

453. Ковалевский, А. Небославье : стихи / А. Ковалевский. — Харьков : Факт, 2007. — 176 с.

Стихи, посвященные С. Шелковому (с. 30–31).

454. Маслова, Н. Тропой птиц : стихи / Н. Маслова. — Харьков, 2007.

Цитирование С. Шелкового.

455. Михайлин, І. Література Харківщини : поезія : есеїстка, портрети, рецензії / І. Михайлин. — Х. : Літ. дім, 2007. — 296 с.

Про Шелкового (с. 20).

456. Муравей на глобусе : сборник : первый междунар. практич. курс. — Ярославль. — 2007. — С. 143.

457. Ульев, Л. М. [Об авторах цитат] / Ульев Л. М. // Ламинарные течения в соосных конических каналах : монография : в 2 т. / Л. М. Ульев. — Т. 2. — Харьков, 2007.

О цитировании С. Шелкового в книге Л. Ульева (с. 11).

458. Фоменко, В. К. Прес-служби та інформаційні агентства : метод. матеріали для студентів зі спеціальності «Журналістики» / В. К. Фоменко. — Х., 2007. — 37 с.

Посилання на статтю С. Шелкового «Харьков и Петербург в биографии В. Норбута».

459. Французова, Л. Поэту : стихотворение / Л. Французова // Благо дарю : стихи / Л. Французова. — Харьков, 2007. — С. 109.

Стихи, посвященные С. Шелковому.

460. [Об авторе] // Радуга. — 2007. — № 5–6. — С. 121.

О С. Шелковом — авторе журнала «Радуга».

461. [О работе С. Шелкового в АРІА] // АРІА. — 2007. — 17 нояб. (№ 1). — С. 3.

462. [О работе С. Шелкового в редакции АРІА] // АРІА [о-в Кипр], 2007. — 17 дек. (№ 2). — С. 2.

463. Прокопенко, М. Виставка книг и фотографий / М. Прокопенко // Політехнік. — 2007. — 26 груд. (№ 26–27).

Про участь С. Шелкового у виставці книг.

2008

464. Нові нагороди // Політехнік. — 2008. — № 1–2.

Про вручення С. Шелковому диплома міської виставки в номінації «Графічні техніки».

465. Автографи діячів науки і культури на книгах із фондів Харківської державної бібліотеки ім. В. Г. Короленка : тексти, факсиміле, бібліогр. матеріали / упоряд. І. Я. Лосієвський. — Х., 2008. — 324 с.

Автографи С. Шелкового на його книгах (с. 141, 142, 157, 170).

466. Васильева, А. Поэт и муза / А. Васильева // Время. — 2008. — 17 янв. (№ 7).

О участии С. Шелкового в работе фонда Б. Чичибабина.

467. [О лауреатстве С. Шелкового в номинации «Поэт года АРІА 2007»] // АРІА. — 2008. — № 3. — С. 1.

468. Петунина, Е. Проводники в мирах культуры / Е. Петунина // Політехнік. — 2008. — 31 січ.

О выставке фотографий С. Шелкового, о презентации книги «Эон» и диска «В родной гиперболе».

469. Козак, М. Мастер первой руки. Под чебрецевым небом / М. Козак // Рідна школа. — Нью-Йорк [США], 2008. — Рік XXXV. — Ч. 1 (149).

Про літературну творчість С. Шелкового (с. 15–17).

470. [О книгах С. Шелкового «Эон» и «Июнь-июль»] // Лит. газ. — 2008. — № 7. — С. 16.

471. Кузнецова, А. Дом и книга / А. Кузнецова // Знамя. — 2008. — № 3.

О книге «Сергей Константинович Шелковый : к 60-летию со дня рождения : биобиблиогр. указ...».

472. Премия для пишущих на русском // Киевские ведомости. — 2008. — 13 марта. (№ 46).

473. Сницарева, Д. Литературный пасьянс «по Гринвичу» / Д. Сницарева // Зеркало недели. — 2008. — 15–21 марта (№ 10). — С. 24.

О вручении премии Ю. Долгорукого С. Шелковому.

474. Сніцарева, Д. Літературний пасьянс «за Гринвічем» / Д. Сніцарева // Дзеркало тижня. — 2008. — 15–21 берез. (№ 10). — С. 24.
475. [Об авторе] // Радуга. — 2008. — № 10. — С. 21.
О С. Шелковом — авторе журнал «Радуга».
476. Харьков рулит! // Пятница. — 2008. — 28 марта. (№ 12).
О вручении С. Шелковому премии Ю. Долгорукого.
477. [О вручении С. Шелковому премии Ю. Долгорукого] // Факты и комментарии. — 2008. — 26 марта.
478. Петунина, Е. Великая трагедия народа / Е. Петунина // Політехнік. — 2008. — 28 берез. (№ 7).
О фотовиставке С. Шелкового.
479. Евгененко, В. В Киеве вручены премии им. Ю. Долгорукого / В. Евгененко // Русская правда. — 2008. — март (№ 5).
О вручении премии С. Шелковому.
480. «Июнь-июль» — лучшие книги года // Політехнік. — 2008. — 28 берез. (№ 7).
О вручении С. Шелковому премии Ю. Долгорукого.
481. Наша премия // Радуга. — 2008. — № 3. — С. 170–174 : фото.
О выдвижении книг С. Шелкового «Июнь-июль» и «Эон» на премию Ю. Долгорукого. О вручении премии Ю. Долгорукого С. Шелковому.
482. Международные литературные премии им. Ю. Долгорукого // Лит. газ. + Курьер Культуры. — Севастополь, 2008. — 28 март.–10 апр. (№ 6).
О вручении премии С. Шелковому.
483. Вадимова, Н. Пишешь по-русски? Получи премию! / Н. Вадимова // Голос Украины. — 2008. — 12 апр. (№ 321).
О вручении С. Шелковому премии Ю. Долгорукого.
484. Кузнецова, А. Дом и книга / А. Кузнецова // Знамя. — 2008. — № 4.
485. Катаева, Р. Ступени : избр. стихи / Р. Катаева. — Харьков : Майдан, 2008. — 208 с.
О книге «Эон» (с. 29, 40).
486. Северін, В. Видано коштом обласної громади / В. Северін // Слобідський край. — 2008. — 3 черв.
О wystуплении С. Шелкового в обл. науч. б-ке.
487. Маслова, Н. Тропкою птиц : стихи / Н. Маслова. — Харьков, 2008. — 288 с.
Цитирование С. Шелкового.
488. [О вручении С. Шелковому премии Ю. Долгорукого] // Літ. Україна. — 2008. — № 15–17. — С. 2.
489. Мироненко, І. «Місто для божої вишні» / І. Мироненко // Березиль. — 2008. — № 9–10. — С. 150–160.
Про поезію С. Шелкового.
490. [О книгах С. Шелкового «Воздушные коридоры» и «Певчий»] // Дети Ра. — 2008. — № 8 (46).

491. Рубан, Н. Все, что я делаю, не зря / Н. Рубан // Харьковские известия. — 2008. — авг. (№ 103).

О С. Шелковом в контексте Харьковской поэзии.

492. Чупринин, С. Русская литература сегодня : зарубежье / С. Чупринин. — М. : Время, 2008. — 784 с.

О С. Шелковом в контексте современной русской литературы.

493. Литературное пространство — путь к миру, единству и сотрудничеству между славянскими народами : программа конференции. — Харьков, 2008.

О выступлении С. Шелкового.

494. Шоргин, С. Случайный звездочет : стихи / С. Шоргин. — М. : Водолей, 2008. — 152 с.

О С. Шелковом в контексте сетевой поэзии (с. 3).

2009

495. [О вручении С. Шелковому премии Ю. Долгорукого] // Еженедельник 2000. — 2009. — 16 янв.

О С. Шелковом — лауреате фестиваля в Брюсселе.

496. Якушко, О. «Под именем Ахматовой...» / О. Якушко // Комсомольская правда в Украине. — 2009. — 26 июня–2 июля (№ 136/26). — С. 15.

О книге Бондаренко, изданной С. Шелковым.

497. Ганина, И. Лариса Французова — коктебельская поэтесса / И. Ганина // Боспор-Крым : еженедельник. — 2009. — 23 июля (№ 30).

О работе С. Шелкового с молодыми литераторами.

498. Горшков, О. «Чтоб в слове это время отстоялось...» / О. Горшков // Небесная механика / С. Шелковый. — Киев, 2009. — 158 с.

О творчестве С. Шелкового.

499. Дьяченко, Т. Времена жизни / Т. Дьяченко // Легендарный Севастополь. — 2009. — 1 авг.

О вручении С. Шелковому премии Ю. Долгорукого.

500. Стасов, Б. «Радужна» ли жизнь журнала? / Б. Стасов // Лит. газ. — 2009. — 2 авг. (№ 35 (6239)).

О вручении премии Ю. Долгорукого С. Шелковому.

501. Замесов, В. Пародии с ляпами : стихотворения / В. Замесов. — Харьков : Слобожанщина, 2009. — 100 с.

Посвящение С. Шелковому (с. 9–14).

502. Корж, И. Голубень светящихся дорог : стихотворения / И. Корж. — Харьков : Майдан, 2009. — 262 с.

Стихи, посвященные С. Шелковому (с. 66).

503. Макаров, В. Олимпийский дебют кафедры иностранных языков НТУ «ХПИ» / В. Макаров // Політехнік. — 2009. — 15 верес. (№ 17).

О выступлении С. Шелкового в ХПИ.

504. Мельник, А. Дебют «Эмигрантской лиры» : [об участии С. Шелкового в Брюссельском фестивале русской поэзии] / А. Мельник // Слово / Word. — [США], 2009. — № 64.

505. Мельницкая, И. Украинский эшелон / И. Мельницкая // Радуга. — 2009. — С. 176.

О вручении премии Ю. Долгорукого С. Шелковому.

506. Михайлин, И. Римма Катаева / И. Михайлин. — Харьков : Лит. портрет, 2009. — 52 с.

О С. Шелковом в контексте Харьковской литературы (с. 7, 30, 31).

507. [О работе С. Шелкового в АРІА] // Albion & World. — [Великобритания], 2009. — № 1 (18). — С. 2.

508. Резник, Н. Эмигрантская лира — 2009 в Брюсселе : лит. фестиваль / Н. Резник // Чайка. — Балтимор [США], 2009. — 1 окт. (№ 19 (150)).

О С. Шелковом — лауреате фестиваля в Бельгии.

509. Тугов, В. «Талантливый поэт, прозаик и ученый...» / В. Тугов // Земляки : новая антология поэзии : 170 поэтов из 24 стран. — М., 2009. — С. 1078.

О поэзии С. Шелкового.

510. Бинкевич, А. «Заговори, чтоб я тебя увидел...» / А. Бинкевич // Время. — 2009. — 5 нояб. (№ 203).

2010

511. Давыдов, Д. Состав воздуха / Д. Давыдов // Воздух. — 2010. — № 1. — С. 250–251.

О книге С. Шелкового «Небесная механика».

512. Елисеева Л. «Жилы русла» или «Доверься нездешнему пульсу полночных минут...» // Ненарушаемая связь : стихотворения, поэмы, эссе / Л. Елисеева. — Харьков, 2010. — С. 240–248.

513. Елисеева, Л. Отклик на книгу Сергея Шелкового «Воздушные коридоры» / Л. Елисеева // Ненарушаемая связь : стихотворения, поэмы, эссе / Л. Елисеева. — Харьков, 2010. — С. 226–229.

514. Елисеева, Л. «Что позволено Юпитеру» или «О «Божьих душах» Конгресса литераторов Украины : альманах «Харьковские мосты» / Л. Елисеева // Ненарушаемая связь : стихотворения, поэмы, эссе / Л. Елисеева. — Харьков, 2010. — С. 258–265.

О С. Шелковом в контексте поэзии Харькова.

515. Елисеева, Л. С. К. Шелковый «На кордоне». Синусоиды преобразований / Л. Елисеева // Ненарушаемая связь : стихотворения, поэмы, эссе / Л. Елисеева. — Харьков, 2010. — С. 229–240.

516. Любителям поэзии // Політехнік. — 2010. — 19 квіт. (№ 10–11). — С. 6, 8.

О литературных достижениях С. Шелкового, о выступлении в НТУ «ХПИ».

517. [Об участии С. Шелкового в литературном фестивале] // Новости Чугуева. — 2010. — май.

518. [Об участии С. Шелкового в литературном фестивале] // Красная звезда. — Чугуев. — 2010. — май.

519. [Рідній Короленківській бібліотеці...] : з колекції книг-дарунків авторів, упорядників та видавців. — Х., 2010.
Дарчий напис С. Шелкового на книзі «На кордоне».
520. Русский мир : информ. сб. — 2010. — 2 апр. (№ 26).
О вручении премии Ю. Долгорукого С. Шелковому.
521. Свято в бібліотеці НТУ «ХПІ» // Політехнік. — 2010. — 18 жовт. (№ 22–23). — С. 13.
О выступлении С. Шелкового в НТУ «ХПИ».
522. Эмигрантская лира : поэт. сб. — Брюссель, 2010.
Об участии С. Шелкового в Международном поэтическом фестивале (с. 3).
523. Юфит, Т. Эмигрантская лира / Т. Юфит // Вести Британии. — 2010. — 27 окт.
Об участии С. Шелкового в Брюссельском фестивале поэзии.
524. Мельник, А. Фестиваль «Эмигрантской лиры–2010» / А. Мельник // Чайка. — Балтимор [США], 2010. — нояб.
Об участии С. Шелкового в жюри международного фестиваля. Фото жюри.

2011

525. Васильева, А. Поэт и Муза / А. Васильева // Время. — 2011. — 21 янв.
Об участии С. Шелкового в работе фонда им. Б. Чичибабина.
526. «А українською — так» : антологія російської поезії України. — К., 2011. — Кн. 2. — С. 451.
Про С. Шелкового в контексті російської поезії України.
527. Гутковский, В. Линия жизни / В. Гутковский // Радуга. — 2011. — № 2. — С. 149–153.
О книге прозы С. Шелкового «Кровь, молоко».
528. Абрамчук, М. И времени стремительный полет... / М. Абрамчук // Політехнік. — 2011. — № 22.
О редактировании С. Шелковым поэтического сборника НТУ «ХПИ».
529. Бондаренко О. «Я пройду пламенеющим садом...» : стихи / О. Бондаренко. — Харьков, 2011. — С. 4.
О публикации С. Шелковым первой книги О. Бондаренко «Зеленый дождь».
530. Маслова, Н. Голоса расстояний : стихотворения / Н. Маслова. — Харьков, 2011. — С. 86.
Цитирование стихотворений С. Шелкового.
531. Масюченко, И. Пушкинская осень / И. Масюченко // Лит. газ. + Курьер культуры. — Севастополь, 2011. — № 19. — С. 6.
Об участии С. Шелкового в литературном фестивале 2011.
532. [О вручении премии Ю. Долгорукого С. Шелковому] // Русский мир : информ. сб. — 2010. — 2 апр. (№ 26).

533. Рубанович, В. Киммерийские сумерки // И времени стремительный полет... : сб. стихотворений к 125-летию НТУ «ХПИ». — Харьков. — 2011. — С. 223–224.

Посвящение С. Шелковому.

534. Семененко, Л. П. О земном и небесном / Л. Семененко // Політехнік. — 2011. — 26 жовт. (№ 20–21).

О выступлениях С. Шелкового в НТУ «ХПИ».

535. Сучасні письменники України : біобібліогр. довідник. — К. : Біла церква, 2011.

Стаття про С. Шелкового (с. 521).

2012

536. Дроздова, Н. Просто это твоя стезя : из беседы с поэтом Сергеем Шелковым / Н. Дроздова // Добродетель. — Белгород. — 2012. — № 1. — С. 44.

Интервью с С. Шелковым.

537. Литературные премии // Лит. газ. + Курьер культуры. — Севастополь, 2012. — № 1. — С. 7.

О С. Шелковом — лауреате премии Ю. Долгорукого.

538. [О С. Шелковом в контексте русской поэзии на Украине] // Лит. газ. + Курьер культуры. — Севастополь, 2012. — № 5. — С. 7.

539. Масалов А. [Поэтическая гостиная] / А. Масалов // Лит. Крым. — 2012. — № 7–8. — С. 3.

О С. Шелковом в контексте русской поэзии в Украине.

540. [Портрет С. Шелкового с внуком Мирославом : работы О. Лазаренко] // Мозаичная цветопись / О. Лазаренко. — Харьков, 2012. — С. 78.

541. Шелковий Сергій Костянтинович (поет, прозаїк, критик) // Сучасні письменники України : контакти / упоряд. Анатолій Гай. — Біла Церква : Буква, 2012. — 192 с.

Коментарі про контакти та авторський сайт С. Шелкового (с. 177).

ХРОНОЛОГИЯ НАУЧНОЙ, ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. К. ШЕЛКОВОГО

- 1947 г.,
21 июля Родился в г. Львове.
- 1959 г. Первые литературные опыты. Направляет стихотворения в редакции московских газет и журналов.
- 1962 г. Совершает первую поездку по Черному морю, Крыму и Кавказу. Посещает Севастополь, Ялту и Сочи.
- 1964 г. Удостоен диплома победителя всесоюзной физико-математической олимпиады школьников.
- 1965 г. Окончил Харьковскую среднюю школу № 9 с серебряной медалью. Выпускное сочинение по русскому языку — поэма «Огонь космогонии».
- 1965 г. Поступил на инженерно-физический факультет Харьковского политехнического института.
- 1968 г. Работал в Венгрии, в Мишкольце, в составе студенческого строительного отряда ХПИ. Награжден грамотой Мишкольцкого университета. Посетил Будапешт, Эгер, Дебрацен, Балатон, Токай.
- 1970 г. Преддипломная практика в конструкторском бюро космической техники «Хартрон» (п/я № 67).
- 1971 г. Получает диплом «инженера-механика-исследователя» на инженерно-физическом факультете ХПИ. Приглашен на должность инженера кафедры «Динамика и прочность машин» ХПИ.
- 1973 г. Вышли в свет первые публикации стихотворений в харьковской прессе (газета «Ленинские кадры»).
- 1974 г. Переведен на должность заведующего лабораторией кафедры ДПМ.
- 1975 г. Поступает в аспирантуру при ХПИ. Начинает читать курсы повышения квалификации преподавателей ХПИ.
- 1975 г. Вступает в брак с Шелковой (Поршневой) Ириной Александровной.
- 1976 г. Публикует первую научную статью в республиканском научно-техническом сборнике «Динамика и прочность машин» (№ 24).

- 1977 г. Рождение дочери Елены.
- 1978 г. Работает в Магдебургском техническом университете (ГДР) в качестве руководителя учебной практики студентов специальности «динамика и прочность машин». Посещает также Берлин, Дрезден, Лейпциг, Веймар, Потсдам, Майсен, Вернигероде.
- 1979 г. Переведен на должность ассистента. На машиностроительных факультетах ХПИ читает курсы лекций: «Прикладная теория колебаний», «Математические основы теории надёжности», «Конструктивная прочность».
- 1980 г. Посещает Олимпийские игры в Москве.
- 1980 г. Защищает диссертацию на степень кандидата технических наук по специальности «Динамика, прочность машин, приборов и аппаратуры».
- 1981 г. Участвует в научной конференции по системам автоматического проектирования в г. Минске.
- 1983 г. Избран на должность доцента кафедры ДПМ. Читает курсы лекций «Алгоритмические языки и программирование» и «Информатика » для студентов инженерно-физического факультета и других машиностроительных факультетов.
- 1984 г. Первые публикации стихотворений в Москве (журнал «Студенческий меридиан») и в Киеве (альманах «Вітрила»).
- 1985 г. ВАК СССР присваивает С. К. Шелковому ученое звание доцента.
- 1985 г. В Москве в альманахе «Истоки» выходит книга стихотворений «Три взмаха крыл». В издательстве «Молодая гвардия» — сборник «Всадник-май» (предисловие Николая Дмитриева).
- 1985 г. Удостоен диплома лауреата литературного конкурса журнала «Сельская молодежь» за 1984–1985 гг.
- 1989 г. В Харькове выходит вторая книга стихотворений «Три времени судьбы» с предисловием Юнны Мориц.
- 1989 г. Принят в члены Союза писателей СССР по рекомендации Бориса Чичибабина, Николая Дмитриева, Петра Осадчука (приём в ХОСП — в мае, утверждение в Киеве — в декабре).
- 1990 г. В Киеве выходит книга стихов «Шиповник, сто сердец дарящий».
- 1991 г. Участвует в церемонии вручения Государственной премии СССР по литературе Борису Чичибабину по приглашению лауреата (Москва, Кремль, Центральный дом литераторов).
- 1992 г. В составе делегации политехнического университета и города Харькова работает на Нюрнбергской международной выставке (ФРГ). Посещает Регенсбург.

- 1993 г. Командировка в Венгрию. Посещает Дебрецен и Будапешт.
- 1993 г. Выходит в свет книга стихов «Врата» с художественным оформлением автора.
- 1994 г. Выступает с докладом на международной научной конференции по прикладной математике и механике в г. Брауншвайг (ФРГ).
- 1995 г. Входит в состав группы учредителей международного фонда памяти Б. Чичибабина.
- 1995 г. Приглашен в комиссию СПУ по творческому наследию Б. Чичибабина.
- 1995 г. Публикует пятую книгу стихотворений «Во плоти».
- 1995 г. По приглашению института славистики Дрезденского университета (ФРГ) выступает с литературными чтениями.
- 1995 г. Выступил с научным докладом на международной научной конференции по прикладной математике и механике в г. Гамбурге (ФРГ).
- 1996 г. Участвует в международной научной конференции по адаптивным системам механики в Магдебурге (ФРГ). Посетил Бельгию (Брюссель), Чехию (Прага, Брно).
- 1996 г. Чтение произведений С. Шелкового включено в музыкально-поэтические спектакли пианистки Т. Смолвик вместе с фортепианной музыкой Ф. Шопена и Н. Меснера.
- 1997 г. Работает в Дрезденском университете и департаменте по науке ЕС (Брюссель, Бельгия) в международном научном проекте «Темпус—Тасис». Посетил Голландию (Амстердам, Роттердам), Мюнхен, Цвиккау (Германия).
- 1997 г. Выходит в свет книга избранных стихотворений «Листы пятикнижья» (послесловие И. Лосиевского).
- 1997 г. Участвует в научном совещании по энергосбережению в университете г. Лунд (Швеция) в составе делегации Харьковского политехнического университета. Посещает Данию (Копенгаген) и Стокгольм, Мальмё (Швеция).
- 1998 г. Рождение внука Мирослава.
- 1998 г. Выступает с докладом по динамическому анализу сложных пространственных конструкций в Магдебургском университете. Посещает Францию (Париж).
- 1999 г. Участвует в конференции по энергосбережению в г. Брно (Чехия).
Посетил Словакию (Братислава), Польшу (Краков).
- 1999 г. Выходит в свет книга стихотворений и эссе «Вечера».

- 1999 г. Работает в международном научном проекте в университете г. Валенсия (Испания).
- 2000 г. Удостоен муниципальной литературной премии им. Б. Слущкого за книгу «Листы пятикнижья». Премия вручена мэром г. Харькова М. Д. Пилипчуком.
- 2001 г. Участвует в поэтическом фестивале «Гилея» в Киеве. По итогам фестиваля публикует стихотворения в журнале «Соты».
- 2001 г. Ведет исследования по программе DAAD в Магдебургском университете. Посещает Францию (Страсбург, Безансон, Авиньон, Марсель, Ницца, Канны), Монако, Италию (Сан-Ремо).
- 2001 г. Публикует книгу стихотворений «На кордоне» (послесловие С. Минакова).
- 2001 г. Удостоен Всеукраинской литературной премии им. Н. Ушакова за книгу «Вечеря». Премию вручает секретарь НСПУ В. А. Яворивский. Участвует в фестивале русской литературы в Киеве в качестве почётного гостя.
- 2002 г. Выходит в свет книга стихов «Воздушные коридоры».
- 2002 г. В связи с 55-летием организована выставка книг, публикаций и биографических материалов С. Шелкового в Харьковском отделении НСПУ.
- 2002 г. Опубликована книга «Мандри» — сборник переводов на украинский язык, а также оригинальных стихотворений и эссе на украинском языке (предисловие А. Ковалевского).
- 2002 г. Участвует в научной и учебно-методической работе по программе DAAD в университете г. Магдебурга (ФРГ). Посетил Италию (Неаполь, Рим, Флоренция, Верона), Ватикан.
- 2002 г. Международным фондом памяти Б. Чичибабина книга «Воздушные коридоры» выдвинута на литературную муниципальную премию им. Б. Чичибабина.
- 2002 г. Избран руководителем секции русской поэзии Харьковской организации НСПУ и членом правления ХО НСПУ.
- 2002 г. Награжден грамотой ХО НСПУ «За многолетнюю плодотворную творческую деятельность».
- 2003 г. Разработал новый курс лекций «Системное программирование» для студентов инженерно-физического факультета.
- 2003 г. ХО НСПУ и издательством «Майдан» выдвинут на литературную премию им. П. Тычины за книгу «Мандри».

- 2003 г. 39 стихотворений С. Шелкового опубликованы в сборнике «Лауреаты литературных премий харьковского облисполкома». Книга вручена авторам харьковским мэром В. А. Шумилкиным.
- 2004 г. Вышла в свет книга стихотворений и эссе «Стихии».
- 2004 г. Ведет научную работу по программе DAAD в Магдебургском университете. Посещает Италию (Римини, Равенна, Венеция, Падуя), Сан-Марино.
- 2004 г. Редакцией журнала «Радуга» выдвинут на литературную премию им. Ю. Долгорукого за книгу «Воздушные коридоры».
- 2005 г. Выходит в свет компакт-диск «Янгол огня. 22 песни из десяти книг» (Стихи — С. Шелкового; музыка, исполнение — А. Конькова).
- 2005 г. Составил, отредактировал и опубликовал первую книгу стихов харьковской поэтессы Ольги Бондаренко (1922–1991 гг.) «Зеленый дождь».
- 2005 г. Вышла в свет книга стихотворений и эссе «Певчий» с послесловием А. Филатова.
- 2005–2011 гг. Руководит секцией русской поэзии на смотрах молодых литераторов Харьковщины. Редактирует сборник «Левада».
- 2005 г. Ведет научные исследования по программе DAAD в Магдебургском университете. Посещает Италию (Пиза, остров Эльба, Сиена, Болонья), Австрию (Зальцбург).
- 2005 г. Редакцией журнала «Радуга» выдвинут на литературную премию им. Ю. Долгорукого за книгу «Певчий».
- 2006 г. Разработал новый курс лекций «Объектное программирование» для студентов инженерно-физического факультета.
- 2006 г. Совершает поездку в Чехию, посещает Прагу, Карловы Вары, Кутну Гору.
- 2006 г. Удостоен диплома международного фестиваля русской литературы зарубежья «Пушкин в Британии» (Лондон). Публикует стихотворения в сборнике «Я — рашен».
- 2006 г. Принят в международную ассоциацию писателей и публицистов (МАПП). Опубликовал стихотворения в журнале МАПП «Настоящее время» (Лондон–Рига).
- 2006 г. Провел второй музыкально-поэтический вечер «Июльская вечеря» в Харьковском доме актера совместно с А. Коньковым.
- 2006 г. Три песни-баллады на стихи С. Шелкового включены в спектакль «Маленькие трагедии» по произведениям А. С. Пушкина в Харьковском театре музыки и поэзии.

- 2006 г. Участвовал в пятом съезде Национального Союза писателей Украины. Встречался с президентом Украины В. А. Ющенко. Участвовал в 1-м Украинско-российском литературном фестивале в г. Харькове. По итогам фестиваля опубликовал стихотворения в журнале «Новая книга России» (Москва).
- 2006 г. Книга О. Бондаренко, подготовленная и выпущенная С. Шелковым, Харьковской государственной научной библиотекой им. В. Г. Короленко выдвинута на литературную премию им. Б. Слуцкого.
- 2006 г. Стихотворения С. Шелкового размещены на поэтических сайтах в Интернете: «Рифма.ру», «45-я параллель», «Ulita» и др.
- 2006 г. Опубликованы стихотворения в США (альманахи «Встречи», «Побережье»), в Германии (журнал «Зарубежные записки»), в России (журналы «Истина и жизнь», 21-й век, Новая книга России), в Великобритании и Латвии.
- 2006 г. Вышел в финал международного поэтического Internet-конкурса «Муравей на глобусе».
- 2006 г. Удостоен диплома лауреата всеукраинского литературного конкурса журнала «Радуга» за книгу «Певчий».
- 2007 г. Создан второй песенный компакт-диск «В родном гиперборее», включающий 23 песни. Стихи — С. Шелкового; музыка и исполнение — А. Конькова.
- 2007 г. Вышла книга «Сергей Константинович Шелковый : библиографический указатель», со статьями о его творчестве и другими материалами.
- 2007 г. Ведет научную работу по программе DAAD в Магдебурге. Посещает Люксембург, Италию (Болонья, Флоренция, Ливорно, о-в Сардиния), Францию (о-в Корсика).
- 2007 г. Награжден Международным Орденом Святого Станислава за вклад в развитие культуры и искусства.
- 2007 г. Вышел в свет 13-й поэтический сборник «Эон: новые стихи» (послесловие Л. Стародубцевой). Книга иллюстрирована графикой автора.
- 2007 г. Избран членом правления Международной ассоциации писателей и публицистов от Украины, директором «АРИА по Украине».
- 2007 г. Награжден почетными грамотами Харьковской областной госадминистрации и ХО Союза писателей Украины за «весомый личный вклад в современную литературу и плодотворную общественную работу».

- 2007 г. Читает новый курс лекций «Введение в специальность» для студентов инженерно-физического факультета.
- 2007 г. Публикует стихотворения в «Газете АРІА», выходящей на Кипре и в Великобритании.
- 2007 г. Презентует новую книгу «Эон» и компакт-диск «В родном гиперборее» на выступлениях в Доме актера, в Союзе Писателей, в Национальном техническом университете, Педагогическом университете, на областном радио и двух каналах TV.
- 2007 г. Проводит выставку своих книг и фотоматериалов в Доме актера, выставку художественных фотографий и поэтических текстов в Национальном техническом университете (46 фотогр., 23 поэт. текста).
- 2007 г. Участвует в художественной выставке преподавателей, сотрудников и студентов харьковских ВУЗов с 8 графическими работами и художественным оформлением девяти авторских книг, публикует перечень работ в каталоге. Награжден дипломом в номинации «Графические техники». Иллюстрирует своими графическими работами сборник «Эон: новые стихи».
- 2007 г. Назван лауреатом в номинации «Поэт года Международной ассоциации писателей и публицистов (АРІА)».
- 2007 г., февраль. Опубликован поэтический сборник «Июнь–июль: избранные стихи 1982–2007», включающий в себя стихотворения из предыдущих книг С. Шелкового.
- 2007 г. Книги «Эон» и «Июнь–июль» выдвинуты редакцией журнала «Радуга» на соискание премии им. Ю. Долгорукого.
- 2008 г. Книга избранных стихов «Июнь–июль» удостоена международной премии им. Ю. Долгорукого за 2007 год.
- 2008 г., 5 марта. Торжественное вручение международной премии им. Ю. Долгорукого в Киеве, в Большом зале Государственной консерватории С. Шелковому председателем Московской Думы В. Платоновым, послом РФ В. Черномырдиным и директором фонда Ю. Долгорукого В. Зуевым.
- 2007–2008 гг. Публикация статей о творчестве С. Шелкового в альманахе «Побережье» (США, Филадельфия), в журнале «Рідна школа» (США, Нью-Йорк), на сайтах Рифма.ру и Википедия, в журнале «Березіль».
- 2008 г., август. Совершает творческую поездку в Феодосию, Коктебель, Старый Крым, Судак. Выступает с чтением стихов в коктебельском доме-музее Волошина.

- 2008 г.,
сентябрь Участвует в международном фестивале русской поэзии и культуры «Пушкинская осень в Одессе». Четырежды выступает с чтением стихотворений, в том числе на персональном творческом вечере в доме-музее С. Рериха. Публикует стихи в фестивальном сборнике.
- 2008 г.,
сентябрь Принимает участие в качестве почётного гостя в региональном поэтическом фестивале «Логорифмы — 2008» в г. Ярославле. Выступает с чтением стихов. Участвует в записи поэтического аудиодиска фестиваля.
- 2008 г. Публикует подборки стихотворений в антологиях и сборниках, изданных в Киеве, Харькове, Одессе, Донецке, Лондоне, Новосибирске.
- 2008 г.,
декабрь Участвует в международной научно-практической конференции «Литературное пространство — путь к миру, единству и сотрудничеству между славянскими народами». Выступает с докладом, чтением стихов.
- 2009 г.,
апрель Стихи С. Шелкового читаются на музыкально-поэтическом концерте в Центральной библиотеке г. Днепропетровска в сопровождении музыки Чайковского, Рахманинова, Мендельсона.
- 2009 г.,
июнь В Киеве в издательстве «Радуга» выходит книга стихотворений «Небесная механика», иллюстрированная авторской графикой (заключительная статья О. Горшкова).
- 2009 г.,
август Совершает творческую поездку по Западной Украине. Посещает Львов, Дрогобыч, Трускавец, Стрый, Самбор, Борислав.
- 2009 г.,
сентябрь Участвует в Международном фестивале русской поэзии в Брюсселе и становится лауреатом турнира. Осуществляет поездки в Брюгге, Гент, Льеж и Намюр (Бельгия), в Лиль (Франция) и Кельн (Германия).
- 2009 г.,
октябрь Принимает участие в поэтическом фестивале «Каштановый дом» в Киеве. Выступает с чтением стихов на презентациях альманаха «Земляки» и журнала «Радуга».
- 2009 г. Публикует подборки стихотворений в альманахах и журналах в Украине, России, США, Бельгии, Латвии, на нескольких международных поэтических сайтах в Интернете.
- 2010 г. Стихи С. Шелкового переводятся на грузинский язык.
- 2010 г. Совершает новую творческую поездку на Западную Украину — во Львов, Дрогобыч, Трускавец. Пишет цикл стихотворений «Галицкие песни».
- 2010 г. Осуществляет рабочий визит в Свентокшижский университет, г. Кильце (Польша). Посещает так же Краков, Катовице (Польша), Вену, Грац (Австрия), Любляну, Марибор (Словения).

- 2010 г. Принимает участие в Международном поэтическом фестивале «Киевские лавры».
- 2010 г. Интернет-издательство «Leolit» размещает в сети электронный вариант книги «Небесная механика».
- 2010 г. НСПУ номинирует книгу стихотворений «Небесная механика» на Международную премию им. М. Волошина.
- 2010 г. Совершает поездку в дом творчества СПУ в Коктебеле. Посещает Гурзуф, Феодосию, Судак, Новый свет.
- 2010 г. Выступает с чтением своих стихов на литературных фестивалях, в Киеве («Каштановый дом»), в Брюсселе («Эмигрантская лира»), в Черкассах («Пушкинское кольцо»), на Казантипе («Славянские традиции»), в Чугуеве («Сиреневый май»).
- 2010 г. Выходит в свет книга автобиографической мемуарной прозы С. Шелкового «Кровь, молоко».
- 2010 г. Принимает участие в работе Международного поэтического фестиваля в Брюсселе в качестве члена финального жюри. Посещает также Льеж и Ватерлоо (Бельгия), Маастрихт (Голландия), Кёльн (Германия).
- 2010 г. Пишет и публикует статьи о творчестве русских поэтов Украины (М. Рахлина, Г. Семенченко), России (Л. Сашина), Бельгии (А. Мельник).
- 2011 г. Разрабатывает и читает новый курс лекций «Основы конструирования» для студентов И факультета НТУ «ХПИ».
- 2011 г. Стихотворения С. Шелкового переводятся на французский язык.
- 2011 г., февраль Выступает с чтением стихов в Москве в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына вместе с поэтами из России, Бельгии, США, Финляндии и на открытии выставки живописи в Китай-городе.
- 2011 г. Поездка на Западную Украину. Посещает Трускавец, Дрогобыч.
- 2011 г., май Совершает поездку на Балканы. Посещает Дубровник, Сплит, Трогир, остров Хвар (Хорватия), Будву, Подгорице, Котор, Тиват, Святи Стефан, Петровац (Черногория), Нойм (Босния-Герцоговина). Пишет цикл стихотворений о славянской Адриатике.
- 2011 г., июнь Выходит в свет новая книга стихотворений С. Шелкового «Парусник» (Киев, изд-во «Радуга»).
- 2011 г., июль Совершает поездку по Азовскому побережью, посещая Мариуполь, Бердянск, Казантип, Керчь с раскопками Пантикапея, а также Феодосию.

- 2011 г., август–октябрь Участвует в литературных фестивалях на Казантипе, в Одессе, в Евпатории. Выступает с чтением своих стихов.
- 2011 г., октябрь Принимает участие в работе VI съезда Союза писателей Украины в Киеве.
- 2011 г., сентябрь Читает лекции по курсу «Информатика» для студентов новой специальности «Компьютерная механика» инженерно-физического факультета НТУ «ХПИ».
- 2011 г., ноябрь Харьковское издательство «Права человека» выпускает в свет книгу С. Шелкового «На улице Пушкинской...»: проза, эссеистика.
- 2012 г., февраль Открылся персональный сайт Сергея Шелкового shel.ucoz.ru, где представлены текстовые, графические, фото-, аудио- и видеоматериалы, связанные с его творчеством — всего около одной тысячи разных наименований произведений.
- 2012 г., март Избран третий раз подряд членом правления Харьковского отделения Союза Писателей Украины, руководителем секции русской поэзии, членом редколлегии нового литературного альманаха ХО СПУ «Акценты».
- 2012 г. Работает в качестве члена отборочного и финального жюри Международного фестиваля русской поэзии, проходящего в Льеже (Бельгия), Париже (Франция), публикует стихотворения в фестивальном сборнике.
- 2012 г. Подготовил к печати новую книгу стихотворений «Аве, август», включающую более ста произведений последних лет.
- 2012 г. Библиотекой НТУ «ХПИ» и редакционно-издательским отделом университета подготовлена к печати книга «Сергей Константинович Шелковый : к 65-летию со дня рождения : библиографический указатель», включающая в себя цикл статей литераторов разных стран о творчестве С. К. Шелкового.
- 2012 г., апрель–май Совершает поездку по Испании и Португалии. Посещает Мадрид, Севилью, Толедо, Кадис, Малагу, Гранаду, Валенсию, а также Лиссабон и Кашкай. Пишет цикл стихотворений по следам путешествия.

В НЕСКОЛЬКО СТРОК

Дорогой Сергей! Твоя новая книга «Три времени судьбы» мне понравилась: чистая, глубокая, добрая.

Всего тебе самого светлого, Николай.

1989 г.

Николай Дмитриев,
поэт, лауреат литературных премий
(Московская обл.)

Никто ещё не писал о поэте Борисе Чичибабине, на мой взгляд, так глубоко и искренне, как Сергей Шелковый в нынешнем своём «огоньковском» очерке.

1991 г.

Зиновий Герд,
актёр
(г. Москва)

В только что прочитанной мною книге С. Шелкового «Во плоти» есть вещи, написанные на самом высоком уровне.

И потому я пишу на титуле своего «Избранного»: Дорогому Сергею Шелковому с радостью знакомства и любовью к его стихам!

14.12.1994 г.

Евгений Рейн,
поэт, лауреат литературных премий
(г. Москва)

* * *

Сергію Шелковому

Поет, що слухається слова,
він завжди вищий суєти.

Твоя поезія — шовкова,
хоч не завжди шовковий ти.

Тож зараз я, без підготовки,
бажаю, хоч не пив вина, —
в житті твоїм побільше шовку,
поменше — драпу і сукна!

23.7. 2002 р.

Анатолій Перерва,
поет, лауреат літературних премій,
(м. Харків)

* * *

С. Шелковому

Щеглы в гряде подсолнухов вечерней
перекликались. И друзей общенью
способствовал бутылочный кагор.
От ветерка поскрипывал забор.
Холодная Гора ко сну склонялась,
и в воздухе покой сменял усталость.
И вновь певцов летучих щебетанья
звучали, повторяя «до свиданья»
Шелковому Серёже: «В добрый путь!
Вернись, щеглов закатных не забудь!»

2005 г.

Станислав Эллис,
профессор, литератор
(г. Харьков)

Сергей, спасибо за прекрасные стихи!

11.2.2006 г.

Александр Суворов,
поэт
(г. Лондон, Великобритания)

Великолепно!
Какой богатый язык! Как зрима и ощутима Ваша осень!
Рад знакомству с Мастером!
Спасибо Вам за Ваше творчество.

14.10.2006 г.

Борис Дадашев,
поэт
(Израиль)

* * *

Сергею Шелковому

За тишину, за истину, за нежность,
За родственность Дыханья, Голос, Слух..
За то, что так глубоко..
За всю безбрежность
Всей Музыки твоей, спасибо, милый Друг....

Я вижу вновь наш берег океана,
Кафе и щебет китайчонка Ли.
Две глуби глаз твоих напротив, два тумана —
Как будто через столик. Но — вдали...

2.10.2006 г.

Анна Смирнова,
поэт
(г. Санкт-Петербург)

Я взгляделся в упор в свой пропитый прокуренный город. —
И в сигарке его вспыхнул дымного смысла намек:
он — и духу плевок, он и брюху холопью голод.
Счет грехам он забыл, и ничто не идет ему впрок... —

сегодня, Сергей, читать эти Ваши провидческие строки особенно
тяжело — убили Аню Политковскую...

7.10.2006 г.

Джелал Кузнецов,
поэт, переводчик
(г. Санкт-Петербург)

* * *

Из шёлка речь твоя,
из льна — строка,
Я льну к тебе осенней ранней хмарью,
Я приручаю в небе облака,
Там бог невстречь играет на гитаре,

И в бубен бьёт последняя тоска,
И бьётся в сердце раненое Слово,
Впадает в море лучшая река —
твоих премудрых строк,
Сергей Шелковий!

7.10.2006 г.

Ольга Олгерт,
поэт, медик
(г. Кёльн, Германия)

Сергей, как всегда, превосходно.
Ваша поэзия богата, неординарна, но и не нарочита, исполне-
на гармонически, ясно, чисто.
Очень рад Вам, Никита.

26. 10. 2006 г.

Никита Брагин,
поэт, преподаватель,
(г. Москва)

Кто любим, тот не уходит, даже если отлетает. —
Листопадом окликает и наклоном головы... —

Серёж, удивительные у тебя стихи...
В каждом можно найти что-то родное, очень близкое состоя-
нию души...
Да и сама душа твои строки очень легко принимает...
Три твоих стихотворения... И каждое из нтх близко мне по-
своему...
Спасибо тебе огромное!!!

25.10.2006 г.

Владимир Плющиков,
поэт, преподаватель,
(г. Санкт-Петербург)

Именно такая поэзия, Сергей, греет моё старое сердце. Какая замечательная «Магдебургская песня»! И какая концовка:

О, брат мой! Разве стал бы я жесток,
когда б не этот, в ключья, образок,
когда б не пуля — издали, под сердце?

Когда я читаю стихи Сергея Шелкового, то мне нет нужды заглядывать в словари иностранных слов, ибо этот поэт говорит со мной по-русски, а в то же время ярко, сочно, образно!

За что я ему и благодарен. Это — моя поэзия.

31.10.2006 г.

Михаил Беркович,
поэт
(Израиль)

В этих краях бессловесно натруженных
не был я век на вечерах и ужинах... —

Эх, Сергей, после этого стихотворения вспомнилась мне наша старая хата, в Молдавии — там сейчас живут чужие люди... А недалеко, на кладбище, похоронен отец. И страна сейчас чужая...

2.11.2006 г.

Александр Мельник,
поэт, эссеист, учёный,
доктор наук
(г. Льеж, Бельгия)

Удивительные у Вас стихи, Сергей! Исконные...

3.11.2006 г.

Татьяна Ильина
поэт
(г. Кёльн, Германия)

И не страшна сума, тюрьма, зима,
Когда вот так внимаешь Вашим строкам,
Когда вбираешь сердцем одиноким
Дар тёплого и светлого письма...

Спасибо, Серёжа!

3.11.2006 г.

Надежда Шляхова,
поэт
(Московская обл.)

Спасибо, Сергей, за Ваши прекрасные, глубокие и отточенные строки! Рад был разделить с Вами журнальное пространство в филаделфийском издании «Побережье».

3.11.2006 г.

Александр Габриэль,
поэт
(США)

Деревянные перила, деревянные террасы,
деревянные ступени грустным голосом поют,
ибо время все бездушней — год от года, час от часа —
перемалывает в пепел перепончатый уют... —

Такие дома — вижу я и в Комарово, и в Репино... Среди корабельных сосен. И какое счастье осознавать (было!), и какая мука (ушло навсегда!), что и мне, повезло, посчастливилось (успелось) побывать там ещё тогда, когда все были живы....

И сидеть в плетёных ивовых креслах, и чай пить из фамильной посуды, и серебряными щипчиками щёлкать фундук, и качаться в гамаке с книгой в руках, и быть так восхитительно ленивым, и говорить, говорить...

А теперь....Теперь — очень просто посмотреть видео — да-да! — приезжали мы, внуки, правнуки, с первыми «российско-японскими» камерами (и слыли — инопланетянами за это!), были, всё-таки, умны, хотели — оставить надолго. Теперь — легко посмотреть...

Легко ли написать ТАКИЕ стихи — о ТАКОМ?...
Серёжа, Вы — «инопланетянин»?
Вы всегда задеваете какие-то особенные струны...
Искренность, Глубина, Истина, Боль, Талант, Мастерство, Ремесло, Жизнь.....
Вся палитра. И всё — моё.

11.10.2006 г.

Юлия Даринская,
поэт
(г. Санкт-Петербург)

Дорогой, Сергей, Спасибо Вам за чудо-стихи!

Белела плоть церковных теремов,
беременная верой неумелой... — !!!

Мы — волчьей крови, брат тамбовский, брянский...
Но в эту ночь, душа, нежней дыши... —

Необыкновенно сильно написано!
Каждая строка прямо в душу!

1.11.2006 г.

Ольга Олгерт,
поэт, медик
(г. Кёльн, Германия)

Случайно или нет сошлись в диптих эти два стихотворения «А ситный и бревенчатый Тамбов...» и «Магдебургская песня», но они только усилили друг друга, будучи помещены рядом, неизменно обогащая и дополняя смыслы-замыслы автора.

Тройная антитеза — «трудолюбивый молоток и чертог тевтонов» — «калашников» смертолюбивого народа» — и глубинно русский, с ленцой, сонливо-морозный Тамбов...

Европа и Русь первоначальная!

Характеры и той, и другой ипостасей прописаны поэтично-глубинно и точно.

Я редко восхищаюсь раскрытием темы-замысла, а в данном случае — не удержалось во мне это восхищение.

И уж, конечно, — звук, перетекание его по строкам — не могли меня не привлечь, не пленить.

Путь затруднён в калашный, здешний ряд...
«Калашников»-алкаш, царь-автомат,
Изделие сорок седьмого года...

А эпитеты... Чего стоят опять же антитезовы «старательное скерцо» и «честный молоток тевтонов», «смертолюбивый народ», поразивший Калашникова — и купца, и изобретателя с его автоматом...
Гонят меня с компьютера, а то бы я и не остановилась...
Целое эссе просится из меня, Сергей, на этот Ваш диптих!

1.11.2006 г.

Наталья Малинина,
поэт, юрист
(г. Ярославль)

Хотела процитировать, Сергей, Ваши строчки, выразить впечатление. Но, наверное, — смысла нет, это нужно вслух читать. Звучит — потрясающе, с самой первой строки.
Замечательные просто стихи. Спасибо.
С уважением, Лада.

15.11.2006 г.

Лада Пузыревская,
поэт,
(г. Санкт-Петербург)

Браво, Серёжа!!! Какие плотные, осязаемые стихи!
Живопись — то широкой кистью, то самой наитончайшей, и на фоне осеннего пейзажа — эта жизнь души, память, печаль, надежда, эти живые, кажущиеся объёмными, человеческие фигуры.
И всё под музыку, магию слов, где смысл сказанного ни с одною нотой не диссонирует.

26.10.2006 г.

Роман Спивак.
поэт, художник
(г. Толидо, США)

Добрый день, уважаемый Сергей!
Это я, Анна Рыжова — одна из участниц Лондонского фести-
валя.

Надеюсь, вы уже отдохнули после напряжённой недели в Лон-
доне.

А я вот сейчас в Шанхае... удивляюсь всему! Китай, знаете ли,
страна контрастов... Кстати, пишу заметки о Шанхае, надеюсь на-
печатать.

Ваши стихи и чтение в лондонском Ковент Гарден понравились
мне безоговорочно. Так что позвольте Вам выразить искреннее
восхищение Вашим талантом. Думаю, это самое главное — когда
люди признают талант... Остальное — дело наживное!

Всего Вам хорошего, надеюсь на дальнейшее творческое со-
трудничество.

С уважением, Анна Рыжова.

11.7.2006 г.

Анна Рыжова,
поэт, журналист
(г. Дублин, Ирландия)

Сергей Шелковый — талантливейший из всех, когда-либо
встреченных мной.

Уверен, что его поэзии суждена долгая жизнь. «Vale!» — гово-
рю я своему собрату по Духу, соединённому со мной таинствен-
ными узами неслучайных совпадений.

2007 г.

Сергей Грибов,
поэт
(г. Харьков)

* * *

Сергію Шелковому

Хоч у липні, хоч у квітні, хоч в травні —
ми, поети, завжди непоправні.
Всі ми — вершники, мандрівники,
неспинима стихія ріки!

Всі ми, вершники, пишемо вірші
на кордоні — хто ліпші, хто гірші.
Але нас в тім ніхто не спиня,
як горячого в шалю коня.

Може, в квітні, а може, у червні
ти, Сергію, нас трохи спини!
Чисті співи твоєї вечери
хай змітуть з нас сліди сивини!

27.7.2007 р.

Анатолій Перерва,
поет, лауреат літературних премій,
(м. Харків)

* * *

Серёже Шелковому

Вода — провидица туманной тверди
И ванной мьльницы, дотла сочась,
В работе капильницей: каплям верьте —
Удары точные даруют час.

Его хватает лишь на полдыханья,
По роду-городу покорных слуг, —
В тишь ученичества и послушанья,
По краю крадучись, вомшить бы слух.

Стройно-пунктирные когорты скважин
Высокогорных не вразбой, но врозь
На термы римские стучат; отважен
Храмосапфировый, сквозной невроз:

Дрейфуй бессонницею, корабельной
Непотопляемостью нарочит,
Чёлн мьльной оперы, чёлн колыбельной.
Причина — реченька кровоточит.

Спит Украина при степи и холе,
Холмы отруйные укроет чир.

Вчерне пророчит ил о детском хоре
Речений утренних: журчат ручьи.

Ученье, чур! Вкруг юбиляра выпьем
Хвалу. Ещё ему споют псалмы.
Свить опоясання почасовые
Из высочайшего ущелья тьмы.

На то история, кровопотери.
Дар подточильям опознал как зной
Повинный город, виноград артерий
Навзрыд иной страны — с водой иной!

Твой Илья Риссенберг — ныне и присно, сегодня и всегда.

27.7.2007 г.

Илья Риссенберг,
поэт, эссеист, лауреат литературной премии
(г. Харьков)

Сергей Шелковый живёт насыщенной и полнокровной духовной жизнью, размышляя, путешествуя, находя всё новые живые образы для своей поэзии.

Это ощутимо и по его стихам, и даже по интонации его авторского прочтения.

Это можно почувствовать и в тех авторских песнях на его стихи, которые сегодня звучали.

27.7.2007 г.

Евгений Захаров,
общественный деятель, правозащитник
(г. Харьков)

* * *

Сергею Шелковому

Люблю твою фамилию, мой друг!
Она ласкает мой буддийский слух!

В ней магия Востока проступает,
Её звучанье мне напоминает
Медитативных чёток шорох нежный,
Когда, перебирая их неспешно,
Веду я мантрам счёт. Или когда
Я лотосы срываю, и вода,
С их лепестков стремительно стекая,
Скользит по коже, руки омывая!
Иль, если к храму по тропе иду,
Что пролегает средь кустов в саду,
И вдруг, с куста слетев, меня крылом
Коснётся мотылёк! И я потом
Его касанье долго ощущаю,
Как тёплый поцелуй рассвета в мае!..
Всё неслучайно! Милый мой Шелковый,
Фамилией твоей недаром слово
Является, несущее секреты
Тактильного блаженства! И об этом
Хотелось мне сказать в твой День рожденья!
Ведь, согласись, твоё предназначенье
Так схоже с шёлком: он тела ласкает,
Твои же строки душам доставляют
Такую радость, счастье и блаженство
Прекрасной речи высшим совершенством!

21.7.2007 г.

Татьяна Бабина,
тележурналист,
лауреат Премии ЮНЕСКО
(г. Харьков)

* * *

Сергею Шелковому

Высшие Силы знали, нам прочертив судьбу:
этих в любви зачинали, трепетно и светло.
Глупый младенец плачет, но с первых агу-агу
место ему обозначено, время уже пошло.
Мир зазвенел, запрыгал щеном и воробьём,

хлопчиком-торопыгой, всё ему тут впервой.
Кто в кулачке колотится? — Часик жужжит: «Живём!»
Ленин о нас заботится, сторож вечноживой.
Дайте срок, докумекаем: будет всему каюк,
будут больницы, лекари, лозунги и силки,
слышим: «Близится эра светлых годов...» поют
первые пионеры, усохшие старики.
«Да здравствует дело гиблое, ложным виват словам!» —
тоже кричим, но Библия лежит на краю стола:
не обгоняя пророков, идёт Святой Иоанн,
предупреждает о сроках, в голосе клёкот орла.
Разве мы *только* смертны? Бессмертия торжество
в речи, то гневной, то мерной, то различимой едва.
Ох, и трудна же наука — стать глазом и слухом всего.
Чу! Шевелятся в куколках лучшие наши слова.

2007 г.

Игорь Лосиевский,
профессор филологии, поэт,
лауреат литературной премии
(г. Харьков)

От собрата по перу

Сергею Шелковому

Он — на все сто мужик толковый,
коллега мой, Сергей Шелковый!

Он и в науке, и в стихах
творит отнюдь не впопыхах.

Как мудрецы, он мягок в споре.
Он соткан весь из аллегорий.

И, даже поглощая пищу,
он в ней особый привкус ищет.

Он бодр и свеж, как травы в росах.
С природой он корнями сросся.

Слова, его сует не зная,
звучны, чисты, как песни в мае.

Так пусть ещё лет шестьдесят
восход сияет, не закат,

над творческой его судьбой.
Твори, собрат! Горжусь тобой.

21.07.2007 г.

Валерий Замесов,
поэт, прозаик, лауреат
литературных премий
(г. Харьков)

Читая Сергея Шелковского

«Ещё любил я первое июля...»
«Не мешайте летать имелю...» (С. Ш.)

И станут ближе мне предгорья Аю-Дага,
стена Чуфут-Кале, чреватый рифмой шмель.
Чтоб породниться с ним, нужна душе отвага:
поэту нелегко и в лучшей из земель.
Его так манит мир, где каждый миг божествен!
Сегодня вновь июль. Маэстро светел фрак.
Поэта чту во всём: в рассеянности жестов,
с усталостью в глазах... И настроенья мрак
ни капли не смутит: вчера сполна истаял
июля первый день, где навсегда светло
от летнего дождя, где солнце не устало
ни стулья золотить, ни брызгать на стекло.
Как рада я, собрат, почти до неприличья,
что дразнит и меня непойманностью звук.
А певчий голос твой над всем базаром птичьим —
неодолимо жив! И звуком, а не притчей,
сквозь времена летит и не снижает круг.

27.7. 2007 г.

Светлана Груздева,
поэт, медик
(Россия)

*Поэту Сергею Шелковому
(акrostих)*

Шелками бы устлать пути
Ему в порыве благодарном,
Лавровый лист в венок вплести,
К ногам его бросать розаны...
Он — первокласснейший поэт!
Во имя несомненной славы
«Ы» я сменю на «О» в момент,
Исправив трудность криптограммы!
Стихи — стихия и порыв,
Единство Мысли и Искусства,
Рождают творческий прилив,
Глубинные затронув чувства.
Ему, поэту, жребий несть:
И муки творчества, и Честь!

2007 г.

*Людмила Моисеева,
поэт, медик
(г. Харьков)*

Замечательно, Сергей, очень трогательно, щемяще и близко!
Восхищён богатством Вашей поэзии.

Кстати, неделю назад на поэтическом вечере в Кишинёве я прочитал одно из Ваших стихотворений. Друзья заинтересовались Вашим творчеством, я им сказал, где с ним можно познакомиться. Но ничто не может заменить живого общения с поэтом.

Было бы замечательно, если бы Вы когда-нибудь побывали в Кишинёве, хотя бы проездом. Мы организовали бы для Вас творческий вечер в одном из музыкально-поэтических клубов. Если наметится такая возможность, напишите. Будем рады встрече! Всего Вам доброго!

9.12.2008 г.

*Сергей Пагын
поэт, журналист
(Молдавия)*

Сергей, Ваши стихи «Словно Бах, Иоганн Себастьяныч берёт на поруки...» завораживают, уводят в выси.

Рад найти такого замечательного поэта, рад встрече с Вами.
С уважением, Виктор.

21.7.2008 г.

Виктор Гаврилин,
поэт
(Московская обл.)

* * *

Сергею Шелковому

Да собственно, зачем же это надо? —
Вот движутся «гепарды листопада».
Движенья их стройны, вольны и гибки —
На них смотрю я тихо, без улыбки...
Орёл и Лев взирают дивно-мудро!
Зачем их видеть предрассветным утром?..

Зачем о них писать, писать, страдая?
Зачем? Вот я пространство раздвигаю...
Как липнет Тьма! Она в душе и рядом!
Но я иду весенним райским садом...
Там строки — ветки, ягоды и гроздья!
Зима... дорога... и скрипят полозья...

А кто строку звенящую пропустит —
Тот не найдёт живой морозный кустик —
С лицом лесным... Россия! Украина!
Небесный Свод над вами ткёт незримо —
Покров для душ, что ждут и прозревают!
Рифмуют. Пишут. Думают. Страдают.

21.7.2008 г.

Елена Мечетина,
преподаватель, эссеист, поэт
(г. Иркутск)

Здравствуйте, Сергей!

Мы с Вами мимолётно пересеклись на Поэзии.ру, но мне кажется, что это пересечение должно иметь продолжение. Я посмотрела Ваши стихи, и в Журнальном зале тоже.

Вы — хороший, отличный от общего потока, поэт. Отчего так мало публикаций в крупных журналах? Волею судеб я заведу от делом поэзии в «Дружбе народов». И делаю Вам предложение — составьте, уважаемый Сергей, подборку для нашего журнала.

С уважением, с надеждой на сотрудничество,
Галина Климова.

31.10.2008 г.

Галина Климова,
поэт, редактор
(г. Москва)

Хорошие, Сергей, целостные стихи — «Снежное что-то, Сибелиус, Григ....».

Доносится голос эпохи, но в нём (и за ним) различимы голоса человеческих судеб — художественный подход.

Рад прикоснуться, Сергей, к этим морозным, гулким, пропитанным ностальгией строкам.

21.11.2008 г.

Евгений Коновалов,
поэт, эссеист, преподаватель
(г. Ярославль)

Великолепно, Сергей!

Сказала бы «браво», да законы стиля не позволяют.

«Небесная механика», которая «ещё ведёт утренний луч», в опасности перед Веком, где властвует «заглот» (слово-то какое!). «Максималистский Максвелл», хоть и лишивший нас «тепла бумажной почты», но тем не менее изначально мятежный, пасует перед «глобальным Големом», перед «энтропийными насекомыми» рекламного «алчущего века».

Не агитка против агитки, а убеждённость поэта, единственно поэтическими средствами воющего против того, что ему ненавистно.

Примечательно последнее слово в стихотворении — Босх. Но даже его воображение не смогло предугадать, что «механика небес» окажется «под гибельным прицелом».

Воодушевлена и покорена!
А. М. С.

4.10.2008 г.

Ася Сапир,
поэт, критик, педагог,
(г. Бар Харбор, США)

Замечательные стихи о жизни, как о чуде. С первой строфы я, читатель, уже Ваш. И так до конца. Да... Это поэзия практически в чистом виде, без примесей.

Нравится. Очень нравится.

7.9.2008 г.

Игорь Касьяненко,
поэт
(г. Сумы)

Сергей! Так пахнуло на меня вдруг — вот почему? от этого стихотворения — детством с украинским говорком соседей, и всплыло «Рученьки терпнуть, злыпаются виченькы, Боже, чи довго тягты?»... Так близко мне это — «плач затаив...»

И то, что хата «застенчиво горбится»... И забота об ангелах — так несвойственная взрослым...

Ты бы послал хоть на час своих ангелов —
ягод набрать из малиновых факелов
вместе со мной...

и продолжение строфы — совершенно немислимое и тайное, молитвенное — «зова наив...» — ух!

С уважением,
ИльОль.

16.8.2008 г.

Ольга Ильницкая,
поэт, прозаик, журналист
(г. Одесса, г. Москва)

О достоинствах поэзии Сергея Шелкового сказано в статье Леонида Колганова всё очень ёмко и мудро. Но я попробую прибавить ещё кое-что.

Весь строй и вся стилистика стихов С. Шелкового открывает его читателю многомерный мир... Через прозрачные стены нашего страдающего Дольнего Мира проникает свет, движение и цвет миров иных...

Вот наступает царственная осень — и в жёлтой и багряной листве возникают «гепарды листопада»... Может, это автор так искусно написал для красного словца? Нет. Во всяком случае, я так не думаю. Стоит присмотреться — и сквозь листву глянут лица... Раздражённые и надменно-лукавые в городе (город же!) и неповторимо сказочные, бесподобно красивые в лесу...

У Сергея Шелкового Новозаветные мотивы являются во всём своём мистическом благоухание:

Со львом крылатым Марк и с ангелом Матвей,
и труженик Лука с волом ширококрылым...

Ах, вот они — вестники Христовы с небесными зверями и Ангелом!..

Может быть, поэту Сергею Шелковому неинтересны дольные мотивы? Да нет. Он всё видит, чувствует и говорит о том, что волнует кровь:

«А стебли ног твоих...» «на гибель рифмачу и рок-н-ролли...»

Поэзия Сергея сильная, жизнеутверждающая. Рефлексирующему и смятённому лирическому герою есть на что опереться в ней. И прочтя его иные цветные строки, я говорю себе: «Вера же вместо дел да вменится мне»

И я, конечно же, желаю Сергею здоровья, вдохновения и много новых, таких неповторимых стихов.

10.7.2008 г.

*Елена Мечетина,
преподаватель, поэт, эссеист
(г. Иркутск)*

Совершенно цельный текст, Сергей.
Мастерство не мешает чувству, а чувство не мешает мастерству!
Детали работают на атмосферу, частное — на общее.

Читаешь стихи, и вспоминаешь своих, «Иоанна, Николу, Петра...».

Спасибо Вам.

8.8.2008 г.

Алёна Алексеева,
поэт, переводчик
(Россия)

Тени гроздьев исчёркали мел голубеющих стен,
и вдоль глин Карантина хромают репейники вниз... —

как всегда, Сергей, полнозвучно, красочно, могущественно-точно...

22.11.2008 г.

Борис Кокотов,
поэт
(США)

Сергей, Ваши стихи очень мощны энергетически. Метафорика и индивидуальна, и небанальна. Мне очень интересно вырастание образа из движения, что не только в нынешних двух стихотворениях, («Гепарды листопада...» и «Нет, я напрасных слов не поную...»), но и раньше меня удивляло. Ведь как бывает, образ-ассоциация как бы тянется из внутреннего состояния или визуального видения-представления. У Вас иначе. Они и не переплетаются, а вьются, а порой сворачиваются. Пути их неисповедимы.

Знаете, разгадывать стихи — это тоже серьёзное занятие. Я Ваши уже начинаю разгадывать.

ВШ.

8.9.2008 г.

Виктория Шпак,
поэт
(г. Москва)

Великолепный образ получился у Вас, Сергей, на пересечении двух родственных славянских языков. «Янгол огня» звучит даже

интересней чем «ангел огня», потому что является полиндромом. Я всё продолжаю размышлять над взлётом русской поэзии на Украине.

Думаю, что двуязычная стихия (причём кровнородственная стихия, где узнаются корневые смыслы) немало тому способствует.

28.7.2008 г.

Андрей Баранов,
поэт
(г. Москва)

Здравствуй, Сергей!

«Когда после дождя опять светло...» —

это строчка, с которой начинается всё хорошее!

Мне ещё вот что очень понравилось — то, что «можно жить лишь звуком, а не притчей...» И, конечно же, лепет птичий в финале завораживает:

«Июль-июнь, июль-июнь, июль...»

Спасибо, Сергей, хорошо.

С уважением, Ольга.

9.8.2008 г.

Ольга Ильницкая,
поэт, прозаик, журналист
(г. Москва, г. Одесса)

Какое жуткое сочетание вечности и быта в Вашем «Сне о Иерусалиме», Сергей! И сделано это без всякой нарочитости и банальности... Есть такой неоднозначный поэт иеромонах Роман, во многом его взгляды чужды мне, но есть у него не по стилю, а именно по настроению и названию, близкая Вашему стихотворению вещь «Иерусалим», в интернете её найти не составит труда...

Удачи, Сергей! Сильно творите, впечатляет!

7.8.2008 г.

Дмитрий Сорокин,
поэт
(г. Москва)

Сергей, спасибо Вам особенное! «Вместе с ледащей дворнягой Дунаем...» — изумительный цикл! Смотрю на Вас по-ученически снизу вверх.

Ваши стихи мне дали понять, что юношеский восторг от стихотворной строчки для меня ещё возможен.

Увидев Вашу графику на страницах «Небесной механики» (спасибо, что подписали мне книгу), подумала: Вы — ещё и художник. Хотя, конечно, можно было и заранее догадаться об этом.

С уважением, Лара.

13.9.2008 г.

*Лара Леггатт,
поэт, переводчик
(Италия)*

Поклон из Португалии участнику Магеллановых сражений!
Мне нравятся Ваши стихи, Сергей, их насыщенная образность. Это, действительно психологически «здесь и теперь» (у Вас — «сейчас»):

эмбрион сгущенья золотого,
сверху вниз вещественная весть...

21.1.2009 г.

*Ирина Фещенко-Скворцова,
поэт, переводчик, доцент филологии
(г. Бенавенте, Португалия)*

Серёжа, ты нашёл свой настоящий Шелковый Путь в искусстве, объединив в своих произведениях историю, поэзию и философию. Удачи тебе на этом поприще!

Недавно открыл один альманах, ещё советских времён, с твоими ранними стихами и порадовался тому, что ты и тогда был настоящим честным поэтом!

21.5.2009 г.

*Сергей Каратов,
поэт, критик
(г. Москва)*

На что суждение ваше мне и суд? —
Чужие вы и шли бы молча мимо.
В стеклянном конусе шуршит песок минут.
Минуты-неженки всего-то миг живут,
но осыпают век неодолимо...

Блестяще, Сергей! Просто находка в образах!
И в целом, замечательны кружева Ваших свето-мыслей!
Спасибо!

5.5.2009 г.

*Светлана Дион,
поэт, редактор
(Испания)*

«В патоке зноя, в лукуме таврийского жара» —
Как вам живётся, чем дышится? Право, чудно...
Пчёлы опять обманутся багряностью шара
длинных медлительных строф и медвяностью нот...
Солнце янтарно набухнет в тяжёлых соцветьях,
в жесте распахнутых листьев, в крыле стрекозы...
Ветра не жди — только очерк взметнувшейся кисти,
замершей флейты глоток да журчащей воды
свежая поросль — всё за единое слово —
бабочки всплеск... дуновенье... дыхание... жизнь.

Дорогой Сергей, с днём рождения!

Догонять Вас в пряном аромате и радужном сиянии слова —
можно! — но не догонишь... Верно, не только пчёлы летят на цветы
Вашей поэзии, но и звери приходят лакомиться Вашими чудными
мелодиями, и недужные излечиваются и уходят весёлыми,
а дикие кротко сворачиваются у ног...

Будьте здоровы и счастливы!

Да не покинет Вас радость жить и любить этот мир!

21.7.2009 г.

*Алина Грэм,
преподаватель, доцент филологии, поэт
(г. Тверь)*

О Вашем цикле, Сергей, «Ни ты, ни я предать уже не в силах...» скажу только одно — блестяще, Дорогой друг!

29.10.2009 г.

Василий Пригодич,
поэт, искусствовед
(г. Санкт-Петербург)

Потрясающие стихи. Всё прошло, но рушится на плечи бабушкиным платком, прабабушкиной шалью, маминой шёлковой косынкой, а запахи уводят в полон, из которого не будет возврата, и не надо, и не надо плакать, потому что там — хорошо. Только холодно. Платки — на мне, память — со мной...

Нет тех, кого любил, и сломан дом.
И десять лет прошло, и трижды десять.
Лишь память не устала прошлым грезить,
июлем плыть над глиной и песком...

...Отчего же мне холодно здесь...

Сергей, блестяще. С уважением. ИльОль.

17.3.2009 г.

Ольга Ильницкая,
поэт, прозаик, журналист
(г. Одесса, г. Москва)

Сергей, перечитывала вслух — идёт ток и прячется под затылком — и головокружение — а в глазах, хоть и открыты — видения... Так на музыку иногда реагирую, не на всякую, на пятиголорье грузинское, или на пение а капелла...

Очень хорошие стихи... ИльОль.

18.3.2009 г.

Ольга Ильницкая,
поэт, прозаик, журналист
(г. Одесса, г. Москва)

Стихи Ваши смотрят в жизнь детскими глазами, без фальши и «впадения в детство».

Так умели смотреть Александр Довженко, Нодар Думбадзе...

18.3.2009 г.

Валентин Колот

поэт

(г. Одесса)

Спасибо, Сергей, за Ваши нынешние итальянские стихи «В сердце тёплом серебряный гвоздь...» И как такое волшебство возможно? К Вам на страницу надо заходить, как на праздник, — всегда радостно после...

Добралась и до Вашего великолепного очерка о Мандельштаме.

Спасибо Вам за литературное неравнодушие и гениальное чутьё.

Это тот редкий случай, когда о Поэзии пишет Поэт, а не рядом стоящий.

Лада.

15.2.2009 г.

Лада Миллер,

поэт, медик

(Канада)

Сергей! Я так охмелел от Вашего слога, что почти позабыл о смысле — просто парил над ним, слившимся и мелькающим.

Вы в своём слове о Мандельштаме поднялись слогом и мысленной игрой до самого Мандельштама! — это уже само по себе предостойно!

Спасибо огромное!

9.2.2009 г.

Александр Резник

поэт, искусствовед, музыкант

(г. Киев)

Бесподобны твои воспоминания, дорогой Серёжа!

Они достойны великого Чичибабина. С Борисом Алексеевичем меня зимой 1987-го года познакомили две тоже великие Лидии: Либединская и Чуковская. Это было в библиотеке им. Некрасова, в Москве, где проходил его авторский вечер. Потом мы все вместе поехали в Лаврушинский переулок и всю ночь читали стихи. А в последний раз я видел Чичибабина в октябре 1991 года на Первом съезде Российских писателей. Мы тогда вместе собирали подписи под съездовским письмом Б. Ельцину с просьбой вернуть российское гражданство Юрию Кублановскому. А вот пересечься на Святой Земле в 1993-ем году, когда Б. А. с женой гостил у А. Верника, не удалось.

Ещё раз — низкий поклон тебе, дорогой Серёжа!!!

22.12.2009 г.

Леонид Колганов,
поэт, эссеист
(г. Кирьят-Гат, Израиль)

Сергей, спасибо Вам за пронзительный образ Чичибабина-птицы, «чуть сумрачной, нахоленной и сгорбленной где-то на ветке у греховной земли, и мощной, исполненной гармонической силы в небесном полете» — ярко, неожиданно, точно.

Так теперь для меня Борис Алексеевич и будет жить. В мире, где «истина, добро и красота» и сойка с сорокой на заснеженных ветках.

Прекрасно!

23.12.2009 г.

Наталья Богатова,
поэт, художник
(г. Москва)

Удивительно зрелые и мастерские, Сергей, эти Ваши стихи, посвящённые Б. Чичибабину! И подстать им — Ваш очерк о нём.

Удивительное дело, тема трагична, а я — получила огромное эстетическое наслаждение от чтения.

Но оно и понятно — здесь речь идёт о слиянии таланта, мужества и мощи в одной личности — личности Бориса Чичибабина.

Читать же подобные статьи и стихи в наше время заброшенности человека и его неустанной борьбы за существование — очень душеполезно, ибо черпаешь силы в подобных примерах. Спасибо огромное!

27.12.2009 г.

Елена Мечетина,
преподаватель, поэт, эссеист
(г. Иркутск)

Прекрасные стихи. Они и о моих — любимых, незабвенных.
С уважением, Валерий

6.4.2009 г.

Валерий Пайков,
поэт
(Израиль)

Давно хотел прочесть Ваши стихи спокойно и вдумчиво. Устроил себе сегодня праздник! Брожу теперь по комнате, как пьяный, и бормочу строчки...
Спасибо Вам!

21.11.2009 г.

Виталий Фёдоров,
поэт
(г. Ростов-на-Дону)

Серёжа! Так захотелось в этот Ваш приморский посёлок, где «море возлюбленной пахнет...», — жуть!

Даже зной не пугает, даже «куры, извергающие помёт»! Напомнило мне это моё крымское детство, бабушкин дом, куда я тоже по невнятной привычке ездила почти всю сознательную жизнь. Спасибо! Чудесные стихи!!! Горячие, пахучие...

А будете в Мюнхене проездом — приглашаем на чашку чая.

1.8.2009 г.

Алеся Шаповалова,
поэт
(г. Мюнхен, Германия)

Вчера перечитала всю Вашу подборку, и вот этот стих «Чёрные куры сидят на ветвях алычи...» — чудо!

Каждый образ — втирается под кожу, впечатывается в память.
Слова такие... смачные, в хорошем смысле, — дух захватывает!
Очень понравилось!
Спасибо, Сергей!

24.7.2009 г.

Людмила Буратынская

поэт
(г. Донецк)

Вы меня отправляете в наидревнейшие времена... Слог Ваш, неповторимый и совершенно индивидуальный, радует, ранит, остро зачинает мысли и ощущения, причём, одновременно.

Особенно меня захватывает внутреннее напряжение, воплощённое настолько удачно, что ах! Вечность...

10.7.2009 г.

Виктория Шпак,

поэт,
(г. Москва)

Вот Сергей, только что вернулся из Таврии, из Херсонеса, смотрю на сделанные там фото: паруса в море, за белокаменными колоннами... И тут Ваши стихи!

Услышанное не вернётся в хаос,
увиденное явлено на свет.
Лазурно море. Бел и крепок парус.
И верится, что смерти вовсе нет.

Крепко и уверенно сделано. А бритва Оккама — очень неожиданно и блестяще использована!

А. К.

3.8.2009 г.

Александр Купрейченко,

поэт, переводчик
(г. Киев)

«Храм под Воронежем» — стихи поразительные и пронзительные до перехваченного в горле дыхания!

12.8.2009 г.

Леонид Барановский,
поэт
(г. Шуя, Ивановская обл.)

Как поэтично! Какая удивительная музыка в Вашем цикле «Гармония Германии строга...»! История на грани мистики!
Спасибо, Сергей!

1.12.2009 г.

Дмитрий Сорокин,
поэт
(г. Москва)

Читал стихи (слава Богу, не свои!) дошёл до Вашего великолепия, только взглядом коснулся и... Да разве оторвёшься! Не стану Вам рассказывать, до чего великолепные стихи Вы написали (Вы и без меня это знаете!) Оставлю этот порядком опостылевший монитор, да приткнусь где-нибудь — грустить и грезить невесть о чём...

Даже не думал, что в свои-то лета могу так расчувствоваться!
С уважением, Леонид.

16.8.2009 г.

Леонид Барановский,
поэт
(г. Шуя, Ивановская обл.)

Серёж, дорогой, после наших прогулок «живьём» по Брюсселю с превеликой радостью совершил, благодаря твоим стихам, прогулку по Брюгге и Льежу. Как будто сам там побывал, вращая в дышащие, населённые и полнозвучные строки. А этот лукавый прищур кота в концовке — сущее волшебство.

Гляди ж в прицел, в метафоре замри,
чтоб остров посреди Мааса, в Льеже,

дышал бы, словно остров-сон внутри, —
осенне-свежий.

Воистину дышит!
Спасибо, друже.

21.10.2009 г.

Олег Горшков,
поэт, сетевой редактор,
лауреат литературных премий
(г. Ярославль)

Сергей, приветствую!

Читала и перечитывала. Такие стихи вот так, сходу, и не прочувствуешь. Нужно думать. Строки живые, словно их можно трогать, переворачивать, рассматривать. А они не возражают, даются — на, мол, думай, трогай, приподними, слой за слоем, докопайся до сути. Многослойные и многомудрые строки.

Потом дошло! Всё просто, как всё гениальное! Это же жизнь человеческая! Отрочество, Юность, Зрелость. Триптих. Трудное благо — жить...

Спасибо Вам, Сергей. И.

13.11.2009 г.

Ирина Пантелеева,
поэт
(г. Москва)

Очень выразительно. Над последним стихотворением вообще закрутило, как над омутом, особенно «пробивает». Очень красиво и притягательно. Прямо гибельный восторг.

Как же живучи и как хозяйничают в наших крещёных душах языческие реалии!

Спасибо, Сергей.

13.11. 2009 г.

Наталья Дроздова,
поэт, редактор
(г. Белгород)

Сергей, а и правда — у Бориса Алексеевича был голос-гудочек... И он так бровями шевелил смешно... я пугалась — зашевелит, и вдруг: «я бы отдал часть жизни, чтобы вы стали счастливы» — а я в слёзы... ну, чтоб не видел... (а он видел!) И в письме о том же потом написал... И всё ругал — надо не «делателем», надо «со-зерцателем» жить; как представляю — брови его и голос, так сразу к телефону... — а не позвонить...

Спасибо, словно увиделась с ним — прочитав Ваше стихотворение. Соскучилась вдруг... Что-то светает над Москвой в третьем часу утра... Вроде рано светать-то... «Он всё глядит, задумчивая птица...» — да... похож...

Спасибо, Сергей. Я любила с ним разговаривать и его любила. Да, он — из снящихся...

А в первом стихотворении запах «дубочков»-хризантем слышен очень внятно! — завтра побегу куплю себе.

Спасибо!

25.11.2009 г.

Ольга Ильницкая,
поэт, прозаик, журналист
(г. Одесса, г. Москва)

Сергей, потрясающее стихотворение! Какая глубина погружения в свою душу и проникновения в душу читателя! А если учесть, что вся образная ткань стихотворения имеет своё прозрачное небо, то это просто подарок нам.

Геннадий.

5.12.2009 г.

Геннадий Семенченко,
поэт
(г. Киев)

Воздушные лёгкие стихи. А какой словарь! Bravo!

17.12.2009 г.

Михаил Рахунов,
поэт, редактор
(г. Чикаго, США)

Чей-то взор, настигающе-смелый,
меткой искрою брызнул в меня,
штрих-пунктирной ниткою белой
дёрнул зуб из молочного дня... — (!!!!)

Как всё это ясно видится — и только потом осознаётся... Видимо, это — правило поэзии. Но, честное слово, сила метафоры такая, что сразу ощущаешь себя ТАМ, в «художественной реальности».

Как дышат разноцветной плотью
на полках царства битв и граций!

А здесь весьма интересно то, что употребление слова «плоть» оказывает обратный эффект: нематериальность усиливается (о фонетике, аллитерациях и т. п. — и не говорю — читается так, будто на скоростном трамвае едешь...).

8.2.2009 г.

Денис Виноградов
поэт
(г. Москва)

Дорогой Сергей, прочёл Вашу статью о Мандельштаме на одном дыхании.

Интересно и захватывающе написано.

Внутренняя связь с поэзией Мандельштама явственно ощущима в Вашем творчестве — в сплаве вещественного и духовного, в гармоничной звукописи.

Мой Вам поклон и признательность.

11.2.2009 г.

Борис Кокотов
поэт
(США)

Невероятная энергия в этих киммерийских стихах!
Очень понравились. Да здравствует Интернет! Иначе бы мне не пришлось прочесть эти глубокие и настоящие стихи. Спасибо, Сергей!

15.2.2009 г.

Татьяна Юфит,
поэт
(г. Лондон, Великобритания)

Серёжа, какое нежное и тёплое стихотворение «Всё! Наконец домой вернуться...»!

Но самое большое моё потрясение от тебя — твоя статья о Мандельштаме. Это гениально! Я думаю, нужно разместить её в блоге, эта вещь стоит того.

7.2.2009 г.

Александр Карпенко,
поэт, эссеист
(г. Москва)

Спасибо, Серёжа, за стихи о Риме, за напоминание.
И ощущения вкуса во рту, и прелести для глаза и уха — всё замечательно передано!

А о «Равенне» скажу: очень цельное стихотворение.

Это ведь редко бывает, когда стихи такого объёма проникают сразу, без запинок и оговорок.

Для этого нужны не только мастерство (это априорно), но и сила эмоционального заряда, сила страсти, что ли, не слабеющая нигде на всём протяжении текста, ну, и эрудиция, конечно...

20.3.2009 г.

Семён Климовицкий
поэт
(Австралия)

Ваша «Равенна» — это чудесно!
Сергей, примите мою искреннюю благодарность вкупе с восхищением.

24.3.2009 г.

Людмила Чеботарёва
поэт
(Израиль)

Перечитал с удовольствием ещё раз, дорогой Серж, твои крымские стихи. Полностью согласен с Юрием Арустамовым. Только за один этот цикл ты должен получить звание Почётного гражданина Крыма. А уж почтение от Харькова должен был бы получить ещё в начале 80-ых.

Я, получив звание Почётного гражданина Кирьят-Гата в 2005 году, наполнился какой-то новой силой. Ведь Кирьят-Гат — родина библейского царя Саула. А это мой самый любимый библейский Герой. Это что-то среднее между Иваном Грозным и королём Лиром. Он подпитывает меня. У Наташи Богатовой в книге «Полынья» есть великолепный цикл о Сауле! Обымаю, друг!

29.3.2009 г.

Леонид Колганов,
поэт, эссеист
(г. Кирьят-Гат, Израиль)

Здравствуйте, Серёжа!
Это ещё один замечательный цикл... Ваши образы, Ваш неповторимый, узнаваемый сразу же, стиль...
Христос Воскрес! Светлых Вам дней и радости!
С неизменным теплом — Людмила.

21.4.2009 г.

Людмила Клёнова,
поэт, музыкант
(г. Ашкелон, Израиль)

С праздником Пасхи, Сергей, с весной!...
А Вы нас уже поздравили! Ибо то, что Вы пишете и публикуете, — это всегда радость!

20.4.2009 г.

Надежда Жандр,
поэт
(г. Вааза, Финляндия)

Прекрасные стихи, Сергей!
Спасибо, так этих неженочек-минут порой не хватает в жизни!
Я себе позволил маленькую вариацию на Ваш столь яркий финал!

В стеклянном конусе шуршит песок минут.
Минуты-неженки в сердцах всю жизнь живут...

7.5.2009 г.

Михаил Тищенко,
поэт
(Франция)

Шикарное полотно, Сергей, Ваше стихотворение «Джотто мио».

Разглядывать его и разглядывать, всматриваться и вдумываться, не один и не два раза!

15.5.2009 г.

Владислав Задачкин,
поэт
(г. Новосибирск)

Ваш цикл «Гармония Германии строга...» — очень хорошие стихи и, что ещё важнее, — пример чрезвычайно точной и достоверной передачи духа страны, этой смеси строгости и иногда просто неприличного сентиментального романтизма.

Это я говорю как человек, уже давно живущий в Германии и искренне любящий эту страну.

Очень талантливо и вдохновенно написано.

1.12.2009 г.

Алексей Душин,
поэт, медик
(г. Арнсберг, Германия)

Подумалось, Сергей, вослед Вашим коктейбельским стихам: Максимилиан восходил на гору, чтобы зажечь огни и сердца, потомуки теперь взбираются... чтобы устроить шабаш... Но:

...мальчик, тонкоплеч и безупречен,
спираль рисует ревностным мелком. —

И это не только надежда, это — вера!

28.6.2009 г.

Надежда Жандр,
поэт
(г. Вааза, Финляндия)

С добрым утром, Сергей,

Ваше блистательное эссе об истоках фонетической окраски поэзии О. М. достойно всех похвал! Невозможно переоценить справедливость выявленной Вами глубинной сути звукового клана — родовых фонетических признаков — берущих своё начало в истоках трехслойного культурного достояния Поэта.

Приведенный Вами перечень глухих согласных, чуткость уха, уловившая Иудейский Хаос шуб, шапок, щеглов (порожденцев Шин) — откровенно выбили меня из колеи, настолько, что я срочно поднял свои давние переводы из О. М. — усомнившись в их фонетической адекватности.

Сверившись (в соответствии с Вашими фонетическими наблюдениями) — слегка успокоился, естественно не сравнивая: «...работаю с голоса...» — вроде, в порядке...

С благодарностью прилагаю транскрипцию моего перевода на иврит «Колют ресницы...»

Мэдакрим харасим, у бхазэ хадима рэтуха.
Хаш — эин хашаш, митхава у крэва хасуфа.
Зар мэвудах мхишант линтош зихрони.
Двай махнак — ах ад мавэт кмиа ле хаим.

Гав мэким мэдаргаш, лекадэм эт цлилей бэрэшит,
Сав-шотэт хамабат, мэнумнам у мавьит,
Ках, отэ хэнасим, ле амцо бецоидут изамэр
Шаа шэ цохар цинок, сахарит хазриха тэфаэр.

Перевод 15.06.2001

Р. S. Скромная добавка к подмеченным Вами атрибутам буквы Шин (может, воспользуйтесь ею в грядущем Вашем «Разговоре о М.»): она, Шин, очевидно связанная с первичным выходом из немо-звуко-Хаоса, — является заглавной в именах мужского (Шадай) и женского (Шхина) начал Создателя.

И центральной буквой в первом слове Пятикнижья: (Бэрэшит).

Р. P. S. Извиняюсь за возможные ошибки, увы — дислексия.

С искренним уважением, Яков Гринвальд.

29.03.2009 г.

Яков Гринвальд,
переводчик
(Израиль)

Дорогой Сергей! Поздравляю Вас с Рождеством Христовым и Новым годом! Была очень рада получить от Вас весточку, а особенно — дивное рождественское стихотворение. Мне оно очень понравилось!

Желаю Вам радости и вдохновения. Всего доброго! Думаю, ещё встретимся. Олеся Николаева.

12.1.2910 г.

Олеся Николаева,
поэт, эссеист, лауреат
литературных премий
(г. Москва)

Понравился, Сергей, Ваш «Скандинавский триптих». Всё зримо, ощутимо и исторические корни скрипят. Даже опять захотелось в дорогу...

А цикл «Гармония Германии строга...» — очень здорово! По высоким законам гармонии... музыкальной.

Спасибо, Елена.

17.1.2010 г.

Елена Бурундуковская,
поэт, музыкант
(г. Казань, Татарстан)

Отличные стихи. Настоящая морозная зимняя радость.

И интересно: пространство, полное вьюги, между Прагой и Дрезденом понемногу укладывается белыми листами в ящик стола...

Отлично, просто отлично!

19.1.2010 г.

Константин Андреев,
поэт
(Россия)

Сергей,

в Ваших стихах хочется не то что бы заблудиться, а, скорее, пожить — полноцветно, полновкусово.

Удивительная у Вас способность — со всей щедростью вдыхать жизнь в неживое. Ли.

3.2.2010 г.

Лилианна Сашина,
поэт, сетевой редактор
(г. Уфа, Башкирия)

Дорогой Сергей!

Фантастически переплетаются в Ваших стихах пейзаж, философия, музыка... всего не перечислить. Настоящая лирика до озноба, до самых глубин души человеческой. Великолепно!

С искренним уважением и благодарностью,
Ваш Владимир.

7.7.2010 г.

Владимир Георгиевский,
поэт, музыкант
(г. Екатеринбург)

Кривда — русская дорога,
рвов и рытвин кутерьма,
вседержавная тревога,
жизнь взаимы и задарма. —

это звучит хрестоматийно, в смысле — классикой повеяло!

Вашей поэзией, Сергей, зачитываюсь! Здоровья и вдохновения Вам!

1.1.2010 г.

Анатолий Мельник,
поэт
(Украина)

«Скандинавский триптих» — смачно, несмотря на исконную скандинавскую мерзлоту.

В недавней «Радуге» — хорошая Ваша подборка!

28.1.2010 г.

Александр Кабанов,
поэт, редактор,
лауреат литературных премий
(г. Киев)

И вроде бы нет излишнего упора на драму, всё принимается, как должное, но в этом-то и заключается высшая степень драматизма в первом стихотворении...

Благодарю, Сергей, долго же будет меня теперь преследовать этот стих, эх...

3.2.2010 г.

Олег Озарянин,
поэт, переводчик
(Украина)

Сергей!

Конечно, это стихи о собаках. Но в такой же мере о мудром человеке, который понимает собак, как людей. Понимает всякую

живую тварь. И понимает, что живая тварь понимает человека лучше, чем человек представляет.

Отлично сочетается нерифмованный и рифмованный стихи с их жанрами: рассказ о мудрой овчарке и баллада о собаке-пастухе.

Замечательно. А. М.

27.1.2010 г.

Ася Сапир,
поэт, критик, педагог
(г. Бар Харбор, США)

Сколько красок здесь собрано! А имена собственные, сами по себе, играют на этом полотне.

24.2.2010 г.

Сергей Брель,
поэт, сценарист, режиссёр
(г. Москва)

Удивительно, Сергей.

В мою бытность занятиями альпинизмом надумала наша группа установить мемориальную доску на первой вершине, которую покорил Хергиани в возрасте 15 лет (неподалеку от Местии) и там же, где он жил, устроить небольшой музей.

Мы совершили восхождение на эту же вершину и торжественно установили там доску. Побывали в доме Михаила, общались с родственниками. Там же (а потом в Киеве), стали собирать экспонаты для музея Хергиани.

И вот встречаю у Вас упоминания об этом великом альпинисте. Кстати, есть документальный фильм о нём, кажется, «Тигр скал». Не удалось повидать?

С уважением, АЗ.

14.2.2010 г.

Александр Закуренько,
поэт, эссеист, педагог
(г. Москва)

Атмосферно, Серёжа! Входишь — и с первых строк погружаешься в совершенно особенный мир с чётко обозначенными границами. Столько характерных для Кавказа образов, что бессмысленно цитировать построчно, лучше ещё раз перечитать и снова услышать на финальных строках звук, с которым разламывается спелый гранат.

С восторгом, Лили.

10.2.2010 г.

Лилианна Сашина,
поэт, сетевой редактор
(г. Уфа, Башкирия)

Там тайные ямы азовских лиманов
Хранят низколобых сомов-уркаганов...

Низколобые сомы — очень точно подмечено, Серёжа!
Стихи отменные, с большим удовольствием прочитал!
Привет с Волги, твой Алексей.

16.6.2010 г.

Алексей Остудин,
поэт
(г. Казань, Татарстан)

Стихотворение о Михаиле Хергиани нам всем понравилось. Спасибо — из Грузии! Вот, Серёжа, для Вас, почти дословный перевод:

Алпинисти

шав квас чамохква цветианс
товлиан мтебис вепхио.
амбобен миша хергианс
эртхэл дауцда пехио.

вхедав схеули дацурда,
сули ки шуа гзазео

гашорда, зевит апринда,
ром асулико мтазео.

6.2.2010 г.

Мария Фарги,
поэт
(г. Тбилиси, Грузия)

Что ж, ещё раз убеждаюсь в Ваших исключительных способностях, Серёжа, не только тонко чувствовать, видеть, но и столь же тонко передавать потом впечатления со щедрой долей философии, истории, чего-то только своего — мне интересно Вас читать, словно горизонты расширяю и в памяти многое пробуждаю...

Спасибо за удовольствие. Прекрасная лирика.

12.2.2010 г.

Лиляанна Сашина,
поэт, сетевой редактор
(г. Уфа, Башкирия)

* * *

Сергею Шелковому

Ваше Лиричество Поэт!
Вот скипетр Ваш — перо.
И вот чернильница — держава.
Так царствуйте между комет,
меж в атласе рассыпанных хитро
Мадрида, Рима и Варшавы.

Ваше Лиричество Поэт!
Вы — самодержец тысяч слов.
И подданные Ваши — души многи,
летающие во мгле на свет,
с догадкой, что свет — это любовь,
сосредоточенная в Боге.

2010 г.

Павел Владыкин,
поэт
(Урал)

Серёжа,

давненько, пожалуй, я с таким интересом не ожидала ничьих стихов, я недостаточно уверена в своих способностях написать чёткую и внятную рецензию, но после прочтения Ваших кавказских песен просыпается что-то такое, не вмещающееся в рядовой читательский отклик, скажем так...

Ибо меня восхищает всё здесь — от игры звуками «Ясона ради, ясной были ради», например, до красок, которые больше, чем просто цветовая палитра, так как, помимо оттенков окружающего мира, передают ещё и запахи, удивительные ароматы Кавказа — от рыбных и морских до солнечных и виноградных.

Благодарна Вам за чудесные впечатления, простите мне мою многословность — это нечастое явление, честно.

И, выделяя взглядом строку, озаглавившую эти стихи, решаю, что обязательно перечту ещё раз.

С уважением, Лили.

19.2.2010 г.

*Лилианна Сашина,
поэт, сетевой редактор
(г. Уфа, Башкирия)*

Прекрасные стихи, Сергей!

Всегда читаю Вас с удовольствием. Стихи у Вас «мужские», поэтический взгляд яркий, своеобразная авторская звукопись, придающая текстам особую индивидуальность. Мне очень нравится Ваше видение природы, а «плечи полночи» — что за прелесть! География сплетается с поэзией и существует гармонично в Ваших стихах.

Желаю Вам творческих успехов и безусловных поэтических побед!

Здоровья! Ваша И.

23.2.2010 г.

*Ирина Свечникова,
поэт
(г. Москва)*

Сергей!

Я Вам уже говорил, что я за Вами приглядываю. Мне читать Вас нравится — ни ухо не режет, ни глаз не колет, а душе-то как хорошо!

Спасибо, Виктор.

1.3.2010 г.

Виктор Брюховецкий,

поэт

(Алтай)

«В шагренях мая до утра не сплю...» — такая полнота жизни в этих стихах, Серёж, что их следовало бы переливать, как кровь, всем отчаявшимся и потерявшим веру. Или передавать, как дыхание, произнося и смакуя каждое слово. Густ и плотен твой май — благоухающий, звучный, глубокий, вдумчивый...

Да и посиделки с «потомком Баха, Бахуса, Бахытом», сразу припомнились. И шествия наши по ночному тёплому Брюсселю.

Спасибо, друже, за щемящую, врачующую поэзию!

Обнимаю, твой О. Г.

24.5.2010 г.

Олег Горшков,

поэт, сетевой редактор,

лауреат литературных премий

(г. Ярославль)

Вот это и есть поэтическое чудо!

Прочитала, Сергей, и реально ощутила душистый аромат мая — от белых цветущих лепестков...

31.5.2010 г.

Вера Никольская,

поэт

(г. Пермь)

Сергей! Прекрасен Ваш язык!
И вещи, о которых Вы этим языком говорите — мудры и искренни.

Спасибо!

4.6.2010 г.

Олег Озарянин,
поэт, переводчик
(Украина)

Лето, Крым! Да ещё в Вашем исполнении, Сергей, что может быть лучше? Очарованна! Спасибо!

7.6.2010 г.

Генриетта Флямер,
поэт
(Московская обл.)

Зримо и осязаемо! Спасибо за эту прекрасную виртуальную прогулку по Пушкинской улице, с которой меня так много связывает, хоть я и рассталась с ней без малого два десятка лет тому назад.

Видимо, за эти годы она изменилась до неузнаваемости.

С уважением, Виктория.

12.6.2010 г.

Виктория Серебро,
поэт
(Израиль)

Уважаемый Сергей!

Прочитал все Ваши три книги. Конечно, лучше сказать о Вашей поэзии, чем Олег Горшков в послесловии к «Небесной механике», я не смогу. Могу только утверждать, что впечатление исключительно сильное. Я обычно читаю стихи с карандашом, отмечая всё, что мне понравилось, — пометками от «птички» до восклицательного знака. Многие Ваши вещи я отметил даже несколькими восклицательными знаками. Вы — поэт Божьей милостью, неве-

роятно талантливый, глубокий и самобытный. Мне импонирует Ваша манера письма, пронзительная образность, умение передать всё подробно в деталях, многие из которых видимы лишь Вашему глазу, всегда неожиданные ходы мыслей, усиливаемые великолепным русским языком, которым я упивался. Ещё раз огромное спасибо за столь дорогой подарок.

Нас с Вами многое роднит: во-первых, русская и украинская поэзия; во-вторых, мы ровесники; в-третьих — оба кандидаты технических наук; в-четвёртых, общая влюблённость в Крым (я мечтаю издать отдельную книгу стихов о нём); в-пятых, неравнодушны к собакам. Наверное, нашлось бы и в-шестых, и в-седьмых... Я искренне рад нашему знакомству, даже заочному, и надеюсь, что оно продолжится, со временем перейдя в очное.

От души желаю Вам успехов и побед на всех Ваших поприщах.
Сердечно, А. Ратнер

11.3.2010 г.

*Александр Ратнер,
поэт, прозаик, учёный, лауреат
научно-технических и литературных премий
(г. Днепрпетровск)*

Уважаемый Сергей!

С большим духовным наслаждением прочитал Ваши книги «Врата», «Во плоти» и «Стихии». Вы, безусловно, прекрасный поэт и не менее замечательный литературовед. Богатая эрудиция, нестандартность и образность мышления, неожиданные новые повороты мысли — всё это чётко просматривается в Ваших произведениях.

Я всегда при чтении стихов отмечаю для себя лучшие, чтобы потом вернуться к ним ещё. И во «Вратах», и в сборнике «Во плоти», и в «Стихиях» я отметил десятки и десятки стихотворений. А «Стихии» — это целая стихия поэтической и литературоведческой благодати. Дввно я уже не читал эссеистики с таким удовольствием, с каким прочитал Вашу — очень умную, логически выстроенную, и вместе с тем, поэтически образную. Статьи все хороши, но особенно приглянулись очерки о Борисе Чичибабине, Осипе Мандельштаме, Вольфанге Казаке.

Словом, я открыл для себя замечательного автора. Имя Ваше слышал и раньше — неоднократно, но вот стихов читать

не приходилось. Рад, что это случилось сейчас, и спасибо Вам огромное!!!

2010 г.

Сергей Кривонос
поэт, редактор
(г. Сватово, Луганская обл.)

Сергей Константинович, и я, благодаря Вам, с удовольствием и ностальгией прошлась по Пушкинской... Спасибо Вам!

15.6.2010 г.

Лара Леггатт,
поэт, переводчик
(Италия)

Сергей, очень хорошо — «На улице Пушкинской...»!
А я сдуру мысленно поплёлся по Большой Дмитровке (бывшей Пушкинской), прежде чем сообразил, что речь идёт не о Москве...

13.6.2010 г.

Андрей Кротков,
поэт, переводчик
(г. Москва)

Замечательный цикл, Сергей! Спасибо Вам за него!

20.6.2010 г.

Владимир Мялин,
поэт
(г. Москва)

Почему-то (и не в первый раз) взхлёб читается, Сергей, на Вашей странице о том, чего сама никогда не видела, но, что, наверное, где-то в памяти кровной отголоском сохранилось...

Потому так долго и держится очарование внутри.
За него — благодарю.

19.7.2010 г.

Вита Пшеничная,
поэт
(г. Псков)

И солнце над известняковой оградой,
над выцветшим суриком крыши встаёт,
а мальчик, играя под ветками сада,
о чём-то своём еле слышно поёт...
И вторит листва потаённому пенью
о том, что другим не узнать никогда, —
как дышит, лепечет живой светотенью
в садовой разошедшейся бочке вода...

Прямо из моего детства! А разошедшиеся бочки и я возрождал,
запуская туда пойманных на озере карасиков... Спасибо, Серёжа,
оба стихотворения дивно как хороши!

26.7.2010 г.

Александр Карпенко,
поэт, эссеист
(г. Москва)

Чудные стихи, Сергей! Живо вспомнился феодосийский вок-
зальчик, пролегающая по-над морем железная дорога, весь этот
романтический (Кафа-кафе-кофе) город.

Метафорическая плотность и многомерность контекста... Спа-
сибо!

С уважением, Олег.

30.7.2010 г.

Олег Духовный,
поэт, социолог
(г. Николаев)

Сергей, какой-то неисчерпаемый колодец — твоя поэзия. Не
напьёшься.

Стоит июль, безмолвно гениален
и Божьим словом полон на все сто — !!!

11.8.2010 г.

Геннадий Семенченко,
поэт
(г. Киев)

Надышалась яблочным солнечным целебным духом — до следующего года, наверное! Доброго божества какого-то — эти стихи. Спасибо, дорогой Сергей!

22.8.2010 г.

Олеся Рудягина,
поэт
(г. Кишинёв, Молдова)

«Стрекозий биплан из кленовой слоёной фанеры» — лучше не скажешь.

И последние четыре строки — как заклинание можно повторять:

А твой самолёт, деревянный архангельский глюк,
живей всех условно живых и реально богатых,
упрётся в суглинок, и сердца железного стук
отчётливо крепнет в картонных летательных латах...

16.9.2010 г.

Евгения Краснаярова,
поэт, редактор
(г. Одесса)

Не молчи — да пробьётся высокий обман говоренья
через вязкую кривду осенних и зимних дождей!

Великолепное посвящение, Сергей, достойный диалог!

9.12.2010 г.

Мариян Шейхова,
поэт, профессор филологии
(г. Махачкала, Дагестан)

Серёжа,
эти стихи «Седьмое небо князя Голицына» — настоящий глнтвейн.

И пряно, и хмельно, и градус подходящий!

8.10.2010 г.

Михаил Гофайзен
поэт
(г. Таллинн, Эстония)

Стихи чудесные, и торжественны, как знакомые мандельштамовские, — и переполнены неординарными образами, и строги по форме...

21.9.2010 г.

Ирина Фещенко-Скворцова,
поэт, переводчик, доцент филологии
(г. Бенавенте, Португалия)

Сергей, Ваши стихи — органичное слияние живописи, музыки и изысканного аромата... Вдохнула с удовольствием!

19.6.2010 г.

Светлана Пономарёва,
поэт, музыкант
(г. Монреаль, Канада)

Замечательны Ваши «Ночные стихи», Сергей!

Так и дышит в них «раздолье южной ночи» — со всеми непременными ея атрибутами, счастливыми стонами и прочими радостями жизни. Первое стихотворение «Роща» — даже и знаменитое Гётевское «Dahin!» напоминает — и по рефрену «Скорей!», и по рейнским мотивам...

16.1.2010 г.

Евгений Коновалов,
поэт, эссеист, преподаватель
(г. Ярославль)

«Под волхование волн, прильнувших к изголовью...»
Волхование! — Пожалуй, это наиболее точная оценка Вашей поэзии, Сергей.

Тем более, что она — авторская.

С уважением, Лев.

4.2.2010 г.

Лев Скрынник,
поэт
(г. Сумы)

Как всегда — хорошо, Сергей!
Особенно понравилось «Вернулся я — а тополи срубили...»:

Где — окна в сад, где лица незлобливы,
где живы голубь, тополь и олива
в июле синем, в полдне золотом... —

это дышит такой силой покоя и счастья, такой тоской по ним...

Классика!

22.6.2010 г.

Алла Михалевич,
поэт, профессор филологии
(г. Санкт-Петербург)

С днём рождения, Сергей!
Вы не только великолепный Поэт, но и замечательно отзывчивый человек. А второе я ценю не меньше, если не больше, первого.

С поздравлением, тоже СШ.

21.7.2010 г.

Сергей Шестаков,
поэт, переводчик
(Московская обл.)

Ваша поэзия, Сергей, словно антология классических традиций, тем, тропов. Незыблемость устоев, уклада и образа жизни — органичность с местом и временем, это не стихи настроения или зарисовок впечатлений, а летопись — вот, долго искала слово, именно она, летопись!

9.11.2011 г.

Ольга Пахомова-Скрипалёва,

поэт

(г. Москва)

Добрый день, Сергей!

Редко пишу что-либо к Вашим стихам — сосредоточиться нет сил, а пустословить — нет желания.

Но сейчас дохнула такая тишина от Ваших строк, которая есть признак настоящей поэзии, и очень хочется как-то об этом сказать.

Вообще самые высокие и глубокие смыслы приходят в тишине, в одиночестве и непонимании. Они там созревают, и худо, когда появляются на свет ещё незрелыми, хотя и в блёстках подделок.

Но у Вас действительно эта глубинная тишина проявляется и является. И это стоит много...

С постоянной радостью от знакомства с Вашей поэзией.

6.11.2011 г.

Александр Закуринко,

поэт, эссеист, преподаватель

(г. Москва)

К всеохватному анализ книги прозы Сергея Шелкового «Кровь, молоко», проведённому В. М. Гутковским в статье «Линия жизни», мне трудно что-либо добавить, кроме личных впечатлений. У меня книга вызывала желание сравнивать, сопоставлять детали, вспоминать приметы мест, где довелось бывать, вколыхнула в памяти многие позабытые события. Есть книги, которые прочтёшь — и отставишь. А есть те, к которым хочется возвращаться, всякий раз открывая что-то новое, проникая в более глубинные пласты, находя неожиданный отклик в собственной душе.

Книга Сергея Шелкового как раз из таких. Ведь если обнажились корни, истоки, стал понятнее процесс взросления-становле-

ния, то и автор сделалась ближе. Как ни крути, а взрослые мы на одной земле, одним временем вскормленные, одними слезами политые.

Не могу сказать, что автор, перейдя на прозу, оказался неузнаваемым. Скорее, наоборот. Насыщенная, настоящая на поэтических образах проза Сергея удивительно самобытна. А поднятый им, осмысленный, пропущенный через душу материал, позволяет говорить о книге с искренним почтением. Однако мне подумалось, что, приоткрыв возможности Мастера, книга прозы не окажется единственной и случайной в творческом багаже Сергея. И это радует, суля новые незабываемые встречи с талантливым автором. Спасибо за книгу, Серёжа! И новых творческих взлетов Вам!

23.2.2011 г.

*Людмила Некрасовская,
поэт, лауреат литературных премий
(г. Днепропетровск)*

Кто мы?

Сергею Шелковому

*...здесь — и Твой, и мой цветник.
Сергей Шелковый*

Кто мы? — Одной судьбы ровесники.
Грызая над строчкой карандаш,
Здесь — на Земле — Твои мы вестники,
И Космос — безусловно наш!

Твой куст — цветёт стихотворением,
Где слово каждое — глагол!
Рифмует — сердце! В псалмопении
Трудолюбивый улей пчёл

Осенних — марафоном солнечным...
Суть самородков золотых.
В лотке промывочном наполненном:
Мир воплощён от сих до сих

Живьём — растущую насущностью.
Редакций столько, сколько нас!
Орбитой новой запущенный
Не воробей, а Божий глас

По осени, — по мироносице...
Молчанье — золото не нам.
Телега мифа многоосная
Скрипит — тяжёл судьбы сезам...

Всё разноцветье астр — дразнится
Преддверьем чистого листа.
Зимы — не розничной, а праздничной:
Копилка Слова — не пуста!

22.10.2011 г.

Дмитрий Ильин,
поэт, музыкант,
(г. Москва)

Уважаемый Сергей!

Читая Ваши стихи всегда нахожу отклик в своей памяти и снова переживаю прожитое. Буквально — по каждой строке вижу реальные картины и сцены, проникаюсь теми же чувствами. И всё потому, что изложение идёт на такой высокой художественной сцене, что сам поднимаешься на неё и становишься не зрителем и читателем, а очевидцем.

Спасибо! Ваш В. К.

5.9.2011 г.

Виктор Калитин,
поэт
(г. Москва)

Сергей, вот о Ваших стихах «Меж берегом и бургом...»:

Цвета Матисса, грация Гварнери!!!
Воистину, здесь каждому — по вере!

15.2.2011 г.

Семён Эпштейн,
поэт, медик
(Израиль)

Спасибо, Сергей, за чудесные строки. Волшебство случилось — вспоминается давно и прочно забытое, на уровне запахов, вкуса, ударов сердца, в конце концов.

А последняя строфа — что за чудо! — «Жизнь оказалась щедро, странно длинной»... или ещё —

«И может быть, вы просто не умрёте,
вдохнув свободы над волнистым лоном...»

15.8.2011 г.

Владимир Ступинский,
поэт,
(г. Гомель, Беларусь)

«Наслаждение искусством» — трюистичная и пустая идиома. Но при чтении Ваших текстов она наполняется для меня абсолютно конкретным, честным смыслом. Такой пластике и свободе обитания в речи — и примеров не сыскать.

С признательностью — И. Ч.

7.5.2011 г.

Игорь Чурдалёв,
поэт, редактор
(г. Нижний Новгород)

Эти стихотворения цикла «Крёстная» — шедевры! (Простите за столь экзальтированную реакцию, но иначе не получается). Оба проникнуты подлинной верой в «незабвение, в нерасставание», звучат с очень чистой, пронзительно-русской интонацией.

Такие стихи — я в этом уверена! — точно достигают слуха Самого Всевышнего. А рифмы какие удивительные: русое — груз её...

3.10.2011 г.

Маргарита Мыслякова,
поэт, преподаватель
(г. Запорожье)

Влечёт Ваше всегдашнее уменье — за бытовой деталью видеть философские горизонты. Да и сама, вроде бы привычная, деталь

нова, вкусна и зрима. А к философии путь оказывается ближе не через разум, а через сердце...

18.11.2011 г.

Виталий Волков,
поэт, журналист
(г. Владимир)

Ваш «Конец века» выточен мастерски.
Первая строфа просто прилипает. Владлен.

10.3.2011 г.

Владлен Дозорцев,
поэт, прозаик, драматург
(г. Рига, Латвия)

Мой друг, Степаныч, Виктор Черномырдин,
Не лез за «шуткой юмора» в карман... —

Да, охота иной разок поразмяться... Ваша правда, Сергей... Не фанат я этого жанра, однако оценил здесь и степень иронии, и степень озорства, интеллигентного и в тоже время разительного....

Из «них» многие набедокурили по-разному, однако, «чубы трещат» у нашего брата... Димир.

8.8 2011 г.

Димир Стро,
поэт, режиссёр
(Урал)

«Мой друг Степаныч...» — очередной Ваш шедевр, дорогой Сергей, но какой неожиданный шедевр!

5.8.2011 г.

Юрий Арустамов,
поэт, гроссмейстер
(Израиль)

Замечательно написаны, Сергей, Ваши стихи «В продолжение странного странствия...»! Острова не отпускают никогда, по-моему. И ритмика здесь, на мой слух, как волны... Хочется читать вслух.

Спасибо!

2.8.2011 г.

Анна Людвиг
поэт, переводчик
(г. Кёльн, Германия)

Дорогой Сергей!
Настолько блестяще, что обычные дежурные комментарии неуместны...

Вы — будущее... Ваша Людмила.

2.10.2011 г.

Людмила Колодяжная,
поэт, редактор
(г. Москва)

Ты и есть — тот полынный, небесный
рочот, лепет, родной и ничей,
человече, помеченный бездной —
чёрной дыркой меж синих очей!!!

Потрясающие строки. Замечательные стихи.
А. М.

14.12.2010 г.

Александр Маркин,
поэт
(г. Москва)

Очень ёмкие тексты, палитра мастера...

14.1.2011 г.

Владимир Гоммерштадт,
поэт
(г. Москва)

Сергей, замечательная подборка!

А «Старые марки» больше всего глянулись.

Насчёт путешествий, Вы, всё-таки, когда опять будете в Кёльне, из Брюсселя ли проездом, или ещё как, черкните, пожалуйста, пару строчек, я Вам город с удовольствием покажу, тут очень даже есть, что посмотреть!

2.4.2011 г.

*Анна Людвиг,
поэт, переводчик
(г. Кёльн, Германия)*

Ни минуты не сомневаюсь в том, что статья Сергея Шелковского «Защита Нарбута» — есть пока лучшее из того, что написано (до постыдного мало написано) о Великом поэте Владимире Нарбуте.

Не пора ли уже переключиться с муссирования творчества Сергея Есенина и Осипа Мандельштама на более сложных и настоящих потов?

Не сомневаюсь, что это переключение в конце концов произойдёт. Чем скорее, тем лучше.

С уважением к Сергею.

3.10. 2011 г.

*Михаил Кралин,
профессор филологии
(г. Санкт-Петербург)*

...Кем бы и был я — без родины той,
что — ясноглаза и плавноязыка —
синь-ключевой запивает музыкой
хлебного ломтя припёк золотой?...

Дорогой Сергей, здравствуйте, только что вернулся из недолгого, но волнующего путешествия по Вашим драгоценным страницам. Как и в прошлые встречи, стихи полонили меня и качали на волнах прихотливых ритмов и свежих рифм... И этот свободный горьковатый великолепный русский слог... Растерянная, потрясённая душа с благодарностью приняла яркие, пропахшие

полянью и морем, напоённые светом и любовью миры, скорбя и печалюсь, радуясь и ликуя вместе с автором. Родные, очень близкие сердцу и разуму интонация, тонко-чувствие, Пoesия. Как ни у кого, я ощущаю в Ваших строках распахнутость пространств под небесами отечества, и боль, и нежность к этой, волею судеб доставшейся нам земле.

Спасибо за стихи и за тёплые и живые слова, я растроган. С приятнью великой, Игорь.

...Чуть слышный ветер овеивает сосны,
И вдоль лучей, полётных трасс касаток,
Так несомненно мира разбеганье!
Так явственно пространство —
Вширь и ввысь!
И за кремлями круч желто-зелёных,
За древней вспоминающей водою,
За полногрудой мощью окоёма
Так видима
Пронизанная солнцем,
Огромная, просторная страна!...

11.9.2011 г.

Игорь Лукит,
скульптор, поэт
(г. Москва)

Ваша поэзия похожа на лучшее креплёное вино — выдержано, безупречно, с изысканным букетом и долгим послевкусием.

Такое хочется смаковать по маленькому глотку, и после Ваших строк другие не воспринимаются. С уважением.

26.1 2012 г.

Анна Пашина,
поэт
(г. Запорожье)

Сергей! Как же я люблю Ваши стихи!

В них такая гармония, такая мудрость, вера и правда жизни. Читаю и наслаждаюсь каждой строкой.

Удачи Вам и успехов в творчестве.

27.3.2012 г.

Ирина Пантелева,
поэт, прозаик
(г. Москва)

Дай Бог, чтобы в этом мире можно было так же вольно и бескровно путешествовать, вдыхая спелый воздух сопричасности Божьих событий, и спустя десятилетия — так же, как в Ваших ситхах о Ядране, славянской Адриатике...

Сергей, Ваши стихи хочется перечитывать! Мастерство и тайна — редкие напарники. Но они с Вами движутся рука об руку...
Восхищён!

9.3.2012 г.

Олег Лобачов,
поэт, эссеист
(г. Владимир)

Отдыхаю глазами и душой над Вашими строчками, Сергей...
Спасибо, Мария.

24.2.2012 г.

Мария Фарги,
поэт
(г. Тбилиси, Грузия)

Сергей, вчера завершил прочтение Вашей книги автобиографической прозы. Ещё раз спасибо за доставленное удовольствие. Вы совершенно правы, отмечая, что, несмотря на разницу в возрасте, наши ощущения от уже ушедшей теперь эпохи во многом близки. Формат Ваших воспоминаний отличается большей обстоятельностью. Мне кажется, что Вам как мастеру слова удалось не перейти ту черту, после которой повествование о родных и близких становится чересчур подробным и представляет исключительный интерес только для узкого круга людей. Думаю, что Вам удалось передать послевкусие целой эпохи. И ещё подметил одну

особенность — широкое использование Вами в прозе собственных поэтических текстов. Мне кажется даже, что такой «синтетический» жанр имеет хорошие перспективы. Желаю Вам новых творческих успехов.

Ваш АШ

10.3.2012 г.

Александр Шведов,
поэт, прозаик
(г. Москва)

Захватывающе-прекрасно звучат Ваши «Северные напевы»!
Вспоминаются картины Билибина...
С уважением, Ольга.

25.3.2012 г.

Ольга Челюканова,
поэт
(г. Москва)

Удивительный и незнакомый мир Вы оживляете, Сергей, — сочными и такими непривычно свежими словами.

В этих стихах ощутима сильнейшая энергетика природы и людей, а, кроме того, большие личные знания описываемых явлений и духовная работа.

Спасибо Вам за удовольствие от прочтения!

23.3.2012 г.

Аркадий Стебаков,
поэт
(г. Москва)

Сергей, как всегда, чудные находки и в нынешних Ваших стихах «Аве, длящийся смысл...»!

И мелодия — точная, льющаяся, словно свет вдоль горы...

И так не хочется, чтобы слышался, пусть даже на втором плане, скрип этого вечного круга: от «лёгкости и яркоглазости» до «торбы Пандоры»...

Спасибо Вам. Юрий.

19.2.2012 г.

Юрий Касянич,
поэт, физик
(г. Рига, Латвия)

Всё это Ваше стихотворение «Длится таинство Божьего плана...» — густое, насыщенное и терпкое, как вино из одной лишь, и потому тем более ублажающей вкус и душу, склянки. А звук какой — ну просто удовольствие для языка и слуха.

Неизменно благодарю Вас, Сергей!

10. 03.2012 г.

Светлана Холодова
поэт
(г. Екатеринбург)

От самого заголовка «Чашка волчьего молока» до последней строки завораживает и не отпускает.

В украинских стихах могу только общее звучание попытаться почувствовать, но и этого хватает, чтобы понять, что тут — истинное волшебство.

1.4.2012 г.

Надежда Ягова,
поэт, научный работник
(г. Москва)

Золотые россыпи, Сергей. Читала вслух. После завершающего стихотворения «Прогневил я, видно, Господа...» перечитала снова «Допотопную песню» — несколько сгладилось ощущение растрепанного, ощущение «открытой ноты».

Вы очень высоки, Сергей, воспринимаю Вас как литератора от Бога.

16.3.2012 г.

Барбара Полонская,
преподаватель, социолог, поэт
(г. Минск, Беларусь)

Сергей, здравствуйте! Рад вашим стихам. И Вам — также. От планов своих написать о Вашей поэзии — не отказываюсь. Просто мне крайне интересно взглянуть на Ваше творчество сквозь призму вечности. Вы — в моих глазах некая загадка. Кублановский — да. Но Вы — первый поэт современной рассеянной России.

16.4.2012 г.

Иван Котельников,
поэт, эссеист
(г. Владимир)

История, имена, книги, страны, люди — всё у Вас овеяно поэзией, всё не усыхает, а одушевляется необыкновенно. Если бы меня спросили: как знания и познания человека могут отражаться в поэзии, не губя её, а возвышая и стихи, и знания, — я отправил бы вопрошающего к Вашим стихам.

Спасибо, Сергей.

4.4.2012 г.

Николай Васильев
поэт, педагог
(Архангельская обл.)

Новую книгу прозы Сергея Шелкового «На улице Пушкинской...» я просто не могла выпустить из рук. Настолько мощно захватила меня эта книга, вызвав во мне целую гамму ответных чувств.

Это очень глубокое, честное и мужественное повествование о нашем общем, совсем недавнем, времени, и, наверное, именно поэтому я ощутила так много параллелей со своей собственной судьбой, с судьбой моих родителей. Искренняя и умная книга, подталкивающая читателя-современника к собственным раздумьям...

8.4.2012 г.

Антонина Бадан,
профессор НТУ «ХПИ»,
заведующий кафедрой
(г. Харьков)

Дорогой Сергей, поздравляю Вас со Светлым Праздником Воскресения Христова! Желаю Вам радости и Божьей Благодати. Всем своим творчеством Вы преданно служите Добру и Красоте. Бог не может этого не заметить. Потрясена Вашими стихами «Ялты яшмовые чаши...»! И двумя разными ракурсами поэтического восприятия Ялты, и сочностью, яркостью, настоящей магией метафор. Не каждому поэту слово и образ подчиняются с такой готовностью, как Вам.

Я ещё не встречала современного поэта, которому бы так восхитительно, как Вам, удавалось создавать подлинную поэтическую мистерию Крыма.

Спасибо за настоящую поэзию!

Искренне, Маргарита.

15.4.2012 г.

Маргарита Мыслякова,

поэт, преподаватель

(г. Запорожье)

Просто как читатель, скажу, что для меня в поэзии Сергея Шелкового особенно удивительными кажутся два пункта:

1. Целостность взгляда,
2. Радость.

Избыточность его красок — от странного сочетания барочной пышности, столь характерной для львовянина по рождению — украинца, и православной целокупности мировидения.

Имперская пышность, словами Леонтьева — последняя стадия перед упрощением и гибелью.

Что, увы, мы и наблюдаем у большинства поэтов — и упрощение, и гибель.

Но внутри стихов С. Шелкового ощутима радость — потому как целостный мир всегда радостен как творческая задача.

7.05.2012 г.

Александр Закурено,

поэт, эссеист, педагог

(г. Москва)

Чудесные строки, Сергей, «Ялты яшмовые чаши...» — живописно-ироничные, лёгкие, как джазовая импровизация, но цепко

выхватывающие из жизни её счастливые мимолётности. Мастерские вкрапления экспрессивно-жаргонной лексики и тут же — виртуозный пассаж напрямиком в 19-ый век.

Вот уж где — «танец языка» — степ, чечётка, когда инструмент для исполнения вроде бы незамысловат, но за счёт мастерства танцоров возникают подлинная роскошь и элегантность. Спасибо неизменно за удовольствие читать Вас!

8.5.2012 г.

Холодова Светлана,

поэт

(г. Екатеринбург)

Сергей, здравствуйте!

Скажу о Ваших новых стихах «Между алой мулетой и мутно-зелёной водой...» с мотивами Севильи. Пятистопный анапест для русской поэзии — явление редкое. Ведь интонация требует соответствующего дыхания, а здесь, в пятистопном анапесте, метафизика жизни вплетается в ткань бытия, а лиричность, свойственная русской поэзии, как бы приглушается, стихает, может статься, даже мужает...

Традиционный вариант для русского стиха — это 3-х или 4-хстопный анапест.

Одно из лучших стихотворений, созданных пятистопным анапестом, на мой вкус, это стихи Бродского «На смерть друга». Помните, «Имяреку, тебе, — потому что не станет за труд...»?

Любопытно вот что. Тематическое совпадение: смерть; жертвенность; принцип каталога (когда идёт перечисление признаков явления, создающих его портрет); некая публичность происходящего; отстранённость автора...

Надо полагать, таким образом сам 5-стопный анапест воздействует на стихотворца.

И ещё вот что хотел бы добавить. Полнота бытия — вот то определение, которое я применил бы по отношению к Вашим стихам. И его, бытия, гармоничность, которую даже описание страшно-праздничных жертвенных заклятий не способно разрушить. Ибо оно — такая же необходимая его, бытия, часть.

С новым успехом!

P. S. Вспомнил ещё: старик Хэм был категорическим противником «гуманизации» корриды...

19.5.2012 г.

Иван Котельников,
поэт, эссеист
(г. Владимир)

Сергей!

Ваше нынешнее стихотворение о Прадо и продолжает тему «кровничества», «родства» «всех неприкаянно грешных», и приносит в эту тему нечто новое.

Во-первых, Вы нашли очень точное в поэтическом плане название — взятая — вопреки традиции — из середины стихотворения фраза о скачущих «на вороном иноходце, в чулках белоснежных». Зрительно соотнесённая с героями картин Эль Греко и особенно Гойи, эта картинка, этот образ помогает создать психологический образ идущих наперерез.

Здесь впечатлет всё: и костюмы, и поза, и образ, и — главное — цветовая гамма.

Во-вторых, Вам удалось передать дух двух Испаний: той, что сегодня, и той, что была изображена на картинах великих испанцев (хотя Эль Греко — стал испанцем). Здесь присутствует и третья Испания, инквизиторская, — неким фоном. Она, с её мрачными тонами, с её жестокими зрелищами, любимыми до сих пор, тоже присутствует в сегодня.

В-третьих, особая ёмкость стихотворения достигнута, как нигде, Вашими окказиональными неологизмами: миропрочтения, цельнокованая правда, кавалькада последнего взыска, кодекс Прадо и пр. Другие неологизмы — это слова и сочетания, уже известные, но употреблённые в совершенно новом значении, в каком прежде не употреблялись: противоходы, мичуринские помидоры и др.

Обновление языка очень заметно в этом стихотворении. (И я думаю, что уже пора изучать ЯЗЫК Ваших стихотворений).

Без этого обновления было бы почти невозможно решить художественную задачу, поставленную Вами.

Я формулирую её следующим образом (не претендую на полноту): существование глубинной связи между временами, кото-

рая обнаруживается в художниках-вехах, говоривших о своём времени художественными произведениями. Ими создан в том числе и «кодекс Прадо». Они — носители не «цельнокюваной правды», а свободного и бунтующего духа.

Ведь и они «рыцари жестокосердные», порой облакавшие правду в жёсткие образы, краски, слова.

А. М.

26.05.2012 г.

Ася Сапир,
поэт, критик, педагог
(г. Бар Харбор, США)

Здравствуйте, Сергей! Уже в который раз перечитываю эти стихи, ищу окончательного оформления впечатления, эйдоса. Сегодня ещё раз вчиталась в это Ваше стихотворение о Малаге, и не только в него вчитываюсь, но на примере этого мне почему-то особенно ясно стало — оно очень симфонично и может исполняться читателем с бесконечным количеством вариаций-прочтений, когда то один голос неожиданно усиливается и становится более важен, а потому различим, то другой, то третий...

И все они прекрасны. Ощущение, что единым объятием охвачен весь мир и в каких-то «здесь и сейчас» уместилось бесконечно много. Личный возраст и опыт автора, как воронка, но с эффектом не сужения, а, наоборот, бесконечного расширения, и через неё выносит читателя в опыт и возраст всего мира — историю, культуру. Потрясающая композиторская мощь в Ваших стихах ощущается. Спасибо неизменное!

23.06.2012 г.

Светлана Холодова
поэт
(г. Екатеринбург)

ПЕСНИ, СОЗДАННЫЕ НА СТИХИ С. ШЕЛКОВОГО

Автор музыки А. Бородина

1. «Теплый день за знойным днем...»

Автор музыки А. Коньков

2. «Муравейник у корня смородины...»
3. «Возьми же, мой цезарь-младенец...»
4. «Не мешайте летать шмелю...»
5. «Мало желтого, больше кармина...»
6. Янгол огня
7. «Доживем до весны...»
8. «И Моцарт чуял зов...»
9. «И меня, хоть и трудно, но любят...»
10. Чуфут-кале
11. «Весной, когда на Карловом мосту...»
12. «Сглазили мои глаза...»
13. «Тополиный пух отвитал...»
14. «Деревянные перила, деревянные террасы...»
15. «Всего лишь час на белом самолете...»
16. «Позови меня молча глазами...»
17. На четырех языках
18. «Ты спишь...»
19. Виноделие
20. «Лобовым стеклом тараня...»
21. Тростник
22. «Что ты лепечешь, тишайшая речка...»
23. Имя вина¹
24. «Люблю и не могу не утрашиться...»
25. «Есть час, когда город просторен...»
26. «От большой и воздушной музыки...»
27. Падуя в марте
28. «По стеклу улитка ползёт...»
29. «Малыш-игрун, кузнечик легконогий...»
30. «Пушкин, Библия, Данте...»

¹ Указанные выше произведения № 2–23 составили компакт-диск «Янгол огня. 22 песни из десяти книг».

31. «Резвый котенок хвостом материнским играет...»
32. «Вспоминаю тебя, вспоминаю...»
33. «Не отдай меня дьяволу, Боже...»
34. «Ища тепла в родном гиперборее...»
35. «Слышишь, мелодию плавно выводит...»
36. «Оттого, что я жизнью пьянел...»
37. Залив
38. Ночью
39. «Опять распутица, инфляция...»
40. Прощание со Стокгольмом
41. Врата
42. Хронология
43. Данио-рерио
44. «Наружные наши приметы...»
45. «Без чары вечера...»
46. День рождения²
47. «Так редко можно видеть суть до дна...»
48. Сквозь терции
49. «Зыбкое солнце, прохлада с утра...»
50. «За себя не боюсь...»
51. «Опять в моей степи...»
52. «Спокойней стал голос...»
53. Веранда
54. «Вытянут в тонкую линию...»
55. «Там, где Китеж в стеклярус оправлен...»
56. «О, солнечные трели Робертино...»
57. Царь-снегирь

Автор музыки И. Троицкая

58. «Меж милостью и милостыней...»
59. «Пионы на столе, бумага, чашка чая...»
60. «Бывает день...»

Автор музыки И. Шустов

61. «Шмель на малине, на тополе горлица...»
62. «Опять в моей степи густеет вечер...»

Автор музыки В. Копычко

63. «Коммунальная квартира...»

² Произведения № 24–46 составили компакт-диск «В родном гиперборее».

**СЕТЕВЫЕ РЕСУРСЫ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
С. К. ШЕЛКОВОГО**

<http://seshel.ucoz.ru>
<http://poezia.ru/user.php?uname=seshel>
<http://stihi.ru/avtor/seshel>
<http://www.proza.ru/avtor/seshel>
http://rifma.ru/rifma.php?curr_node=106&user=843
<http://magazines.russ.ru/authors/s/shelkovyj/>
<http://youtube.com/watch?v=QNLngu-DbC4>
http://ulita.net/gost_v8_b10.htm
<http://istina.religare.ru/author103.html>
<http://45parallel.net/anthology/autor/215>
<http://blogs.privet.ru/community/ESPANIA/106896458>
<http://promegalit.ru/publics.php?id=4100&PHPSESSID>
http://ru.wikipedia.org/wiki/Шелковый,_Сергей_Константинович

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ К ПЕРЕЧНЮ ПУБЛИКАЦИЙ С. К. ШЕЛКОВОГО И ПУБЛИКАЦИЙ О НЕМ

- Абрамчук М. 528
Альтенбах И. 24
Артамонов Н. 307, 360, 373, 374, 379
Ахматова А. А. (496)
Бабина Т. 430
Басария Э. 194
Бахмутская К. 420
Белоус А. 223
Бенш А. 316
Бинкевич А. С. 510
Богомолов С. И. 1, 2, 6–8, 10, 14, 19, 298
Богославский М. И. 326, 329, 330, 431
Богуславская В. 288
Бойко В. С. 193, 197
Бондаренко О. Т. (496), 529, (206)
Бортовой В. В. 21
Борушко О. (92)
Брюгген В. А. 388
Бубнова Л. Ф. 421
Булгакова В. М. 423, 214, 215
Вадимова Н. 483
Варениченко Т. В. (Варен Т.) (220, 286), 389, 419
Васильева А. 466, 525
Волов М. 334
Высоцкий В. С. (97)
Вышеславский О. Л. (392)
Гай А. И. 541
Ганина И. П. 497
Ганичев В. Н. 240
Герасименко Ю. Г. 300
Гетьманец М. Ф. 345
Голоскоков Е. Г. 34, 37, 39, 40
Гордон И. Б. 196
Горшков О. П. 498
Грищенко В. Н. 38, 44
Груздева С. 450
Губаренко И. 355
Гутковский В. 527
Давыдюк Д. Г. 337
Давыдов Д. 511
Даль В. И. (121)
Демченко В. Г. 194
Дзятко А. 67
Дмитриев Н. 302, 432
Долганов В. 299
Дроздова Н. 536
Дьяченко Т. 499
Евгеньенко В. 479
Елисеева Л. 512, 513, 514, 515
Ермошина Г. Г. 412
Журавлёва А. М. 1–3, 5–8, 10, 15, 20, 298
Замесов В. Ф. 194, 501
Землянская С. П. 370
Зубарева В. 245
Ильина Л. 194
Исаева И. П. 452
Капустина З. 308
Карась-Чичибабина Л. С. 423, 214, 215,
Катаева Р. А. (506), 197, 392, 485
Кириченко В. 161
Киссинг В. 24
Кирсанов В. 311
Ковалевский А. В. 165, 327, 333, 346,
371, 372, 376, 377, 391, 433, 434,
453
Кожухарь Л. С. 15, 20, 23, 25, 26
Козак Н. И. 435, 469
Кокотов Б. (245)
Колганов Л. 436
Коломак В. Д. 21, 41, 36
Комм В. 235, (237), 239

- Коньков А. А. 237
 Копичко В. П. 232
 Копичко Ю. Г. 232
 Корневич Л. Г. 337
 Корж И. И. 403, 422, 502
 Корнеева Г. И. 438
 Корсовецкий А. 439
 Красиков М. М. 145, (243)
 Красников С. В. 395
 Кремень В. Г. 408
 Крым А. 194
 Кудыков Д. 428
 Кузнецова А. 418, 471, 484
 Курков А. Ю. 194
 Лазаренко О. 540
 Литвинов В. Б. 17, 22
 Литневский Г. 60, 61
 Лосиевский И. Я. 153, 333, 340, 348, 352,
 358, 386, 406, 413, 425, 440, 465
 Лукин Б. С. 1, 297
 Макаров В. Б. (249), 503
 Маркиз де Сад 196
 Масалов А. 539
 Маслова Н. И. 454, 487, 530
 Масюченко И. 531
 Медяник А. (293)
 Мельник А. П. (277) 504, 524
 Мельник Р. В. 397
 Мельницкая И. В. 505
 Минаков С. А. 356, 357, 367–369, 387,
 399
 Мироненко И. Д. 489
 Михайлин И. Л. 455, 506
 Мовчан П. М. 67
 Моисеева Л. А. 380, 388
 Морачковский О. К. 212, 411
 Мориц Ю. П. 301, 314, 442
 Моруга В. В. 55, 68, 85
 Моцарт Вольфганг А. (145)
 Надель Л. 353
 Нарбут В. И. (199–201)
 Науменко В. 305, 351
 Овчарова Д. К. 34, 37, 39, 40
 Окуджава Б. Ш. (154)
 Олександров Н. 363
 Осадчук П. И. 79, 87
 Остапенко И. В. 364
 Павловская В. П. 337, 421
 Пазынич С. Н. 404, 408, (268), 444
 Парфимчук Т. 194
 Пархоменко А. 69
 Пасичная Е. 69
 Перепеляк И. М. 193, 197
 Перерва А. А. 99, 394
 Переяслов Н. В. 407
 Петров Е. П. 17
 Петунина Е. А. 468, 478
 Погорелов С. Ю. 41
 Полякова И. Н. 336, 354
 Попиначенко Е. И. 384
 Прасолов А. 313
 Прокопенко И. Ф. 194, 401, 402
 Прокопенко М. А. 463
 Ратнер А. 194
 Резник Н. А. 508
 Резников П. Д. 404, 408
 Рейн Е. Б. (389)
 Родионов В. А. 194
 Романовский А. Г. 240, 404, 408
 Рубан Н. 491
 Рубанович В. 427, 446, 533
 Рыбальченко Р. 344
 Саввова О. 365
 Садовая О. А. 410
 Сашина Л. (271)
 Северин В. 486
 Седунова Е. 393
 Селиванчик Т. Ф. (228), 424, 447
 Семененко Л. П. 430–449, 534
 Семенченко Г. (270)
 Сиренко Л. М. 421
 Смоловик Т. Г. (334)
 Сницарева Д. 473, 474
 Советов И. 309
 Стасов Б. 500
 Степченко А. С. 20, 23, 25–28, 30, 31,
 338
 Стожук А. П. 197

Сухина Л. 306, 312
Тараненко О. С. 197
Тарковский А. А. (90)
Тихий С. Ю. 311
Тихонова И. Д. 319
Товажнянский Л. Л. 408
Товарницкая Т. В. 342
Третьяков Р. С. 73, 74, 195
Трубкина Н. 343
Тугов В. С. 509
Ульев Л. М. 231, 457
Филатов А. 409, 449
Фирсов В. 303
Фоменко В. К. 458
Французова Л. А. 458, (497)
Фризман Л. Г. 347
Хмелев И. 328
Хомайко Ю. 335, 339
Цветаева М. И. (123)
Чичибабин Б. А. (108, 115, 132, 147,
148, 150, 154, 183, 190, 214, 323,
347, 355, 364, 375), 378, (379, 389,
399, 413, 423), 448, (466, 525)
Чупринин С. 390, 492
Шелковый С. К. 1–296, (297–540)
Шергин С. Ю. 41
Шеховцов А. А.
Шоргин С. Я. 494
Шрам Г. (113, 119), 127
Юфит Т. 523
Якушко О. 496
Яресько А. В. 28, 31

**УКАЗАТЕЛЬ МЕСТ ИЗДАНИЙ
НАУЧНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ
С. К. ШЕЛКОВОГО И ПУБЛИКАЦИЙ О НЕМ**

- Армения**
Ереван 21
Цахкадзор 21
- Беларусь**
Минск 205
- Бельгия**
Брюссель 265, 291, 522
- Болгария**
София 64, 111
- Великобритания**
Лондон 218, 251, 428, 507, 523
- Германия**
Брауншвейг 33
Гамбург 36
Дортмунд 229, 420
- Грузия**
Кобулет 29
Кутаиси 13
Тбилиси 6, 13, 20, 29
Телави 20
- Дания**
Копенгаген 38, 276
- Израиль**
Нацрат-Илит 168, 353
- Кипр**
Никозия 238, 461, 462, 467
- Латвия**
Рига 221, 241, 264
- Россия**
Белгород 295, 536
Брянск 122
Горький 17, 28
Ижевск 136
Иркутск 30
Казань 41
Куйбышев 22
- Ленинград, см. Санкт-Петербург
Москва 8, 50, 54, 61–63, 72, 79,
81, 82, 84, 98, 108, 115, 141,
170, 172, 175, 196, 202, 204,
213, 219, 224, 236, 263, 265,
302, 304, 357, 390, 407, 412,
418, 429, 470, 471, 484, 490,
492, 494, 500, 509, 511
Новосибирск 253
Санкт-Петербург 8, 16, 25, 289
Свердловск 19
Тула 124
Ярославль 252, 456
- США**
Балтимор 245, 508, 524
Нью-Йорк 258, 469, 504,
Филадельфия 186, 217, 220, 225,
230, 286, 389, 419
- Узбекистан**
Ташкент 1
- Украина**
Алушта 35
Алчевск 284
Белая Церковь 541
Готвальд 23
Днепропетровск 337
Донецк 244
Керчь 497
Киев 51, 52, 55, 56, 58–60, 65,
67–69, 71, 74, 85, 87, 92–94,
96, 112, 127, 129, 132, 145,
152, 164, 173, 185, 194, 197,
207, 208, 233, 243, 250, 257,
261, 270, 271, 280, 287, 288,
293, 301, 310, 317, 318, 321,
322, 355, 362, 417, 421, 460,

472–475, 477, 479, 481, 483,
488, 495, 498, 505, 520, 526,
527, 532, 535
Одесса 255, 290
Севастополь 282, 283, 296, 482,
499, 531, 537, 538
Симферополь 292, 426, 539, 364
Сумы 133, 155, 328, 344, 348, 354,
360, 386
Харьков 2–5, 9–12, 14, 15, 18, 23,
24, 26, 27, 31, 32, 34, 35, 37,
39, 40, 42–49, 53, 57, 66, 70,
73, 75–78, 80, 83, 86, 88–91,
95, 97, 99–107, 109, 113–121,
123, 125, 126, 128, 130, 131,
134, 135, 137–140, 142–144,
146–151, 153, 154, 156–163,
165–167, 169, 171, 174, 176–
184, 187–193, 195, 198–201,
203, 206, 209–212, 214–216,
222, 223, 226–228, 231, 232,
234, 235, 237, 239, 240, 242,
246–249, 254, 256, 259, 262,
266–269, 272–275, 277, 278,
281, 285, 294, 297–300, 303,
305–309, 311–316, 319, 320,
323–327, 329–336, 338–343,
345–347, 349–352, 356, 358–
361, 363, 365–385, 387, 388,
391–406, 408–411, 413–416,
422–425, 427, 430–455, 457–
459, 463–466, 468, 476, 478,
480, 485–487, 489, 491, 493,
496, 501–503, 506, 510, 512–
516, 519, 521, 525, 528–530,
533, 534, 540
Черкассы 279
Чугуев 517, 518
Эстония
Таллин 7

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Лариса Семененко. Гармония души и разума (От составителей)</i>	3
Научные и учебно-методические публикации С. К. Шелкового	7
Литературные публикации С. К. Шелкового	13
Статьи, письма, интервью о творчестве С. К. Шелкового	
<i>Зоя Капустина. «Поэзия — это вся жизнь...»</i>	27
<i>Алексей Ковалевский. «Ничто не возвратимо в хаос...»</i>	30
<i>Алексей Ковалевский. «И над Содомом — бездна неба...»</i>	34
<i>Игорь Лосиевский. «Дня не пройдёт, чтобы тысячи лет не прошло...»</i>	40
<i>Ростислав Рыбальченко. Полуденный поэт</i>	47
<i>Станислав Минаков. «Лишь то, что за душой...»</i>	50
<i>Игорь Лосиевский. Свет «Вечери»</i>	57
<i>Николай Артамонов. «Неотвратимость отклика на Зов...»</i>	63
<i>Алексей Ковалевский. «Твой несдавшийся воин»</i>	68
<i>Николай Артамонов. «И Отчизны сладкий дым...»</i>	72
<i>Елена Седунова. «По осени — пешком...»</i>	76
<i>Игорь Лосиевский. Среди стихий</i>	81
<i>Виктор Рубанович. Письма к Сергею Шелковому</i>	85
<i>Леонид Колганов. Слово о Сергее Шелковом</i>	108
<i>Имануил Глейзер. «Будь и пиши!»</i>	114
<i>Лидия Стародубцева. Узлы узора</i>	128
<i>Людмила Елисеева. Отклик на книгу Сергея Шелкового «Воздушные коридоры»</i>	149
<i>Олег Горшков. «Чтоб в слове это время отстоялось...»</i>	154
<i>Георгий Малков. Письма к С. Шелковому</i>	160
<i>Владимир Ершов. «Семь футов под киль...»</i>	168
<i>Владимир Гутковский. Линия жизни</i>	184
<i>Феликс Рахлин. Письма к С. Шелковому</i>	189
<i>Людмила Лындюк. С. Шелковый. «На кордоне». Синусоиды преобразений</i>	194
<i>Дмитрий Ильин. «В путь добрый, попутчик!»</i>	206
<i>Маргарита Мыслякова. О книге Сергея Шелкового «Небесная механика»</i>	220
<i>Тина Арсеньева. Роман с Толедо</i>	226
<i>Татьяна Стогова. Поэтическая проза Сергея Шелкового</i>	250

<i>Ася Сапир</i> . «Не грех согреться малостью родной...»	253
<i>Сергей Пургин</i> . Два письма А. М. Сапир: о стихотворениях Сергея Шелкового «Я думаю, не умер Бог...» и «Аз ведал будни...»	279
<i>Миясат Муслимова</i> . «Не стихает Любовь...»	293
<i>Петро Осадчук</i> . Рецензія на поетичний рукопис Сергія Шелкового для видавництва «Молодь»	299
<i>Лариса Сухіна</i> . «Дві рівні посестри — поезія й наука...»	303
<i>Орест Корсовецький</i> Лист до С. Шелкового від 4.III.1989 р.	308
Лист до С. Шелкового від 10.XI.1990 р.	310
<i>Світлана Стефанюк</i> . «Мандри» по українській землі разом із Сергієм Шелковим	313
<i>Публикации о научной и литературной деятельности</i>	
<i>С. К. Шелкового</i>	318
<i>Хронология научной, педагогической</i>	
<i>и литературной деятельности С. К. Шелкового</i>	336
<i>В несколько строк</i>	346
<i>Песни, созданные на стихи С. Шелкового</i>	414
<i>Сетевые ресурсы, представляющие литературные произведения</i>	
<i>С. К. Шелкового</i>	416
<i>Именной указатель к перечню публикаций С. К. Шелкового</i>	
<i>и публикаций о нем</i>	417
<i>Указатель мест изданий научных и литературных публикаций</i>	
<i>С. К. Шелкового и публикаций о нем</i>	420

Довідкове видання

СЕРГІЙ КОСТЯНТИНОВИЧ ШЕЛКОВИЙ

(До 65-річчя з дня народження)

Бібліографічний покажчик

Російською мовою

Укладачі: *Л. П. Семененко, В. І. Кулиш*

Наукова редакція *Л. П. Семененко*

Технічний редактор *Є. В. Онишко*

Комп'ютерний дизайн *С. С. Іващенко*

Підписано до друку 15.08.12. Формат 60x84/16.
Папір офсетний. Гарнітура MiniatureС. Друк офсетний.
Ум. друк. арк. 27,5. Наклад 300 прим. Зам. № 12-51.

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру видавців і розповсюджувачів
видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.

Видання і друк ТОВ «Майдан»
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59.
Тел.: (057) 700-37-30